

1911.

Годъ 19.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

—96—

АСТА

ET

COMMENTATIONES

IMP. UNIVERSITATIS JURIEVENSIS

(OLIM DORPATENSIS).

№ 12.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1911.

Отъ редакціи.

Редакція „Ученыхъ Записокъ ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета“ взамѣнъ особыхъ извѣщеній симъ имѣетъ честь предложить всѣмъ учрежденіямъ, редакціямъ и лицамъ, съ коими она состоитъ въ обмѣнѣ изданіями въ текущемъ 1911 году, продолжать этотъ обмѣнъ и въ будущемъ 1912 году.

Редакторъ Д. Кудрявскій.

1911.

Годъ 19.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1911.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Юрьевскаго
Университета.

Юрьевъ, 12 ноября 1911 г.

№ 2648.

Ректоръ В. Алексѣевъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Приложенія.

Стр.

Проф. М. Красноженъ. Толкователи каноническаго кодекса восточной церкви: Аристидъ, Зонара и Вальсамонъ	I—XXVI и 241—276
Проф. Н. К. Груняскій. Очерки по исторіи разработки синтаксиса славянскихъ языковъ	113—340

же на 1 гл. VIII тит. Номоканона Вальсамонъ, желая точнѣе опредѣлить, въ чемъ состоятъ привиллегіи Константинопольскаго патріарха, о которыхъ упоминаетъ конст. 1 тит. 21 кн. II Кодекса, помѣщенная въ 6 гл. 1 тит. 5 кн. Базиликъ, выписываетъ почти цѣликомъ подложную дарственную грамоту св. Константина Вел. къ папѣ Сильвестру, безъ всякаго сомнѣнія въ ея подлинности ¹⁾ (до Вальсамона никто изъ грековъ объ этой грамотѣ не упоминаетъ).

Какъ при комментированіи канонической Синтагмы Вальсамонъ обращаетъ главное вниманіе на разрѣшеніе кажущихся и дѣйствительныхъ противорѣчій между церковными правилами, такъ въ своихъ толкованіяхъ на Номоканонъ онъ входитъ въ разсмотрѣніе противорѣчій, кажущихся ³⁾ или дѣйствительныхъ, гражданскихъ постановленій между собою и съ церковными правилами, причемъ, *въ случаѣ дѣйствительнаго противорѣчія между гражданскими постановленіями, отдастъ предпочтеніе позднѣйшему*, на основаніи юридическаго

тожать это. Не раздѣляется приобрѣтенное путемъ святотатства, или казнокрадства, или приобрѣтенное насиліемъ или нападеніемъ. Ты же знай, прибавляетъ отъ себя Вальсамонъ, что все, чѣмъ умершій владѣлъ недобросовѣстно, не представляется въ судъ, раздѣляющій наслѣдство, но сохраняется въ цѣлости въ пользу дѣйствительнаго владѣльца. Нарбековъ В. „Толкованіе Вальсамона на Номоканонъ Фотія“, стр. 75. Срав. его же: „Номоканонъ. Часть 2-я. Русскій переводъ“, стр. 165—168.

1) Въ этомъ толкованіи Вальсамонъ говоритъ, между прочимъ, о томъ, что нѣкоторые изъ Константинопольскихъ патріарховъ (Михаилъ Керуларіусъ), на основаніи этого даренія, пытались было во всемъ подражать папамъ, но попытки эти окончились неудачно. (С. 1, стр. 148—149). На грамоту св. Константина Вел. Вальсамонъ ссылается также въ толкованіи на 36 гл. I тит.

3) Напр., въ четвертомъ толкованіи на 2 гл. (отд. 4) II тит. Вальсамонъ примиряетъ кажущееся противорѣчіе между двумя законоположеніями Дигестъ. относительно воровства и святотатства. Онъ пишетъ: „Постановл. 6 тит. 4 кн. 48 Дигестъ есть 60 кн. Базиликъ тит. 45 гл. 6 и говоритъ: похищать изъ священнаго храма частныя имущества — не святотат-

правила *lex posterior derogat priori* (напр., толков. на гл. 36 тит. I). Относительно же взаимнаго отношенія каноновъ и законовъ высказываетъ слѣдующія положенія : а) *каноны, какъ имѣющіе двоякую санкцію* (отъ церкви и отъ императоровъ) ¹⁾ *получаютъ, въ случаѣ коллизіи, преимущество передъ законами* (толков. на гл. 23 тит. I; гл. 2 тит. VIII; гл. 18 тит. XII и др. ²⁾);

ство, а воровство. Постановл. 16 тит. 19 кн. 48 Дигестъ есть 60 кн. Базиликъ тит. 51 гл. 16, которая говоритъ, что мѣсто дѣлаетъ воровство или святотатство. По видимому, эти главы противорѣчивы; однако нѣтъ. И въ самомъ дѣлѣ, кто крадетъ частныя имущества, хотя изъ священнаго мѣста крадетъ, есть воръ, а кто крадетъ посвященное Богу, хотя изъ частнаго мѣста крадетъ, подлежитъ суду, какъ святотатецъ. Однако, такъ какъ есть нѣкоторыя священныя вещи, не посвященныя Богу, какъ, напр., частнымъ образомъ принадлежащія намъ иконы и остальные вещи, еще не посвященныя храмамъ или монастырямъ; поэтому 16 гл. 51 титула 60 книги Базиликъ и говоритъ, что мѣсто дѣлаетъ воровство или святотатство. Ибо кто украдетъ святую икону въ нашей кельѣ, тотъ не святотатецъ, а воръ. Если же не будемъ это такъ толковать, то должны сказать, что тотъ, кто крадетъ монеты, имѣющія изображенія Христа или Божіей Матери, тотъ подвергается суду, какъ святотатецъ, что — безсмысленно и несправедливо. Постановл. 3 титула 2 книги 6 Кодекса есть 60 книги Базиликъ титула 6 глава 20, которая говоритъ : кто укралъ вещь, еще не посвященную, тотъ обвиняется въ воровствѣ, ибо не святотатецъ тотъ, кто укралъ вещь еще не посвященную. Итакъ, изъ этой главы ясно, что правильно разрѣшено выше кажущееся противорѣчіе главъ. Нарбековъ В. „Толкованіе Вальсамона на Номоканонъ Фотія“, стр. 87—88. Срав. его же : „Номоканонъ часть 2-я. Русскій переводъ“, стр. 170—171.

1) См. второе толкованіе Вальсамона на *κείμενον* 2 гл. тит. I Номоканона. *Σύνταγμα* I, стр. 38.

2) Напр., въ толкованіи на 23 гл. I тит. Вальсамонъ указываетъ противорѣчіе между 137-ой новеллой Юстиніана, по которой воспрещается посвящать во епископа имѣющаго законную жену, и 48-мъ правиломъ Трулльскаго собора, по которому имѣющаго законную жену возводить въ епископскій санъ не воспрещается, и совѣтуетъ слѣдовать лучше правилу церковному. . . . λέγει, καὶ ἀπὸ τοῦτου προτιθέσθαι τῶν νόμων τοὺς κανόνας. Σ. I, стр. 60.

Въ *κείμενον* 13 гл. XII тит. — о бракахъ еретиковъ съ православными — сказано : „Гражданскій законъ, опредѣляя бракъ, хотя и

б) когда на известный случай каноны не дают никакого определения, должно следовать законамъ ¹⁾).

Указавши на то, что гражданскія постановленія Номоканона не приняты въ Базилики, или подверглись здѣсь измѣненіямъ, Вальсамонъ въ своихъ толкованіяхъ иногда обращаетъ вниманіе на соображенія, которыми руководствовался при этомъ составитель Базиликъ (толков. на гл. 8 и 10 тит. I; гл. 1 (отд. 4) тит. II; гл. 25 (отд. 4 и 5) тит. IX и др.) ²⁾, а также даетъ разрѣшеніе тѣхъ недоразумѣній, которыя могутъ возникнуть относительно нѣкоторыхъ граж-

говорить въ книгѣ 23 титулъ 2 Диг. 1, что бракъ есть союзъ мужа и женщины и содружество всей жизни, общеніе божественнаго и человѣческаго права, по каковому опредѣленію слѣдуетъ, чтобы соединяющіеся бракомъ были одной и той же религіи, однако вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ и допускаетъ бракъ между православнымъ и еретикомъ...". Въ толкованіи на это мѣсто Номоканона Вальсамонъ говоритъ: „Титулъ 2 книги 23 Диг. помѣщенъ въ титулъ 4 кн. 28 Базиликъ, и Диг. 1 говоритъ о бракѣ подобнымъ же образомъ. Ты же читай 72-е правило 6-го собора, бывшаго въ Труллѣ, и знай, что вѣрный не соединяется съ женой невѣрной по закону брачному, хотя нѣкоторые, на основаніи конца этого правила, учащаго о невѣрныхъ, которые увѣровали послѣ вступленія въ бракъ, ошибочно утверждали нѣчто противное“. Нарбековъ В. „Толкованіе Вальсамона на Номоканонъ Фотія“, стр. 92.

1) Объ этомъ ясно говоритъ Вальсамонъ въ толкованіи на 28 гл. тит. I: ...ἐνθα μὲν γὰρ οὐδὲν τι οἱ κανόνες διορίζονται, ἀφεῖλονεν τοῖς νόμοις ἀκολουθεῖν, καὶ ἐκ τῶν ὁμοίων τέμνειν τὰ ὅμοια. Σ. I, стр. 68.

2) Въ толкованіи на гл. 25 (отд. 5) тит. IX Вальсамонъ, между прочимъ, указываетъ на то, что позднѣйшее законодательство Базиликъ является болѣе совершеннымъ, чѣмъ болѣе раннее законодательство Юстиніана. Именно, по законодательству Юстиніана (Диг. 4 тит. 2 кн. 10), магическія книги и вредные медикаменты, при дѣлѣжѣ наслѣдства послѣ смерти наслѣдодателя, въ раздѣлъ не идутъ, а уничтожаются судьей; законодательство же Базиликъ (2 полож. 4 гл. 3 тит. 42 кн.) не выдѣляетъ этихъ вещей изъ наслѣдственной массы, такъ что къ раздѣлу между наслѣдниками подлежитъ имущество умершаго во всей его совокупности; затѣмъ уже судья принимаетъ мѣры

данскихъ постановленій (толков. на гл. 36 тит. I; гл. 21 тит. XIII и др.)¹⁾

Кромѣ того, какъ при изъясненіи канонической Синтагмы, такъ и въ своихъ толкованіяхъ на Номоканонъ Вальсамонъ входитъ въ объясненіе смысла и значенія нѣкоторыхъ словъ, а также юридическихъ терминовъ, чаще всего латинскихъ, принятыхъ въ греко-римскомъ правѣ (толков. на гл. 5 и 31 тит. I; гл. 1 (отд. 3 и 4) тит. II; гл. 4 тит. VII;

къ пресѣченію зла, которое можетъ послѣдовать при безконтрольномъ пользованіи вредными предметами, входящими въ составъ оставшагося наслѣдства. Практическіе результаты того и другого постановленія одинаковы: для предотвращенія могущаго послѣдовать вреда и въ томъ, и въ другомъ случаѣ вредные предметы уничтожаются; но съ чисто-юридической точки зрѣнія, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Вальсамонъ, постановленіе Базиликъ основательнѣе, „ибо, по справедливости, должно быть раздѣлено между наслѣдниками все то, что было въ собственности умершаго; сожженіе же вреднаго судьей вытекаетъ изъ другаго мотива — чтобы не потерпѣли вреда другіе“. С. I, стр. 198.

1) Въ 41 тит. 11 кн. Кодекса, приведенномъ въ Номоканонѣ и принятомъ въ Базилики, между прочимъ, говорится, что кто нанимается для театральнаго искусства и не показывается на сценѣ, тотъ не подвергается безчестію; кто же нанялся для борьбы со звѣрями, хотя со звѣрями и не сражался, тотъ безчестится. „Можетъ быть, кто нибудь спроситъ, говоритъ Вальсамонъ, почему кто нанялся для театральнаго искусства и не появляется на сценѣ, тотъ не безчестится; кто же нанялся для борьбы со звѣрями, хотя и не боролся, тотъ безчестится?“ На этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ такъ: „Въ театральномъ искусствѣ самое дѣло налагаетъ безчестіе, а не цѣль. И это ясно, изъ того, что не только тотъ предается безчестію, кто за плату показалъ театральное искусство, но даже и тотъ, который ради славы сдѣлалъ это. Но въ томъ, который сражается со звѣрями, не дѣло, а цѣль ненавистна. Ибо и цари, и воины сражаются со звѣрями, показывая свое мужество. И поэтому, кто предать свою жизнь ради платы и постыдной прибыли, хотя со звѣрями и не сражался, безчестится; а который взялъ деньги для показанія театральнаго искусства, тотъ, если не показалъ его, не безчестится“. (Толков. на 21 гл. XIII тит.). С. I, стр. 324.

гл. 29 и 30 тит. XIII и др.)¹⁾, иллюстрирует толкования примѣрами и рассказываетъ извѣстные ему самому случаи изъ судебной практики (толков. на гл. 9 и 20 тит. I; гл. 13 (отд. 2) тит. VIII; гл. 25 (отд. 1) и 27 (отд. 5) тит. IX; гл. 2 тит. XIII и др.).

Извѣстными самому ему примѣрами подтверждаетъ Вальсамонъ и свои жалобы на нарушеніе церковныхъ правилъ и гражданскихъ законовъ (толков. на гл. 13 тит. XII; гл. 2 тит. XIII и др.), которое, по его мнѣнію, въ нѣкоторыхъ случаяхъ не можетъ быть объяснено иначе, какъ только полнымъ незнаніемъ тѣхъ и другихъ. Такъ, въ толкованіи на гл. 25 (отд. 1) тит. IX онъ указываетъ на состоявшееся при патріархѣ Михаилѣ Окситѣ рѣшеніе Константинопольскаго синода, постановившаго дать отъ своего имени порученіе — сжигать Богомиловъ — и, удивляясь такому постановленію, говоритъ, что не знаетъ ни одного канона, допускающаго смерть, какъ наказаніе, такъ какъ церковное законодательство не знаетъ тѣлеснаго наказанія; его знаетъ только законодательство гражданское; можно извергнуть еретика изъ христіанскаго общества — и только; когда же онъ и послѣ того упорствуетъ, то его

1) Напр., въ толкованіи на 30 гл. XIII тит. Вальсамонъ объясняетъ термины — *διέσιον* и *διαζύγιον*. *Διέσιον*, говоритъ онъ, есть такъ называемый философами музыкальный звукъ, который раздѣляетъ гармонію всѣхъ тоновъ, отсюда и говорится — *διέχεια*. А такъ какъ супруги составляютъ одну гармонію (ибо, говоритъ (св. Писаніе), будутъ плотію единою), то, если произойдетъ какимъ-нибудь образомъ по законной причинѣ раздѣленіе или разлученіе между ними, мы говоримъ, что происходитъ *διέσιον*, что собственно не имѣетъ мѣста для обрученныхъ, по отношенію къ которымъ употребляется *διαζύγιον* — разводъ. Ибо, хотя обрученные и до наступленія еще брака и совокупленія представляются между собою соединенными, однако тѣлами они раздѣлены подобно животнымъ, находящимся подъ ярмомъ (*ζυγόν*). Впрочемъ, законовѣдамъ понравилось употреблять слово — *διαζύγιον* и въ отношеніи къ супругамъ, что у латинянъ называется — *repudium*².
Σ. I, стр. 330—331.

должно передать гражданской власти, отъ которой и зависить рѣшеніе его участи ¹⁾. — Впрочемъ, въ толкованіяхъ на Номоканонъ мы находимъ указанія и на то, что уже и тогда встрѣчались нѣкоторыя даровитыя личности, которыя, вмѣстѣ съ основательнымъ юридическимъ образованіемъ, обладали способностью тонкаго юридическаго мышленія. Объ этомъ лучше всего свидѣтельствуетъ одинъ случай, описанный Вальсамонъ въ толкованіи на 13 гл. (2 отд.) VIII тит. Какъ извѣстно, церковными канонами духовнымъ лицамъ запрещается всякое участіе въ мірскихъ дѣлахъ; на этомъ основаніи одному діакону запрещено было патріархомъ Лукою брать на себя защиту чужихъ дѣлъ. По протесту діакона на это постановленіе, дѣло было перенесено на судъ императорскаго трибунала, въ которомъ присутствовалъ и патріархъ. Здѣсь діаконъ весьма остроумно доказывалъ, что канонами запрещается не самое веденіе дѣла, а способъ его веденія, что запрещеніе духовному лицу брать на себя защиту другихъ могло имѣть мѣсто прежде, когда адвокаты получали жалованье, были утверждаемы въ своемъ званіи свѣтскою властью, словомъ, состояли на государственной службѣ, и что это запрещеніе теперь, когда адвокатура сдѣлалась свободною профессією, потеряло значеніе. „Ибо не только, говорилъ діаконъ, клирики, но даже и епископы, заступающіеся на судѣ за друзей, получаютъ прощеніе и не будутъ опозорены тѣ, которые возьмутъ на себя веденіе дѣла въ судѣ о церковномъ имуществѣ, какъ ясно учатъ объ этомъ и самые законы“. Доводы эти были приняты во вниманіе и діаконъ выигралъ дѣло; всѣ присутствовавшіе выразили ему при этомъ громкое одобреніе, и самъ патріархъ дозволилъ ему заниматься адвокатурой и впередъ, какъ онъ дѣлалъ прежде ²⁾.

Желая собрать, по возможности, все, относящееся къ предмету своего труда, Вальсамонъ не упускаетъ изъ вида

1) С. I, стр. 191.

2) Тамъ же, стр. 159—160.

существовавшихъ относительно разсматриваемыхъ имъ вопросовъ взглядовъ, при чемъ мнѣніямъ однихъ отдаетъ предпочтеніе передъ взглядами другихъ (толков. (дополнит.) гл. 2 и 36 тит. I и др.) ¹⁾, или же вовсе не соглашается съ существующими мнѣніями „нѣкоторыхъ“ ²⁾, а высказываетъ свой свой собственный взглядъ (толков. на гл. I (отд. 8) тит. II; гл. 27 (отд. 4 и 5) тит. IX; гл. 4 (отд. 4) и 9 тит. XIII и др.) ³⁾; иногда же самъ предлагаетъ каноническіе во-

1) Такъ напр., въ дополнительномъ толкованіи на 2-ю главу I-го тит. Вальсамонъ приводитъ два мнѣнія относительно значенія каноновъ противорѣчащихъ законамъ. „Одни говорили, что правила не должны имѣть силы, когда они противорѣчатъ законамъ, потому что они написаны прежде ревизіи законовъ и, какъ несогласныя съ ними, теряютъ свою силу. Другіе же, представивъ правила, которыя противорѣчатъ законамъ, и воспользовавшись 131-ой Юстиніановой новеллой, помѣщенной въ 5 кн. Базиликъ, тит. 3 гл. 1, которая говоритъ, что правила должны быть соблюдаемы, какъ законы и св. Писаніе, заставили замолчать, своихъ противниковъ. Когда же тѣ сказали, что не слѣдуетъ принимать эту новеллу, такъ какъ она считается изданной Юстиніаномъ, а между тѣмъ упоминаетъ о соборахъ, бывшихъ послѣ Юстиніана, что, по ихъ мнѣнію, очевидная нелѣпость, послѣдніе сказали, что они тѣмъ больше принимаютъ эту новеллу, что передаваемое въ ней принялъ императоръ, который пересмотрѣлъ и исправилъ законы. Ибо, если бы этого не было, онъ не присоединилъ бы, что правила послѣдующихъ соборовъ должны имѣть силу, какъ законы и св. Писаніе, но и эту новеллу, какъ и другія Юстиніановы новеллы, упразднилъ бы посредствомъ непомѣщенія въ Базиликахъ. Это было принято и святымъ императоромъ“. 2. I, стр. 37—38.

2) Изъ числа „нѣкоторыхъ“ Вальсамонъ въ своихъ толкованіяхъ разбираетъ мнѣнія Палеоса, Схولیаста (толков. на гл. I (отд. 8) тит. II), Хумна (толков. на гл. 4 (отд. 4) тит. XII), Гобида и Стефана (толков. на 18 гл. (отд. 2) тит. XIII).

3) Такъ напр., въ толкованіи на I гл. (8 отд.) II тит. Вальсамонъ, приведя толкованія на эту главу Палеоса и Схولیаста, не раздѣляетъ ихъ взглядовъ. Онъ пишетъ: „Диг. I тит. 2 кн. 35 диг. есть 41 кн. Базиликъ тит. I. гл. I. полож. 3, которое, между прочимъ, говоритъ, что и посвященное Богу подлежитъ закону Фальцидія. (По этому закону, наслѣдникъ, которому оставлено завѣщанное имущество для

просы, которые могли интересоваться его современниковъ, и разрѣшаетъ ихъ на основаніи церковныхъ правилъ, гражданскихъ постановленій, а также и на основаніи своихъ собственныхъ соображеній (толков. на гл. 27 (отд. 2) тит. IX; гл. 2 и 4 (отд. 4-е) тит. XIII и др.).

Критически относится Вальсамонъ (иногда) и къ самому составителю Номоканона, высказывая то недоумѣніе по поводу того или другого мѣста *κεῖμενον*, то одобряя его автора. Такъ, въ *κεῖμενον* гл. 1 (отд. 2) тит. IX, послѣдній, между прочимъ, дѣлаетъ общую ссылку на законы и правила, не цитируя ихъ, а просто замѣчая: *οἱ νόμοι καὶ οἱ κανόνες κωλύουσιν*¹⁾. Вальса-

благочестивыхъ цѣлей, по праву пользуется 4-й частью этого имущества, которая и называется *falcidia* или *φαλκιδίος*. Нарбековъ. „Толкованіе Вальсамона на Номоканонъ Фотія“, стр. 102, примѣч.). Въ толкованіи на эту главу Палеосъ ясно говоритъ слѣдующее: изъ нов. о разныхъ церковныхъ пунктахъ не позволяетъ, чтобы завѣщаемое на благочестивыя дѣла подлежало закону Фальцидія. Схолиастъ же говоритъ слѣдующее: я думаю, что настоящая дигеста уничтожена изъ-и новеллой Юстиніана, помѣщенной въ 3 тит. 5 кн. Базиликъ, и тотчасъ очень подробно передаетъ, какимъ образомъ отмѣненъ этотъ законъ. Это говорили Схолиастъ и Палеосъ. Мнѣ же кажется, замѣчаетъ Вальсамонъ, что они неправильно поняли эту новеллу. Ибо оставленное на благочестивыя дѣла не безразлично отдается безъ подчиненія закону Фальцидія. Но если наслѣдникъ допуститъ обманъ при выдачѣ завѣщаннаго имущества, онъ теряетъ слѣдующую ему по закону Фальцидія часть и выдаетъ завѣщанныя имущества, какъ говоритъ новелла; если же онъ поступитъ честно въ исполненіи завѣщанія, онъ получаетъ часть, слѣдующую ему по закону Фальцидія. Ибо сама новелла, изложенная въ 5 кн. 3 тит. гл. 9, ясно говоритъ такъ: если наслѣдникъ оставленное на благочестивыя дѣла не употребить для назначенной цѣли, говоря, что оставленнаго ему имущества недостаточно для этого, мы повелѣваемъ, чтобы, такъ какъ никому не принадлежитъ слѣдующая по закону Фальцидія часть, все, сколько будетъ найдено въ этомъ имуществѣ, поступало на дѣла, на которыя оставлено, по усмотрѣнію мѣстнаго святѣйшаго епископа“. Σ. I, стр. 99—100.

1) Σ. I, стр. 167.

монъ высказывая свое недоумѣніе, по этому поводу, замѣчаетъ что не нашелъ ни закона, ни правила, постановляющаго то, о чемъ сказано въ κείμενον: „οὐχ εὐρίσκω νόμον ἢ κανόνα κωλύοντα, ἢ ἐπιτρέποντα τοὺς κληρικοὺς δμνύειν ¹⁾ — Въ третьемъ толкованіи на гл. 27 (отд. 3) IX тит. Вальсамонъ, наоборотъ, одобряетъ сказанное Фотіемъ: „Εὐχαρίστησον οὖν τῇ πατριάρχῃ Φωτίῳ καλῶς ἐρμενεύσαντι ἀπαιτεῖν ὡς διαφέρον τόκους, τοὺς ἐπισκόπους καὶ τοὺς κληρικοὺς...“ ²⁾. Одобрительно также отзывается и онъ о сказанномъ въ κείμενον 5 гл. XIII титула, не называя впрочемъ, на этотъ разъ автора: „...καλῶς δὲ εἶπεν, ὅτι ὁ ἀρπάζων ἀλλοτρίαν δούλην πόρνην οὖσαν οὐκ ἐνέχεται ὡς ἀνδραποδιστής, ἤγουν οὐ μεταλλάσσεται...“ ³⁾.

Въ заключеніе, надо замѣтить, что Вальсамонъ, поставивши себѣ задачей представить сводъ дѣйствующаго гражданскаго законодательства по дѣламъ церкви въ XII вѣкѣ, дополнилъ Юстиніаново законодательство, заключающееся въ Номоканонѣ, новеллами позднѣйшихъ византійскихъ императоровъ, начиная съ Льва Философа (886—911) и кончая Исаакомъ Ангеломъ (1185—1195), а также патріаршими или синодальными постановленіями, при чемъ, большею частью, приводитъ буквальный текстъ ихъ, за исключеніемъ лишь предисловія и эпилоговъ ⁴⁾.

1) Σ. I, стр. 168.

2) Σ. I, стр. 205.

3) Σ. I, стр. 304—305.

4) Эти новеллы и постановленія перечислены у г. Нарбекова въ его сочиненіи: „Толкованіе Вальсамона на Номоканонъ Фотія“. Казань. 1889, на стр. 339—364. Содержаніе наиболѣе важныхъ изъ нихъ будетъ приведено нами въ слѣдующемъ отдѣлѣ настоящей главы.

IV.

Юридическое значеніе толкованій Вальсамона.

Ἀντὶ τοῦ ὑπὲρ τοῦς πάντας νομοτρίβης.

(Отзывъ о Вальсамонѣ Никиты Хоніата).

Весьма видное мѣсто въ комментаріи Вальсамона занимаетъ юридическій элементъ, обнаруживающій въ немъ не только выдающагося знатока церковнаго и свѣтскаго права, но и замѣчательнаго юриста — мыслителя: въ его толкованіяхъ указываются нѣкоторыя основныя положенія римскаго права; приводится масса выписокъ изъ Базиликъ, новеллъ византійскихъ императоровъ и рѣшеній Константинопольскаго патріарха и синода; разрѣшаются многіе сложные юридическіе вопросы, которые возникали на практикѣ, или могли возникнуть въ умѣ читателя, такъ что, дѣлая выписки изъ толкованій Вальсамона, можно было бы составить цѣлый сборникъ интересныхъ юридическихъ казусовъ съ весьма искуснымъ ихъ разрѣшеніемъ.

Считаемъ поэтому не лишнимъ остановиться на этой сторонѣ труда Вальсамона болѣе подробно, и прежде всего укажемъ нѣкоторыя основныя юридическія положенія, приводимыя Вальсамономъ въ его толкованіяхъ и заимствованныя имъ большею частью у римскихъ классическихъ юристовъ.

Въ толкованіи на 6-е пр. 2-го всел. соб. онъ приводитъ правило: „Явно сказанное вредить, подразумѣваемое не вре-

дить“¹⁾. Въ толков. на 77-е, 78-е и 79-е пр. св. Василия Вел. высказываетъ тоже положеніе, но нѣсколько иными словами: „Имѣть значеніе то, что изречено, а не то, о чемъ умолчено“.

Въ толкованіи на 15-е пр. Анкир. соб.: „Кто дастъ по противозаконному условію, не имѣть права вести искъ, чтобы обратно получить данное“. Тоже — въ толкованіи на 19-е пр. 7-го всел. соб.: „Дающій за постыдное дѣло не получаетъ обратно“.

Въ толкованіи на 9-е пр. Неокес. соб.: „Лучше оставлять грѣхи не наказанными, чѣмъ наказывать кого либо безъ вины“.

Въ толкованіи на 4-е пр. Сардик. соб.: „Всякое дѣло, кромѣ не терпящаго отлагательства, допускаетъ отзывъ не однажды, но и два раза“.

Въ толкованіи на 5-е пр. того же соб.: „Судья, однажды постановивши рѣшеніе, перестаетъ быть судьей и не можетъ разсматривать свой приговоръ“. Тоже положеніе Вальсамонъ высказываетъ въ толков. на 39 гл. (2 отд.) IX тит. Номоканона.

Въ толкованіи на 15-е (15-е—18-е) пр. Карѣ. соб.: „Судьи, разсматривающіе дѣла по отзывамъ, должны быть выше тѣхъ, которые судили раньше“. Тоже положеніе находимъ въ толков. на 3-е пр. Сардик. соб.

Въ толкованіи на тоже правило: „Съ злымъ умысломъ дѣйствуетъ тотъ, кто, не знаетъ въ точности того, что обѣщаль знать“.

Въ толкованіи на 35-е (44-е) пр. того же соб.: „Грѣхи слѣдуютъ за головою“, т.-е. наказаніе поражаетъ только виновнаго лично.

Въ толкованіи на 120-е (134-е) пр.: „По приказанію начальника, владѣемъ правильно“²⁾, т. е. владѣніе имуществомъ, по распоряженію начальства, есть законное.

1) Ср. Modest. lib. VII Differentiarum: Expressa nocent, non expressa non nocent. (Dig. L. 17. CXCV).

2) Ср. Paul. lib. LXV ad Edict.: Juste possidet qui auctore Praetore possidet. (D. XLI. 2. XI).

Въ толкованіи на 132-е и 133-е (147-е) пр. того же соб.: „Свидѣтельство одного не принимается, хотя бы это былъ кто изъ синклита“, т.-е. сенаторъ.

Въ толкованіи на 38-е пр. Василия Вел.: „Что не дѣйствительно сначала, тому не даютъ силы послѣдующія за тѣмъ обстоятельства“ ¹⁾. Тоже положеніе приводится Вальсамономъ и въ толков. на 40-е пр. того же святаго.

Въ толкованіи на 2 гл. XIII тит. — обратное положеніе: „Что имѣетъ силу сначала, не теряетъ силы вслѣдствіе послѣдѣннаго“. Въ послѣднемъ толкованіи онъ разсматриваетъ часто восходившій на рѣшеніе синода вопросъ, расторгается ли бракъ, если кто либо послѣ брака совокупится со своею тещею, или другою родственницею, и, на основаніи указаннаго правила, отвѣчаетъ отрицательно (хотя виновный и долженъ подвергнуться наказанію); если же кровосмѣшеніе совершено до супружества, то, по правилу, которое гласитъ: „если какое-нибудь дѣло придетъ въ такое положеніе, вслѣдствіе котораго въ началѣ оно не могло состояться, оно не дѣйствительно“ — завѣдомое оскверненіе не допускается.

Во многихъ толкованіяхъ приводитъ правило: *lex posterior derogat priori*“ ²⁾.

Кромѣ того, въ своемъ комментарий Вальсамонъ разрѣшаетъ рядъ вопросовъ по брачному, гражданскому и уголовному праву, говоритъ о значеніи судебного приговора и рѣшенія и т. п.

Такъ, въ толкованіи на 98-е пр. Трул. соб. онъ даетъ опредѣленіе обрученія и говоритъ, что, съ изданіемъ новеллы Алексѣя Комнина, обрученіе во всемъ имѣетъ равную силу съ совершеннымъ бракомъ и расторгается не иначе, какъ тѣмъ же способомъ, какимъ расторгается и совершенный

1) Ср. Paul. lib. VIII ad Sabinum: Quod initio vitiosum est, tractu temporis convalescere non potest (D. L. 17. XXIX).

2) Карѣ. 39-е (48-е), 102-е (115-е) и др.

бракъ, вслѣдствіе чего обручникъ долженъ быть названъ супругомъ своей обручницы и родившійся отъ нея долженъ быть законнымъ сыномъ ихъ и наслѣдникомъ, подвластнымъ отцу и вообще ни въ какомъ отношеніи не терпящимъ стѣсненія отъ того, что не было брака. Даже и прежде этой новеллы обрученными предоставлены были законами брачныя права по отношенію другъ къ другу, ибо и обручница, при расторженіи обрученія прежде брака, возбуждала искъ о приданомъ, когда обручнику дано было приданое, и обручникъ, по праву мужа, возбуждалъ обвиненіе въ прелюбодѣянніи какъ противъ своей обручницы, прежде брака совокупившейся съ другимъ, такъ и противъ учинившаго прелюбодѣяніе съ нею. Въ подтвержденіе сказаннаго Вальсамонъ цитируетъ нѣкоторыя мѣста Базиликъ.

Въ опредѣленіи брака Вальсамонъ слѣдуетъ римскому юристу Модестину: *Nuptiae sunt maris et feminae conjunctio et consortium omnis vitae, divini et humani iuris communicatio* ¹⁾ (Трул. 72-е; св. Василія Вел. 41-е и 80-е), добавляя къ этому, что бракъ заключается не совокупленіемъ только, но и расположеніемъ сочетавающихся (толков. на 80-е пр. св. Василія Вел.) ²⁾.

Относительно необходимости согласія на бракъ самихъ брачующихся высказываетъ слѣдующее общее положеніе, основанное на Базиликахъ: каждый разъ, когда совершается законный бракъ, необходимо согласіе тѣхъ, которые намѣреваются вступить въ бракъ, хотя бы они были подвластны (толков. на 22-е пр. св. Василія Вел.).

Про запрещенные браки говорить, что они дѣлятся на три разряда: на непристойные, осужденные и кровосмѣсные (толков. на 27-е пр. св. Василія Вел.).

1) Бракъ есть союзъ мужа и жены и общій жребій на всю жизнь, общеніе божескаго и человѣческаго права. (Modest. lib. 1. Regul. D. XXIII 2. 1).

2) Ср. Ulpian, lib. XXXVI ad Sabinum: *Nuptias non concubitus, sed consensus facit.*

Въ толкованіи 4 гл. (4 отд.) XIII тит. Номоканона замѣчается, что письменные брачные договоры, если они составлены одними только намѣревающимися вступить въ бракъ, не дѣйствительны, что касается наказанія, требуемаго за нарушеніе ихъ; составленные же при постороннихъ лицахъ, эти договоры имѣютъ силу; и если не состоится бракъ по винѣ кого-либо изъ намѣреющихся вступить въ бракъ, требуется штрафъ съ того, кто обѣщалъ устроить этотъ бракъ.

Пространное толкованіе Вальсамона на 2 гл. XIII тит. Номоканона представляетъ собою цѣлый трактатъ по брачному праву. Въ этомъ толкованіи Вальсамонъ, между прочимъ, ссылается „на томъ единенія“ императора Константина Порфиророднаго (920 г.), трактующій о томъ, когда 3-й бракъ дозволяется и когда нѣтъ ¹⁾; приводитъ синодальное рѣшеніе патріарха Алексѣя (1025—1043), которымъ постановлено не дозволять брака въ седьмой степени кровнаго родства прежде совершенія и не расторгать послѣ совершенія, а наказывать вступившихъ въ такой бракъ; синодальное опредѣленіе, изданное въ патріаршество Луки Хризверга въ 1168 (6676), положительно запрещающее браки въ седьмой степени родства и повелѣвающее расторгать такіе браки и послѣ заключенія, налагая при томъ наказаніе какъ на вступившихъ въ запрещенный бракъ, такъ и на благословившимъ его (вступившимъ въ такой бракъ назначено отлученіе отъ общенія, а благословившимъ его — изверженіе изъ священства); указываетъ также на постановленіе императора Мануила Комнина (18 мая 1166 г.) ²⁾, которымъ это опредѣленіе было подтверждено. Далѣе, Вальсамонъ приводитъ опредѣленіе относительно брака въ 6-й степени свойства патріарха Сисинія (21 февраля 996 г.) ³⁾, которымъ такой бракъ запрещается и на вступив-

1) Содержаніе „тома единенія“ приведено нами выше. (См. стр. 212, прим. 2-е).

2) Zhishman. Das Eherecht d. orient. Kirche, стр. 63.

3) Тамъ же, стр. 35.

шихъ въ него налагается отлученіе отъ церкви, а на благословившихъ — изверженіе изъ священства; послѣдовавшее, затѣмъ, постановленіе по тому же вопросу императора Мануила Комнина (годъ изданія точно неизвѣстенъ), которымъ было постановлено не уничтожать указаннаго опредѣленія патріарха Сисинія, но и всецѣлаго значенія ему не придавать и допускать бракъ въ 6-й степени свойства, только съ наложеніемъ соотвѣтствующихъ епитимій и съ разными увѣщаніями; упоминаетъ о повелѣніи императора Алексѣя Комнина (текста его не сохранилось), позволяющемъ безпрепятственно сочетаться теткѣ и племянницѣ съ дядей и племянникомъ, хотя родство по свойству приходится здѣсь въ 6-й степени. Затѣмъ, Вальсамонъ приводитъ два постановленія того же Алексѣя Комнина (1084 и 1092 гг.)¹⁾ относительно значенія обрученія; въ послѣднемъ изъ нихъ говорится о совершенной нерасторжимости обрученія, совершеннаго въ узаконенное время съ священнымъ благословеніемъ. Въ заключеніе онъ указываетъ примѣры нарушенія нѣкоторыхъ изъ этихъ постановленій специальными законами императоровъ, изданными на отдѣльные случаи — именно, приводитъ примѣръ нарушенія синодальнаго рѣшенія патріарха Алексѣя, запрещающаго бракъ въ 7-й степени родства, императоромъ Исаакомъ Ангеломъ, дозволившимъ въ силу повелѣнія отъ 1186 (6694 г.) такой бракъ Іоанну Кантакузѣну съ Ириною²⁾, а также указываетъ примѣръ нарушенія постановленія императора Алексѣя Комнина относительно значенія обрученія; въ концѣ же толкованія приводитъ рѣшеніе патріарха Николая (4 іюля 1092 г.)³⁾, которымъ былъ признанъ неразрывнымъ

1) Тамъ же, стр. 62.

2) Вальсамонъ, между прочимъ, пишетъ: „... И такъ я молюсь, чтобы оно (т.-е. повелѣніе) не имѣло силы, такъ какъ причина этого царскаго повелѣнія заключается въ простомъ желаніи и потому не ведетъ ни къ чему хорошему“. С. 1, стр. 291.

3) Zhishman, стр. 36. Это былъ патріархъ Николай III Грамматикъ (1084—1111).

бракъ (между клирикомъ Діабатеномъ и одной женщиной — Маріей) и безъ обрученія, которое, хотя и было, но признано недѣйствительнымъ, такъ какъ заключено было прежде узаконеннаго возраста.

Въ толкованіи на 19-е пр. 7-го всел. соб. Вальсамонъ трактуетъ объ обязательствахъ подъ условіемъ вообще и высказываетъ юридическое правило, по которому обязательство подъ условіемъ, въ случаѣ неисполненія этого послѣдняго, является необязательнымъ для лица обязавшагося, а въ толкованіи 12-го пр. Неокес. соб. разрѣшаетъ слѣдующаго рода юридическій казусъ. А отказываетъ В. имущество подъ условіемъ постриженія; В. при жизни не постригся, а принялъ монашество при самой смерти; спрашивается, получаютъ ли наслѣдники В. имущество, отказанное ему подъ условіемъ? Нѣтъ, не получаютъ, говоритъ Вальсамонъ, потому что постриженіе по нуждѣ не считается постриженіемъ, а слѣдовательно и условіе считается неисполненнымъ В.

Въ толкованіи на 15-е пр. Анкир. соб. Вальсамонъ говоритъ: „Кто дастъ по противозаконному условію, тотъ не имѣетъ права вести искъ, чтобы обратно получить данное“ и, сообразно съ этимъ общимъ правиломъ закона, толкуетъ постановленіе настоящаго собора объ отчужденіи недвижимаго церковнаго имущества.

Въ толкованіи на 6-е пр. Константиноп. соб. въ храмѣ св. Апост. Вальсамонъ въ любимой своей формѣ — въ видѣ рѣшеній — разрѣшаетъ рядъ вопросовъ юридическаго характера о судьбѣ имущества постриженнаго въ монахи и, между прочимъ, подробно останавливается на слѣдующемъ весьма интересномъ юридическомъ казусѣ: „Нѣкогда, говоритъ онъ, происходилъ споръ о нетѣлесныхъ правахъ ¹⁾ монаха, кото-

1) Нетѣлесными правами, на языкѣ римскихъ юристовъ, называлась совокупность тѣхъ имущественныхъ правъ, объектомъ которыхъ служатъ не вещи (res) въ собственномъ смыслѣ, а самыя права и правовыя отношенія, разсматриваемыя, какъ имущества или цѣнность (напр. право требованія по долговому обязательству и пр.).

рыми онъ не успѣлъ распорядиться до постриженія. Именно, когда одинъ монахъ привлекъ кого-то въ судъ, какъ должника, то было подвергнуто разсмотрѣнью, можетъ-ли монахъ начать такой искъ, и было рѣшено, что онъ не имѣетъ права на то. А когда явилась въ судъ обитель и начала искъ о правахъ монаха, какъ перешедшихъ къ ней въ силу (настоящаго) правила, потому именно, что онъ не распорядился ими до постриженія, то защитники отвѣтчиковъ возразили ¹⁾, что ни обитель, ни монахъ не могутъ предъявить такого иска: ибо первый, какъ уже умершій и не имѣющій имущества, не можетъ быть принятъ на судъ въ качествѣ истца, а послѣдняя, которой не передано нетѣлесное право иска, поднимаетъ искъ, не будучи къ нему причастна. Они сослались и на законъ, въ которомъ говорится: нетѣлесное право, если оно не будетъ передано, не переходитъ къ другому, и хотѣли, чтобы отвѣтника не привлекали къ суду, дабы такимъ образомъ искъ прекратился въ самомъ началѣ. Но ихъ доводы не были приняты. Ибо признано было, что такъ какъ имущество монаха, имѣющаго нетѣлесное право, не по его волѣ переходитъ въ собственность обители, но въ силу закона, то обитель вправѣ присвоить себѣ искъ и безъ передачи“.

Въ толкованіи на 13-е пр. 7-го всел. соб. Вальсамонъ говоритъ, что давность, какъ способъ пріобрѣтенія права собственности, не имѣетъ мѣста по отношенію къ священнымъ вещамъ; а въ толкованіи на гл. 1 (отд. 3) тит. II Номоканона высказываетъ болѣе общее положеніе, что священныя вещи (*res sacrae*) не переходятъ никакимъ образомъ въ собственность другого лица, указывая впрочемъ, какъ на

1) 6-е пр. Константиноп. соб. въ храмѣ св. Апост., между прочимъ, постановляетъ слѣдующее: „...желающимъ монашествовать предоставляется свобода завѣщавати о имѣніи своемъ прежде, и передавати оное, какимъ восхотятъ лицамъ, которымъ, то есть, законъ не возбраняетъ. Ибо, по вступленіи въ монашество, монастырь имѣетъ власть надъ всѣмъ ихъ имуществомъ, и имъ не предоставлено распоряжати ничѣмъ собственнымъ, ни завѣщавати“.

исключеніе изъ правила, на возможность въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ продажи и этихъ вещей.

Въ толкованіи на 119-е (133-е) пр. Карѣ. соб. Вальсамонъ говоритъ о прекращеніи церковныхъ правъ давностію слѣдующее: „Церковныя правила о предѣлахъ и о прочемъ, поскольку могутъ быть предъявлены къ другой церкви, прекращаются тридцатилѣтіемъ, а если къ лицамъ — то сорокалѣтіемъ“. Такимъ образомъ, гражданскіе законы различали субъекта, нарушившаго церковныя права, и если таковымъ была церковь, то требованіе возстановленія нарушеннаго права было ограничено меньшимъ промежуткомъ времени, чѣмъ тогда, когда права церкви были нарушены не другою церковью, а частнымъ лицомъ.

Въ толкованіи 11-го пр. св. Василия Вел. разрѣшаетъ вопросъ объ отношеніи причины къ слѣдствію въ уголовномъ преступленіи — въ убійствѣ — слѣдующимъ образомъ: Не слѣдуетъ, говоритъ онъ, обращать вниманіе на промежутокъ времени между нанесеніемъ удара и послѣдовавшею смертью пострадавшаго, „ибо, хотя бы послѣ удара прошло и много времени, но если пораженный умретъ отъ этой причины, мы тѣмъ не менѣе говоримъ, что совершено невольное (въ приводимомъ св. Василиемъ Вел. примѣрѣ нанесшій ударъ не имѣлъ намѣренія убить) убійство“.

Въ толкованіи на 33-е пр. того же святаго различаетъ великую небрежность, близкую къ злему умыслу, — „что у законовѣдовъ называется *culpa lata*“ ¹⁾ — отъ простой небрежности *culpa levis*; въ первомъ случаѣ виновный несетъ наказаніе; во второмъ — нѣтъ.

Высказавши въ толкованіи на 27-е Апост. пр. положеніе: „позволительно отражать силу силою и оружіе оружіемъ“, Вальсамонъ въ толкованіи на 43-е пр. св. Василия Вел. указываетъ, какимъ вредомъ долженъ угрожать нападающій, чтобы убійство его защищавшимся считалось законнымъ и

1) С. IV, стр. 176.

ненаказуемымъ; именно, необходимо, чтобы вредъ этотъ былъ значительный, опасность грозила жизни защищавшагося отъ нападенія; въ противномъ случаѣ, и лицо защищавшееся не освобождается отъ наказанія.

Въ толкованіи на 3-е пр. Анкир. соб. Вальсамонъ приводитъ нѣсколько примѣровъ того, что постриженіе по насилію было признаваемо синодомъ недѣйствительнымъ; исключеніе представляютъ только тѣ случаи, когда постригаемые не возражали противъ совершеннаго насилія; эти лица не возстановляются въ прежнее положеніе. Такъ, напр., говоритъ Вальсамонъ, „...госпожѣ Θεодорѣ Комниной, бывшей сожительницею Лапарда господина Андроника, постриженной по принужденію сего тирана, Константинопольскій синодъ не дозволилъ сложить монашескія одежды и вступить въ супружество съ королемъ Венгріи, усиленно искавшимъ этого, потому что она и по смерти своего мужа не отлагала постриженія, хотя оно и совершилось по принужденію, и жила въ общежительной обители. А другимъ благороднымъ женщинамъ, постриженнымъ такимъ образомъ, тотъ же синодъ призналъ справедливымъ, по смерти тиранна, позволить сложить монашескія одежды, или потому что еще живы были мужья ихъ, или потому что онѣ, послѣ смерти тиранна, совершенно не признавали своего постриженія“.

Во многихъ толкованіяхъ (Трул. 73-е; 7-го всел. 12-е; Анкир. 7-е) Вальсамонъ проводитъ тотъ взглядъ, что при обсужденіи всякаго проступка необходимо обращать прежде всего вниманіе на внутреннюю сторону его, на мотивы, которыми онъ былъ вызванъ.

Въ толкованіи на 8-е пр. св. Григорія Неокесарійскаго указываетъ, такъ сказать, на обстоятельства, увеличивающія наказаніе: если, напр., преступникъ строитъ свои козни съ большею осторожностью, такъ что зло происходящее отъ нихъ является неожиданнымъ, то и наказаніе, говоритъ Вальсамонъ, должно быть строже.

Въ толкованіи на 25-е пр. св. Василия Вел. Вальсамонъ

даетъ слѣдующее опредѣленіе растлѣнія: „Растлѣніемъ (φθορά), говоритъ онъ, въ собственномъ смыслѣ называется половое совокупленіе съ дѣвою, и при томъ, несовершеннолѣтнею“.

Въ толкованіи на то-е пр. св. Григорія Неокес., приведа слова закона: „воръ есть тотъ, кто беретъ чужую вещь, безъ вѣдома хозяина, съ сознаниемъ, что это опечалить его“¹⁾, Вальсамонъ подводитъ подъ преступленіе кражи, при помощи распространительнаго толкованія (interpretatio extensiva), тотъ случай, когда кто-либо найдетъ имущество плѣннаго, оставленное имъ въ небреженіи (не по нерадѣнію и не случайно, но вслѣдствіе великаго несчастія) и присвоить его. — Въ толкованіи 27 гл. (3 отд.) IX тит. Номоканона приводитъ другой случай подобнаго толкованія закона и говоритъ, что хотя законъ и не упоминаетъ о кражѣ, совершенной клириками, но только мірянами, однако, такъ какъ одни законы существуютъ для тѣхъ и другихъ, то и клирики подлежатъ дѣйствию того же закона.

Въ толкованіи 13-го пр. Кареаг. соб. Вальсамонъ высказываетъ такую мысль: извѣстное законоположеніе, изданное въ подтвержденіе болѣе ранняго закона по тому же предмету, не можетъ быть изъясняемо вопреки этому послѣднему, а только согласно съ нимъ.

Въ толкованіи 25 гл. (отд. 1) IX. тит. Номоканона устанавливаетъ правило, по которому, въ случаѣ сомнѣнія, законъ долженъ быть толкуемъ въ смыслѣ благопріятномъ для преступника.

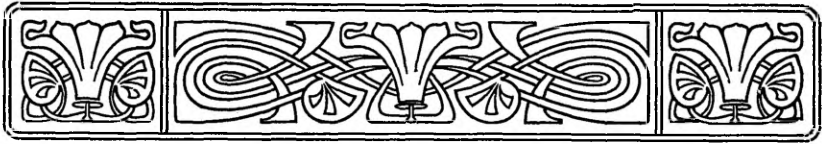
При толкованіи 25-го пр. Халкид. соб. пользуется юридическимъ приемомъ — аналогіею. Указанное правило говоритъ, что митрополитъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, подъ страхомъ епитиміи, долженъ рукоположить епископа ко вдовствующей церкви, но не предусматриваетъ того, что избранный въ епископа, въ свою очередь, также можетъ мед-

1) Тоже опредѣленіе находимъ въ толкованіи Вальсамона на 61-е пр. св. Василия Вел.

лѣть принятіемъ служенія или отреченіемъ отъ него. Вальсамонъ по аналогіи заключаетъ, что и для избраннаго полагается трехмѣсячный срокъ, по истеченіи котораго онъ долженъ быть подвергнутъ церковному наказанію.

Въ толкованіи на 16-е пр. Константиноп. соб. въ храмѣ св. Апост., опредѣляя сферу дѣйствія обычая, говоритъ, что обычай недѣйствителенъ тамъ, гдѣ онъ противорѣчитъ писанному закону или правилу.

Наконецъ, въ толкованіи на 16-е пр. Антиох. соб. Вальсамонъ говоритъ о значеніи рѣшенія, какъ доказательства, въ случаѣ ссылки на него тяжущимися: „Что касается рѣшенія, то это дѣло частное, а частныя дѣла не приводятся въ доказательство“. Такимъ образомъ, въ подтвержденіе своихъ притязаній можно, по его мнѣнію, ссылаться только на законъ, какъ на общее правило, а не на рѣшеніе — обязательное лишь на тотъ случай, на который оно состоялось.

V.

Нѣсколько общихъ замѣчаній о трудѣ Θ. Вальсамона.

Точность анализа, основательность, а главное, практическая важность толкованій Вальсамона доставили ему непреходящую славу въ потомствѣ. Доказательства того высокаго уваженія, какимъ пользовался Вальсамонъ, какъ канонистъ, мы находимъ у Никиты Хоніата; по словамъ послѣдняго, къ Вальсамону часто обращались для разрѣшенія весьма важныхъ каноническихъ вопросовъ: такъ, когда императоръ Исаакъ Ангелъ хотѣлъ призвать на патріаршій Константинопольскій престолъ Іерусалимскаго патріарха Досифея, вмѣсто изгнаннаго въ 1190 г. патріарха Леонтія, онъ, опасаясь, что актъ этотъ будетъ противорѣчить церковному праву, обращался за разрѣшеніемъ этого вопроса къ Вальсамону; тотъ же писатель называетъ Вальсамона свѣтиломъ юриспруденціи (λύχνος τῆς τῶν νόμων τηλαυγίας πάνφωτος) ¹⁾. Константинопольскій патріархъ Филофей, Маркъ Ефесскій и патріархъ Геннадій также считаютъ Вальсамона „самымъ многосвѣдущимъ какъ въ законахъ, такъ и въ правилахъ, и мудрѣйшимъ“ ²⁾. Только одинъ голосъ отозвался о трудахъ Вальсамона не совсѣмъ одобрительно и упрекалъ его въ противорѣчіяхъ и недосмотрахъ — это голосъ Іоанна, еп. Китрскаго, который,

1) Erchs und Gruber. Allgem. Encyclopädie. Ч. 86 стр. 391. Zhishman. Das Eherecht der orient. Kirche, стр. 71 и 72, прим.

2) Прав. св. Апост. и т. д., предисл., стр. 8.

какъ современникъ Вальсамона, могъ быть пристрастенъ въ своихъ сужденіяхъ къ великому канонисту ¹⁾).

Съ своей стороны, мы отдаемъ должное уваженіе знаменитому канонисту греческой церкви за выдающіяся достоинства его труда; но въ тоже время, желая быть вполне безпристрастными, не можемъ не указать также и на нѣкоторыя слабыя стороны его.

Прежде всего замѣтимъ, что толкованія Вальсамона являются вообще отрывочными; въ нихъ нѣтъ также той ясности и рельефности, которыя мы находимъ въ трудѣ его предшественника — Зонары. Постоянныя обращенія со словами: „прочти“, „замѣть“, „еще прочти“... утомляютъ вниманіе читателя, хотя, быть можетъ, эта слабая сторона его толкованій является слѣдствіемъ того обстоятельства, что Вальсамонъ въ своемъ комментарий какъ бы хотѣлъ помѣстить весь тотъ богатый запасъ знаній, которымъ онъ обладалъ. Самая форма разрѣшенія могущихъ возникнуть у читателя, при чтеніи правилъ, вопросовъ и сомнѣній — въ видѣ отвѣтовъ на вопросы, — безъ нужды удлиняютъ толкованія Вальсамона, заставляя его одну и ту же мысль повторять два раза: разъ въ видѣ вопроса, другой — въ видѣ отвѣта на этотъ вопросъ.

Кромѣ того, въ толкованіяхъ Вальсамона встрѣчаются иногда нѣкоторые недосмотры и даже противорѣчія. Такъ, въ толкованіи на 2-е пр. Халкид. соб. Вальсамонъ, снося это правило съ другими правилами, касающимися того-же самого предмета, выражается неопредѣленно: „29-е пр. св. Апост. и 30-е и другія строго наказываютъ, какъ рукополагающихъ, такъ и рукополагаемыхъ“ ²⁾ и какъ бы намѣренно не указываетъ, въ чемъ именно по этимъ правиламъ состоитъ наказаніе за указанное преступленіе. Между тѣмъ, при внима-

1) Ersch etc., стр. 466.

2) Прав. св. всел. соб. съ толков., стр. 165—166.

тельномъ разсмотрѣніи 2-го пр. Халкид. соб. и 29-го и 30-го пр. Апост., обнаруживается важное противорѣчіе, требующее разрѣшенія (что именно и составляло главную задачу комментарія Вальсамона): въ то время какъ 29-е и 30-е пр. Апост. подвергаютъ виновныхъ въ рукоположеніи за деньги не только изверженію, но и отлученію, 2-е пр. Халкид. соб. наказываетъ таковыхъ только лишеніемъ степени и ничего не говоритъ объ отлученіи.

Въ толкованіи на 7-е пр. Трул. соб., объясняя, почему Константинопольскій хартофилаксъ, будучи въ санѣ діакона, садится выше архіереевъ, Вальсамонъ отсылаетъ читателя къ 18-му пр. 1-го всел. соб.; въ толкованіи же на это правило онъ говоритъ, что дѣлается это совершенно законно, на основаніи новеллы Алексѣя Комнина. Между тѣмъ, изъясняемое Вальсамонъ 7-е пр. Трул. соб. безусловно запрещаетъ дѣлать подобное („діакону еще бы имѣлъ и достоинство, то-есть какую либо церковную должность, не занимати мѣста выше пресвитера...“). Выставивши положеніе, что каноны, въ случаѣ противорѣчія гражданскимъ законамъ, имѣютъ преимущество передъ послѣдними, Вальсамонъ, вопреки указанному положенію, отдаетъ такимъ образомъ здѣсь предпочтеніе новеллѣ. Если мы вспомнимъ, что Вальсамонъ самъ былъ хартофилаксомъ, то поймемъ, почему преимущества, связанная съ этою должностію, были ему дороги.

Толкованіе Вальсамона на 72-е пр. того же соб. является противорѣчащимъ самому правилу. Вальсамонъ пишетъ: „...Замѣтъ также и слѣдующія слова правила: и еще при томъ невѣрной женѣ угодно сожителъствовати съ мужемъ вѣрнымъ, или, напротивъ, мужу невѣрному съ женою вѣрною: то да не разлучатся. Ибо если который изъ нихъ захочетъ разлучиться, продолжаетъ Вальсамонъ, то бракъ тотчасъ долженъ быть расторгнутъ. Это и было во дни святѣйшаго патріарха господина Θεодота, ибо трубачъ Василикъ, послѣ принятія крещенія, по патріаршему опредѣленію, былъ разведенъ съ его невѣрною женою, которая не согласилась

на убѣжденіе мужа принять крещеніе“¹⁾. Такимъ образомъ, изъ словъ правила ясно видно, что, въ случаѣ обращенія одного изъ супруговъ въ православіе, онъ обязанъ сожителствовать съ своимъ неправославнымъ супругомъ; между тѣмъ Вальсамонъ положительно, но въ то же время совершенно неправильно, утверждаетъ, что какъ только кто-либо изъ супруговъ захочетъ разлучиться, бракъ тотчасъ же расторгается. Правильное толкованіе упомянутыхъ словъ правила находимъ у новѣйшаго русскаго канониста арх. Іоанна. „...Такимъ образомъ, пишеть онъ, только тогда, когда оба супруга жить вмѣстѣ не согласятся, супружество ихъ расторгается, и христіанскому лицу предоставляется право на новый бракъ съ лицомъ христіанскимъ... Но если нѣтъ между супругами обоюднаго согласія на неразлучное сожитіе, то хотя преимущество вѣры даетъ, конечно, большое право свободы супругу вѣрному, чтобы оставить невѣрнаго, однакожъ вселенскій соборъ опредѣляетъ: аще невѣрной женѣ угодно сожителствовать съ мужемъ вѣрнымъ, или, напротивъ, мужу невѣрному съ женою вѣрною, то да не разлучатся. Такъ опредѣлено было и самими Апостолами“. Въ дальнѣйшемъ толкованіи арх. Іоаннъ указываетъ причины, вызвавшія именно такое постановленіе²⁾.

Въ толкованіи на 16-е (19-е—23-е) пр. Карѣ. соб. доказывая, что царю предоставлено право возлагать отправленіе мірскихъ служеній на посвященныхъ и монаховъ, на основаніи его собственнаго усмотрѣнія, Вальсамонъ разсуждаетъ такъ: „...если мѣстный епископъ можетъ дѣлать это, то тѣмъ болѣе царь, который не принуждается слѣдовать правиламъ, опредѣляющимъ, что избранія епископовъ должны совершаться епископами, принадлежащими къ той области, а не мірскими начальниками; и поэтому и безъ избранія назна-

1) Тамъ же, стр. 678.

2) Іоаннъ. Опытъ курса церковнаго законовѣдѣнія. Т. I. Вып. 2-й, стр. 465.

чающій и патріарховъ и епископовъ“...¹⁾ Такимъ образомъ, Вальсамонъ въ доказательство справедливости своего мнѣнія ссылается на нарушеніе царями церковныхъ правилъ. Основательнѣе было бы указать на такое нарушеніе, а не возводить его въ принадлежащее царямъ право.

Въ толкованіи на 96-е (107-е и 108-е) пр. того же собора читаемъ: „Избранные судьи суть тѣ, которые судятъ по желанію подсудимыхъ. И такъ, говоритъ правило, если кто будетъ осужденъ и, оставшись недоволенъ рѣшеніемъ, захочетъ, чтобы дѣло его было пересмотрѣно такимъ-то епископомъ, и другая сторона не будетъ противъ этого, то потомъ уже никому изъ нихъ не можетъ быть дозволено искать пересмотра рѣшенія судьи, избраннаго обѣими сторонами. Таково правило, и оно согласно съ гражданскими законами, которые содержатся во 2-мъ титулѣ 7-й кн. Василикъ и опредѣляютъ, что противъ рѣшенія третейскихъ судей не дается апелляціи къ новому суду...“. Между тѣмъ, въ концѣ толкованія Вальсамонъ говоритъ: „...Гражданскій законъ дозволяетъ избравшему судью (только бы онъ имѣлъ право производить судъ) искать пересмотра его рѣшенія“...²⁾. Такимъ образомъ въ толкованіи Вальсамона на это правило, находимъ очевидное противорѣчіе.

Наконецъ, въ толкованіи на 55-е пр. св. Василия Вел. Вальсамонъ возражаетъ противъ сказаннаго имъ же самимъ въ толкованіи на 13-е пр. того же святаго. Комментируя 13-е пр. св. Василия Вел., онъ указываетъ на необязательность его: „Хотя правило это, говоритъ онъ здѣсь, изложено достойно святолѣпія божественнаго отца, но оно не дѣйствуетъ, потому что можетъ случиться, если оно будетъ принято, что воины, находясь постоянно на войнѣ и убивая непріятелей, никогда не будутъ причащаться (убивающимъ на войнѣ правило совѣтуетъ три года воздерживаться отъ причащенія),

1) Прав. св. помѣст. соб. съ толков., стр. 432.

2) Тамъ же, стр. 665.

что невыносимо“¹⁾. Въ толкованіи же на 55-е пр. того же святаго, какъ бы забывши о раньше сказанномъ, пишетъ: „... Поелику же нѣкоторые говорили, что 13-е правило, какъ изложенное въ видѣ совѣта, необязательно, и поэтому можетъ быть не соблюдаемо, то мы утверждаемъ, что изъ настоящаго правила, которое безъ ограниченія наказываетъ всѣхъ, кто защищаясь убиваетъ разбойниковъ, открывается, что и то правило обязательно“²⁾. Полемизируя противъ „нѣкоторыхъ“, Вальсамонъ полемизируютъ такимъ образомъ противъ самого себя³⁾.

Настоящія замѣчанія сдѣланы нами лишь въ видахъ полноты характеристики комментарія Вальсамона — этого „какъ въ законахъ, такъ и въ правилахъ самаго многосвѣдущаго и мудрѣйшаго“ канониста.

1) Прав. св. Отецъ съ толков., стр. 212.

2) Тамъ же, стр. 324.

3) Кромѣ того, въ комментаріи Вальсамона замѣчаются слѣдующія погрѣшности, которыя могутъ быть объяснены недосмотромъ самого автора, или (что болѣе вѣроятно) ошибкою переписчика:

Въ толкованіи на 4-е пр. 7-го всел. соб. Вальсамонъ приводитъ содержаніе хрисовуллы императора Мануила Комнина отъ 6600 (1092) г., тогда какъ Мануиль царствовалъ гораздо позднѣе (1142—1181 г.).

Въ толкованіи на 7-е пр. Антиох. соб. Вальсамонъ ссылается, между прочимъ, на 16-е пр. Халкид. соб., трактующее о томъ же предметѣ; но ссылка должна быть сдѣлана на 11-е, а не на 16-е пр. Халкид. соб.

Въ толкованіи на 55-е (65-е) пр. Карѣ. соб. читаемъ: „... указанная 132-я Юстиніанова новелла...“, вмѣсто 133-я Юстиніанова новелла.

Заключеніе.

Значеніе толкованій Аристина, Зонары и Вальсамона въ греческой и русской церкви. Значеніе комментарія Вальсамона для возстановленія нѣкоторыхъ памятниковъ византійскаго законодательства. Печатныя изданія и переводы трудовъ Аристина, Зонары и Вальсамона.

Толкованія Аристина, Зонары и Вальсамона всегда пользовались особеннымъ уваженіемъ какъ въ греческой церкви, такъ и въ русской, не только ради ихъ внутренняго достоинства, но и вслѣдствіе одобренія ихъ высшею церковною властью ¹⁾. Будучи авторизованы ею, они слились съ текстомъ каноническаго кодекса Восточной церкви, такъ что на практикѣ сами сдѣлались источникомъ каноническаго права. Такъ, напримѣръ, Константинопольскій патріархъ Филоѳей (1362) ссылаясь на авторитетъ Вальсамонова толкованія для доказательства необязательности одного синодальнаго рѣшенія, состоявшагося при патріархѣ Алексѣѣ ²⁾. Поэтому уже въ первой половинѣ XIII в. прежніе некомментируемые списки Номоканона и Синтагмы признавались устарѣлыми, а лица, продолжавшія пользоваться такими списками, подвергались осужденію, какъ люди отсталые, недалекіе въ церковномъ законовѣдѣніи ³⁾.

1) Труды всѣхъ трехъ толкователей были предприняты ими, какъ мы знаемъ, не по собственному побужденію, а по порученію высшей правительственной власти. См. объ этомъ 97, 132 и 177 стр. нашего изслѣдованія.

2) Прав. св. Апост., въ рус. перев., съ толкован., предисл., стр. 8.

3) Такъ, одинъ неизвѣстный схоластъ, писавшій уже послѣ Зонары и Вальсамона, въ своемъ примѣчаніи на 2-е пр. Трулльскаго соб.

Вслѣдствіе столь выдающагося значенія, толкованія Аристина, Зонары и Вальсамона послужили обильнымъ источникомъ, которымъ пользовались какъ канонисты, такъ свѣтскіе юристы, при составленіи своихъ трудовъ. — Такъ авторъ весьма употребительнаго въ практикѣ Пространнаго Прохирона (*Prochiron auctum*), въ основаніе котораго былъ положенъ Прохиронъ Василия, Константина и Льва ¹⁾, многое, въ особенности въ титулахъ о бракѣ, заимствовалъ изъ комментарія Вальсамона ²⁾. — Много заимствованій у того же комментатора сдѣлалъ Матѳей Властарь, при составленіи своей алфавитной Синтагмы (1335), которая, благодаря удобствамъ системы и полнотѣ содержанія, пріобрѣла широкое распространеніе въ греческой церкви; надо, впрочемъ, замѣтить, что самъ Властарь не указываетъ на эти заимствованія; во всей своей Синтагмѣ онъ 6 разъ цитуетъ имя Вальсамона, но безъ указанія мѣстъ комментарія, откуда сдѣланы заимствованія ³⁾. — Въ томъ же XIV в. неизвѣстный переписчикъ, при списываніи алфавитной Синтагмы Матѳея Властаря (въ *Cod. тѣς ἀγίας Λαύρας* № 9), счелъ нужнымъ присоединить къ

говорить: „Я видѣлъ многихъ высокопоставленныхъ лицъ, которые пользовались старинными номоканонами. Рекомендую этимъ лицамъ и всѣмъ, кто имѣетъ нужду читать законы и каноны, не держаться прежнихъ номоканоновъ, а употреблять номоканонъ патріарха Фотія, истолкованный Зонарою и пространно разъясненный патріархомъ Антиохійскимъ, т. е. Вальсамономъ. *Beveregii Synodicon*, т. II. *Annot.*, стр. 128. Павловъ. Первоначальный славяно-русскій номоканонъ, стр. 65.

1) Время составленія Пространнаго Прохирона извѣстный Цахаріе относитъ къ концу XIII или началу XIV стол. *Zachariae. Jus gr-rom.* Т. VI. *Prochiron auctum. Proleg.*, часть VI.

2) Г. Нарбековъ въ своемъ изслѣдованіи: „Толкованіе Вальсамона на Номоканонъ Фотія“ представляетъ перечень мѣстъ, заимствованныхъ изъ комментарія Вальсамона. Всего авторъ Пространнаго Прохирона, говоритъ Нарбековъ, сдѣлалъ изъ толкованій Вальсамона 83 выдержки. (Нарбековъ, стр. 274 и слѣд.).

3) Заимствованія, сдѣланныя Властаремъ изъ комментарія Вальсамона, подробно указаны у г. Нарбекова (стр. 284—294).

различнымъ канонамъ толкованія Зонары и Вальсамона ¹⁾. — Комментаріемъ Вальсамона не непосредственно, а чрезъ вторыя руки, чрезъ Синтагму Матѳея Властаря, воспользовались также К. Арменопулъ для своей *ἐπιτομή τῶν θεῶν κανόνων* (составл. около половины XIV в.) ²⁾, и авторъ Аѳонскаго Номоканона, издаваемого у насъ при Большомъ Требникѣ (состав. въ XV в.) ³⁾. — Въ XVI в. толкованія Зонары и, въ особенности, Вальсамона послужили источникомъ весьма распространеннаго между греками номоканона Мануила Малакса ⁴⁾. — Наконецъ, когда предпринято было въ концѣ прошедшаго столѣтія изданіе греческой Кормчей книги (Пидаліона), издатели ея, при составленіи своихъ толкованій, пользовались, главнымъ образомъ, трудами Аристина, Зонары и Вальсамона: „Подъ подлиннымъ текстомъ правилъ, пишутъ издатели Пидаліона, мы положили на простомъ (новогреческомъ) нарѣчій истинныя греческія толкованія православныхъ и церковію свидѣтельствованныхъ толкователей божественныхъ и священныхъ каноновъ, прежде всего и большею частію и почти вездѣ имѣющаго первое мѣсто дивнаго и славнаго Іоанна Зонары, потомъ Θεодора Вальсамона и изрѣдка Алексѣя Аристина, чаще неизвѣстнаго и другихъ“ ⁵⁾. Надо впрочемъ, замѣтить, что издатели Пидаліона иногда полемизируютъ съ знаменитыми канонистами XII в. и подвергаютъ толкованія ихъ критикѣ, не всегда однако удачной и правильной. Такъ какъ изданіе греческой Кормчей и помѣщенныхъ

1) Ersch. und Gruber. Encyclopädie. Ч. 86, стр. 466.

2) Азаревичъ. Исторія византійскаго права. Ч. 2, стр. 342.

3) Павловъ. „Номоканонъ при Большомъ Требникѣ“. Записки Новороссійск. унив. Т. VIII, стр. 29.

4) Zachariae. Die Handbücher des geistlich. Rechts, стр. 3 и слѣд.

5) Никольскій. „Греческая Кормчая книга“, стр. 36. Заимствованія, сдѣланныя издателями Пидаліона изъ толкованій названныхъ канонистовъ, указаны г. Никольскимъ на стр. 99—133. Надо замѣтить, что издатели Пидаліона составленіе Синописа неправильно приписываютъ Аристину, а написанныя Аристиномъ толкованія на Синописъ считаютъ принадлежащими неизвѣстному толкователю.

въ ней толкованій предпринято и печатаніе совершенно по опредѣленію и повелѣнію святѣйшаго вселенскаго патріарха и святаго Синода, то въ этомъ самомъ выразилось уже и одобреніе толкованій Зонары, Вальсамона и Аристина высшею церковною властію православной греческой церкви. — Затѣмъ, такое же одобреніе вновь выражено было при изданіи церковныхъ правилъ съ толкованіями этихъ толкователей въ Аѳинахъ въ 1852—1854 гг., совершенномъ также „съ разрѣшенія святой и великой Христовой церкви (Константинопольской) и священнаго Синода церкви Еллинской“¹⁾.

Въ русской церкви толкованія Аристина и толкованія Зонары, которыя вошли въ составъ переведенной св. Саввою Сербскимъ Кормчей, стали извѣстны съ 1262 г., когда экземпляръ этой новой Кормчей полученъ былъ отъ болгарскаго деспота Іакова Святислава, родомъ русскаго, къ которому нашъ митрополитъ Кириллъ II обращался съ просьбою о присылкѣ этой книги; эти толкованія вошли и въ нашу печатную Кормчую, для печатнаго изданія которой былъ избранъ списокъ, принадлежащій къ сербской фамиліи. Но перевода трудовъ всѣхъ трехъ толкователей русская церковь не имѣла весьма долгое время. Правда, въ XVII в. сдѣланъ былъ переводъ Аристина, Зонары и Вальсамона Елифаніемъ Словеницкимъ и дополненъ въ томъ же вѣкѣ іеромонахомъ Евѣиміемъ, но остался неизданнымъ, хотя и былъ одобренъ патріархомъ Адріаномъ. Въ 1734 г. Св. Синодъ, по предложенію вице-президента его Оеофана Прокоповича, поручилъ синодальному переводчику Козловскому сдѣлать переводъ „Пандектъ“ Беверегія, въ которыхъ подъ правилами помѣщены подлинныя толкованія Вальсамона, Зонары и Аристина. Переводъ былъ сдѣланъ, но тоже остался неизданнымъ. — При изданіи „Книги правилъ“ (1839 г.), Св. Синодъ свои толкованія и примѣчанія, къ ней положенныя, заимствуетъ изъ Зонары (напр. на 5-е Апост. пр.) и Вальсамона (напр. на 71-е

1) Прав. св. Апост., въ рус. перев., съ толков., предисл. стр. 9.

пр. 6-го всел. соб.; 15-е, 18-е пр. Лаодик. соб. и др.), иногда именуя ихъ, иногда же не именуя ¹⁾. Выразивъ, такимъ образомъ, общее одобреніе толкованіямъ трехъ названныхъ толкователей, Св. Синодъ обращается и въ частныхъ случаяхъ къ ихъ толкованіямъ для обоснованія своихъ рѣшеній. Такъ, въ 1765 г. (авг. 17; проток. № 47) Св. Синодъ ссылаясь на Вальсамона ²⁾, по вопросу о нерасторженіи брака въ томъ случаѣ, когда свекоръ по насилію учинилъ кровосмѣшеніе съ своею невѣсткою (женою сына). А въ 1864 г. (февраля 17-го, проток. № 221) Св. Синодъ разрѣшилъ въ положительномъ смыслѣ вопросъ о дозволенности второбрачнымъ оставаться въ нисшихъ церковно-служительскихъ должностяхъ, на основаніи Вальсамонова толкованія на 18-е правило Апостольское ³⁾.

Комментарій Вальсамона имѣетъ также весьма важное значеніе, какъ источникъ для возстановленія нѣкоторыхъ памятниковъ византійскаго законодательства. На Западѣ его комментариемъ воспользовались юристы византологи (Конть, Куйяцій, Августинъ, бр. Питу, Витте, Фабротъ, Бонефидій, Леунклавій, Бинеръ, Геймбахъ, Цахаріэ фонъ-Лингенталь и др.) для возстановленія текста потерянныхъ частей Кодекса Юстиніана, Базиликъ, новеллъ византійскихъ императоровъ, жившихъ послѣ Василія Македонянина, и синодальныхъ и патриаршихъ опредѣленій, изданныхъ послѣ раздѣленія церквей ⁴⁾.

1) Тамъ же, стр. 9—10.

2) Именно, на толкованіе Вальсамона на 2 гл. XIII тит. Номоканона. *Σ. I.* 279.

3) Прав. св. Апост. съ толков., предисл. стр. 10. Толкованія Аристина, Зонары и Вальсамона занимаютъ также первое мѣсто между многочисленными источниками, которыми пользовался арх. Іоаннъ („Опытъ курса церков. законовѣдѣнія“), при изъясненіи церковныхъ правилъ. (См. его толков. на прав. Ап. 13, 20, 30, 32, 34, 39, 45, 56, 67, 71, 72, 78, 83 и мн. др.).

4) Mortreuil. *Hist. d. dr. byz.* т. I и III. Witte. *Die leges restitutae.* Ersch und Gruber. *Encyclopädie.* Ч. 86, стр. 467.

Печатныя изданія и переводы толкованій впервые появились на Западѣ. Раньше всего (въ 1558 г.) были изданы толкованія Зонары на Апостольскія правила въ Парижѣ профессоромъ каноническаго права въ Парижскомъ университетѣ Іоанномъ Квинтиномъ, при чемъ изданъ былъ одинъ только латинскій переводъ, безъ подлиннаго греческаго текста; нѣсколько позднѣе (въ 1613 г.) Антоніемъ Салматіа были изданы толкованія Зонары на правила соборовъ съ латинскимъ переводомъ этихъ толкованій. Черезъ 5 лѣтъ (въ 1618 г.) оба эти источника (Апостольскія правила и правила соборовъ), съ комментариемъ Зонары въ подлинномъ греческомъ текстѣ и латинскомъ переводѣ, были изданы вновь по рукописи Парижской библіотеки ¹⁾. — Позднѣе, чѣмъ комментарий Зонары на Апостольскія правила, но зато въ полномъ составѣ, былъ переведенъ на латинскій языкъ (въ 1562 г.) комментарий Вальсамона на Номоканонъ и каноническую Синтагму Фотія Гентіаномъ Герветомъ; переводъ этотъ Герветъ сдѣлалъ съ рукописи, которую онъ получилъ во время своего пребыванія въ Тридентѣ, когда тамъ былъ соборъ, отъ Іоанна Тилія, еп. Бріокскаго (теперь Cod. Paris. № 1331); изданъ былъ этотъ переводъ въ Парижѣ, безъ греческаго текста ²⁾. Въ томъ же году Генрихъ Агилей издалъ въ Базелѣ другой переводъ одного только Номоканона съ толкованіемъ Вальсамона по рукописи, принадлежавшей Бонифацію Амербаху. Въ 1615 г. появился греческій текстъ Номоканона и комментарія Вальсамона, съ присоединеніемъ перевода Агилея, изданный въ первый разъ Христофоромъ Юстелли по рукописи, найденной имъ въ Палатинской библіотекѣ. Въ 1620 г. издана была въ Парижѣ полная Синтагма Фотія, т.-е. Номоканонъ и собраніе правилъ, съ толкованіями Вальсамона, по рукописи, слѣды которой затерялись; пробѣлы этой рукописи, признанные самими издателями, были восполнены по

1) Ersch und Gruber. Encyclopädie. Ч. 86, стр. 462.

2) Mortreuil. Hist. d. dr. byz. т. III, стр. 440.

рукописи Ватиканской бібліотеки и по рукописи изъ бібліотеки Ахилла Гарлея; къ греческому тексту издатели присоединили латинскій переводъ Гервета, исправленный для Номоканона по переводу Агилея. Но, не смотря на пополненія, въ греческомъ текстѣ многого не доставало сравнительно съ латинскимъ переводомъ, такъ какъ много было такихъ пробѣловъ, которые не могли быть пополнены никакимъ греческимъ экземпляромъ¹⁾. Въ 1661 г. въ Парижѣ Вильгельмъ Велли и Генрихъ Юстелли перепечатали (во 2-мъ томѣ *Bibl. iuris canonici veter.*) это изданіе 1615 г., исправивъ его по рукописи кардинала Мазарини, при чемъ здѣсь въ первый разъ было напечатано двойное предисловіе Номоканона по рукописи Оксфордской бібліотеки²⁾ — Далѣе, въ 1672 г. въ Оксфордѣ появилось знаменитое изданіе Беверегія, подъ заглавіемъ „*Synodicon sive Pandectae canonum ecclesiae graecae*“. Изданіе это, содержащее полную каноническую Синтагму въ редакціи Фотія, съ помѣщенными послѣ текста каждаго правила толкованіями Вальсамона и Зонары, а также Синописисъ съ толкованіями Аристина, по справедливости пользовалось большимъ уваженіемъ не только на Западѣ, но и на Востокѣ; сдѣлано это изданіе по нѣсколькимъ рукописямъ и отличается рѣдкою добросовѣстностью. — Наконецъ, въ послѣднее время (1852—1854) появилось въ Аѳинахъ новѣйшее и самое лучшее изданіе толкованій Аристина, Зонары и Вальсамона, принадлежащее Ралли и Потли (*Ῥάλλη καὶ Πωτλῆ. Σύνταγμα κανόνων* etc.). Издатели воспользовались находящеюся въ бібліотекѣ митрополита Герасима Арголиса копіею древняго, замѣчательнаго какъ по полнотѣ содержанія, такъ и по правильности письма, Трапезундскаго кодекса, время происхожденія котораго, по мнѣнію Мортрейля, относится къ 1311 г. Въ Трапезундскомъ кодексѣ находятся цѣлыя отрывки толкованій Зонары и Вальсамона, до того вре-

1) Тамъ же, стр. 441.

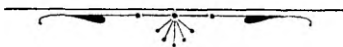
2) Тамъ же.

мени совершенно неизвѣстные. Послѣ текста каждаго правила помѣщены толкованія сперва Зонары, потомъ Вальсамона, наконецъ, Синописисъ съ толкованіями Аристина ¹⁾.

Послѣ Аристина, Зонары и Вальсамона мы уже не встрѣчаемъ въ греческой церкви выдающихся канонистовъ. Съ завоеваніемъ Константинополя, „одичалость и запустѣніе легли надъ покорными туркамъ землями византійской имперіи“ ²⁾; прекратилась всякая умственная и научная дѣятельность; для греческой церкви настали тяжелые дни. Лишь въ новѣйшее время, съ возникновеніемъ независимаго греческаго королевства, начинается новая эпоха, ознаменовавшаяся въ греческой канонической литературѣ изданіемъ упомянутаго труда Ралли и Потли.

1) Mortreuil. III, стр. 439. Ersch. Encyclopädie. Ч. 86, стр. 466.

2) Веберъ. Всеобщая исторія. Т. II, стр. 553.

Приложенія.

I.

Текст Синописа съ именемъ Стефана Ефесскаго, сохранившійся въ рукописи Вѣнской придворной библіотеки, по каталогу Lambecii Lib. III. № 48 ¹⁾. (Nesselius. Codex theolog. graecus. Pars. I. № 283 ²⁾).

ΣΤΕΦΑΝΟΥ ΕΦΕΣΟΥ ³⁾ ΚΑΝΟΝΙΚΗ ΣΥΝΟΨΙΣ.

Ἀποστόλων κανόνες εἰσὶν ὀγδοήκοντα πέντε· ἐνταῦθα δὲ μόνον ἐτέθησαν ἑβδομήκοντα ἕξ, ὡς τῶν ἑτέρων ἀθέντων· διὰ τὸ τὰ αὐτὰ ⁴⁾ τοῖς λοιποῖς ὀρίζειν.

1) Рукопись эта, по времени происхожденія относящаяся, какъ мнѣ кажется, въ XV вѣку, написана на бумагѣ, in quarto, и вслѣдствіе частыхъ сокращеній и слабости письма (отъ времени чернила въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно выцвѣли) является весьма трудною для чтенія. Она представляетъ одну изъ многихъ рукописей, принадлежавшихъ Іоанну Самбуку (Sambucus — историкъ и медикъ † 1584 г. въ Вѣнѣ), какъ видно изъ собственноручнаго его надписанія на первой страницѣ 1-го листа. Синописъ церковныхъ правилъ занимаетъ въ рукописи, состоящей изъ 55 листовъ, 4 послѣдніе листа (52,—55) и представляетъ самостоятельную статью (предъидущая 51, стр. пустая). Остальная часть рукописи (1,—51,) занята собраніемъ важнѣйшихъ изреченій изъ Ветхаго Заветъа, относящихся къ св. Троицѣ, Рождеству, страданіямъ І. Христа и прочимъ тайнамъ христіанской религіи неизвѣстнаго автора. Рукопись неполна: текстъ Синописа прерывается на послѣднемъ правилѣ Антиохійскаго собора и оканчивается начальными словами этого правила: Κύριος ὁ ἐπίσκοπος τῶν τῆς ἐκκλησίας ἑστω πρχμύτων..., такъ что указанные 4 листа содержатъ Синописъ Апостольскихъ правилъ и соборовъ — Никейскаго. Анкирскаго, Неокесарійскаго, Гангрскаго и Антиохійскаго. Всѣ правила писаны подъ рядъ, безъ обозначенія ихъ цифрами.

2) Для обозначенія рукописей въ Вѣнской придворной библіотекѣ (Burgbibliothek) принятъ каталогъ Несселя.

3) Не Ἐφεσίον, какъ неправильно пишутъ, слѣдуя каталогу Ламбеція, извѣстные византологи Бинеръ и Цахаріэ фонъ-Лингенталь.

4) Слова ἀθέντων διὰ τὸ τὰ αὐτὰ выцвѣли, и рукопись въ этомъ мѣстѣ попорчена.

Δύο ἢ τρεῖς ἐπίσκοποι χειροτονοῦσιν ἐπίσκοπον· εἷς δὲ πρεσβύτερον καὶ διάκονον.

Ἰερεὺς ὁ γάλα, ἡ μέλι, ἡ σίκερα, ἡ ξῶα, ἡ ὄσπρια τῷ θυσιαστηρίῳ πρῶσάγων, πλὴν χίδρων, καὶ σταφυλῆς⁵⁾), καὶ ἐλαίου, καὶ θυμιάματος, καθαιρεῖσθω.

Αἱ ὀπῶραι οἴκοι πεμπέσθωσαν, ἅς οἱ πρῶτοι τοῖς ἐξῆς διανέμοιεν.

Τὴν βοηθὸν ἱερεὺς ἐκβάλλων ἀποβαλλέσθω⁶⁾), μὴ εἰσάγων δὲ καθαιρεῖσθω.

Κοσμικὰς φροντίδας ἀναδεχόμενος⁷⁾ ἱερεὺς, ἀνάξιος⁸⁾).

Καθαίρεται ὁ τελῶν μετὰ Ἰουδαίων τὸ πάσχα.

Ἰερούς ὁ μὴ μεταλαμβάνων λεγέτω τὸ αἵτιον, ἀφοριζέσθω δὲ, μὴ λέγων· ὑποπτον γὰρ πεποίηκε τὸν προσάγοντα.

Ἀφορίσεις τὸν τῇ εὐχῇ καὶ τῇ μεταλήψει μὴ παραμένοντα.

Ὁ συνευχόμενος ἀκοινωνητῷ, ἡ καθηρημένῳ, ταυτοκατάκριτος⁹⁾).

Ὁ δεξάμενος τὸν ἄλλοθεν ἄδεκτον, ἀδεκτότερος.

Ὁ τὸν ἀφορισμὸν ψευδόμενος, ἀδεκτότατος.

Θρόνον οὐκ ἐπιπηδήσεις ἐκ θρόνου, εἰ μὴ τοῖς ἐκεῖ λυσιτελέστερος, ὡς διδακτικώτατος κρίνοιο· καὶ τοῦτο πολλῶν ἐπισκόπων διακρίσει καὶ παρακλήσει.

Κληρικὸς ἅπας ὁ τῆς οἰκείας ἐκστάς, καὶ τὴν ἀλλοτρίαν οἰκῶν, καὶ πρὸς τοῦ ἐπισκόπου δυσωπούμενος, καὶ οὐ παλινოსτῶν, ἀκοινώτητος· καὶ τοῦτον ὁ ἐν γνῶσει κατέχων, ταυτοκατάκριτος¹⁰⁾).

Ἀνίερος ἅπας δίγαμος, ἡ παλλακὴν ἐπιτρέφων.

Ἀπολελυμένην, ἡ χήραν, ἡ θεράπαιναν, ἡ μαινάδα λαβὼν ἱερεὺς, ἀνίερος¹¹⁾).

5) Въ изданномъ у Велли и Юстелли Синописи съ именемъ Аристина, къ которому ближе всего подходит настоящій списокъ Синописца, вм. σταφυλῆς находимъ σταφυλῶν. (Bibl. iuris canon. veter. T. II, стр. 673).

6) Въ Синописи съ именемъ Аристина ἀφορίζεσθω. Тамъ же.

7) Въ Синописи съ именемъ Аристина δεχόμενος.

8) ἀνίερος.

9) αὐτοκατάκριτος.

10) αὐτοκατάκριτος. Стр. 674.

11) ὄντως ἀνίερος.

Οὐ κεκλήρωται ὁ δύο ἀδελφάς, ἡ ἀδελφήν¹²⁾ καὶ ἀνεψιὰν ἀγαγόμενος.

Κληρικὸς ἐγγύας οὐ δίδωσιν.

Εὐνοῦχος ἱεράται· ἐκτομίας δέ, οὐ.

Ὁ μετὰ κλῆρον ἐκτεμὼν ἑαυτὸν¹³⁾, καθαιρεῖται¹⁴⁾.

Ἐαυτὸν¹⁵⁾ ἐκτεμὼν λαϊκὸς, ἐπὶ τριετίαν ἀφώρισται.

Πορνεία σχεθεὶς ἱερεὺς, ἡ ἐπιορκία, ἡ κλέμματα, καθαιρεῖται¹⁶⁾.

Ὁ ἱερασθαι μέλλων, εἰ βούλοιτο, προγάμοιτο¹⁷⁾.

Ἱερεὺς πιστὸν, ἡ ἄπιστον τυπτήσας, καθαιρεῖται.

Ὁ καθαιρεθεὶς εὐλογώτατα, εἰ τῶν θείων ἄψεται πάλιν, ἐκκηρυκτότατος.

Ἐπὶ χρήμασι ἱερεὺς μετὰ τοῦ χειροτονήσαντος καθαιρούμενος, ἀφορίζεται¹⁸⁾.

Ὁ ἐξ ἀναιτίου σχισθεὶς ἐπίσκοπος, καὶ πηγνὺς ἄλλο θυσιαστήριον, μετὰ τῶν συναιρόντων ἔξοι τὸ ἔκπτωτον¹⁹⁾.

Ἄδεκτος ἐτέροις ὁ ἐξ ἐτέρου περιόντος ἀφωρισμένος.

Ἐένος ἱερεὺς δίχα συστατικῶν οὐ προσδέχεται, καὶ ἔχων, ἐπανακρίνεται, καὶ εἰ τῶν ὀρθοτομῶν²⁰⁾, προσίεται· εἰ δ' οὖν, ἐφοδιαζόμενος²¹⁾ ἀποπέμπεται.

Δίχα τοῦ πρώτου ποιεῖ οὐδὲν ἐπίσκοπος²²⁾ εἰ μὴ τὰ τῆς²³⁾ παροι-

12) Слова ἀδελφῆν у Велли и Юстелли нѣтъ.

13) ἑαυτὸν ἐκτεμὼν.

14) κατήρηται.

15) Ὁ ἑαυτὸν.

16) κατήρηται.

17) προγαμείτω.

18) Въ Синописи сѣ съ именемъ Аристина читаемъ : Ὁ ἐπὶ χρήμασιν ἱερεὺς, μετὰ τοῦ χειροτονήσαντος καθαιρούμενος ἔσται, καὶ κατὰ Σίμωνα εἰσαεὶ ἀκοινωνήτος. И далѣе : Ὁ δι' ἀρχόντων ἐπίσκοπος, καθαιρούμενος ἀφορεζέσθω.

19) Въ Синописи сѣ съ именемъ Аристина : μετ' αὐτοῦ ἔξει τὸν ἔκπτωτον.

20) τοὺς ὀρθοτομοῦντας. Въ изданномъ у Велли и Юстелли Синописи сѣ съ именемъ Симеона Магистра тоже τῶν ὀρθοτομῶν. (Т. II, стр. 712).

21) ἀφοριζόμενος. Въ Синописи сѣ съ именемъ Симеона Магистра тоже ἐφοδιαζόμενος. (Тамъ же).

22) ὁ ἐπίσκοπος.

23) Слова еἰ μὴ τὰ τῆς выцвѣли, и рукопись въ этомъ мѣстѣ попорчена.

κίας αὐτοῦ· καὶ ὁ πρῶτος ἄτερ ἐκείνου οὐδὲν, διὰ τὴν ὀφειλομένην ὁμόνοιαν.

Μὴ χειροτονεῖν ὑπερόρια· ὁ δὲ παρὰ γνώμην ²⁴⁾ τῶν ἐγγχωρίων ἐπιτελῶν, μετὰ τοῦ τελουμένου ²⁵⁾ ἀτελέστατος.

Ὁ νεοπρόβλητος, εἰ δυσανασχετεῖ πρὸς τὸ ἐγχειρίημα, ἀφορίζεται, μέχρις ἂν παραδέξηται· εἰ δὲ παρὰ τοῦ λαοῦ μὴ δεχθῇ, ὁ κληρὸς ἀφορίζεται, ὅτι μὴ τὸν ὄχλον πεπαίδευεν, ὁ δὲ ἐστὶν ἐπίσκοπος.

Δίς κατ' ἔτος οἱ ἐπίσκοποι συνιέτωσαν διὰ τὰ δόγματα καὶ τὰ πράγματα· τὰ πρῶτα ²⁶⁾ μὲν, τῇ τετάρτῃ τῆς πεντηκοστῆς ἐβδομάδι· τῇ δὲ τοῦ ὑπερβερεταίου δεκάτῃ, τὸ δεύτερον ²⁷⁾.

Διοικεῖτω μετὰ κυρίας ²⁸⁾ ὁ ἐπίσκοπος τὰ τῆς ἐκκλησίας ²⁹⁾ πράγματα, μῆτι τούτων συγγενεῖ, εἰ μὴ ³⁰⁾ πέννιτι, χαριζόμενος.

Ἄτερ ἐπισκόπου ποιεῖ πρεσβύτερος καὶ διάκονος οὐδὲν· ³¹⁾ καὶ γὰρ οὗτος πεπίστευται τὸν λαόν.

Τὰ τῆς ἐκκλησίας, καὶ τὰ τοῦ ἐπισκόπου προκείσθω πράγματα φανερά· ἵνα καὶ ὁ ἐπίσκοπος διατιθῇται, καὶ μένοι καὶ ³²⁾ ἡ ἐκκλησία ἀζήμιος.

Ἐξουσιαζέτω τῶν ἐκκλησιαστικῶν ὁ ἐπίσκοπος πραγμάτων, καὶ τῶν ψυχῶν γάρ· καὶ διοικεῖτω πάντα κατὰ τὴν θεῖαν ἀρέσκειαν.

Ὁ κυβιστής καὶ πάροινος ἱερεὺς, εἰ οὐ παῦοι, καθαιρεῖται, κληρικὸς δὲ καὶ λαϊκὸς ἀφορίζεται ³³⁾.

24) τὴν γνώμην.

25) Слово μετὰ τοῦ τελουμένου въ Синописѣ съ именемъ Аристина нѣтъ, въ Синописѣ же съ именемъ Симеона Магистра они находятся.

26) πρῶτον.

27) δεύτερον δὲ, ὑπερβερεταίου δωδεκάτῃ.

28) κυρίας. Въ Синописѣ съ именемъ Симеона Магистра κυρίας. (Стр. 712).

29) τὰ τῆς ἐκκλησίας ὁ ἐπίσκοπος.

30) εἰ μὴ ὧς.

31) Въ Синописѣ съ именемъ Аристина порядокъ словъ иной: ποιεῖ πρεσβύτερος οὐδὲν, καὶ διάκονος.

32) Слова καὶ въ Синописѣ съ именемъ Аристина нѣтъ.

33) Это правило въ Синописѣ, изданномъ Велли и Юстелли съ именемъ Аристина, разбито на два; изъ нихъ первое читается такъ:

Ὁ κυβιστής καὶ πάροινος ἱερεὺς, εἰ οὐ παῦοι, καθήρηται.

Τόκους ἀπαιτῶν δανείου ἱερεὺς, εἰ μὴ ³⁴⁾ παύοι, καθαιρεῖται ³⁵⁾.
 Ὁ συνευχόμενος αἵρετικοῖς, ἀφορίζεται· καθαιρεῖται δέ καὶ ³⁶⁾
 κληρικοὺς τούτους ἡγούμενος·

Βάπτισμα καὶ θυσίαν δεξάμενος αἵρετικὴν ³⁷⁾ ἱερεὺς, ἀνίερος.

Ὁ ἀναβαπτίζων τὸν ὄντως βεβαπτισμένον, καὶ ὁ ³⁸⁾ μὴ ἀνα-
 βαπτίζων τὸν μεμολυσμένον ἀσεβόθεν, ἀνίερος.

Τὴν οἰκείαν ³⁹⁾ ἐκβάλλων ὁ κοσμικὸς, καὶ ἄγων ἑτέραν, ἢ ἀπο-
 λευμένην, ἀφοριστέος.

Ὁ μὴ βαπτίζων εἰς πατέρα, καὶ υἱὸν, καὶ ἅγιον πνεῦμα, ἀλλὰ
 παρεκβαίνων, ἀνίερος.

Ὁ μὴ τρισὶ μυῶν καταδύσειν, ἀλλὰ μᾶ εἰς τὸν τοῦ Κυρίου
 θάνατον, ὃ μὴ ὁ Κύριος εἶπεν, ἀνίερος.

Κληρικὸς ἅπας γάμον, καὶ κρέας, καὶ οἶνον βδελυσσόμενος, εἰ
 μὴ διορθοῖτο, ἐκκήρυκτος.

Ὁ τοῖς μετανοοῦσι μὴ συγγινώσκων, ἀσυγγνωστότερος.

Μὴ μεταλαμβάνων ἱερεὺς οἴνου, καὶ κρεῶν, εἰ μὴ διὰ ἄσκησιν,
 καθαιρεῖται ⁴⁰⁾.

Ὁ δίχα τῆς κατὰ τρίβον ἀνάγκης κληρικὸς ἐσθίων εἰς καπη-
 λεῖον ⁴¹⁾ ἀφοριστέος.

Υἱοποιεῖν ἐπίσκοπον κληρικὸς, καθαιρεῖται· πρεσβύτερον δὲ καὶ
 διάκονον, ἀφορίζεται· ὁμοίως ⁴²⁾ δὲ καὶ κωφὸν, καὶ τυφλὸν, καὶ χωλὸν ⁴³⁾
 διαχλευάζων.

Τὴν εὐσέβειαν οὐ διδάσκων ἐπίσκοπος, ἀφορίζεται· καθαιρεῖται
 δὲ μένων ἀδίδακτος.

Второе :

Κληρικὸς, καὶ λαϊκὸς τὰ ὅμοια πράττων ἀφορίζεται.

34) οὐ.

35) καθήρηται.

36) Слова καὶ въ Синописѣ съ именемъ Аристина нѣтъ.

37) αἵρετικῶν δεξάμενος.

38) Члена ὁ нѣтъ.

39) Τὴν οἰκείαν γαμετὴν.

40) καθήρηται.

41) εἰς καπηλεῖον ἐσθίων.

42) πρεσβύτερος δὲ, καὶ διάκονος ἀφορίζεται· ὡσαύτως.

43) καὶ χωλὸν, καὶ τυφλὸν.

VIII

Ἐπιδεῖα κληρικὸν ἱερεὺς οὐκ εὐεργετῶν, ἀφορίζεται· καθαιρεῖται δὲ μένων ἀνέλεος.

Ὁ ἀσεβοὺς βίβλον ἐκκλησιάζων, καθαιρεῖται.

Πιστὸς ἐλεγχθεὶς ἐπ' ἐγκήμασιν, ἄκληρος.

Ὁ ἄρνησίχριστος, καὶ ἀπόβλητος· ὁ δὲ τὸν κληρὸν ἀθετῶν καὶ μεταστρέφων, κατὰ λαϊκὸν προσιτός.

Γενόμενος θύτης πνικτοῦ, ἢ θηριαλώτου, ἢ θνησιμαίου, καθαιρετέος· ὁ δὲ λαϊκὸς, ἀφορίζεται.

Ὁ Ἰουδαίος συνευχόμενος, ἀφορίζεται.

Φονεὺς κληρικὸς, καθαιρεῖται· λαϊκὸς, ἀφορίζεται.

Κυριακὴν, ἢ σάββατον ὁ νηστεύων, πλὴν ἑνὸς σαββάτου ⁴⁴⁾, ἀποκήρυκτος.

Ὁ βιασάμενος κόρην, ἀφοριζόμενος κατεχέτω, καὶ ἄπορον αὐτὴν ὑπάρχουσαν ⁴⁵⁾.

Ὁ δις χειροτονηθεὶς ⁴⁶⁾ μετὰ τοῦ χειροτονούντος καθαιρεῖται, εἰ μὴ αἵρετικὴ χεὶρ ἢ προτέρα ⁴⁷⁾.

Τὸν οὐκ ἀσιτοῦντα τὴν τεσσαρακοστὴν, ἢ τετράδα, καὶ παρασκευὴν, κληρικὸν καθαιρήσεις· τὸν δὲ λαϊκὸν ἀφορίσεις· εἰ μὴ δι' ἀσθένειαν ἐμποδίζωνται.

Λαϊκὸν ἀφορίσεις ἰουδαίζοντα· τὸν δὲ κληρικὸν καθαιρήσεις.

Ἀφορίζεται ὁ κηρὸν, ἢ ἔλαιον τῆς ἐκκλησίας συλῶν, μετὰ καὶ τοῦ ⁴⁸⁾ πενταπλοῦν τοῦτο κατατιθέναι.

Ὁ ἱερὰ σκεύη εἰς χρῆσιν σφετεριζόμενος, ἀφορίζεται.

Κατηγορούμενος ἐπίσκοπος, καὶ καλούμενος, καὶ οὐκ ⁴⁹⁾ ἀκούων, καὶ δις καλείσθω καὶ τρίς· τοῦ δὲ ἐπιμένοντος, τὸ δόξαν ἢ σύνοδος ἀποφαίνοτο.

Αἵρετικὸς οὐ κατηγορεῖ ἐπίσκοπον, οὐδὲ πιστὸς εἷς.

Ἐπίσκοπον ἀντ' αὐτοῦ ἐπίσκοπος ἀποβιούς οὐ καθίστησιν.

44) Слова сабβάту нѣтъ.

45) οὖσαν. Въ Синописѣ съ именемъ Симеона Магистра ὑπάρχουσιν. (Стр. 714).

46) χειροτόνητος.

47) ἢ πρότερον.

48) μετὰ τοῦ καί.

49) μὴ.

Γίνεται χωλὸς καὶ ἑτερόφθαλμος, ἄξιος ὑπάρχων, ἐπίσκοπος· ὁ μέντοι τυφλὸς καὶ κωφὸς, οὐ γενήσεται.

Ὁ δαιμονῶν οὐ κληροῦται, οὐδὲ συνεύχεται· μετὰ δὲ τὸν καθαρμόν, εἰ ἄξιός ἐστι, γίνεται.

Οὐκ ἐπισκοπεῖ νεοφώτιστος, οὐδὲ διὰ ταχέων ὁ ἐκ φαύλης διαγωγῆς προΐων.

Ἐπίσκοπος ἀνεπίσκοπος, ὁ δημόσια χειριζόμενος.

Οἰκέτης ἀκλήρωτος· ὁ δ' ἐπάξιος ⁵⁰⁾, ἐλευθερωθεὶς προβιβάζεται.

Ἱερεὺς ⁵¹⁾ ἄρχων, ἀνίερως.

Ὁ ἄρχοντα καὶ βασιλέα παρὰ θέμιν ⁵²⁾ ὑβρίζων, τιμωρητέος.

Σεβάσμος μόνῃ ἢ ἐξηκοντάβιβλος ⁵³⁾.

Κανόνες τῶν ἐν Νικαίᾳ πρώτως συνελθόντων.

Οἱ εὐνοῦχοι εἰς κληρον δεχέσθωσαν· οὐ μὴν δὲ καὶ οἱ τέμνοντες ἑαυτοὺς ⁵⁴⁾.

Οἱ ἐξ ἐθνικοῦ βίου μὴ ταχέως εἰς πρεσβυτέριον ἀγέσθωσαν· δίχα γὰρ τῆς διὰ χρόνου δοκιμασίας, κακὸς ὁ νεόφυτος.

Εἴ τις καὶ ⁵⁵⁾ μετὰ χειροτονίαν ἀμαρτήσας ἀποδειχθεῖν ἢ πρότερον, ἢ ὕστερον ⁵⁶⁾, οὗτος πεπαύσθω τοῦ κλήρου.

Ἐπείσακτον μήτις ἐχέτω, μητρὸς δίχα, καὶ ⁵⁷⁾ ἀδελφῆς, καὶ τῶν προσώπων, ἃ πᾶσαν ὑπόψιν ἀποδιδράσκει.

Ἐπίσκοπος ὑπὸ πάντων τῶν ἐπαρχιωτῶν καθίσταται· εἰ δὲ μὴ, τέως τριῶν, ὑπολοίπων ⁵⁸⁾ διὰ γραμμάτων γινομένων συμφήφων· τὸ μέντοι κράτος ὁ μητροπολίτης ἐχέτω.

Οἱ ἐξ ἐτέρων ἀφοριζόμενοι, ὅφ' ἐτέρων μὴ προσδεχέσθωσαν, πλὴν εἰ μὴ διὰ μικροψυχίαν, ἢ φιλονεικίαν, ἢ τι τοιοῦτον ὁ ἀφορισμὸς γέγονεν.

50) ὁ δὲ ὢν ἄξιος.

51) Ὁ ἱερεὺς.

52) τὸ θέμις.

53) Σεβάσμιος ἢ ἐξηκοντάβιβλος μόνον.

54) οἱ δὲ τέμνοντες ἑαυτοὺς, οὐ δεχέσθωσαν.

55) Слова καὶ нѣтъ.

56) πρότερον, ὕστερον (частицъ ἢ нѣтъ).

57) χωρὶς μητρὸς, ἢ.

58) τῶν ὑπολοίπων.

Αἰγύπτου, καὶ Λιβύης, καὶ Πενταπόλεως ὁ Ἀλεξανδρεὺς ἐχέτω τὴν ἐξουσίαν· καὶ ὁ Ῥώμης τῶν ὑπὸ Ῥώμην· καὶ οἱ ⁵⁹⁾ ἐν Ἀντιοχείᾳ, καὶ οἱ λοιποὶ τῶν οἰκείων.

Εἴ τις ἐπίσκοπος τοῦ πρώτου δίχα γένηται γνώμης, μὴ ἔστω ἐπίσκοπος.

Ἐπὶ τὴν τῶν πολλῶν ψῆφον, γινομένην κατὰ κανόνα, εἰ τρεῖς τινες ἀντιλέγουσιν ⁶⁰⁾, εἶεν ἀβέβαιοι.

Ὁ ἐπίσκοπος Αἰλίας τιμάσθω, σωζομένου τῇ μητροπόλει τοῦ αὐτῆς ἀξιώματος.

Οἱ καθαροὶ προσερχόμενοι πρῶτον ὁμολογεῖτωσαν, ὅτι συνθήσσονται τοῖς τῆς ἐκκλησίας θεσμοῖς, καὶ κοινωνήσουσι διγάμοις, καὶ συγχωρήσουσι τοῖς παραπεπτωκόσι· καὶ οὕτως ⁶¹⁾ οἱ εὕρισκόμενοι κεχειροτονημένοι εἶεν ἐν τῷ αὐτῷ τάγματι· ὅλον, ὁ μὲν κυρίως ἐπίσκοπος, εἴη ἐπίσκοπος· ὁ δὲ παρὰ τοῖς καθαροῖς ἐπίσκοπος, ἢ χωρεπίσκοπος ἔσται ⁶²⁾, ἢ πρεσβυτέρου τιμὴν, ἢ ἐπισκόπου κεκτῆσθω· οὐ γὰρ ἔσονται δύο εἰς μίαν πόλιν ἐπίσκοποι.

Οἱ ἀνεξετάστως χειροτονούμενοι, εἰ ἐξῆς ἐλέγχοντο, ὅτι ἡμαρτον ὄντως, πεπαύσθωσαν.

Ὅσοι χωρὶς ἀνάγκης παρέβησαν, εἰ συγγνώμης ἦσαν ἀνάξιοι, συγγνώμης τινὸς ἀξιούμενοι, δωδεκαετίαν ⁶³⁾ ὑποπιπτέτωσαν.

Οἱ βιαζόμενοι, καὶ δόξαντες ἀντιστῆναι, εἴτα καταθέμενοι τῇ ἀσεβείᾳ, καὶ ἀναστρατευσάμενοι, δεκαετίαν ἀφοριζέσθωσαν.

Σκοπητέον ἐφ' ἅπασιν τὸ εἶδος τῆς μετανοίας· καὶ θερμότερως μὲν μεταμελομένον τοῦ δεξαμένου τὸ ἐπιτίμιον, φιλανθρωπότερον ὁ ἐπίσκοπος διατιθέστω· ψυχρότερως δὲ, δραστικώτερον.

Οἱ ἐξοδευόμενοι κοινωνεῖτωσαν· εἰ δέ τις αὐτῶν ὑγιάνοι, ἔστω μετὰ τῶν τῆς εὐχῆς κοινωνούντων, καὶ μόνον.

59) καὶ ὁ.

60) ἀντιλέγουσιν.

61) Слова οὕτως въ изданномъ у Велли и Юстелли Синописи съ именемъ Аристина нѣтъ; но въ Синописи съ именемъ Симеона Магистра оно находится. (Стр. 715).

62) ἔστω.

63) ιβ' ἔτη.

Εἴ τις παραπέσοιτο κατηχούμενος, οὕτωςί τρισὶν ἔτεσιν ἀκράσθω, καὶ μόνον· εἶτα μετὰ τῶν κατηχουμένων εὐχέσθω.

Ἐκ πόλεως εἰς πόλιν μήτε ἐπίσκοπος, μήτε πρεσβύτερος, μήτε διάκονος μεταβαίνέτω· ἐπεὶ πάλιν ἀποδοθήσονται ταῖς ἐκκλησίαις, ἐν αἷς κεχειροτόνηνται.

Ὅσοι πρεσβύτεροι καὶ διάκονοι τῆς ἐκκλησίας ἀναχωρήσουσιν, ἀδεκτοὶ εἰς ἑτέρας ἐκκλησίας γενήσονται· ἀλλ' ἐπιστρεφέντων εἰς τὰς αὐτῶν⁶⁴⁾ παροικίας· εἰ δέ τις τὸν ἑτέρῳ διαφέροντα χειροτονήσῃ δίχα γνώμης τοῦ οἰκείου ἐπισκόπου, ἀκυρὸς ἡ χειροθεσία.

Εἴ τις τόκους, ἢ ἡμιολίας λαμβάνοι⁶⁵⁾, ἀλλότριος ἔσται, μετὰ τὸν ὅρον τοῦτον⁶⁶⁾ τῆς ἐκκλησίας καθαιρούμενος.

Οἱ διάκονοι τοῖς ἰδίοις μέτροις μενέτωσαν, μηδὲ μέσον πρεσβυτέρων καθεξέσθωσαν· παρὰ κανόνα γὰρ καὶ εὐταξίαν ἐστὶν, εἴτι⁶⁷⁾ τοιοῦτον γένοιτο.

Οἱ Παυλικιανοὶ ἀναβαπτίζονται· καὶ εἴ τινες κληρικοὶ ἄμεμπτοι δείκνυνται, ἀναβαπτισθέντες χειροτονείσθωσαν· εἰ δὲ μὴ ἄμεμπτοι δείκνυνται, καθαιρεῖσθωσαν.

Αἱ διακόνισσαι ἐξαπατηθεῖσαι, ἐπεὶ μὴ χειροτονίας μετέχουσιν, ἐν τοῖς λαϊκοῖς ἐξεταζέσθωσαν.

Ἐν ταῖς κυριακαῖς οὐ δέον κλῖναι τὸ⁶⁸⁾ γόνυ, ἀλλ' ὀρθίτους εὐχεσθαι τοὺς ἀνθρώπους.

Τῶν ἐν Ἀγκύρᾳ.

Πρεσβύτεροι καὶ διάκονοι, τὸ πρὶν ἐπιθύσαντες, εἶτα ἐξ ἀληθείας ἀναπαλαίσαντες, μόνῃ τῆς καθέδρας καὶ τῆς τιμῆς μετεχέτωσαν, μηδὲν τῶν ἁγίων ἐπιτελοῦντες.

Οἱ βασανισθέντες καὶ βιασθέντες ἀληθῶς, καὶ μετὰ τυραννίδος βρώμα⁶⁹⁾ λαβόντες εἰδώλου, τῆς κοινωνίας μὴ κωλυέσθωσαν· καὶ

64) ἐαυτῶν.

65) ἡμιόλια λαμβάνει.

66) Слова тоутоу въ Синописисѣ съ именемъ Аристіна нѣтъ, но въ Синописисѣ Симеона Магістра оно находится. (Стр 716).

67) εἴ τι καὶ.

68) Члена τὸ нѣтъ.

69) βρώματα.

λαϊκοὶ δὲ τοῦτο παθόντες, ὥς οὐδὲν ἡμαρτηκότες, εἰ βούλαιντο χειροτονίας τυχεῖν, τυγχάνετσαν, ἄλλως ἀνεπίληπτοι ὄντες.

Ὅσοι ἀπαγόμενοι μετὰ θυμηδίας ἀνῆλθον καὶ ἔφαγον, ἐπὶ ἐξαετίαν ὑποπιπτέωσαν.

Οἱ μετὰ πενθικῆς στολῆς ἀνελγλυθότες, καὶ φαγόντες μετὰ δακρύων, τριετίαν ὑποπιπτέωσαν· εἰ δὲ μὴ ἔφαγον, διετίαν.

Ὁ προάγων βίος, καὶ ὁ ἐπόμενος ⁷⁰⁾ σπουδαῖος ὢν, ἢ οὐ σπουδαῖος, τὸν ἐπίσκοπον φιλανθρωπότερον, ἢ ἀφιλάνθρωπον ⁷¹⁾ δείκνυσιν.

Ἀνὴρ ἀπειλῇ μόνον ἐξας, καὶ θύσας, εἶτα μεταμεληθεὶς ⁷²⁾, πενταετίαν ὑποπιπτέτω.

Ἐάν τις, ἴδια βρώματα ἔχων, συνειστιάθῃ τοῖς ἔθνεσιν ἐν ταῖς ἑορταῖς αὐτῶν, διετίαν ὑποπιπτέτω.

Ὁ δεῦτερον καὶ τρίτον θύσας, ἀλλὰ μετὰ βίας, ἐπταετίαν ὑποπιπτέτω.

Ὁ μὴ μόνον ἐθελουσίως τεθυκώς, ἀλλὰ καὶ ἕτερον ἀναγκάσας, δεκαετίαν ὑποπιπτέτω ⁷³⁾.

Ὁ μέλλων διάκονος χειροτονεῖσθαι, εἰ προεμαρτύρατο ⁷⁴⁾ μὴ δύνασθαι καρτερεῖν ἄγαμος, γαμήσας ἔστω διάκονος· εἰ δὲ σιωπήσας ἔγγμεν ὕστερον, ἀποβαλλέσθω.

Εἰ ἐμνηστεύθῃ κόρη, ἡρπάγῃ δὲ παρ' ἄλλου, τῇ προτέρῃ ἀποκαθίσταται.

Ὁ πρὸ τοῦ βαπτίσματος θύσας, ἀνεύθυνος ἔστω μετὰ τὸ βάπτισμα. Χωρεπίσκοπος οὐ χειροτονεῖ ἀνευ ἐπιτροπῆς ἐπισκόπου.

Ἱερατικός, κρεῶν ἀπεχόμενος, γευσάμενος μόνον, οὕτως ἀπεχέστω· εἰ δὲ μὴδὲ τῶν μετὰ κρέατος γεύοιτο λαχάνων, πεπαύσθω.

70) После слова ὁ ἐπόμενος въ Синописѣ съ именемъ Аристина стоятъ слова ὁ τῶν παραπιπτόντων δηλονότι (стр. 680), которыхъ въ рукописи нѣтъ.

71) ἀφιλάνθρωπότερον.

72) μετανοήσας.

73) Порядокъ правилъ: Ὁ δεῦτερον καὶ.... Ὁ μὴ μόνον.... въ рукописи тотъ же, какъ и въ Синописѣ съ именемъ Симеона Магистра (стр. 722); въ Синописѣ же съ именемъ Аристина сперва помѣщено правило, начинающееся словами: Ὁ μὴ μόνον..., а за тѣмъ уже правило, начинающееся словами: Ὁ δεῦτερον καὶ...

74) Въ Синописѣ съ именемъ Аристина προεμαρτύρετο τῇ ἐπισκόπῃ.

XIII

Ἐάν τι τῆς ἐκκλησίας πρεσβύτεροι διαπράσσοιεν, ἔστω ἀβέβαια, καὶ μενέτω τῇ κρίσει τοῦ ἐπισκόπου.

Ὁ ἀλογευσάμενος πρὸ τῶν εἴκοσι χρόνων, πεντεκαίδεκα ἔτεσιν ὑποπιπτέτω· εἰ δὲ καὶ τὴν ἡλικίαν ταύτην ὑπερβάς, καὶ τὴν γυναῖκα ἔχων, εἴκοσι πέντε ἔτεσιν ὑποπιπτέτω· ὁ δὲ ⁷⁵⁾ καὶ γυναῖκα ἔχων, καὶ ὑπὲρ τὰ πεντήκοντα τελῶν ἔτη, ἄχρι τῆς ἐξόδου ὑποπιπτέτω.

Ὁ λεπρὸς ἀλογευσάμενος, ἢ ⁷⁶⁾ λεπρωθεὶς, τοῖς χειμαζομένοις συνεύχαιτο.

Ὁ ἐπίσκοπος καταστάς, εἰ οὐ δέχεται παρὰ τῆς παροικίας, εἰς ἣν ἐκλήθη, ἀλλ' ἑτέροις ἐπισκόποις ἐνοχλεῖ, ἀφορίζεσθω· εἰ δὲ τοῖς πρεσβυτέροις ἐθέλοι συναριθμεῖσθαι, συναριθμοῖτο· εἰ δὲ καὶ τοῖς ἐκεῖ ἐπισκόποις διαστασιάζοι, ἀπωθεῖσθω καὶ τῆς τοῦ πρεσβυτέρου τιμῆς.

Ὁ ἐπαγγειλάμενος παρθενίαν, καὶ ἀθετῶν, τετραετίαν ⁷⁷⁾ ἀφορίζεσθω.

Αἱ παρθένοι ὡς ἀδελφοῖς τισὶ μὴ προσίτωσαν.

Ἡ μοιχαλὶς καὶ ὁ μοιχὸς ἐπταετίαν ἀφορίζεσθωσαν.

Αἱ πόρναι λαμβάνουσαι φθόρια, δεκαετίαν ὑποπιπτέτωσαν.

Ὁ αὐθαίρετος ἀνδροφόνος, ἐν τῷ τέλει τοῦ τελείου ⁷⁸⁾ τυγχανέτω.

Ὁ ἀκούσιος φονευτῆς, πενταετίαν ὑποπιπτέτω.

Ὁ καταμαντευόμενος, καὶ ὁ εἰσάγων τινὰ τοῖς οἴκοις ἐπ' ἀνευρέσει φαρμακείας, ἢ καθάρσει, πενταετίαν ὑποπιπτέτω.

Κόρην τις μνηστευσάμενος προσεφθάρῃ τῇ ἀδελφῇ αὐτῆς, εἴτα τὴν μνηστὴν ἔλαβεν· ἢ πρώτη ἀπήγγεστο· καὶ οἱ συνειδότες δεκαετίαν ὑποπιπτέτωσαν.

Τῶν ἐν Νεοκαισαρείᾳ.

Γήμας πρεσβύτερος, μετατιθέσθω· ⁷⁹⁾ ἐξωθείσθω δὲ πορνέυσας, ἢ μοιχεύσας.

Ἡ ἀδελφοῖς γηγαμένη δυοὶ ⁸⁰⁾, διὰ βίου ἐξωθείσθω· εἰ δὲ κατὰ

75) Слово καὶ τὴν γυναῖκα ἔχων, εἴκοσι πέντε ἔτεσιν ὑποπιπτέτω· ὁ δὲ въ Синодѣ съ именемъ Аристіна нѣтъ.

76) ἢ καὶ.

77) τριετίαν.

78) τοῦ βίου.

79) ἀποτιθέσθω.

80) δις.

τὸν θάνατον ἀρνοῖτο τὸν γάμον, ἔξοι μετάνοιαν· εἰ δὲ τελευτήσοι, τῇ μείναντι χάριστον.

Τῶν πολυγάμων ὁ χρόνος σαφής· τὸ δὲ τῆς μετανοίας σπουδαῖον αὐτὸν ὑποτέμνεται.

Αἱ πρὸ τῶν πορνικῶν ἔργων ἐπιθυμίαι εἰ ἐμποδίζονται, οὐκ ἀθεῖ τοῦτο ⁸¹⁾).

Ὁ ἐν τῇ κατηχεῖσθαι ἁμαρτάνων, ἀκροάσθω μὴ ἁμαρτάνων· εἰ δὲ ἔτι ἐπιμένει ⁸²⁾, τέλεον ἀπωθεῖσθω.

Ἡ κυοφοροῦσα, ὅτε θέλει, βαπτίζεται· ἐκάστου γὰρ ἡ προαίρεσις κρίνεται.

Οὐχ ἐστιᾶται πρεσβύτερος ἐπὶ διγάμῳ· πῶς γὰρ αὐτὸν ἀξιῶσει ⁸³⁾ συγγνώμης;

Ὁ λαϊκὸς, οὗ ἡ γυνὴ μεμοίχευται, οὐ κληροῦται· καὶ ὁ ἐν κλήρῳ, εἰ μετὰ τὴν μοιχείαν αὐτὴν ⁸⁴⁾, ἐκδιώκεται.

Ἐὰν ὁμολογήσῃ πρεσβύτερος, ὅτι προήμαρτε ⁸⁵⁾, μὴ προσφερέτω, καὶ ⁸⁶⁾ μόνον· τινὰ γὰρ τῶν ἁμαρτημάτων αἱ χειροτονίαι ἀφιασιν. εἰ δὲ μὴ ὁμολογήσῃ, μήτ' ἐλέγχωτο, αὐτὸς ἐχέτω τὴν ἐξουσίαν.

Καὶ διάκονος τῇ αὐτῇ συσχεθεῖς, ὑπηρέτης μενέτω.

Εἰ μὴ τριακονταέτης, μὴ γινέσθω πρεσβύτερος, κἂν ἡ ἀξιόλογος, ἔχων ὑπόδειγμα τὸ τοῦ σωτῆρος φῶτισμα.

Ὁ διὰ νόσον βαπτισθεὶς, μὴ γινέσθω πρεσβύτερος· εἰ μὴ διὰ τὸ ἐξῆς ἀγῶνα, καὶ σπάνιν ἀνθρώπων.

Ἐπιχώριος πρεσβύτερος εἰς ναὸν πόλεως οὐ προσάγει, εἰ μὴ ἄπεστιν ὁ ἐπίσκοπος, καὶ τὸ προσβυτέριον ὅλον· οὕτως γὰρ κληθεῖς, προσάγει ⁸⁷⁾).

Οἱ χωρεπίσκοποι ὡς συλλειτουργοὶ προσάγουσι, τῶν ἐβδομήκοντα τὸν τύπον ἔχοντες ⁸⁸⁾.

Ἑπτὰ διάκονοι καὶ εἰς μεγαλόπολιν ἔστωσαν ⁸⁹⁾).

81) Вм. слова тоуто въ Синописѣ съ именемъ Аристина ἐμποδίζονται.

82) ἐπιμένει.

83) ἀξιῶσις.

84) κατέχει αὐτήν.

85) ἡμαρτε.

86) Союза καὶ нѣтъ.

87) ὅλον· ἐὰν δὲ ἀπῶσι, καὶ καλοῖτο, προσάγει.

88) προσφέρουσι, τῶν ἐβδομήκοντα τὸν τύπον ἐπέχοντες.

89) Ἑπτὰ διάκονοι, κατὰ τὰς πράξεις, καὶ εἰς μεγαλόπολιν ἔστωσαν.

Τῶν ἐν Γάγγρα.

Τῷ ἀθετοῦντι τὸν νόμιμον γάμον, καὶ τῷ κατακρίνοντι τὸν κρεωφαγοῦντα, δίχα πνικτοῦ καὶ εἰδωλοθύτου, ἀνάθεμα.

Τῷ πεῖθοντι δοῦλον ⁹⁰⁾ ἀναχωρεῖν τοῦ δεσπότου θεοσεβείας προφάσει, καὶ τῷ διακρινομένῳ μεταλαμβάνειν ἀπὸ πρεσβυτέρων ὑπογυναίων, ἀνάθεμα.

Ὁ τὸν θεῖον οἶκον εὐκαταφρόνητον ὀνομάζων, καὶ ὁ ἐκκλησιάζων ἰδίᾳ, καὶ παρὰ γνώμην ἐπισκόπου, ἢ πρεσβυτέρου τὰ τῆς ἐκκλησίας τελῶν, ἀνάθεμα εἶη ⁹¹⁾.

Ὁ διδοὺς, ἢ ὁ λαμβάνων καρποφορίας ἔξω τῆς ἐκκλησίας, καὶ παρὰ γνώμην ἐπισκόπου, ἢ πρεσβυτέρου· καὶ ὁ μὴ διὰ τὸ καλὸν παρθελεύων, ἀλλὰ διὰ τὸ τὸν γάμον βδελύσσεσθαι, ἢ καὶ κατεπαίρεσθαι τῶν γαμούντων, εἶη ἀνάθεμα.

Ὁ τοὺς καλοῦντας εἰς ἀγάπας ἀθετῶν, καὶ τούτων ἀκοινωνῶν ⁹²⁾ κεκλημένος, καὶ ὁ φαυλίζων τοὺς φοροῦντας τοὺς βήρους, καὶ ὅσαι γυναῖκες ἀνδρῶν ὑποκρίνονται ἱματίοις, καὶ ὅσαι τῶν ἀνδρῶν διαζεύγνυνται βδελυσσόμεναι τὸν γάμον, καὶ οἱ τὰ τέκνα καταλιμπάνοντες, καὶ οὐχὶ πρὸς θεοσεβείαν ὑπαλείφοντες, καὶ τέκνα ὅσα ἀπίστων ἀποσκιρτῶσι γονέων, ἀνάθεμα.

Ὅσαι γυναῖκες τὰς κόμας τίλλουσι, θεοσεβείαν ὑποκρινόμεναι, καὶ ὁ τὴν κυριακὴν ἀσιτῶν, καὶ τὰς ἐκκλησιαστικὰς νηστείας ἐκτρέπων, καὶ ὁ τὰς τῶν μαρτύρων συνάξεις περιφρονῶν, ἀνάθεμα.

Τῶν ἐν Ἀντιοχείᾳ.

Ὁ τὴν ἔνθεσμον τοῦ πάσχα παράδοσιν διαμεῖψαι πειρώμενος ⁹³⁾, λαϊκὸς μὲν τελῶν ⁹⁴⁾, ἀπόβλητος· κληρικὸς δὲ, ἀνεκκλησίαστος.

Ὁ εἰς ἐκκλησίαν εἰσιὼν, καὶ προσέχων τῇ ἱερᾷ γραφῇ, εἴτα περιφρονῶν, καὶ ἐξιὼν, καὶ ἀποστρεφόμενος τὴν μετάληψιν, ἀπόβλητος.

90) τὸν δοῦλον.

91) εἶη ἀνάθεμα.

92) τοῦτοις οὐ κοινωνῶν.

93) πειρώμενος διαμεῖψαι. Въ Синописѣ съ именемъ Симеона Магистра порядокъ этихъ словъ тотъ же, какъ въ рукописи: διαμεῖψαι πειρώμενος. (Стр. 727).

94) τελῶν, ἔστω.

Ὁ ἀκοινωνήτῃ κοινωνῶν, ἀκοινωνήτος· καὶ ὁ συνευχόμενος τοῖς μὴ τῇ ἐκκλησίᾳ συνευχομένοις, ὑπεύθυνος· καὶ ὁ τὸν εἰς ἐκκλησίαν μὴ συναγόμενον ὑποδεχόμενος, οὐκ ἀναίτιος.

Ὁ ὑπὸ συνόδου καθηρημένος ἐπίσκοπος, καὶ ὁ ὑπὸ ἐπισκόπου πρεσβύτερος, καὶ διάκονος, εἰ αὐθαδιαζόμενος λειτουργήσῃ, ἀνέλπιστος.

Πᾶς ὁ ἐπισκόπου καταφρονῶν, καὶ ἀφιστάμενος πρεσβύτερος, ἢ διάκονος, καὶ οἰκοδομῶν ἄλλο θυσιαστήριον, εἰ προσκαλουμένος δις καὶ τρίς τοῦ ⁹⁵⁾ ἐπισκόπου ἐπιμένει τῇ ἀπονοίᾳ, καθαιρούμενος ⁹⁶⁾ καὶ ἀθεράπευτος.

Τὸν ἀφορισθέντα παρ' ἐπισκόπου κληρικόν, ἢ λαϊκόν, ἐὰν μείζων σύνοδος προσδέξῃτο, ἢ κατακρίνῃτο, στέργειν χρεὼν τὴν ἀπόφασιν.

Ὁ ξένος, εἰρηνικὰς οὐ προσάγων, ἀπρόσδεκτος.

Ὁ ἐπὶ χώρας πρεσβύτερος μὴ διδῶτω κανονικὰς ἐπιστολάς, ἢ πρὸς μόνον ἐπίσκοπον γείτονα.

Τοῦ μητροπολίτου τῆς γνώμης ἀναρτᾶσθαι τοὺς ἐπισκόπους, καὶ μήτι τῆς αὐτοῦ προνοίας οἰκονομεῖν δίκαια, ἢ μόνα τὰ τῇ ἰδίᾳ ἐνορίᾳ προσπίπτοντα, καὶ χειροθεσίας ἀνεπιπλήτοις ἀνδράσιν ἐπιτελεῖν.

Ἐπορκιστὰς, καὶ ἀναγνώστας, καὶ ὑποδιακόνους, καὶ ψάλτας καθίστησι χωρεπίσκοπος· οὐ μέντοι πρεσβύτερον, καὶ ⁹⁷⁾ διάκονον, ἄνευ τοῦ κατὰ τὴν πόλιν ἐπισκόπου· ὁ δὲ τοῦτο τολμῶν ὑπερβαίνειν, εἴη καθηρημένος.

Ὁ τῆς πόλεως ποιεῖ ἐπίσκοπος χωρεπίσκοπον.

Ὁ προσὼν αὐτομάτως τῷ βασιλεῖ ἐπίσκοπος, ἢ πρεσβύτερος, καὶ οὐχὶ κελευστὸς ⁹⁸⁾ πρὸς τοῦ τῆς χώρας μητροπολίτου, μετὰ τῆς κοινωνίας ⁹⁹⁾ ἐκπιπτέτω καὶ τῆς ἀξίας.

Ὁ καθηρημένος, εἰ ἐνοχλοῖ τῷ βασιλεῖ, αἰτεῖτω σύνοδον μείζονα, καὶ τὸ ἐκεῖθεν δόξαν στοιχεῖτω· ¹⁰⁰⁾ εἰ δὲ καὶ αὐθις ἀποδυσπετοίη, ἔστω ¹⁰¹⁾ ἀνέλπιστος.

95) τρίς παρὰ τοῦ.

96) καθαιρούμενος ἔστω.

97) ἦ.

98) κελευσθεῖς.

99) μετὰ κοινωνίας.

100) καὶ τῷ ἐκεῖ δόξαντι στοιχεῖτω.

101) Слова ἔστω нѣтъ.

Εἰ μηδενὸς ἀξιούντος, ἐπίσκοπος εἰς ἄλλην ἐπαρχίαν ἀπίοι, καὶ χειροτονοίη, καὶ διοικοίη πράγματα, αὐτὰ τε ἄκυρα μένοι ¹⁰²⁾, καὶ ἐκεῖνος καθαιρεθήσεται.

Εἰ ἐπισκόπου κρινομένου, οἱ τῆς ἐπαρχίας ἐπίσκοποι διαφέροιντο, μετακλητέον ἀπὸ τῶν πέλας ἐτέρους εἰς ἀναμφίβολον ἀμφισβήτησιν.

Ἐπισκόπου δικαζομένου, εἰ πᾶς ἐπαρχιώτης ἐπίσκοπος ἀδιάφωνος κρίνοιτο, παλινδικία οὐ γίνεται.

Ὁ δι᾽ ἄλλαν συνόδου τελείας, καὶ αὐτοῦ τοῦ μητροπολίτου, ἐπὶ σχολάζουσιν ἐκκλησίαν ἐπιτηδῶν, κἂν ἢ σχολάζων, ἀπόβλητος.

Ἀκοινωνήτος ὁ δεξάμενος χειροτονίαν, καὶ ταύτης ἀποσκιρτῶν, ἕως μεταγνοῦς καταδέξοιτο.

Μετεχέτω τῆς τιμῆς ἐπίσκοπος χειροτονηθεὶς, καὶ μὴ δεχόμενος πρὸς τῆς πόλεως, καὶ λειτουργείτω, μόνον, ἀναμένων τὸ τῇ συνόδῳ τῆς ἐπαρχίας δοκοῦν ¹⁰³⁾.

Εἰ μὴ σύνοδος εἴη, καὶ μετροπολίτης ¹⁰⁴⁾, μὴ γινέσθω ἐπίσκοπος· εἰ δὲ διὰ τι δυσχερὲς μὴ συνάγοιντο ἅπαντες, τέως οἱ πλείους, ἢ γράμμασιν ἔποιντο σύμφηφοι· εἰ δὲ οὕτω τοῦ πράγματος τελουμένου φιλονεικοῖεν τινες, ἢ τῶν πλειόνων ψῆφος ἐνισχυέτω.

Ἐπίσκοπος καὶ ¹⁰⁵⁾ ὑπὸ λαῶν βιαζόμενος, καὶ ὑπὸ ἐπισκόπου ἀναγκάζόμενος, μὴ μεθιστάτω εἰς παροικίαν ἐτέραν.

Ἐπὶ χειροτονεῖν ¹⁰⁶⁾ τινὰς ἐπίσκοπος ἐκ πόλεως εἰς πόλιν μὴ ἀπιέτω, ἀλλ' ἢ γνώμῃ τοῦ ἐπισκόπου τῆς πόλεως· εἰ δ' οὖν, ἀβέβαιος ἢ χειροτονία, καὶ ἐκεῖνος ὑπόδικος.

Μὴ κατιστᾶν ¹⁰⁷⁾ ἕτερον ἐπὶ τῇ ἐξόδῳ ἐπίσκοπον ¹⁰⁸⁾ ἐπίσκοπος· ἐκεῖνου δὲ κοιμηθέντος, μετὰ συνόδου τῶν ἐχόντων τὴν ¹⁰⁹⁾ ἐξουσίαν ὁ ἄξιος προβεβλήσθω.

102) μένει.

103) ἀναμένων ὁ, τι ἂν ἢ τῆς ἐπαρχίας ἀποφαίνοιτο σύνοδος.

104) καὶ ὁ μετροπολίτης.

105) μὴ.

106) Ἐπὶ τὸ χειροτονεῖν.

107) Μὴ κατιστάτω.

108) ἐπίσκοπον ὁ ἐπίσκοπος.

109) Члена τὴν нѣтъ.

XVIII

Παντὶ τῷ κλήρῳ τὰ τῆς ἐκκλησίας θέμις διαγινώσκεσθαι, ἵνα, τοῦ ἐπισκόπου τελευτῶντος, τὰ οἰκεία τῆς ἐκκλησίας διαφυλάττηται· τὰ δὲ τοῦ ἐπισκόπου κατὰ τὴν ἐκείνου διοικεῖται ¹¹⁰⁾ διάταξιν.

Κύριος ὁ ἐπίσκοπος τῶν τῆς ἐκκλησίας ¹¹¹⁾ πραγμάτων...

Здѣсь рукопись прерывается.

110) διοικῆται.

111) τῆς ἐκκλησίας ἔστω πραγμάτων.

II.

Схоліи, находящіяся въ рукописи Мюнхенской королевской библіотеки, по каталогу Hardt'a T. IV. № 380 ¹⁾.

По количеству помѣщенныхъ схолій настоящая рукопись является весьма богатою. Кромѣ схолій, изданныхъ у Питры въ его *Juris ecclesiastici graecorum historia et monumenta* (T. II, стр. 642—662), на основаніи рукописи Мюнхенской библіотеки (Hardt II) № 122 ²⁾ и трехъ схолій (къ 15 пр. 1-го все-

1) Время происхожденія этой, плохо сохранившейся и съ большимъ трудомъ разбираемой, рукописи должно быть отнесено къ XIV вѣку (Hardt IV, стр. 132). Она написана мелкимъ почеркомъ, съ раскрашенными начальными буквами, и состоитъ въ настоящее время изъ 568 страницъ (рукопись помѣчена не по листамъ, а по страницамъ).

2) Таковы: схолія къ 3-му Апостольскому правилу, находящаяся въ рукописи на ст. 153 (на поляхъ); къ 12-му Апост. пр. — на той же страницѣ; къ 25-му Апост. пр. — на 155 стр.; къ 27-му Апост. пр. — на той же стр.; къ 41-му Апост. пр. — на 157 стр.; къ 47-му Апост. пр. — на той же стр.; къ 50-му Апост. пр. — на той же стр. (на поляхъ); къ 55-му Апост. пр. — на 158 стр.; къ 63-му Апост. пр. — на той же стр. (на поляхъ); къ 66-му Апост. пр. — на 159 стр.; къ 68-му Апост. пр. — на той же стр.; къ 80-му Апост. пр. — на 160 стр.; къ 2-му пр. 1-го вселенскаго соб. — на 161 стр.; къ 7-му пр. того же собора — на 162 стр.; къ 8-му пр. того же собора — на 163 стр.; къ 11-му пр. того же соб. — на той же стр.; къ 12-му пр. того же соб. — на той же стр. (на поляхъ); къ 17-му пр. — на 165 стр.; къ 19-му пр. — на той же стр. (на поляхъ); къ 1-му пр. Анкирскаго соб. — на 166 стр.; къ 6-му пр. — на 167 стр. (на поляхъ); къ 10-му пр. — на той же стр.; къ 4-му пр. Неокесарійскаго соб. — на 169 стр.; къ 5-му пр. — на той же стр.; къ 15-му пр. (у Питры къ 11-му) Антиохійскаго соб. — на 176 стр. (на поляхъ, при 15-мъ пр. этого собора); къ 45-му пр. Лаодикійскаго соб. — на 180 стр.; къ 3-му пр. 2-го вселенскаго соб. — на 183 стр.; къ 9-му пр. Халкидонскаго соб. — на 195 стр.; къ 17-му пр. того же соб. — на 197 стр.; къ 28-му пр. — на 199 стр. (на поляхъ); къ 3-му пр. Сардикійскаго соб. — на 207 стр. (на поляхъ); къ 5-му пр. того же соб. — на 207 и 208 стр.; къ 10-му пр. — на 209 стр.

ленскаго соб. и къ каноническимъ посланіямъ св. Діонисія и Тимофея Александрійскихъ)³⁾, текстъ которыхъ дословно сходенъ съ напечатаннымъ у Беверегія (въ Annotatinnes къ его Synodicon sive Pandectae canonum, т. II), здѣсь помѣщены еще слѣдующія схоліи⁴⁾:

Къ 20-му Апостольскому правилу (на стр. 154):

Kai ἐν τῇ τετάρτῃ πράξει τῶν ἐν Χαλκεδόνι πραχθέντων, καὶ ἡ ἀγία σύνοδος, καὶ οἱ συνεδρεύοντες αὐτῇ ἐνδοξότατοι ἄρχοντες διελάλησαν τοὺς Αἰγυπτίους ἐπισκόπους ἐγγύας προσεδρεύας παρασχεῖν, ἣ τούτων ἀπορροῦντας ἐξωμοσίᾳ καταπιστευθῆναι· ὅσα ἐν τοῖς πολιτικοῖς νόμοις περὶ τούτου εἴρηται, εὐρήσεις ἐν τῷ λδ' κεφαλαίῳ τοῦ θ' τίτλου

(на поляхъ); къ 14-му пр. — на 211 стр. (на поляхъ); къ 4-му пр. Карвагенскаго соб. — на 217 стр. (на поляхъ); къ 6-му пр. того же соб. — на той же стр. (на поляхъ); къ 47-му (у Питры 41) пр. — на 226 стр.; къ 103-му пр. — на 246 стр. (на поляхъ); къ 132-му пр. — на 253 стр. (на поляхъ); къ 1-му пр. Трулльскаго соб. — на 265 стр. (на поляхъ); къ 2-му пр. — на той же стр. (на поляхъ); къ 26-му пр. — на 272 стр. (на поляхъ); къ 1-му пр. 7-го вселенскаго соб. — на 293 стр. (на поляхъ); на каноническое посланіе св. Діонисія Александрійскаго къ Василиду — на 312 стр. (на поляхъ); къ 3-му пр. св. Василия Вел. — на 327 стр. (на поляхъ); къ 10-му пр. того же святаго — на 329 стр. (на поляхъ); къ 19-му пр. — на 332 стр. (на поляхъ); къ 21-му пр. — на той же стр. (на поляхъ); къ 29-му пр. — на 333 стр. (на поляхъ); къ 51-му пр. — на 336 стр. (на поляхъ); къ 55-му пр. — на той же стр.; къ 71-му пр. — на 337 стр. (на поляхъ); двѣ схоліи къ 88-му пр. — на 342 стр. (на поляхъ); къ 91-му пр. — на 344 и 345 стр. (на поляхъ); на каноническое посланіе св. Кирилла Александрійскаго (1-е пр.) — на 358 стр. (на поляхъ). Текстъ перечисленныхъ здѣсь схолій въ рукописи совершенно согласенъ съ текстомъ, напечатаннымъ у Питры, а потому приводить его здѣсь мы считаемъ излишнимъ.

3) Первая изъ этихъ схолій въ рукописи находится на 164 стр. (у Беверегія, во II томѣ, на стр. 230); вторая на 310 стр., на поляхъ внизу (у Беверегія, на стр. 220); третья — на стр. 354, на поляхъ (у Беверегія, на стр. 228).

4) Кромѣ этихъ схолій, въ рукописи находится еще нѣсколько; но разобрать ихъ нѣтъ возможности.

τοῦ παρόντος βιβλίου, εὐρήσεις δὲ καὶ ἐν νεαρᾷ ρηγ. βιβλ. γ. τῶν Βασιλικῶν τιτ. α' κεφ. λθ. καὶ. μ'

Κτ 29-μου Апост. пр. (на стр. 155):

Περὶ καθαιρέσεως καὶ ἀφορισμοῦ τῶν διὰ χρημάτων χειροτο-
νούντων καὶ χειροτονουμένων καὶ τῶν μεσιτεῖα ἀρχόντων τῶν κοσμικῶν
γενομένων ἐγκρατῶν ἐκκλησίας. Ἴδου ἐνταῦθα δύο ἐπιτιμίας ἐπήγαγε
τῆς καθαιρέσεως καὶ τῆς ἀκοινωνησίας.

Κτ 34-μου Апост. пр. (на стр. 156):

Ὅτι ἕκαστος ἐπίσκοπος τὰ ἐπιβάλλοντα ἑαυτῷ ποιεῖ ἐν τῇ ἐπαρ-
χίᾳ αὐτοῦ.

Κτ 3-му пр. Неокесарійскаго собора (на ст. 169⁵):

Τοῦτον ἐξηγούμενος τὸν κανόνα ὁ μακάριος Α) Βασίλειος, ὁ τῆς
καθ' ἡμᾶς Καισαρείας φωστὴρ, ἐν δ' αὐτοῦ κανόνι Β) φησὶν οὕτως
С) περὶ τριγάμων καὶ πολυγάμων, καὶ δείκνυσιν, ὅτι πολυγάμους οἱ
πατέρες τοὺς τριγάμους, οὐκ ἄλλους φασίν.

Κτ 7-му пр. Антиохійскаго соб. (на стр. 175, в рукописи
неправильно помѣщенной цифрою 174⁶):

Εἰρηνικὴ ἐπιστολὴ ἐστίν Α) ἡ ἄνευ σκανδάλου τινὸς τοῦ ἐπι-
χομιζομένου ἐγχειριζομένη ὑπὸ τοῦ προέχοντος πρὸς τινα Β) ἀπο-
φέρεσθαι.

Κτ 35-му пр. Лаодикийскаго соб. (на стр. 180⁷):

Μέμνηται μὲν καὶ ὁ θεῖος Ἐπιφάνιος ἐν τῇ παναρίᾳ Α) αἰρέ-

5) Ср. Beveregii Annotat., стр. 181.—А) У Беверегія: ὁ μέγας. Β) Словѣ... ὁ τῆς καθ' ἡμᾶς Καισαρείας φωστὴρ, ἐν δ' αὐτοῦ κανόνι у Беверегія нѣтъ. С) οὕτω.

6) Ср. схолію кт 33-му Апост. пр., издан. у Беверегія (Annotat. стр. 229). — А) У Беверегія: Εἰρηνικὴ δὲ ἐστίν. Β) тинаς.

7) Ср. Beveregii Annotat. стр. 196. — А) У Беверегія: ἐν τοῖς πα-
ναρείαις. Β) λεγομένων. С) σημνύειν. D) ἀπ'. Ε) ἐμβατεύειν. F) Послѣ
слова ἡμᾶς у Беверегія стоитъ διδάσκεισθαι. G) μεῖζων γάρ, φησιν, ἡ καθ'
ἡμᾶς. H) У Беверегія послѣ слова θείας стоитъ ἦν.

σεως τινὸς τῶν ἀγγελικῶν λεγομένης, B) εἴτε διὰ τὸ ἑαυτοὺς, φησιν, σεμνύνειν, C) ὡς τάξιν ἀγγέλων κατὰ τὴν πολιτείαν ἐπέχοντας, εἴτε διὰ τὸ ληρεῖν ὑπ' D) ἀγγέλων ἐκτίσθαι τὸν κόσμον. Προσφύστερον δέ ἐστι μάλιστα τῷ κανόνι τῷδε τὸ ἐν τῇ πρὸς Κολοσσαεῖς ἐπιστολῇ παρὰ τοῦ Ἀποστόλου Παύλου δηλωθὲν, ἐν οἷς φησι· Μηδεὶς ἡμᾶς καταβραβεύετω θέλων ἐν ταπεινοφροσύνῃ καὶ θρεσκειᾷ τῶν ἀγγέλων, ἃ μὴ ἐώρακεν ἐμβατεύων. E) Ἦσαν γάρ τινες διδάσκοντες, μὴ δεῖν λέγειν ἡμᾶς F) διὰ Χριστοῦ προσάγεσθαι τῷ Θεῷ καὶ Πατρί· μείζων γὰρ ἢ καθ' ἡμᾶς, φησιν, G) ὁ Χριστὸς, ἀλλὰ δι' ἀγγέλων. Ἀρνησις δὲ τοῦτο τῆς θείας H) οἰκονομίας ἐν προσχήματι ταπεινοφροσύνης.

Къ 4-му пр. Сардикійскаго соб. (на стр. 207⁸):

Πρόδηλον ὅτι περὶ τῶν ἐν τῇ A) δύσει ἐπισκόπων ὁ κανὼν οὗτος ἐκπεφώνηται, διότι καὶ ὁ Ὅσιος καὶ οἱ σὺν αὐτῷ ἐκθέμενοι τοὺς κανόνας ἐκ B) τῶν μερῶν ἐκείνων ἦσαν· ἐν γὰρ ἀναθολῇ οὐδαμοῦ C) μέχρι D) τοῦ νῦν συνήθεια τοιαύτη ἐνεκράτησεν E).

Къ 9-му пр. того же собора (на стр. 209⁹):

Σκόπει καὶ A) οἱ κανόνες μικροῦ σύμπαντες ταύτης τῆς συνόδου μερικᾶς καὶ οὐ καθολικᾶς κανονίζουσι πράξεις, καὶ μόνως ἐκείνας, αἱ τῇ ἐνορίᾳ τοῦ Ῥωμαϊκοῦ ἀνήκουσι θρόνου, ὥστε εἴ τις ἐθέλει σῶζεσθαι καὶ τιμᾶσθαι τούτους, οὐκ ἂν αὐτοὺς εἰς καθολικὸν ἐκβιάσαιτο σχῆμα· οὐδὲ γὰρ αὐτὰ τὰ πράγματα ἐᾷ· ἀλλ' ἐξ ὧν περὶ τῆς B) Ῥώμης οὗτοι διορίζουσι, δύναται καὶ ἕκαστος τῶν λοιπῶν δ' πατριαρχῶν ὑπὲρ τῶν εἰς τὴν ἰδίαν τῆς πατριαρχίας C) ἐνορίαν πραττομένων χρᾶσθαι αὐτοῖς· οὐ γὰρ ὑπὸ τὸν Ῥωμαϊκὸν θρόνον ἀπάσας ἀναφέρουσι διοικήσεις· D) ἀλλ' ἐξ ὧν τὰ τῇ Ῥωμαϊκῇ ἐνορίᾳ διοικούμενα

8) Cp. Pitra. *Spicilegium Solesmense* T. IV, стр. 558 и 559. — A) Члена τῇ нѣтъ. B) Вмѣсто словъ: τοὺς κανόνας ἐκ у Питры читаемъ: ... τοὺς κατὰ. C) οὐδαμῶς. D) Слова μέχρι у Питры нѣтъ. E) κεκράτηκεν.

9) Cp. *Beveregii Annotat*, стр. 200. — A) У Беверегія ὡς. B) τοῦ. C) πατριαρχείας. D) τὰς διοικήσεις. Слѣдующихъ словъ: τοῦτο γὰρ ἀδύνατον καὶ ξένον τῆς ἐκκλησίας въ рукописи нѣтъ. E) После словъ κρίσιν у Беверегія читаемъ: οὕτω γὰρ καὶ ἡ ἐν Βενεθалиχ σύνοδος τὸν κανόνα τοῦτον ἐνόησεν. Этыхъ словъ въ рукописи нѣтъ.

εἰς τὴν τοῦ Ῥώμης προέδρου ἀναφέρουσι γνώμην, ἐκ τῶν αὐτῶν ἐστὶν ἐννοεῖν, ὅτι καὶ τὰς ἐν ἐκάσταις τῶν ἄλλων πατριαρχῶν διοικήσεις εἰς τὴν τοῦ οἰκείου πατριάρχου ἀνάγεσθαι διδόασιν Ε).

Къ посланію Геннадія, патріарха Константинопольскаго (на стр. 360, на поляхъ):

Οὗτος ὁ μακάριος Γεννάδιος, ἀναχθεὶς εἰς τὸν θρόνον κατὰ τὸ δεύτερον ἔτος τῆς βασιλείας Λέοντος τοῦ μεγάλου, κατὰ τὸ ιδ' μετέστη πρὸς Κύριον.

Къ посланію изъ Константинополя къ Мартирію Антиохійскому (на стр. 362, на поляхъ):

Οὗτος εἰς τὸν τῆς Ἀντιοχείας ἀνήχθη θρόνον κατὰ τὸ τελευταῖον ἔτος τῆς βασιλείας Μαρκιανοῦ καὶ κατὰ τὸ ια' τοῦ μετ' αὐτὸν βασιλεύσαντος Λέοντος τοῦ μεγάλου μετέστη πρὸς Κύριον.

Кромѣ того, на поляхъ рукописи находится весьма много мелкихъ замѣтокъ, содержащихъ ссылки на другія правила, относящіяся къ тому правилу, къ которому они приписаны. Объ этихъ мелкихъ замѣткахъ мы уже говорили ¹⁾.

1) См. прим. 5-е, на стр. 83-86.

III.

О хартофилакѣ.

Въ виду того благотворнаго вліянія, которое оказало занятіе этой должности на предпринятую Вальсамономъ работу, давши ему возможность безпрепятственно пользоваться всѣми сокровищами патріаршаго книгохранилища и архива, укажемъ здѣсь на функціи, которыя были соединены съ ея отправленіемъ; тѣмъ болѣе, что и самъ Вальсамонъ въ своихъ толкованіяхъ вездѣ, гдѣ только представляется возможность, не упускаетъ случая указать на сферу дѣятельности хартофилакса, на его права и обязанности.

Первоначально, какъ показываетъ этимологія слова, хартофилаксу былъ поручаемъ надзоръ за церковными книгами и документами, но позднѣе на его долю выпало такое множество обязанностей, что Вальсамонъ справедливо называетъ кругъ дѣятельности хартофилакса разнообразнымъ и многостороннимъ (*ἐνέργεια πολυειδής καὶ πολυσχέδης*)¹⁾.

Хартофилакѣ является:

а) Канцлеромъ епископа (митрополита или патріарха). Онъ составляетъ оригиналы епископскихъ постановленій и указовъ и скрѣпляетъ ихъ, а также копіи съ нихъ, собственноручнымъ подписомъ и приложеніемъ епископской печати, заботясь при этомъ, чтобы они ни въ чемъ не противорѣчили церковнымъ предписаніямъ; какъ представитель церковнаго права, даетъ отвѣты на возникающіе каноническіе вопросы; на немъ лежитъ обязанность согласовать гражданскіе законы съ канонами и каноны между собою; черезъ него происходитъ сношеніе церкви съ правительствомъ государства²⁾.

1) Zhishman. Die Synoden und die Episcopal-Aemter in der morgenl. Kirche., стр. 109 и 110.

2) Тамъ же, стр. 111 и 112.

б) Постояннымъ делегатомъ епископа въ дѣлѣ ученія и въ дѣлѣ отправленія правосудія. Если епископъ председательствуетъ въ судѣ лично, онъ является членомъ епископскаго суда, если же епископъ отсутствуетъ, самъ председательствуетъ въ судѣ³⁾; онъ же слѣдитъ за образомъ жизни духовенства⁴⁾, и, будучи въ санѣ пресвитера, имѣетъ право исповѣди и разрѣшенія отъ грѣховъ⁵⁾; ему принадлежитъ также право позволять и запрещать браки⁶⁾. Особымъ преимуществомъ хартофилакса Константинопольской церкви является право учреждать ставропигіи отъ имени патріарха⁷⁾.

в) Органомъ епископа по отношенію ко внутреннему церковному служенію. Онъ слѣдитъ за тѣмъ, чтобы ни одинъ священнослужитель чужой епархіи не совершалъ литургіи безъ увольнительной грамоты своего епископа⁸⁾; производитъ изслѣдованіе о томъ, способенъ ли посвящаемый занять извѣстную церковную степень⁹⁾; въ случаѣ избранія епископа, изготавляетъ приглашенія къ участвующимъ въ этомъ избраніи епископамъ и играетъ важную роль при самыхъ выборахъ¹⁰⁾.

г) На синодахъ хартофилаксъ является блюстителемъ

3) Тамъ же, стр. 113.

4) Тамъ же, стр. 114.

5) 7-го всел. пр. 9-е.

6) Неокес. пр. 7-е.

7) Zhishman. Die Synoden etc., стр. 116 и 117.

8) Никейск. 1-го пр. 16-е. Здѣсь Вальсамонъ пишетъ: „Такимъ образомъ хорошо поступаетъ хартофилаксъ великой церкви, что не позволяетъ священнодѣйствовать священникамъ, рукоположеннымъ въ другомъ мѣстѣ, если они не приносятъ представительныхъ и отпусныхъ писемъ отъ рукоположившихъ ихъ“ (Привила св. всел. соб., стр. 64). Впрочемъ, Константинопольскій патріархъ и его хартофилаксъ, по мнѣнію Вальсамона, могутъ дозволить чужому клирику священнодѣйствовать въ царствующемъ градѣ и безъ этихъ писемъ (См. толкованіе Вальсамона на 10-е пр. 7-го всел. соб.).

9) Карѣ. соб. пр. 54-е (65-е).

10) Zhishman. Die Synoden etc., стр. 118 и 119.

церковнаго права и дать свое заключеніе по всѣмъ церковнымъ вопросамъ; имѣть подъ рукою необходимыя книги и документы и предлагаетъ ихъ по требованію собора ¹¹⁾.

д) Хартофилаксу принадлежитъ надзоръ за церковнымъ архивомъ (*хартоφυλαχείον*); архивы эти должны были существовать при всякой церкви и заключали въ себѣ всѣ тѣ документы, на которыхъ епископомъ сдѣлана была надпись „положить въ архивъ на храненіе“. Сюда, въ особенности, принадлежали церковныя книги и документы, постановленія епископовъ и относящіяся къ церковнымъ дѣламъ предписанія свѣтской власти. Сверхъ того, хартофилаксъ велъ церковную хронику, куда заносилъ всѣ выдающіяся церковныя событія ¹²⁾.

Такъ какъ кругъ дѣятельности хартофилакса, особенно въ большихъ церквяхъ, какъ напр въ Константинопольской, былъ весьма обширенъ, то въ распоряженіе его данъ былъ многочисленный штатъ церковныхъ чиновниковъ ¹³⁾.

Преимущества, которыми пользовался хартофилаксъ Константинопольской церкви, въ свою очередь, были весьма велики: такъ, напр., будучи въ санѣ только діакона, онъ при выборахъ епископовъ и въ церковныхъ собраніяхъ, кромѣ синода, сидѣлъ не только выше священниковъ, но и архіереевъ; на церковныхъ празднествахъ хартофилаксъ ѣхалъ верхомъ на конѣ впереди процессіи, съ бѣлымъ полотенцемъ въ рукахъ, въ золотой тіарѣ. Эти привиллегіи Константинопольскаго хартофилакса весьма часто были оспариваемы, но Вальсамонъ, ссылаясь на новеллу императора Алексѣя Комнина, является равностнымъ ихъ защитникомъ ¹⁴⁾.

11) Тамъ же, стр. 120.

12) Тамъ же, стр. 123—124.

13) Тамъ же, стр. 124.

14) См. толков. Вальсамона на 18-е пр. Никейск. 1-го всел. соб. и на 1-ю гл. VIII тит. Номоканона.

Данную задачу ставилъ себѣ, какъ замѣчаетъ Добіашъ (62), Миклошичъ, только послѣдній „находился подѣ давленіемъ членовъ предложенія, не вышелъ такимъ образомъ изъ подѣ вліянія Беккера“. Трудъ Миклошича лишень, по словамъ Добіаша, въ силу данной причины центра и потому представляетъ собою „скорѣе магазинъ примѣровъ, сгруппированныхъ подѣ цѣлымъ рядомъ ярлыковъ, кое-какъ между собою связанныхъ, а то и вовсе несвязанныхъ“ (61—62). Насколько подобный отзывъ несправедливъ, мы можемъ заключить на основаніи ранѣе сказаннаго о синтаксисѣ Миклошича. Самъ же Добіашъ, опредѣливъ для себя задачу, вышелъ въ дальнѣйшемъ изъ ея рамокъ. Онъ различаетъ, напр., три вида подлежащихъ въ синтаксисѣ (175 и сл.): логическія, психологическія и синтаксическія. Я не говорю о самой непріемлемости подобнаго разграниченія и искусственности въ проведеніи доказательствъ признанія подобнаго разграниченія. Да и какъ можно поставить семазіологію разрядовъ словъ и формъ независимо отъ предложенія и слѣдовательно его членовъ, если значеніе того или другого разряда словъ, по признанію самого же Добіаша: „входитъ какъ часть въ ту общую мысль, которая получаетъ свое выраженіе въ рѣчи, какъ сочетаніе словъ и ихъ формъ“ (см. положенія къ изслѣд. Д., I), Если взять дѣленіе грамматики, сдѣланное Рисомъ, къ каковому Добіашъ относится сочувственно, то увидимъ, что задача, поставленная Добіашемъ, будетъ относиться къ той части грамматики, которую Рисъ не относилъ къ синтаксису (а къ семазіологіи словъ). А между тѣмъ, самъ Добіашъ задается такими вопросами, какъ: опредѣлить отличіе рѣчи отъ мысли съ семазіологической точки зрѣнія.

То крайнее искусственное дѣленіе на 3 рода подлежащихъ и сказуемыхъ, тотъ искусственный анализъ предложенія, который даетъ Добіашъ, основывается вообще на искусственномъ анализѣ рѣчи, данномъ этимъ изслѣдователемъ. Такъ еще въ „предварительныхъ замѣчаніяхъ

къ семазіологіи частей рѣчи“ Добіашъ замѣчаетъ (77—78), что рѣчь „есть выраженіе ряда представленій въ такомъ или иномъ отношеніи или чисто сенсуальномъ, или психологическомъ“. Соотвѣтственно этому и часть рѣчи является выраженіемъ представленія или отношенія, при чемъ отношенія — сенсуальнаго или психологическаго. Отсюда и вытекаетъ выводъ Добіаша о подлежащемъ и сказуемомъ логическихъ и психологическихъ. Затѣмъ идутъ синтаксическія отношенія — зависимость, пополненіе одной части другою и пр.

Изслѣдованіе Добіаша интересно для насъ въ двухъ отношеніяхъ: 1. по стремленіямъ установить нѣкоторыя общія синтаксическія положенія, 2. по пользованію матеріаломъ изъ строя русской рѣчи при выясненіи строя рѣчи греческой.

Представить семазіологію частей рѣчи и ихъ формъ на почвѣ греческаго языка, — слѣдовательно, дать картину жизни разрядовъ словъ, ихъ формъ, привести эти формы въ неразрывную связь съ извѣстнымъ, опредѣленнымъ значеніемъ являлось и является дѣломъ очень труднымъ. Трудно удалить всѣ тѣ наросты, которые образовались съ теченіемъ времени, опредѣлить всѣ тѣ уклонъ, по которымъ шла рѣчь въ ея отдѣльныхъ словахъ, въ отдѣльныхъ формахъ послѣднихъ. Я не буду касаться различныхъ предположеній автора о томъ, что предлоги первоначально представляли собою особую часть рѣчи (для обозначенія мѣстныхъ отношеній), что предлоги не были первоначально нарѣчіями, что такъ называемыя нарѣчія представляютъ окаменѣлые падежи именъ существительныхъ, не буду касаться попытокъ автора выяснитъ первоначальное значеніе падежей и пр.: здѣсь нерѣдко можно отмѣтить ошибки изслѣдователя или, по крайней мѣрѣ, необоснованность его предположеній, натяжки при объясненіяхъ.

Прежде всего, какъ отнестись къ основной задачѣ — раздѣлить рѣчь на части, руководясь лишь семазіологиче-

ской стороною, стороною значенія. То дѣленіе, которое находимъ у Добіаша, не говоритъ въ пользу его теоріи. Это дѣленіе на 5 частей рѣчи, при чемъ, несмотря на все стараніе автора, семасіологическая точка зрѣнія не представляется выдержанною. Въ 1-ю группу внесены слова существительныя и признаковыя; эти слова въ свою очередь дѣлятся на матеріальныя (наши: существительныя и прилагательныя) и формальныя (наши: мѣстоименія). Въ этой первой группѣ являются такимъ образомъ нераздѣленными имена существительныя, прилагательныя и мѣстоименія. Ко 2-й группѣ отнесенъ глаголъ, выражающій присужденіе признаковъ, при чемъ глаголъ дѣлится на 2 разряда: слова признаковыя и существительныя (послѣднія — формальныя). Затѣмъ слѣдуютъ группы: 3 — предлоги, 4 — частицы, 5 — счетная часть рѣчи (несклоняемая имена числительныя).

Само отношеніе Добіаша къ неопредѣленному наклоненію, которое онъ называетъ глагольнымъ именемъ, еще дѣлаетъ болѣе непослѣдовательнымъ его дѣленіе. То же можно отчасти сказать и относительно причастій, которыя Добіашъ называетъ глагольными признаковыми именами. Затѣмъ, если прослѣдить весь ходъ изслѣдованія Добіаша, то мы увидимъ, что въ дѣленіи на разряды у него играетъ роль не одна семасіологическая сторона, но и сторона формальная, морфологія словъ. И это уклоненіе является, въ сущности, воплѣ цѣлесообразнымъ, только нужно было бы провести его болѣе рельефно.

Добіашъ изъ всѣхъ частей рѣчи выдѣляетъ, руководясь важностью значенія, глаголъ. Еще въ предисловіи къ своему труду Добіашъ, дѣлая поправку къ мнѣнію Поттебни, выражается не особенно удачно: „мы, я говорю, сказали бы, что глаголъ-сказуемое выражаетъ признакъ въ такой или иной стадіи его развитія на лицѣ (слово на избрано нами въ виду разныхъ з а л о г о в ъ глагола)“ (45). Отмѣчая въ глаголѣ богатство средствъ для выраженія отѣнковъ мысли, выставляя его преимущество въ данномъ

случаѣ передъ другими частями рѣчи, Добіашъ опредѣляетъ само предложеніе, какъ „глаголь съ его семазіологическими дополненіями“ (155). Правда, какъ онъ самъ замѣчаетъ, это опредѣленіе не исчерпываетъ всей области предложенія (какъ и семазіологія лишь часть синтаксиса), послѣднее можетъ образоваться и благодаря другимъ средствамъ, напр., ударенію (молчать! — здѣсь цѣлое предложеніе въ силу повелительнаго тона, безъ послѣдняго данное слово будетъ лишь оторванной частью рѣчи, ср. 64, 156). Здѣсь, конечно, Добіашъ, рассуждаетъ послѣдовательно, но нѣкоторую непослѣдовательность можно подмѣтить въ уравненіи предложеній „риматическихъ“ съ предложеніями „ономатическими“. Именно, если глаголу принадлежитъ не только способность выражать извѣстное представленіе, но и отношеніе (которое особенно важно для созданія предложенія), то въ „ономатическихъ“ это отношеніе сказывается безъ глагола (набать! громъ! ср. 90—91, 155). Если возьмемъ такое предложеніе, какъ *о р е л ь — х и щ н и к ь*, которое Добіашъ считаетъ ономатическимъ (165 и сл.), то и оно такимъ образомъ не подойдетъ подъ опредѣленіе чисто семазіологическаго характера, выведенное ранѣе Добіашемъ. Анализъ же, произведенный Добіашемъ надъ приведеннымъ примѣромъ, очень благотворно долженъ былъ бы подѣйствовать въ смыслѣ неисканія грамматическаго подлежащаго и сказуемаго. Дѣйствительно, подобные примѣры могутъ наглядно убѣждать, что рассматривая только грамматически, мы не можемъ здѣсь отличить подлежащее отъ сказуемаго, а для различенія намъ важенъ смыслъ фразы.

Можно признать вполне правильнымъ отрицательное отношеніе Добіаша къ существованію грамматическаго подлежащаго, но только не потому, что это подлежащее является „семазіологическимъ дополненіемъ“. Уже въ томъ, что далѣе проводитъ Добіашъ, видно, что подлежащее все же и въ его формулировкѣ отличается отъ дополненія. „Грамматически, т. е. грамматической ф о р м о й выражено здѣсь

не подлежащее, а именительный падежъ, который тѣмъ и отличается отъ другихъ симазіологическихъ дополненій, глагола, что только „поименовываетъ“ τὸ δοῦν, тогда какъ другія симазіологическія дополненія въ другихъ падежахъ кромѣ поименовыванія выражаютъ еще другія отношенія“ (177). Насколько искусственно устанавливаемое дѣленіе на 3 рода подлежащихъ и сказуемыхъ, показываютъ особенно наглядно слѣдующія слова Добіаша. „Да, мы будемъ различать три пары подлежащихъ и сказуемыхъ, и хотя онѣ всѣ, въ сущности психо-логическія, какъ и вся рѣчь, въ качествѣ выраженія сужденія и разсужденія, есть психо-логическая, но въ частности мы будемъ усматривать — въ психо-логическихъ подлежащемъ и сказуемомъ присужденіе вообще признака предмету, въ логическихъ — отнесеніе меньшаго логическаго объема къ большому, и въ синтаксическихъ — отнесеніе даннаго къ искомому“ (175—6). „Синтаксическія подлежащее и сказуемое . . . не связаны никакой грамматической формой и опредѣляются исключительно контекстомъ . . .“ (179). Анализируя выраженіе *Μοχλῆν ἐστὶ πόλις*, Добіашъ ἐστὶ считаетъ подлежащимъ (182). Другихъ мѣстъ приводить не буду — вся система, данная Добіашемъ въ этомъ случаѣ, запутываетъ, въ сущности, дѣло.

Изъ временъ выводитъ Добіашъ „видовые оттѣнки“ (144 и сл.). Подъ „видовыми оттѣнками“ онъ разумѣетъ „разныя стадіи развитія дѣйствія, которыя грамматическая форма захватываетъ къ обозначенію времени какъ принадлежность самого сужденія“. Въ повелительномъ наклоненіи настоящаго времени Добіашъ отмѣчаетъ рядъ моментовъ, — извѣстную процессуальность дѣйствія въ будущемъ, противоположность тому одномоментности въ повелительномъ наклоненіи аориста; въ повелительномъ прошедшаго времени Добіашъ усматривалъ длительность состоянія. Такимъ образомъ въ повелительномъ наклоненіи греческаго языка Добіашъ устанавливалъ три видовыхъ оттѣнка.

Совершенно правильно отмѣчалъ Д., что такія слова, какъ: та кой, ка кой и пр., нужно относить къ именамъ прилагательнымъ (какъ то дѣлали нѣкоторые древніе грамматики, 90). Нельзя руководясь извѣстнаго рода общностью значенія данныхъ словъ сравнительно съ прилагательными, относить эти слова къ мѣстоименіямъ. То же самое необходимо примѣнить къ „какъ“ (каковое отнести нужно къ нарѣчіямъ).

Если у Добіаша можно замѣтить отклоненія отъ идей Потєбни, то въ большей степени мы замѣтимъ несогласія съ этимъ послѣднимъ въ трудѣ по рус. грамматикѣ проф. Богородицкаго.

Въ „Общемъ курсѣ русской грамматики“ (изъ университетскихъ чтеній) проф. Богородицкаго (1-е изд. Каз. 1904 г., 2-е изд. 1907 г.) есть небольшой отдѣлъ посвященный синтаксису (нѣсколько увеличенный во 2-мъ изд.); въ отдѣлѣ морфологіи авторъ разсматриваетъ также нѣкоторые вопросы, относимые другими изслѣдователями къ синтаксису (дѣлаетъ это проф. Богородицкій, какъ самъ онъ говоритъ о томъ, ради внесенія большей цѣльности).

Проводя совершенно справедливо общую мысль о господствѣ экономіи какъ принципа въ исторіи языка (113, ссылаюсь на 2-е изд.), давая, можетъ быть, болѣе точную формулировку, чѣмъ то было ранѣе въ русской наукѣ, законовъ развитія значенія словъ (факторъ — ассоціація смежности и сходства, при чемъ указывается на неправильность выраженія, что измѣняется значеніе слова: „въ дѣйствительности происходитъ примѣненіе слова къ новому значенію“, 112), справедливо указывая на развитіе частей рѣчи въ предложении (ср. о томъ же въ „Очеркахъ по языковѣдѣнію и русс. яз.“ проф. Богородицкаго, Каз. 1909 г., 299 и сл.), проф. Богородицкій во многихъ другихъ пунктахъ отступаетъ въ сторону началъ, проводимыхъ ранѣе, началъ,

которыя безспорно должны быть отвергаемы. Я не буду останавливаться въ данномъ случаѣ, напр., какъ опредѣляетъ Б. отношеніе частей рѣчи — именъ существительныхъ и прилагательныхъ въ особенности (126—7), — на сказанномъ о происхожденіи именъ собственныхъ изъ нарицательныхъ (129), на опредѣленіи глагола (187), на дѣленіи его па два залога (признаются два главныхъ залога — дѣйствительный и средній, соотвѣтственно двумъ основнымъ родамъ дѣйствія, 188; къ страдательному, между прочимъ, отнесены такія формы: меня посылають) и на нѣк. др. вопросахъ, рассмотрѣнныхъ въ морфологii.

Если мы, минуя вопросы, затронутые авторомъ въ морфологii, остановимся подробнѣе на его общихъ взглядахъ, положенныхъ въ основу небольшой части „Общаго курса грамматики русскаго языка“ — синтаксиса (гл. XII), то уже съ первыхъ страницъ здѣсь встрѣчаемся мы съ какимъ-то стремленіемъ оставаться на точкѣ зрѣнія нашей традиціонной грамматики, хотя авторъ и сознаетъ недостатки этой послѣдней. Прежде всего это сказывается въ опредѣленіи предложенія („каждое сочетаніе словъ, служащее для выраженія мысли и образующее одно цѣлое, называется предложеніемъ“, 235—6; нѣсколько далѣе, въ примѣчаніи, авторъ признаетъ, что для выраженія одной мысли требуется иногда нѣсколько предложеній), въ опредѣленіяхъ подлежащаго и сказуемаго (238). Самый процессъ возникновенія нашихъ предложеній (239—40) построенъ чисто логическимъ путемъ (предложеніе возникаетъ какъ результатъ расчлененія мысли); авторъ не считается здѣсь съ тѣми правдоподобными предположеніями, которыя были ранѣе выставлены Потебнею, а выставляетъ свои предположенія, руководясь тѣмъ, какъ этотъ вопросъ представляется на основаніи процесса современной намъ рѣчи, не считаясь такимъ образомъ съ необходимостью дѣлать разграниченія между строемъ современной рѣчи и возможными данными строя рѣчи первоначальной. И въ даль-

нѣйшемъ анализъ предложенія чисто логическаго характера. Устанавливаются (241) предложенія, изображающія фактъ, и предложенія опредѣляющія предметъ относительно его родового понятія, затѣмъ предложенія переходныя: „это — предложенія, опредѣляющія свойство или качество предмета, напр. лошадь мала . .“ „Логическій“ взглядъ сказывается и въ отнесеніи къ синтаксису частей предложенія, а къ морфологіи — частей рѣчи (241, примѣч.).

Говоря о такихъ предложеніяхъ, какъ „лошадь — животное“ („предложенія, опредѣляющія подлежащее относительно его родового понятія“, 244), проф. Богородицкій не видитъ, какъ онъ выражается, въ пропускѣ глагола потери сказуемымъ его глагольнаго значенія. Проф. Богородицкій приводитъ въ данномъ случаѣ сравненіе съ такими словами, какъ *с т о л о в а я*, *п р и х о ж а я* и др., когда не теряется субстантивность, несмотря на пропускъ существительнаго. Но дѣло здѣсь въ томъ, что субстантивность переходитъ на данныя слова. Между тѣмъ то логическое удареніе, съ которымъ произносится названіе родового понятія, та пауза, которою отдѣляется это названіе отъ опредѣляемаго понятія (на что обращаетъ вниманіе проф. Богородицкій), могли бы указывать, что въ строѣ предложенія сказуемость выполняется неграмматическимъ элементомъ. Значеніе этихъ неграмматическихъ элементовъ сказывается особенно въ такихъ случаяхъ, какъ: *м о л ч а т ь !* и пр. Этотъ неграмматическій элементъ является яснымъ въ произношеніи, на письмѣ его приходится обозначать извѣстными знаками (тире, восклицательный знакъ). Такимъ образомъ падаетъ защита проф. Богородицкаго знаменательности современнаго глагола *б ы т ь*, будто бы неправильно возведеннаго на степень связки („а между тѣмъ въ нѣкоторыхъ грамматикахъ глаголь „быть“ считается „связкою“, чѣмъ какъ бы лишается полной знаменательности глагола и даже какъ бы исключается изъ глагольнаго разряда словъ“, 244).

Особенно интереснымъ для характеристики взглядовъ проф. Богородицкаго на исторію развитія предложенія можетъ представляться примѣчаніе на стр. 253-ей. Въ этомъ примѣчаніи Б. возстаеъ противъ проведенія теоріи объ усиленіи сказуемости въ развитіи предложенія. Я приведу выдержку изъ этого примѣчанія, и эта выдержка ясно покажетъ, что изслѣдователь не совсѣмъ точно представилъ себѣ эту теорію, сами возраженія, поэтому, отпадаютъ и въ этихъ возраженіяхъ мы можемъ также констатировать ошибки. „Въ русской лингвистической литературѣ были попытки открыть основной законъ измѣненія синтаксической стороны языка, при чемъ указывалось на усиленіе сказуемости въ предложеніи насчетъ субстантивности. Это обобщеніе мнѣ кажется совершенно неосновательнымъ; ибо, если дѣйствительно и встрѣчаеъ случаи расширенія глагольности и сказуемости, напр., при образованіи безличныхъ выраженій (срв. „жалъ“ и т. п.), неопредѣленнаго наклоненія и т. п., то съ другой стороны можно указать не менѣе фактовъ, доказывающихъ также и развитіе субстантивности (срв. переходъ прилагательныхъ и иногда даже причастій въ категорію существительныхъ, возможность образованія къ каждому глаголу именнаго названія дѣйствія, возможность опредмеченія даже цѣлыхъ предложеній и т. п.). Отсюда слѣдуетъ, что въ развитіи языка существуетъ то и другое теченіе и оба они необходимы, что конечно не исключаетъ того, что они могутъ получать своеобразныя черты на почвѣ отдѣльныхъ языковъ. Замѣчу еще, что защитники перевѣса глагольности и сказуемости ошибочно толкуютъ о какой-то энергіи сказуемаго: энергія можетъ принадлежать дѣйствіямъ въ объективномъ мірѣ, но не членамъ предложенія, остающимся все-таки символами представленія нашей мысли. Увлеченіе идетъ еще дальше, когда кажущееся возростаніе мнимой энергіи сказуемаго сопоставляютъ и связываютъ съ развитіемъ естественно-научнаго ученія объ „энергіи“. Вѣдь въ этомъ случаѣ сходство въ оди-

наковости словъ, и ужъ если естественно-научное ученіе объ энергіи разсматривать съ точки зрѣнія субстантивности или же глагольности, то скорѣе нужно признать, что это ученіе имѣетъ характеръ субстантивный“. Я привелъ это примѣчаніе почти цѣликомъ, потому именно, что оно характерно показываетъ, на какой ложной дорогѣ находится Б. въ оцѣнкѣ упомянутой теоріи. Усиленіе глагольности, сказуемости выражается въ цѣломъ развитіи нашего предложенія и нельзя сопоставлять въ данномъ случаѣ съ переходомъ прилагательныхъ и причастій въ им. существительныя: самый строй предложенія не можетъ существовать и развиваться благодаря струѣ субстантивности. Стоитъ только вспомнить, какъ самъ Б. опредѣляетъ отношеніе глагола и существительнаго, чтобы понять все противорѣчіе заключительныхъ мыслей. Можно было бы только говорить о переходѣ функцій, которыя являлись преимущественно функціями принадлежавшими глаголамъ, о переходѣ этихъ функцій на другія части рѣчи. Не представляетъ ничего удивительнаго и попытки изслѣдователей отмѣчать вліяніе нашего мышленія на языкъ (мышленія, разошедшагося въ общей эволюціи съ языкомъ).

Я не буду останавливаться на XIII главѣ („Распространеніе простого предложенія. Замѣчанія о сложномъ предложеніи“). Эта глава, прибавленная во 2-мъ изданіи разсматриваемаго труда, также проникнута „логическимъ“ направленіемъ и представляетъ (особенно въ „замѣчаніяхъ“) болѣе педагогическій интересъ. Отмѣчу только, что относительно второстепенныхъ членовъ предложенія устанавливается 2 группы: опредѣленія и дополненія (изъ второй группы выдѣляются затѣмъ обстоятельственныя слова), впрочемъ въ данномъ случаѣ Б. имѣлъ уже предшественниковъ, напр. то же дѣленіе на 2 группы мы находимъ въ учебникѣ Баталина.

II.

Въ 1883 г. былъ изданъ въ Москвѣ учебникъ Н. Баталина — Русскій синтаксисъ. Учебникъ этотъ долженъ былъ бы, повидимому, обратить на себя вниманіе, найти распространеніе, или, по крайней мѣрѣ, вызвать подражанія, потому что онъ былъ новинкою, однимъ изъ первыхъ опытовъ, построенныхъ на болѣе научномъ отношеніи къ синтаксису. Синтаксисъ Баталина основанъ былъ на трудахъ Потебни, Миклошича, Гейзе; въ нѣкоторыхъ пунктахъ составитель стремился выказать и самостоятельное отношеніе къ тому или иному вопросу.

Такимъ образомъ трудъ этотъ важенъ въ двухъ отношеніяхъ: 1. какъ популяризація тѣхъ капитальныхъ трудовъ, которыми пользовался г. Баталинъ, 2. какъ попытка самостоятельнаго освѣщенія нѣкоторыхъ синтаксическихъ вопросовъ. Для насъ, конечно, важна эта вторая черта, но вкратцѣ я коснусь и первой.

Какъ одна изъ первыхъ попытокъ ввести въ дѣло школьнаго преподаванія мысли, проводимыя Потебнею, Миклошичемъ, и Гейзе, трудъ Баталина, повторяемъ, долженъ былъ бы заслуживать всяческаго вниманія и продолженія, и если не было ни того ни другого въ свое время, то это прежде всего объясняется слабыми сторонами даннаго труда. Изложеніе вышло очень сухимъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно было затруднительно для пониманія. Я не нахожу также, чтобы та сторона изслѣдованій Потебни, которая могла бы дѣйствительно заинтересовать приступающаго къ изученію языка, была схвачена и изложена Баталинымъ такъ, какъ заслуживалъ оригиналъ. Возьмемъ хотя бы первую страницу и мы увидимъ, какъ далеко не использовалъ мыслей Потебни авторъ, говоря о разницѣ между словомъ и междометіемъ (впрочемъ, онъ могъ бы здѣсь сослаться на незнакомство съ „Мыслью и языкомъ“, но разъ ставилось изученіе по новымъ изслѣдованіямъ, то нужно было бы воспользо-

ваться и этимъ сочиненіемъ). На той же и слѣдующей страницахъ опредѣленіе, что такое слово, показываетъ, насколько Баталинъ совершенно не усвоилъ точки зрѣнія Потебни. А дѣленіе словъ на вещественныя и формальныя совсѣмъ уже не подходитъ къ учебнику, который долженъ былъ бы стремиться къ точности терминовъ. Насколько важны подобные термины указываетъ и то обстоятельство, что если, напр., ихъ замѣнить терминами другихъ учебниковъ: знаменательныя и формальныя, мы тѣмъ самымъ создаемъ возможность появленія различныхъ градацій — болѣе, менѣе знаменательныхъ, формальныхъ и такимъ образомъ рисуемъ постепенность въ развитіи самого слова. Для характеристики даннаго положенія можно было бы сослаться на тѣ видоизмѣненія, которыя произошли съ глаголомъ „быть“: сначала вполне конкретный, употреблявшійся въ значеніи „дышать“, этотъ глаголъ обратился въ послѣдствіи въ формальную связку.

И съ самаго начала § 2 (со 2 стр.) мы находимъ совершенно невѣрное раздѣленіе предложенія на составные элементы, образующіе самостоятельныя предметы и не самостоятельныя; несамост. предметъ. — „постороннее приложеніе (случайный признакъ . . .), которое къ нему (т. е. самост. пр.) присоединяется . . . и которое называется атрибутомъ или приложеніемъ. Соединяя эти двѣ части, мы получимъ предложенія . . .“

Я не буду здѣсь отмѣчать всѣ недостатки учебника Баталина; ихъ слишкомъ много. Да и нѣтъ нужды этого дѣлать, а я остановлюсь лишь на данныхъ, которыя выдвигаютъ этотъ учебникъ, на данныхъ, на которыхъ долженъ остановиться занимающійся исторіей разработки русскаго синтаксиса. Прежде всего я выдвину объединеніе Баталинымъ опредѣленій и обстоятельствъ въ одну группу опредѣленій. Если, говоря словами Овс.-Куликовскаго „опредѣленіе есть часть предложенія, выражающая признаки,

принадлежащіе предметамъ, которые, обозначены въ предложениі“, а „обстоятельство есть часть предложенія, обозначающая признаки, которыми характеризуются другіе признаки, именно выраженные сказуемыми и опредѣленіями“, если такимъ образомъ и опредѣленіе показываетъ признаки, и обстоятельство — тоже признаки, то является гораздо болѣе удобнымъ установленіе одного термина, хотя бы того же „опредѣленія“. Обстоятельства, обстоятельственные слова имѣли свой смыслъ при логическомъ разборѣ, когда къ нимъ относили и то, что относимъ мы теперь къ дополненіямъ. А если мы остановимся на приведенномъ опредѣленіи обстоятельства, то оно и не совсѣмъ будетъ полно: онъ п ѣ л ѣ о ч е н ь х о р о ш о, — о ч е н ь признакъ не только признака, но признакъ еще признака. У Баталина обстоятельственные слова выступаютъ подъ именемъ „несогласуемыхъ опредѣленій“, а я бы назвалъ ихъ опредѣленіями, потерявшими способность согласовываться, опредѣленіями окаменѣвшими, соединяющимися съ опредѣляемыми только благодаря внутренней, лексической связи. § 34 у Баталина — во 2-й своей части положительно могъ бы быть образцомъ для нашихъ учебниковъ и устранить постоянно встрѣчающуюся путаницу въ разграниченіи опредѣленія и дополненія. Правда, здѣсь только можно было бы нѣсколько расширить сказанное относительно опредѣленія (которое относится не только къ подлежащему): „объяснительныя слова могутъ выражать или признакъ, заключающійся въ подлежащемъ и сказуемомъ, или признакъ, внѣ того и другого. Слова перваго рода суть о п р е д ѣ л е н і я, второго — д о п о л н е н і я“ (35). Стоитъ сравнить это простое и ясное опредѣленіе съ опредѣленіемъ, напр. новѣйшаго учебника С. Брайловскаго: „дополненіемъ называется придаточный членъ предложенія, выраженный дѣйствительнымъ или кажущимся косвеннымъ управляемымъ падежомъ и обозначающій посторонній предметъ, которымъ съ различныхъ сторонъ разъясняется дѣятельность ска-

зуемаго, равно смыслъ и значеніе другихъ членовъ предложенія (Учебн. курсъ грамматики литерат. рус., яз., ч. II. СПб. 1904, 24—25).

Нельзя не отмѣтить того принципа, который легъ въ основаніе дѣленія придаточныхъ предложеній — на подчиненныя согласуемыя и несогласуемыя (§§ 75—84), хотя принципъ этотъ послѣдовательно не проведенъ (§ 73 — „причинное сочетаніе“). Вполнѣ правильнымъ представляется мнѣ отнесеніе къ отдѣлу приложений несогласуемыхъ такъ называемыхъ „сокращенныхъ“ придаточныхъ предложеній съ дѣепричастіемъ (§ 48).

Въ 1887 г. была издана книга В. Сланскаго „Грамматика — какъ она есть и какъ должна бы быть“ (СПб., 87 г., 144 стр., изъ Педагогич. Сборника, 86 г.). Цѣль этого труда опредѣлялась словами автора: „Я хочу, во первыхъ, въ наиболѣе наглядныхъ и характерныхъ деталяхъ выставить общій фактъ несостоятельности принятой грамматической системы, затѣмъ попытаться выяснитъ причины и сущность этой несостоятельности и, наконецъ, хотя въ общихъ чертахъ, намѣтить и путь, какимъ данная система могла бы быть выведена изъ теперешняго ея ненормальнаго положенія и поставлена на настоящую, истинно-научную и отвѣчающую педагогическимъ требованіямъ дорожку“ (2). Намѣченныя авторомъ задачи поневолѣ должны обратить на его книгу вниманіе не только педагога-практика, но и изслѣдователя-теоретика. Правда, уже къ концу книги авторъ говоритъ, что среди русскихъ изслѣдованій по грамматикѣ ему извѣстно лишь одно вполнѣ научное, изслѣдованіе проф. Потемни, но отношенія своего труда къ данному изслѣдованію авторъ не опредѣляетъ (между прочимъ, г. Сланскій невѣрно здѣсь говоритъ, что въ то время „истинно-научный трудъ проф. харьк. ун. Потемни не нашелъ никакого-либо практическаго примѣненія“, стр. 93, однако синтаксисъ Баталина былъ изданъ въ 83 г., стремленіе къ подобному же примѣненію сказывалось и въ дру-

гихъ еще ранѣе изданныхъ учебникахъ, напр., Дмитревскаго, Преображенскаго и пр.).

Задачи, поставленныя г. Сланскимъ, выполнены имъ лишь отчасти. Ему удалось довольно ярко представить несостоятельность существующей грамматической системы, выяснить причины этой несостоятельности. Но это являлось задачей для выполненія болѣе легкой, само выполненіе не давало положительныхъ результатовъ. При томъ и ранѣе на ту же систему дѣлались нападки, иногда даже нападки подкрѣплялись не менѣе обстоятельными доводами (если не болѣе), чѣмъ у г. Сланскаго. Я скажу еще болѣе: самъ г. Сланскій, со всей силой обрушиваясь на труды Буслаева, настаивая на полной необходимости раздѣленія грамматики и логики, въ развитіи своихъ мыслей перѣдко становится на „логическую“ почву, отдаляясь отъ почвы грамматической. Въ данномъ случаѣ трудъ Потебни произвелъ, очевидно, не совсѣмъ глубокое впечатлѣніе на Сланскаго, и я не назвалъ бы послѣдняго однимъ изъ послѣдователей метода изслѣдованій Потебни. Характеренъ тотъ разборъ, который дѣлаетъ г. Сланскій, говоря о неточности разграниченій опредѣленій и дополненій въ грамматической системѣ. Онъ продѣлываетъ здѣсь слѣдующія уравниванія:

1. холодъ сжимаетъ тѣла

2. холодъ производитъ сжатіе тѣлъ

и получаетъ такимъ образомъ, что $тѣла = тѣла$, т. е. дополненіе == опредѣленію.

Для насъ, конечно, интересна та часть труда г. Сланскаго, въ которой авторъ задается цѣлью выяснить настоящую „истинно-научную“ дорогу грамматическаго изслѣдованія. Не соглашаясь съ чисто логическими опредѣленіями предложенія, опредѣленіями подлежащаго и сказуемаго, стремясь дать опредѣленія чисто грамматическія, Сланскій приходитъ прежде всего къ мысли о существованіи особаго „грамматическаго“ предложенія, особой грамматической

мысли. „Мысль дѣйствительная, логическая и мысль словесная, грамматическая — двѣ существенно разныя вещи. Грамматическая мысль можетъ имѣть, а можетъ и не имѣть для себя соотвѣтствующей мысли логической . . .“ (107). Берется для примѣра предложеніе: „праздная жизнь порождаетъ скуку“; „тутъ грамматическая мысль, замѣчаетъ авторъ, выражаемая уже словами *ж и з н ь п о р о ж д а е т ь*, передаетъ требующуюся мысль логическую не сама по себѣ, а въ соединеніи съ словесными элементами праздная и скуку“ (108). „Вглядываясь въ значеніе отдѣльныхъ словъ предложенія, мы найдемъ, между прочимъ, въ числѣ ихъ одно такое, которое, взятое уже само по себѣ, даетъ представленіе о предметѣ рѣчи . . .“ (99). „Продолжая чисто грамматическій анализъ предложенія, мы найдемъ, что въ предложеніи есть одно также и только одно — слово, само уже по себѣ выражающее представленіе о присвоеніи за предметомъ признака: это слово *п о р о ж д а е т ь* . . .“ (100). Эти опредѣленія показываютъ, что авторъ разсматриваемаго труда стоитъ на „логической“ почвѣ, но что онъ только исходитъ изъ тѣхъ фактовъ, которые въ грамматикахъ считаются предложеніями, подлежащими и сказуемыми. Задача автора такимъ образомъ сводится къ тому, чтобы дать болѣе соотвѣтствующія опредѣленія, чтобы послѣднія не расходились съ выставляемыми фактами. Но какъ я сказалъ, г. Сланскій исходитъ изъ логическихъ опредѣленій, и тѣ опредѣленія, которыя мы у него находимъ, относятся лишь къ болѣе общимъ, болѣе отвлеченнымъ сужденіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему „жизнь порождаетъ“ — будетъ предложеніемъ грамматическимъ? а „праздная жизнь порождаетъ скуку“ — логическимъ? Всякое предложеніе, если въ немъ будетъ мысль — будетъ предложеніемъ логическимъ, болѣе конкретнымъ или болѣе общимъ, а если въ предложеніи мысли не будетъ — то это предложеніе и не логическое и грамматическимъ его никоимъ образомъ назвать нельзя. Иначе нужно было по-

дойти къ анализу предложенія. И зачатки этого иного отношенія, но неразвитые, какъ слѣдуетъ, мы отчасти находимъ у Сланскаго. Нужно было сильнѣе выдвинуть категоріи словъ, роль ихъ въ предложеніи. Но и тогда, конечно, нельзя говорить о грамматической мысли какъ таковой. Сама роль словъ будетъ лишь объектомъ особой мысли. Грамматическіе элементы должны быть добыты уже путемъ отвлеченія, а не мыслятся непосредственно.

Не безъ интереса можно познакомиться съ трудомъ г. Сланскаго, но положительныхъ результатовъ для разработки синтаксиса трудъ этотъ не даетъ никакихъ. Само мнѣніе Сл., что имъ указывается настоящій путь изслѣдованія, оказывается заблужденіемъ. Послѣ его попытки дать болѣе точное опредѣленіе различныхъ грамматическихъ терминовъ, можно лишь прійти къ заключенію, что и сами факты разбора, выдвигаемые нашей грамматикой (съ коими соглашается и г. Сл.), также являются результатомъ долговѣчнаго недоразумѣнія, долговѣчнаго господства привычки.

Если посмотрѣть съ точки зрѣнія педагогической, то гораздо легче усвоить учащимся, если то нужно, неточныя опредѣленія предложенія — „мысль выраженная словами“ (противъ чего Сл. возражаетъ, исходя изъ неособенно удачныхъ основъ; онъ говоритъ, что далеко не всѣ предложенія выражаютъ мысли, а напр., выражаютъ факты: „на дворѣ холодно“ и пр., какъ будто сознаніе факта не есть та же мысль, впрочемъ ср. сказанное въ разб. тр. на стр. 18—19 примѣчан.) и др., чѣмъ такія же неточныя въ грамматическомъ отношеніи опредѣленія г. Сл. — „вообще слова, которыми что-либо сказывается или говорится“ (109 и пр.)

Ко всему сказанному могу добавить еще то, что отношеніе между грамматикой и логикой, отношеніе между языкомъ и мыслью не представлены въ трудѣ Сланскаго такъ, какъ можно было бы ожидать этого послѣ болѣе или ме-

нѣе глубокаго изученія трудовъ, въ которыхъ данные вопросы уже были подвергнуты анализу. Въ то же время нужно сказать, что мысли, затронутыя Сл. и другими нашими педагогами, мало находятъ мѣста въ нашей научной литературѣ, въ западно-европейской же научной литературѣ являются предметомъ неустаннаго изслѣдованія. Возьмемъ хотя бы послѣднюю попытку Вундта дать опредѣленіе предложенія болѣе подходя къ сторонѣ языка, попытку, впрочемъ, не особенно удачную. — Вообще же вопросъ объ отношеніи грамматики къ логикѣ и психологіи до сихъ поръ не можетъ считаться разрѣшеннымъ. Какъ ни бьются грамматисты дать чисто грамматическія опредѣленія многихъ понятій, считаеваемыхъ чисто грамматическими, никакъ не удается имъ это сдѣлать. Приходится обращаться или къ логикѣ или къ психологіи. Невольно напрашивается сомнѣніе, не переступаютъ ли они въ этихъ своихъ попыткахъ за предѣлы вообще грамматики и трактуютъ о томъ, что относится къ другимъ наукамъ. Если прежде, напримѣръ, разсматривая предложеніе съ чисто логической точки зрѣнія, думали видѣть въ этомъ разборѣ грамматическій, то теперь признается нѣкоторыми изслѣдователями изученіе логическое, психологическое и грамматическое. Впрочемъ, яснаго проведенія этихъ принциповъ, одинаковаго взгляда на то или другое изученіе мы не найдемъ у изслѣдователей. Мы уже ознакомились со взглядомъ на данный вопросъ Добіаша. Исходя изъ искусственнаго разграниченія, которое находимъ у Добіаша въ приложеніи къ разборамъ, разграниченія, которое безцѣльно ломаетъ сложившійся анализъ, мы часто можемъ быть въ затрудненіи, такъ какъ при наличности, напр., подлежащаго не найдемъ его. Самъ Добіашъ замѣчалъ, что въ подобныхъ примѣрахъ, какъ въ ч ность — безвременность, гдѣ отождествленіе двухъ *δύοις*, логическое равенство, не можетъ быть и рѣчи ни о какомъ подлежащемъ и сказуемомъ въ общепсихологическомъ или логическомъ смыслѣ. Съ другой стороны, въ такихъ же

предложеніяхъ нельзя опредѣлить, какое слово будетъ синтаксическимъ подлежащимъ, а какое синтаксическимъ сказуемымъ т. к., по Добіашу, послѣднія опредѣляются тономъ (ср. 182 стр. его изслѣд.). Стоитъ теперь перейти къ анализу, проводимому Овс. Куликовскимъ (Рус. М. 96 г. № 2), и мы увидимъ, что тотъ же троякій анализъ вводится уже въ извѣстныя историческія рамки. Отмѣчаются три стадіи развитія языка: прежде всего стадія подготовительная, собственно еще безъязычная — психологическое сужденіе (мысленіе предметное), затѣмъ — предложеніе (рѣчь какъ выраженіе представленій), логическое сужденіе (орудованіе отвлеченною мыслью, понятіями). Данная точка зрѣнія уже должна вести за собой иной анализъ предложенія. Грамматическое предложеніе стоитъ посрединѣ между психологическимъ сужденіемъ и сужденіемъ логическимъ. И для выясненія его необходимо „оглядываться“ на начало его и могущіе быть результаты. Мнѣ думается, что подобный анализъ могъ бы вывести изъ той путаницы, которая у насъ господствуетъ. Эволюція предложенія, какъ она очерчивается у Овс.-Куликовскаго, мнѣ кажется въ общемъ убѣдительною. Возстающій противъ этой теоріи г. Зѣньковскій не приводитъ противъ нея убѣдительныхъ данныхъ.

Статья В. Зѣньковскаго „Къ вопросу о функціи сказуемаго“ (въ Кіевс. унив. Извѣст. 908 г., сент.) посвящена главнымъ образомъ выясненію вопроса о зависимости грамматики отъ логики при опредѣленіи именно указанной функціи. Задачу свою авторъ разрѣшаетъ, рассматривая взгляды, высказанные выдающимися языковѣдами и психологами новѣйшаго времени — Штейнталемъ, Потембнею, Іерузалемомъ, Вуядтомъ, Овсянико-Куликовскимъ. Подвигается вопросъ, который съ такимъ успѣхомъ для своего времени разрѣшилъ Штейнталь, вызвавшій продолжателей и развивателей идеи отдѣленія грамматики отъ логики, вопросъ разсмотрѣнный въ трудахъ нашихъ ученыхъ — Потемни и Овсянико-Куликовскаго (хотя, какъ мы видѣли, съ извѣстнымъ раз-

личіемъ). Указывая нѣкоторыя существенныя стороны ученія Штейнтала, авторъ совершенно отрицательно относится къ выводамъ его, но нельзя сказать, что доказательно строить свои возраженія. Это обнаруживается, кромѣ общихъ разсужденій, и на единичныхъ фактическихъ данныхъ, напр., на стремленіи выяснить разницу въ смыслѣ въ такихъ предложеніяхъ, какъ „Паллада любитъ Улисса“ и „Улиссъ любимъ Палладой“.

Мнѣ думается, что всѣ попытки выяснить разницу между подобными оборотами, какъ : Паллада любитъ Улисса, Улиссъ любимъ Палладой или : Цезарь перешелъ Рубиконъ, Рубиконъ былъ перейденъ Цезаремъ, — съ тѣмъ чтобы указать, что съ измѣненіемъ грамматической конструкціи измѣняется здѣсь и смыслъ хоть отчасти, не могутъ удасться, потому что для нашего чутья здѣсь уже изгладилась разница. Раньше же эта разница была. При обсужденіи взглядовъ Штейнтала нужно считаться и съ тѣмъ, противъ чего боролся Штейнталь, такимъ образомъ считается съ исторической точкой зрѣнія. Вѣдь и самъ авторъ говорить, что логика не можетъ претендовать на объясненіе явленийъ рѣчи, слѣдовательно, она не можетъ быть исходной точкой при выясненіи грамматическихъ категорій; противъ этого то и боролся Штейнталь, выдвигавшій на первый планъ въ этомъ случаѣ психологію, которую и г. Зѣньковский считаетъ единственно объясняющей рѣчь дисциплиною (стр. 4). И отсюда конечно, ужъ никакъ не слѣдуетъ, что „грамматика опирается въ основныхъ синтаксическихъ понятіяхъ на логику, что лишь съ помощью логическихъ понятій она въ состояніи охватить свой матеріалъ (17). Здѣсь уже безспорно возвратъ къ прошлому, хотя авторъ и отрещивается отъ Беккеровской системы (58). Самъ изслѣдователь говоритъ, что подобное рѣшеніе не есть еще рѣшеніе поставленной проблемы, что это рѣшеніе можетъ дать только изученіе психологической стороны вопроса, но что если послѣднее приведетъ насъ къ необходимости привлечь логику,

то такимъ образомъ „этотъ путь не закрытъ для насъ по принципиальнымъ соображеніямъ“ (17). Мнѣ и думается, что нужно такимъ образомъ прежде всего обратиться къ этому психологическому анализу, а затѣмъ уже будутъ видны его результаты и постулаты. Если проблемы синтаксиса, какъ говоритъ г. З.: „заключаются въ изученіи тѣхъ зависимостей, которыя наблюдаются въ живой рѣчи между отдѣльными словами, — т. е. въ изученіи той роли, которая выпадаетъ на долю отдѣльныхъ словъ“ . . . (19), то можно было бы ожидать, что изслѣдователь долженъ исходить изъ рѣчи и ограничиваться ею, ея законами. Грамматику авторъ отдѣляетъ отъ психологіи языка (относя объ эти дисциплины въ область болѣе общей науки — къ языкознанію, 21) и въ то же время считаетъ „законнымъ и цѣлесообразнымъ приведеніе въ связь грамматическихъ проблеммъ съ данными психологіи рѣчи“.

Разсматривая взглядъ Потебни на сказуемое и опредѣленіе сказуемаго у Потебни (именно, что функціей сказуемаго является — осуществлять апперцепцію), г. З. называетъ въ заключеніе формулу Потебни абстрактной. Послѣднее совершенно невѣрно, такъ какъ здѣсь Потебня исходитъ изъ исторіи языка и далъ, какъ самъ г. Зѣньковский ранѣе упоминалъ (23), болѣе узкую и содержательную формулу. И если эта формула является не охватывающей содержанія, то отсюда нельзя заключать объ ея абстрактности.

Разсматривая теорію Овс.-Куликовскаго, г. З. находитъ ее построенной не на фактахъ и такимъ образомъ совершенно неприемлемой. Между тѣмъ, эта теорія о постепенности развитія языка и постепенности перехода мышленія грамматическаго въ мышленіе логическое доказывается той же исторіей возникновенія понятій. Если попытки найти основные мотивы и исходныя точки развитія логики въ психологіи мышленія до сихъ поръ не увѣнчивались полнымъ успѣхомъ, то это еще не доказательство какой-то самостоятельности логики, о чемъ особенно дальше гово-

ритъ авторъ. Вполнѣ можно согласиться со словами Овс.-Куликовскаго, что только силою языка создано логическое сужденіе, слѣдовательно исходныя точки и нужно искать не въ психологіи мышленія вообще, а въ развитіи грамматически мысли.

Трактуя объ отношеніи грамматики и логики, говоря объ абстрактномъ взглядѣ нѣкоторыхъ ученыхъ, г. Зѣньковскій не опредѣляетъ вполнѣ, какой точки зрѣнія онъ придерживается на логику. Если логическое мышленіе бываетъ реальное, абстрактное, если оно является логическимъ независимо отъ того, ошибочно оно или нѣтъ, то не признаетъ ли авторъ извѣстнаго дѣленія въ самой логикѣ? Вообще подобные вопросы необходимо выяснять, дабы не толковать, въ сущности, о разныхъ вещахъ. Затѣмъ въ вопросѣ объ отношеніи грамматики къ логикѣ нельзя ограничиваться общими положеніями, о томъ, что логическая функція особая функція духа, которая не можетъ быть объяснена изъ элементовъ мышленія (30). Ничто не говоритъ также въ пользу теоретическихъ положеній о томъ, что сужденіе что-то истинное, что а к т ъ сужденія былъ всегда однимъ и тѣмъ же, а измѣнялся только матеріалъ сужденія. Подобный взглядъ, конечно, послѣдовательно вытекаетъ изъ того положенія, что языкъ лишь орудіе мышленія (34, 29). Затѣмъ, если ужъ такъ смотрѣть, то вѣдь а к т ъ сужденія долженъ бы всецѣло относиться къ психологіи, такъ какъ на долю логики выпадаетъ разсматривать все телеологически.

Останавливаясь въ связи съ упомянутымъ ранѣе на теоріи Іерусалема и не соглашаясь съ нею, авторъ приходитъ къ заключенію, что для отысканія настоящаго опредѣленія сказуемаго попытки психологическаго характера не могутъ служить, а необходимо прибѣгнуть къ логикѣ. „Если грамматика хочетъ пользоваться понятіями сказуемаго, подлежащаго, а слѣдовательно и понятіями предложенія, то она должна обратиться къ логикѣ“ (38). Затѣмъ авторъ

переходить къ взглядамъ Вундта, дѣлающимъ поворотъ именно къ логикѣ. Но что же оказывается изъ дальнѣйшаго изложенія? У самой логики нѣтъ настоящаго опредѣленія сказуемаго, его нужно еще дать. Затѣмъ, если бы таковое и было, то грамматика должна еще рѣшить, какъ пользоваться этимъ опредѣленіемъ: „понятіе предиката, сохраняя свои основные признаки, должно имѣть рядъ грамматическихъ характеристикъ“ (53). Такимъ образомъ окажется то, что оказывается теперь съ нашими традиціонными опредѣленіями и ихъ отношеніемъ къ грамматикѣ. Получаются опредѣленія логическія, а грамматическихъ не будетъ. И не зачѣмъ, въ сущности, грамматикѣ задаваться опредѣленіемъ того, что не входитъ въ ея область. Вотъ, къ какимъ мыслямъ нужно было бы прійти, мнѣ думается, въ настоящее время.

Относясь отрицательно къ общимъ и нѣкоторымъ частнымъ выводамъ г. Зѣньковского, я тѣмъ не менѣе не могу не выдвинуть вдумчивости автора, его умѣнья разобратъ иногда въ трудныхъ логическихъ вопросахъ.

Останавливаясь на различныхъ учебникахъ (среди которыхъ несомнѣнно являются улучшенія сравнительно съ учебниками прежняго времени) я не буду, не буду также останавливаться и на различныхъ статьяхъ болѣе педагогическаго характера, преслѣдующихъ цѣли практическаго улучшенія русскихъ учебниковъ синтаксиса. Стремленіе къ реформированію русскаго учебнаго синтаксиса явилось подъ прямымъ воздѣйствіемъ идей Потебни и выразилось прежде всего на статьяхъ и учебникѣ Дмитревскаго. Правда, это было только воздѣйствіе, но не непосредственное вліяніе. Самъ Дмитревскій отзывается о своихъ „Практическихъ замѣткахъ по русскому синтаксису“ (Филолог. Зап. 77 г. III, 2), какъ о выводахъ „добытыхъ не ученымъ изслѣдованіемъ, но школьною практикою и для школьнаго же пре-

подаванія предназначенныхъ“. И въ первой же статьѣ его мы видимъ приспособленіе въ школьныхъ цѣляхъ опредѣленія „предложенія“, сдѣланнаго еще Востоковымъ. Въ главныхъ чертахъ реформа Дмитревскаго сводилась къ нѣкоторымъ измѣненіямъ въ грамматической систематикѣ: подлежащее онъ причислялъ къ второстепеннымъ членамъ предложенія, уравнивая его съ дополненіемъ, такъ называемыя второстепенные члены предложенія онъ называлъ придаточными и рекомендовалъ проходить ихъ вмѣстѣ съ придаточными предложеніями. Мысли Дмитревскаго возбудили полемическія возраженія Миловидова въ тѣхъ же Филолог. Запискахъ, возраженія эти вызвали отвѣтъ Дмитревскаго. Въ такомъ же педагогическомъ духѣ написаны и статьи по грамматикѣ другихъ авторовъ на страницахъ Филолог. Записокъ и Русск. Фил. Вѣстника: Деларю, Боголюбова, Аннинскаго, Желтова, Соломоновскаго, Андреева и др. Въ этихъ статьяхъ, конечно, найдется любопытный матеріалъ для составителя учебника. Такой же цѣнный матеріалъ для составителя учебной грамматики имѣется въ позднѣйшихъ грамматическихъ статьяхъ М. А. Тростникова — въ его „Запискахъ по русской грамматикѣ, въ его же меньшихъ, статьяхъ (помѣщенныхъ на стран. Филолог. Зап. — „Опредѣленіе залоговъ въ школьныхъ грамматикахъ“, „Къ вопросу о сложномъ предложеніи“). „Записки...“ Тростникова вызвали возраженія С. Брайловскаго, на эти возраженія послѣдовалъ обширный отвѣтъ Тростникова (всѣ эти статьи на страницахъ Педагогич. Сборника). Статьи г. Тростникова интересны прежде всего тѣмъ, что мы видимъ изъ нихъ, въ какомъ затруднительномъ положеніи находится преподаватель русскаго языка, какія сомнѣнія приходится ему переживать при преподаваніи синтаксиса: Буслаевская система устарѣла, научно признается система Потебни, но Потебня коснулся лишь отчасти вопросовъ школьной грамматики, онъ далъ здѣсь лишь нѣкоторые штрихи, намеки. Толкованіе и развитіе послѣднихъ не всѣмъ подъ силу.

Наша школьная грамматика до сихъ поръ представляетъ какой-то сколокъ съ грамматикъ греческихъ и латинскихъ. Ту же участь дѣлитъ и школьная грамматика въ Западной Европѣ. Станнымъ можетъ показаться это : вѣдь, давно уже сознаны крупные недостатки греческихъ и латинскихъ грамматикъ, давно установленъ иной взглядъ на языкъ и на отношеніе къ нему науки. Но нужно помнить, что языкознаніе — наука еще молодая : въ ней много еще не разработаннаго, и потому не мудрено, что древнее наслѣдство остается еще въ полной силѣ. Синтаксисъ въ этомъ отношеніи представляетъ особенные слѣды вліянія древности. Древніе греки и римляне смотрѣли на изученіе языка съ практической точки зрѣнія, поэтому синтаксисъ несъ служебную роль: онъ училъ языку. Такой же точки зрѣнія держались и позднѣйшія поколѣнія — средневѣковые и гуманизмъ, когда изученіе латинскаго языка было на первомъ планѣ. Господство латинскаго синтаксиса въ то время повлекло въ дальнѣйшемъ обработку по образцу этого синтаксиса синтаксисовъ другихъ языковъ. Новѣйшее языкознаніе, обративъ вниманіе на существенные недостатки синтаксисовъ, построенныхъ по образцу чужихъ языковъ, направило главное свое вниманіе на изученіе другихъ сторонъ языка, преимущественно звуковыхъ. И такимъ образомъ, школьная грамматика осталась въ безпомощномъ положеніи.

До начала 19 столѣтія для нашихъ школьныхъ грамматикъ образцомъ служила грамматика Ломоносова. Въ началѣ 19 столѣтія грамматика Ломоносова была нѣсколько видоизмѣнена Соколовымъ и въ этомъ видѣ являлась образцомъ до появленія грамматикъ Востокова и Греча. Къ 30-мъ годамъ относится господство грамматикъ Греча, далеко уступавшей въ научномъ отношеніи грамматикѣ Востокова, но превосходившей послѣднюю въ педагогическомъ отношеніи. Нѣкоторое оживленіе внесла небольшая грамматика Половцева, пользовавшаяся также популярностью.

Въ дальнѣйшемъ обнаружались попытки разбить прохожденіе грамматики на 2 курса, результатомъ чего являлся извѣстный въ свое время „Высшій курсъ грамматики“ Стоюнина (въ 55 г). Послѣ этого появился цѣлый рядъ разнообразныхъ школьныхъ грамматикъ. Однѣ изъ нихъ появлялись и вскорѣ исчезали со школьнаго горизонта, другія же долго просуществовали, выдержавши много изданій. А, въ сущности, всѣ эти грамматики такъ мало отличались другъ отъ друга. Всѣ онѣ только составлены для иностранцевъ: параграфы съ склоненіями, спряженіями, съ разнообразными исключеніями, со всѣмъ тѣмъ матеріаломъ, который и безъ того хорошо былъ извѣстенъ школьнику. Эти парадигмы лишь забивали учащагося: понятныя въ учебникѣ латинскаго, французскаго и другихъ языковъ, онѣ непонятны въ учебникѣ родного языка. И большинство приводимыхъ правилъ являлось совершенно ненужнымъ для того, чтобы хорошо владѣть роднымъ языкомъ, а между тѣмъ въ нѣкоторыхъ изъ грамматикъ ясно сказывалась тенденція учить говорить и писать правильно.

И положеніе преподавателя русскаго языка въ средней школѣ является очень затруднительнымъ. Тѣмъ болѣе оно затруднительно, что и изъ университета этотъ преподаватель не выносилъ часто общей филологической основы, тѣхъ общихъ твердыхъ воззрѣній на языкъ, которыя бы дали ему возможность быть болѣе самостоятельнымъ въ дальнѣйшемъ. И неудивительно затѣмъ, что отъ школьника требуется разрѣшеніе такихъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ оказывалось не подъ силу ученымъ.

Какъ же поставить преподаваніе синтаксиса и вообще грамматики въ нашей средней школѣ? Много разъ давались уже отвѣты на этотъ вопросъ. Общее желаніе — реформировать бывшее и существующее.

„Если бы хотъ одинъ учебникъ русской грамматики, замѣчаетъ проф. Будде (Учебникъ грамм., К. 1900, V—VI),

былъ изложенъ научнымъ языкомъ, такимъ какъ учебникъ ариѳметики, и взялъ бы для себя матеріалъ изъ области самой науки современнаго намъ живого русскаго языка, нашей изящной литературы, излагая этотъ матеріалъ научнымъ методомъ, то это обстоятельство навѣрно послужило бы причиной того, что такой учебникъ русской грамматики былъ бы признанъ труднымъ и непрактичнымъ для школы“.

Съ этимъ трудно согласиться. Не въ языкѣ здѣсь дѣло. Вопросъ лишь можетъ быть, насколько доступны та или другая научная система въ извѣстномъ возрастѣ, для извѣстнаго умственнаго развитія, а затѣмъ уже: какъ изложить эту систему.

Изучать синтаксисъ, близкій къ научному изложенію, въ младшихъ классахъ, конечно, невозможно. Тамъ могутъ быть только сообщаемы краткія свѣдѣнія о законахъ сочетанія словъ въ „предложенія“, о частяхъ рѣчи. Изученіе же синтаксиса русскаго должно быть въ связи съ предварительными небольшими свѣдѣніями о языкѣ вообще, о психологіи мышленія.

Нужно ввести учащагося прежде всего въ психологію мышленія, познакомить съ психологическими законами. Изложеніе этихъ законовъ должно предшествовать анализу различныхъ стадій человѣческой мысли (такимъ образомъ, я не согласенъ съ мнѣніями, высказанными проф. Овсяннико-Куликовскимъ въ его статьѣ — „О преподаваніи синтаксиса русскаго языка“, Вѣстн. Восп. 1903 г. № 1, 5—7). Градация въ образованіи человѣческаго мышленія должна быть выяснена постепенно. Говоря о законахъ психики, можно отгѣнить прежде всего разницу между предметнымъ мышленіемъ, свойственнымъ животнымъ и дѣтямъ — до усвоенія рѣчи, и мышленіемъ грамматическимъ. Затѣмъ уже, разъяснивъ это послѣднее, можно отгѣнить образующуюся разницу: мышленіе болѣе отвлеченное съ одной стороны, съ другой — художественное.

И въ дальнѣйшемъ нужно стремиться къ тому, чтобы поменьше было формальнаго, которое и не можетъ быть какъ слѣдуетъ оцѣнено учащимся, а побольше такого, чтобы учащійся видѣлъ ясно, что онъ идетъ впередъ, что знанія его увеличиваются. А въ области языка многое могло бы найтись такое, которое могло быть сознательно усвоено учащимся и даже не только усвоено, но даже самостоятельно продумано. И вѣдь настоящей цѣлью изученія языка даже въ средней школѣ вовсе не должно быть усвоеніе правилъ, а чтобы изъ учащагося постепенно вырабатывался сознательный наблюдатель богатаго матеріала, который самъ собою растетъ съ годами у cadaго.

Особенно интересенъ, конечно, долженъ быть для насъ новѣйшій учебникъ проф. Овсянико-Куликовскаго, какъ лучшаго продолжателя идей Потебни и самостоятельнаго изслѣдователя.

Въ предисловіи къ „Грамматикѣ“ проф. Овсянико-Куликовскій высказываетъ, что при составленіи ея онъ руководился, чтобы 1) его учебникъ не былъ лишь сухимъ перечнемъ правилъ и исключеній, чтобы изложенъ онъ былъ такъ, какъ излагаются учебники по другимъ предметамъ; 2) само изложеніе начиналось бы съ изученія связной рѣчи, а на конецъ уже оставлялась бы „анатомія“ слова. Здѣсь же Овсянико-Куликовскій строить и планъ прохожденія по его учебнику для четырехъ классовъ (начиная 3-го—6-го кл.).

Желаніе составить учебникъ грамматики въ такомъ же видѣ, какъ, напримѣръ, пишутся учебники по исторіи — прекрасная мысль, но здѣсь матеріалъ совѣмъ другой — и хорошая грамматика не вызоветъ такого интереса у учащагося, какъ хорошій учебникъ исторіи; не говоря уже о томъ, что и вообще привести эту мысль въ исполненіе — дѣло очень трудное. Для этого недостаточно одного научнаго

знанія предмета, необходимо умѣть приспособиться къ возрасту, къ которому принаравливается изложеніе, войти, сжиться съ психологіей этого возраста. Необходимо умѣть облечь въ яркую картину то, что для другого возраста уже можетъ быть представлено въ болѣе отвлеченномъ видѣ. И мнѣ кажется, не можетъ претендовать на такое изложеніе разсматриваемый учебникъ. Въ этомъ отношеніи онъ не лучше многихъ другихъ, несмотря на то, что написанъ авторомъ, извѣстнымъ въ наукѣ своими спеціальными работами. Мнѣ кажется, многое останется непонятымъ, напримѣръ, учениками 3-го класса въ 1-й части грамматики. Для примѣра я приведу нѣсколько выдержекъ и замѣчу при этомъ, что хотя это и отрывочныя мѣста, но онѣ взяты изъ самаго начала параграфовъ: „признакъ (напр., бѣлизны) производится дѣйствіемъ предмета (который бѣлѣтъ), но потомъ этотъ же признакъ, уже произведенный, уже готовый, приписанъ предмету и представленъ просто какъ его принадлежность . . .“ (19), „бѣлѣющій снѣгъ“ значить, что снѣгъ произвелъ свою бѣлизну и теперь обладаетъ этимъ признакомъ“ (19), „о причастіи можно сказать, что оно — прилагательное, но такое, въ которомъ сквозить образъ дѣйствующаго предмета“ (19), „теперь вообразимъ, что въ нарѣчій (т. е. въ признакъ признака) просвѣчиваетъ намекъ на предметъ, который, дѣйствуя, производитъ то, что выражено нарѣчіемъ“ (20) . . . „выраженіе „въ городѣ“, по смыслу, отвѣчаетъ на вопросъ „гдѣ?““, но внѣшнимъ образомъ онъ (оно?) отвѣчаетъ такъ, какъ будто вопросъ гласилъ не „гдѣ?“ а „въ чемъ?“.

Представляется совсѣмъ неудобныхъ предполагаемая планировка, когда „анатомія слова“ отнесена на конецъ, отнесена къ 6-му классу. Съ этой „анатоміей“ придется волей-неволей знакомить на первыхъ же порахъ, и она доступна, чѣмъ анализъ предложенія. Да и какъ можно сознательно усвоить части рѣчи, не познакомившись предварительно съ этой „анатоміей слова“, которая и на первыхъ

порахъ могла бы представить много занимательнаго для учащагося.

Конечно, при изученіи языка естественно выходить изъ цѣльной рѣчи, изъ „предложенія“, затѣмъ уже переходить къ анатоміи отдѣльных частей этой рѣчи. Но еще вопросъ, удобно ли примѣнять это при ознакомленіи съ строемъ языка. Не удобнѣе ли, чѣмъ переходить постепенно отъ „предложенія“ къ звуку, взять нѣчто среднее, отдѣльное слово, хотя бы это слово и являлось „искусственнымъ препаратомъ“. Впрочемъ, можно было бы и согласиться съ проведеніемъ подобнаго метода, но, во всякомъ случаѣ, сконцентрировавъ матеріалъ, а не растягивая его на 3—4 класса.

Въ „грамматикѣ“ различныхъ „правилъ“, парадигмъ, раздѣленій и подраздѣленій очень много. Въ этомъ случаѣ она не уступаетъ другимъ. Притомъ и здѣсь иногда изложеніе не особенно удачное. Напримѣръ: „послѣ числительныхъ два, оба, три, четыре, именительный падежъ именъ предметовъ одушевленныхъ и именительный и винительный именъ предметовъ неодушевленныхъ имѣютъ форму, сходную съ родительнымъ падежомъ единственнаго числа: два человѣка, оба друга, четыре лошади (все это именительные падежи; но въ винительномъ падежѣ: двухъ человѣкъ, обоихъ друзей, четырехъ лошадей), двѣ книги, три яблока . . . (все это именительные и винительные падежи)“ (59). Или возьму слѣдующее мѣсто въ другомъ родѣ: „сравнимъ дѣепричастіе съ обыкновеннымъ нарѣчіемъ, — и мы замѣтимъ, что первое не только обозначаетъ (признакъ признака), но отчасти и высказываетъ, между тѣмъ какъ второе только обозначаетъ. Такова разница между: чернѣя и черно, презирая и презрительно, задумавшись и задумчиво и т. д. Напримѣръ, въ фразѣ: „онъ сидѣлъ задумавшись“

дѣепричастіе не только обозначаетъ признакъ (задумчивости), но и высказы в а е т ъ , что сидѣвшій господинъ задумался. Но если скажемъ: „онъ сидѣлъ за думчиво“, то этого высказыванья уже не будетъ. „Задумчиво“ (простое нарѣчіе) отвѣчаетъ на вопросъ: какъ? Дѣепричастіе „задумавшись“, отвѣчая на тотъ же вопросъ, вмѣстѣ съ тѣмъ предполагаетъ еще и вопросъ: „что дѣлая“? или „въ какомъ состояніи находясь?“. Можно было бы подобрать примѣры, болѣе рельефно отгнѣняющіе разницу (напр., онъ говорилъ ласково, — лаская,), и пояснить ихъ болѣе просто, примѣняясь именно къ послѣднимъ словамъ приведеннаго текста или примѣняя семасіологическія свойства прилагательнаго и глагола.

Возьмемъ еще для примѣра разграниченіе существительныхъ: „существительныя дѣлятся на 3 разряда: 1) знаменательныя или именныя, которыя обозначаютъ опредѣленные сорта предметовъ и все, что въ словѣ представлено, такъ какъ будто оно — предметъ . . . , эти существительныя называются также нарицательными. Различается особый видъ знаменательныхъ существительныхъ — имена собственные . . . 2) Мѣстоименныя, или мѣстоименія — существительныя, которыя означаютъ не самые предметы, а только то, что они существительныя . . . 3) Числительныя . . .“ (26—27).

Прежде всего можетъ вызвать недоумѣніе опредѣленіе мѣстоименныхъ существительныхъ, обозначающихъ будто бы не самые предметы, а только, что они существительныя: вѣдь это совсѣмъ невѣрно, такъ какъ здѣсь долженъ быть выдвинутъ лишь способъ обозначенія. Затѣмъ, въ дѣленіи на собственные и нарицательныя проф. Овсяннико-Куликовскій стоитъ вполне на точкѣ зрѣнія нашихъ школьных грамматикъ, а дѣленіе это въ томъ видѣ, какъ оно обыкновенно проводится, неправильно: всякое существительное знаменательное можетъ быть и собственнымъ и нарицательнымъ. Если я говорю: „дай мнѣ книгу“, при чемъ

подразумѣваю опредѣленную, извѣстную книгу, то послѣднее слово — собственное. Оно такое же собственное, какъ названія въ семьѣ — Иванъ, Петръ и пр. Если слово „книга“ теряетъ эту свою ограниченную область значенія, то оно дѣлается нарицательнымъ, что одинаково случается и съ названіями Петръ, Иванъ и пр., получается, такимъ образомъ, множественное число: книги, Иваны . . . Тогда для лучшаго опредѣленія, для перенесенія этихъ названій снова въ область собственныхъ требуются новыя опредѣленія: моя книга, Иванъ Сидоровъ и пр. Слѣдовательно, между „нарицательными“ и „собственными“ именами нѣтъ такой разницы, какая рисуется обыкновенно въ грамматикахъ, и путь ихъ развитія таковъ, что сначала слова имѣютъ видъ собственныхъ именъ, а затѣмъ, постепенно, дѣлаются нарицательными, это путь отъ представленія къ понятію.

Если мы говоримъ, что каждое названіе можетъ быть нарицательнымъ и собственнымъ, то тѣмъ самымъ мы дѣлаемъ яснымъ, почему подъ собственными именами мы подразумеваемъ, въ сущности, неодинаковыя представленія. Если понятіе о предметѣ слагается изъ различныхъ представлений, то подобное происходитъ и съ собственнымъ именемъ.

Однимъ изъ крупныхъ общихъ недостатковъ „грамматики“ является отсутствіе разбора сложныхъ предложеній и недостатокъ въ чисто орфографическихъ указаніяхъ. А послѣдній составитель могъ бы свободно ввести даже вмѣсто совершенно ненужныхъ подраздѣленій, и указанія эти, кромѣ своей практической важности, могли бы быть даже интересны (зависимость правописанія отъ чувства языка, напр., въ нарѣчіяхъ и пр.).

Скорѣе къ нашей литературѣ педагогической я отнесъ бы сочиненіе г. Ржиги „Основные виды предложеній Древне-Славянскаго, Русскаго, Польскаго, Лужицко-Сербскаго, Чеш-

скаго, Словенскаго, Сербскаго и Болгарскаго" (М. 1890 г., наверху обложки болѣе общее заглавіе: „Синтаксисъ славянскихъ языковъ“). Къ педагогической литературѣ я отношу это сочиненіе, потому что оно представляетъ въ своей основѣ схематизацію различныхъ видовъ предложеній въ славянскихъ языкахъ. Сама же схематизація напоминаетъ собою схоластическія упражненія добраго стараго времени. Своеобразною чертою выступаетъ здѣсь мнѣніе автора, выдѣляющаго дополненіе въ число главныхъ членовъ предложенія, это та особенность, которую г. Ржига стремился обосновать и въ дальнѣйшихъ своихъ трудахъ. Тѣ общіе принципы, съ которыми подходитъ авторъ къ изученію предмета или лучше — къ своей схематизаціи, обнаруживаютъ въ немъ недостаточное пониманіе своей задачи, которую обращаетъ онъ въ концѣ концовъ въ ничто. Положительныхъ результатовъ никакихъ, а цѣлый рядъ опредѣленій, получившихся путемъ простаго отвлеченія, безъ справокъ съ исторіей вопроса, т. е. того, что давала намъ прежняя такъ называемая „логическая“ школа. Вотъ для образца начало 1-й главы: „Предложеніе создается сознательнымъ сочетаніемъ словъ. Сочетаніе двухъ словъ, находящихся во взаимномъ отношеніи, есть первая основа предложенія. Первое слово двучленнаго предложенія есть получатель и предъявитель второго. Сочетаніе двухъ словъ въ основную форму мысли назовемъ предложеніемъ общимъ . . .“

Ржига посвятилъ выясненію своего новаго взгляда на дополненіе статьи въ Рус. Филолог. Вѣстникѣ (85, 86 и 904 гг.), затѣмъ новое свое ученіе ввелъ въ свой учебникъ русскаго языка. Онъ считаетъ, что его теорія еще не разрушена критикою, но, мнѣ кажется, что совсѣмъ легко вскрыть полную несостоятельность этой теоріи. Г. Ржига считаетъ дополненіе такимъ же главнымъ членомъ предложенія, какъ подлежащее и сказуемое. Свое положеніе онъ строитъ на томъ, что многія предложенія безъ дополненій не имѣютъ полнаго смысла, затѣмъ, что дополненіе

такъ тѣсно примыкаетъ къ сказуемому, какъ сказуемое къ подлежащему. Онъ стремится даже доказать, что эта близость опирается на томъ, что въ основу падежей легло то же мѣстоименное склоненіе, какъ въ основу глаголовъ. Если мы будемъ анализировать предложенія, какъ анализируетъ ихъ г. Ржига, то наряду съ дополненіями должны (будучи послѣдовательны) причислить къ главнымъ членамъ предложенія опредѣленіе. Беря свое полное 3-членное предложеніе, Ржига не обратилъ вниманія на то, что оперируетъ онъ съ глаголами-сказуемыми, которые по природѣ своей (будучи дѣйствительнаго залога) требуютъ для полноты выраженія винительный падежъ.

Вліяніе изслѣдованій Потебни отразилось и на попыткѣ представить болѣе научнымъ образомъ синтаксисъ древнецерк.-слав. языка въ трудѣ Будиловича „Начертаніе церковно-слав. грамматики“ (Варш. 83 г.).

Проф. Будде въ своей статьѣ „О синтаксисѣ простого предложенія“ (Ж. М. Н. П. 94 г. апрѣль, 200) выдвигаетъ синтаксическій отдѣлъ въ трудѣ Будиловича „Начертаніе церковнославянской грамматики“, упоминая о немъ послѣ такихъ работъ по синтаксису, какъ работы Буслаева и Потебни. С. Брайловскій называетъ въ своей рецензій (въ Р. Фил. В.) „Начертаніе . . .“ замѣчательнымъ трудомъ, причиною малой распространенности данной книги считаетъ „очень картинный, но слишкомъ ученый языкъ“. Я же думаю, что въ смыслѣ научной разработки синтаксиса церковнославянскаго и синтаксиса русскаго этотъ трудъ не даетъ чего-либо особенно цѣннаго. Цѣнное здѣсь можно найти въ смыслѣ лишь комбинированія имѣвшей разработку, составленія извѣстной научно-педагогической системы. Впрочемъ, и въ построеніи, довольно, удачномъ въ общемъ, имѣются частности, которыя отражаются лишь отрицательно. Характерною особенностью разсматриваемаго отдѣла является то, что за общей картиною анализа предложенія какъ-то

совершенно исчезаютъ изъ вида особенности частныя — особенности церковнослав. рѣчи.

Прежде всего въ анализѣ простого предложенія совершенно напрасно Б. выдѣляетъ фразу, какъ нѣчто среднее между предложениемъ и словомъ; изъ этого выдѣленія образуется у него представленіе о предложении (о „голомъ“, какъ онъ выражается, предложении), какъ о высшей фразеологической и низшей синтаксической единицѣ. Отмѣчая въ такихъ одночленныхъ предложенияхъ, какъ: пожаръ! отгнѣнокъ чувства, Б. не совсѣмъ вѣрно приравниваетъ къ нимъ такія выраженія, какъ заголовки и пр. Совершенно бездоказательно представлена исторія образованія двучленного предложения изъ двухъ самостоятельно существовавшихъ одночленныхъ предложений. Предполагаются существовавшими самостоятельно: „громъ!“ и „гремить“, а затѣмъ получалось: громъ гремить. Проводя правильную мысль, что при историческомъ объясненіи синтаксическихъ явленій необходимо быть осторожнымъ въ примѣненіи ученія объ эллипсисѣ, самъ Б. грѣшитъ, предполагая первоначальность подобныхъ оборотовъ: больной сы, блѣдный сы, недвижимъ сы . . . Карлъ явился. Вообще же мы замѣчаемъ, что нерѣдко передаются авторомъ въ видѣ извѣстныхъ догмъ мысли, которыя могутъ быть подвергнуты большому сомнѣнію относительно ихъ правильности. Такъ, напр. Б. открываетъ древній объектъ въ именительномъ падежѣ въ такихъ выраженіяхъ, какъ: они идутъ рука объ руку; часъ отъ часу . . ., другъ къ другу и пр., при чемъ относить такое употребленіе именительнаго падежа къ эпохѣ сліянія его съ винительнымъ падежомъ (306—7).

Не разъ проглядываетъ въ изложеніи какая-то вычурность выраженія. Затѣмъ частичный разборъ роли различныхъ частей рѣчи въ синтаксическомъ отношеніи указываетъ, что Б. руководился не исключительно грамматическими соображеніями, а и логическими. Отмѣтить также нужно сильный элементъ разсужденій общаго характера, которыя не являются въ интересахъ научнаго изученія языка.

III.

Оборотъ „дательный самостоятельный“ до сихъ поръ не можетъ считаться въ научной литературѣ выясненнымъ. Имѣется специальное изслѣдованіе г. Бѣлоруссова „дательный самостоятельный падежъ въ памятникахъ церковно-славянской и древне-русской письменности“ (Рус. Филолог. В. 99 г. № 1—2, стр. 71—146), но изслѣдованіе это, въ сущности, не подвигаетъ впередъ выясненіе вопроса и если интересно, то по тому матеріалу, который извлеченъ авторомъ главнымъ образомъ изъ хрестоматій. Правда, новый изслѣдователь даннаго оборота не ограничится приведеннымъ матеріаломъ въ статьѣ г. Бѣлоруссова, тѣмъ болѣе, что для разрѣшенія главнаго вопроса — объ исконности или заимствованіи даннаго оборота — нужнаго матеріала, нужныхъ сличеній — нѣтъ.

Востоковъ въ своей грамматикѣ церковно-славянскаго языка (§ 127) и Буслаевъ въ историч. грамматикѣ русскаго языка (§ 244, разд. 5) говорятъ вкратцѣ о дательномъ самостоятельномъ, о соответствіи этого оборота греческому родительному самостоятельному, говорятъ о выраженіи этимъ оборотомъ сокращенныхъ придаточныхъ предложений, но ни Востоковъ, ни Буслаевъ, какъ то совершенно несправедливо утверждаетъ г. Бѣлоруссовъ (71—72), не говорятъ, что дательный самостоятельный составляетъ простую замѣну греческаго родительнаго самостоятельнаго. Наоборотъ, самъ г. Бѣлоруссовъ въ дальнѣйшемъ (78) приходитъ къ мысли, что дательный самостоятельный „возникъ и образовался въ церковно-славянскомъ языкѣ подъ вліяніемъ греческаго родительнаго самостоятельнаго и потому не могъ не имѣть съ нимъ близкаго родства и сходства“. Сама эта мысль не находитъ себѣ подтвержденія въ изслѣдованіи автора. Въ дальнѣйшемъ же г. Бѣлоруссовъ правъ, когда говоритъ, что употребленіе дательнаго самостоятельнаго въ церковно-славянскихъ и русскихъ памятникахъ шире упо-

требленія греческаго родительнаго самостоятельнаго. Мнѣ думается, путь изслѣдованія дательнаго самостоятельнаго долженъ начинаться съ детальнаго сличенія имѣющихся древне-церковно-слав. текстовъ съ греческими оригиналами въ случаяхъ употребленія даннаго оборота. Попались же, напр., г. Бѣлоруссову при его, въ сущности, немногочисленныхъ сличеніяхъ въ этомъ направленіи обороты въ греческомъ языкѣ тождественные съ славянскими. Большое количество подобныхъ оборотовъ могло бы говорить о греческомъ вліяніи, такомъ, о какомъ въ настоящее время врядъ ли можно говорить, сличая славянскій дательный самостоятельный съ греческимъ родительнымъ самостоятельнымъ. Примѣры эти слѣдующіе:

<i>εἰσελθόντι τῷ Ἰησοῦ εἰς Καπερναοὺμ, προσῆλθεν αὐτῷ ἑκ τούτουρχος</i>	въишѣшюу нсоу въ Капернаоуѣмъ и пристѣпи къ немуу сътъинкъ (Остр. Ев., Мѣ. VIII, 5)
<i>παράγοντι τῷ Ἰησοῦ, ἡκολούθησαν αὐτῷ δύο τυφλοί</i>	прѣходѣшюу ѡсен по немъ... (З. Ев. Мѣ. IX, 27)
<i>ἐλθόντι δὲ εἰς τὴν οἰκίαν προσῆλθον αὐτῷ οἱ τυφλοί.</i>	прѣишѣшюу же емоу въ домъ, прѣстѣпѣсте къ немуу... (тамъ же).

(Ср. также аналогичн. примѣры дательн. самостоятельнаго въ греч. яз., приведенн. въ греч. грамматикѣ Чернаго. М. 88 г., стр. 194—5 прим.).

Нельзя согласиться съ тѣми комментаріями, которыми сопровождаетъ приведенныя сличенія г. Бѣлоруссовъ: въ греческомъ текстѣ онъ видитъ простой дательный съ обстоятельственнымъ значеніемъ, а потому и въ славянскомъ — буквальная передача этого оборота не является въ данныхъ случаяхъ дательнымъ самостоятельнымъ (73—74). Эти примѣры тѣмъ именно цѣнны, что показываютъ случаи дательнаго самостоятельнаго въ греческомъ языкѣ, эти случаи были немногочисленны, потому что въ греческомъ языкѣ былъ другой оборотъ для выраженія того же, для чего здѣсь въ силу особенностей предложеній явился да-

тельный падежъ. Мнѣ думается, что въ этихъ греческихъ примѣрахъ лишнее доказательство справедливости мнѣнія Потебни о возможности возникновенія дательнаго самостоятельнаго изъ дательнаго зависимаго. Если въ греческомъ языкѣ для созданія оборота „родительный самостоятельный“, а въ латинскомъ — „творительный самостоятельный“, оказало вліяніе употребленіе въ греческомъ родительнаго падежа, а въ латинскомъ — падежа творительнаго, то въ славянскомъ „дательный самостоятельный“ на первыхъ порахъ могъ создасться путемъ другимъ, путемъ постепеннаго отдѣленія дательнаго зависимаго.

При собраніи матеріала съ оборотами „дательный самостоятельный“ необходимо отмѣчать хронологическую послѣдовательность памятниковъ: это важно для исторіи развитія оборота, и здѣсь опять неправъ г. Бѣлоруссовъ, который весь собранный матеріалъ не группируетъ по этому принципу, и считаетъ даже это совершенно ненужнымъ (77); мотивировка его та, что дательный самостоятельный съ одинаковою свободою употребляется въ памятникахъ XI—XVII вв.; требуетъ также повѣрки обобщеніе, что дательный самостоятельный встрѣчается только въ памятникахъ древнерусскихъ искусственной рѣчи, а въ памятникахъ живой рѣчи этого оборота нѣтъ.

Въ исторіи развитія дательнаго самостоятельнаго, безспорно, должны быть намѣчены различныя стадіи. Нужно опредѣлить какъ бы первоначальные элементы этого оборота, самый первоначальный оборотъ и затѣмъ его распространеніе. И въ этомъ случаѣ историческое изученіе оборота должно оказать существенную помощь. Такъ, напр., отмѣчается, что греческимъ родительнымъ самостоятельнымъ передаются придаточныя обстоятельственныя предложенія времени въ томъ лишь случаѣ, если подлежащее этихъ предложеній (т. е. родительный въ данномъ случаѣ падежъ) не встрѣчается въ главномъ ни въ качествѣ подлежащаго ни въ качествѣ другого члена предложенія. Между

тѣмъ славянскимъ дательнымъ самостоятельнымъ передавались такіе случаи; не дошедшоу же емоу острова приде на рѣкоу . . . Нѣтъ ничего невозможнаго, если предположить, что подобные обороты явились уже позже, явились подѣ влияніемъ оборотовъ, въ которыхъ, какъ въ греческомъ языкѣ, „подлежащее“ „придаточнаго“ предложенія не выступало въ главномъ въ качествѣ подлежащаго. Подобные же обороты какъ въ греческомъ, такъ и въ славянскомъ, могли появиться и независимо другъ отъ друга. Приведенный примѣръ, безспорно одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ примѣровъ, которые явились результатомъ злоупотребленія данныхъ оборотовъ. Подобныхъ примѣровъ мы, поѣтому, и не найдемъ въ живой народной рѣчи, но вопросъ еще въ томъ, не найдемъ ли мы чего-либо подобнаго оборотамъ съ болѣе какъ бы нормальнымъ употребленіемъ дательнаго самостоятельнаго. Процессъ образованія оборотовъ „дательный самостоятельный“ съ одинаковыми подлежащими можетъ быть, по моему, сравниваемъ съ возникновеніемъ подобныхъ (опять позднѣйшихъ) оборотовъ, какъ: „увидя то, на мысли волку вспало“ (изъ „Левъ и волкъ“ Крылова) и пр.

Я долженъ сказать еще слѣдующее. Для отмѣненія разницы въ употребленіи греч. родительнаго самостоятельнаго и славян. дательнаго самостоятельнаго я привелъ отмѣчаемое правило относительно греч. родительнаго самостоятельнаго и случаи слав. дательнаго самостоятельнаго, совершенно идущіе въ разрѣзъ съ этимъ правиломъ. Сравнивая же рассматриваемые обороты, необходимо было бы болѣе подробно, чѣмъ то дѣлалось до сихъ поръ, войти и въ исторію употребленія греческаго родительнаго самостоятельнаго. Укажу здѣсь, что отмѣчаемое правило имѣетъ свои исключенія уже въ древнемъ греч. языкѣ и чѣмъ позднѣе, тѣмъ болѣе и болѣе отклоненій. Получается такимъ образомъ возможность въ проведеніи параллелей между греческими и славянскими оборотами, главнымъ

образомъ въ процессѣ образованія. Дамъ нѣсколько примѣровъ. Изъ перевода 70: Sept. Num. 13, 22: *κατεσχέσαντο τὴν γῆν ἀπὸ τῆς ἐρήμου Σὺν ἕως Ροδβ̄ εἰσπορευομένων Αἰμαθ̄* (подобн. обороты у Cleomed'a 18, 10, Strabon'a 8, 4, 5. 13, 1, 32). См. Greek Lexicon of Roman and Byzantine Periods (New. York, 1900, предвар. грамм. свѣд., 43). Изъ житія Константина и Елены: *καταστήσαντος οὖν τοῦς ἰδίους παῖδας Καίσαρας ἀπῆλυσεν εἰρήνης αὐτὸς αὐτοκράτωρ μέγιστος...* (Rendiconti della reale Accademia dei lincei... Ser. 5 Vol. XXI, Roma 1907, 334 примѣч.) Ф. Блассъ въ своей Grammatik des Neutestamentlichen Griechisch (Göttingen, 1902, стр. 256) отмѣчаетъ, что „die neutestamentlichen Schriftsteller... geben gern auch den partizipialen Nebenbestimmungen mehr Selbständigkeit und nehmen die absolute Konstruktion in zahlreichen Beispielen, und auch da, wo der Klassiker sie nicht einmal als Lizenz zugelassen hatte. Mt 9,18 *ταῦτα αὐτοῦ λαλοῦντος αὐτοῖς, ἰδοὺ ἄρχων... προσεχύνει αὐτῷ...*“ Въ дальнѣйшемъ (257) авторъ обращаетъ вниманіе и на примѣры съ одинаковыми подлежащими.

Особенность, которая отчасти характеризуетъ славянскій дательный самостоятельный въ отличіе отъ греческаго родительнаго самостоятельнаго, это употребленіе дательнаго самостоятельнаго для обозначенія независимаго предложенія. И въ церковно-слав. памятникахъ и въ памятникахъ русскихъ встрѣчаются соединенія оборотовъ дательный самостоятельный съ послѣдующими предложеніями посредствомъ соединительныхъ или противительныхъ союзовъ (посемъ же бѣсу преобразившуся въ образъ воина и шедъ ко князю), или еще важнѣе — дательный самостоятельный присоединяется къ другому предложенію (уже высказанному) при помощи этихъ союзовъ (азъ... преклонихъ... и одному же руку положшу...). Впрочемъ, иногда мы видимъ соединеніе дательнаго самостоятельнаго посредствомъ союзовъ съ предложеніями главными лишь въ силу любви древняго языка къ союзамъ (такимъ

образомъ въ подобныхъ случаяхъ дательный сам. сохраняетъ свое зависимое положеніе, напр.: Богу помогшу великому побѣдоносному Дмитрію и побѣждени быша поганіи Татарове, т. е. такъ какъ Богъ помогъ . . . , то . . .). На указанную особенность обращаетъ вниманіе г. Бѣлоруссовъ; онъ ставитъ ее въ связь съ употребленіемъ въ древне-церк. сл. и рус. памятникахъ причастія вмѣсто изъявительнаго **наклоненія**. Въ этой правильной постановкѣ сказалось лишь знакомство (но неполное пониманіе) со взглядами Потебни (хотя самъ Б. этого не указываетъ). Только въ дальнѣйшемъ, въ окончательномъ разрѣшеніи вопроса замѣчается натяжка: „По аналогіи съ обычною замѣною глаголовъ и **именительнымъ** падежомъ причастія стали замѣняться глаголы причастіями и въ **дательномъ самостоятельномъ**“ (198); при чемъ для доказательства своей мысли Бѣлоруссовъ пользуется нѣкоторыми явно искаженными оборотами (тамъ же). Подобное оперированье съ языкомъ показываетъ, насколько г. Бѣлоруссовъ не проникся основными мыслями Потебни, хотя этого проникновенія и можно было бы отъ него ожидать.

Нужно замѣтить, впрочемъ, что и въ греческихъ памятникахъ мы находимъ примѣры родительнаго самостоятельнаго соединеннаго союзомъ *καί* съ главн. предположеніемъ. Возьму слѣдующ. мѣсто изъ хроники Малалы: *καί πολλῶν σφαγέντων ἐξ ἀμφοτέρων τῶν μερῶν, ἐν οἷς καί ὁ Πρωτεσίλαος ἐσφάγη, πρόμαχος Δαναῶν, καί οὐ παρεχώρησαν οἱ Δαναοὶ . . .* Corpus scriptorum historiae byzantinae, edicio . . . consilio Niebuhrii . . . Bonnæ 1831 г., 99 стр.). Наряду съ этимъ отмѣчу изъ той же хроники случаи соединенія причастія и глагольной формы изъяв. накл. союзомъ *καί*: *ἡ δὲ βασίλισσα Ἀριάδνη ἢ τοῦ αὐτοῦ Ζήνωνος γυνὴ δεξαμένη παρὰ τῆς ἰδίας αὐτῆς μητρὸς γράμματα λάθρα καί παρεχάλεσε τὸν βασιλέα Ζήνωνα . . .* (387); *καί ἀκούσας Λεόντιος καί Ἰλλοῦς . . . καί ἀνῆλθαν . . .* (389).

Я сдѣлалъ ссылку на грамматику греч. языка г. Чер-

наго. Коснусь вкратцѣ и взгляда высказаннаго здѣсь относительно разсматриваемаго оборота, взгляда долго, останавливаясь на которомъ совершенно не представляется нужнымъ. Составитель этой извѣстной греч. грамматики объясняетъ возникновеніе въ славянскомъ дательнаго самостоятельнаго тѣмъ, что падежъ этотъ „несравненно рѣже родительнаго попадаетъ въ зависимости (какъ объектъ) отъ глагола, между тѣмъ какъ родительный п., служа (вм. вин. п.) объектомъ всякаго переходнаго отрицательнаго глагола, могъ бы при самостоятельномъ употребленіи — порождать недоумѣніе и двусмысліе“ (Греч. грам. М. 88 г. 195, прим.). Дательный самостоятельный возникъ, по Черному, какъ подражаніе греческому родительному самостоятельному, но подражаніе „неполное“ (194, прим.). Противъ этого можно было заимствовать доказательства и изъ синтаксиса Миклошича, который указывалъ случаи дательнаго самостоятельнаго и въ языкахъ, гдѣ нельзя было говорить ни о какомъ вліяніи греческаго языка, не говоря конечно, о невозможности провести такое вліяніе изъ родительнаго самостоятельнаго къ дательному самостоятельному, даже беря вышеприведенное искусственное поясненіе Чернаго.

При разрѣшеніи вопроса о возникновеніи дательнаго самостоятельнаго, о его развитіи, важно было бы, конечно, указать аналогичные случаи, когда дательный падежъ также пріобрѣтаетъ извѣстную самостоятельность. При объясненіи, напр., греческаго родительнаго самостоятельнаго можно указать на родительный падежъ существительныхъ въ греческомъ языкѣ для обозначенія времени, въ латинскомъ при объясненіи творительнаго самостоятельнаго тоже можно указать на творительный времени. Въ славянскихъ яз. для обозначенія времени въ аналогичныхъ случаяхъ употребляется творительный падежъ, такимъ образомъ можно было бы предположить о большей законности возникновенія также творительнаго самостоятельнаго. Но съ другой сто-

роны имѣются примѣры, которые могли бы говорить и о полной послѣдовательности въ возникновеніи дательнаго самостоятельнаго изъ свойствъ славянскаго языка. Возьму въ данномъ случаѣ такіе примѣры: итти дождю стрѣлами, ту ся саблями потурчяти, начати же ся той пѣсни по былинамъ сего времени (примѣры изъ Сл. о Полку Иг.) быть бычку на веревочкѣ и пр. Если коснуться исторіи подобныхъ оборотовъ, то, можетъ быть, придется возстановливать что-либо опущенное, для меня же теперь важно установить жизненность подобныхъ оборотовъ, гдѣ приобрѣтается извѣстная самостоятельность дательнымъ падежомъ. Затѣмъ, въ частности для возникновенія дательнаго самостоятельнаго (а не винительнаго, напр.,) можно указать на то, что дательный падежъ не представляется такъ тѣсно связаннымъ съ глаголомъ, какъ падежъ винительный. Такимъ образомъ являлась ббольшая возможность отдѣленія этого падежа въ самостоятельный оборотъ.

При специальномъ изслѣдованіи „дательнаго самостоятельнаго“ необходимо было бы остановиться и на разработкѣ вопроса вообще такъ называемыхъ „самостоятельныхъ“ падежахъ. Въ нашей научной литературѣ была посвящена этому вопросу брошюра К. А. Деллена „о такъ называемыхъ *casus absoluti* въ главныхъ языкахъ индо-европейскаго племени“ (Харьк. 81 г.). Правда, какъ выразился А. И. Соболевскій (Рус. Фил. 83 г. № 1, 170), брошюра эта „не имѣетъ рѣшительно никакого научнаго значенія“, но въ ней есть нѣкоторыя полезныя бібліографическія указанія, передача различныхъ мнѣній. Изъ послѣдней я бы выдвинулъ указанія на данныя въ трудѣ Классена — *Beobachtungen über den Homerischen Sprachgebrauch* (Frankf. a M. 79). Важна мысль, которую проводилъ Классенъ относительно греческаго родительнаго самостоятельнаго, гдѣ этотъ оборотъ постепенно отдѣляется отъ другихъ частей предложенья и занимаетъ самостоятельное положеніе. Важны

въ данномъ случаѣ также тѣ примѣры, тотъ фактическій матеріалъ, который приводился изслѣдователемъ для подтвержденія высказанной мысли. Разсматривать же брошюру Деллена я не буду: эта брошюра вообще не подвигаетъ затронутого вопроса, въ небольшой же матеріалъ изъ области др. ц. сл. и др. рус. языковъ, заимствованный авторомъ глав. обр. изъ хрестоматій Перевлѣскаго и Филонова, вошли примѣры, не относящіеся къ разсматриваемому вопросу (ср. указан. рецензію А. И. Соболевскаго).

Изъ отдѣльныхъ синтаксическихъ вопросовъ особенное вниманіе изслѣдователей привлекало за послѣднее время употребленіе винительнаго и род. падежей. Въ данномъ случаѣ прежде всего необходимо остановиться на трудахъ проф. А. И. Томсона.

Изъ синтаксическихъ трудовъ проф. А. И. Томсона я прежде всего остановлюсь на двухъ тѣсно связанныхъ содержаніемъ и временемъ выхода — „Винительный падежъ прямого дополненія въ отрицательныхъ предложеніяхъ въ русскомъ языкѣ (Варш. 1902 г., изъ Русск. Филолог. В.) и „Къ синтаксису и семасіологии русскаго яз. (Одесса, 1903 г., изъ изд. Истор. Филолог. Общ.). Въ двухъ этихъ изслѣдованіяхъ мы видимъ попытку войти вглубь оборота съ родительнымъ и винительнымъ падежами въ отрицательныхъ предложеніяхъ. Въ „Къ синтаксису . . .“ вопросъ ставится на болѣе широкую почву, изслѣдователь входитъ въ область латышскаго, литовскаго языковъ и вопросъ переносится въ область древности, въ балто-славянскую эпоху.

Прежде всего изслѣдователь классифицируетъ отрицательныя предложенія, содержащія прямое дополненіе при переходныхъ глаголахъ въ личной формѣ, и устанавливаетъ пять видовъ такихъ предложеній. Собственно, можно было бы изъ устанавливаемыхъ пяти видовъ сдѣлать прежде всего два общихъ вида. Можно было бы установить аб-

солютно-отрицательныя (4-й и 5-й виды: различіе этихъ видовъ — падежи родительный и винительный; 4-й видъ — винительный падежъ: не шей красный сарафанъ; 5-й видъ — родительный падежъ: такъ какъ онъ не нашелъ подходящей квартиры . . .) и относительно-отрицательныя (1-й видъ — винительный пад.: не онъ сдѣлалъ это; 2-й видъ: а возикъ мы свой не свеземъ, а скатимъ; 3-й видъ: не выбирай невѣсту, а выбирай сваху). Какъ правильно замѣчаетъ самъ авторъ, предложенія перваго и втораго вида не различаются принципиально, то же можно сказать относительно 1 и 3 видовъ, впрочемъ, въ подробный разборъ входить не буду — въ сущности, 1-й и 3-й виды, кромѣ элемента отрицательнаго, заключаютъ въ себѣ нѣчто утвердительное — данное въ фразѣ или подразумеваемое. Центръ тяжести вниманія изслѣдователя долженъ, конечно, пасть на абсолютно-отрицательныя предложенія. И вотъ въ этихъ-то предложеніяхъ мы видимъ употребленіе двухъ падежей: винительнаго и родительнаго. Естественно, предъ изслѣдователемъ возникаютъ здѣсь такіе вопросы: какой изъ падежей въ данномъ случаѣ является исконнымъ, а если выступали ранѣе оба, то чѣмъ объяснялась разная постановка и почему началъ преобладать одинъ изъ падежей, какіе, наконецъ, оттѣнки значеній можно связывать съ тѣмъ и другимъ падежомъ. По нашимъ „грамматическимъ“ правиламъ вмѣсто винительнаго падежа прямого дополненія въ отрицательныхъ предложеніяхъ ставится родительный падежъ: отдашь книгу, не отдашь книги. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что это грамматическое правило не является закономъ для языка: сплошь и рядомъ винительный падежъ прямого дополненія остается въ отрицательныхъ предложеніяхъ — не отдашь книгу. Смотрѣть на послѣднее, какъ на какую-то неправильность, которую необходимо исправлять, невозможно. Проф. Томсонъ и доказываетъ цѣлымъ рядомъ примѣровъ изъ русскаго, славянскихъ и др. языковъ, что употребленіе

винительнаго падежа въ данныхъ случаяхъ также первоначально, какъ и употребленіе родительнаго падежа. Исходя изъ примѣровъ русскаго языка и стремясь здѣсь прежде всего уловить оттѣнки значеній, соединенные съ употребленіемъ того или другого падежа, проф. Томсонъ такъ отмѣчаетъ эти оттѣнки: „Различіе тѣхъ и другихъ (предложеній 4-го и 5-го видовъ) по значенію заключается въ томъ, что въ предложеніяхъ четвертаго вида отвергается конкретное дѣйствіе, представленіе о которомъ входитъ въ составъ сильно-возбужденнаго положительнаго сужденія, существующаго въ душѣ говорящаго и существованіе или по крайней мѣрѣ признаніе котораго говорящій предполагаетъ и въ душѣ слушающаго, напр.: не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ. А въ предложеніяхъ пятаго вида обыкновенно отрицается лишь возможное въ данномъ случаѣ абстрактное дѣйствіе, причѣмъ все значеніе предложеній этого вида заключается въ опредѣленіи, посредствомъ отрицательнаго признака, отношенія между тѣми представленіями, которыя обозначаются грамматическимъ подлежащимъ и дополненіемъ, напр.: такъ какъ онъ не нашелъ подходящей квартиры, то онъ поселился въ меблированныхъ комнатахъ. Эти предложенія могутъ, конечно, служить и отверженіемъ положительнаго сужденія, но въ такомъ случаѣ они отвергаютъ абстрактное дѣйствіе, опредѣляющее отношеніе между представленіями, обозначенными подлежащимъ и дополненіемъ, напр.: „Нѣтъ, она музыки не любитъ“ (Вин. пад. . . ., 6). Проф. Томсонъ замѣчаетъ далѣе: „Самая трудная задача — разграниченіе областей между предложеніями четвертаго и пятаго вида, такъ какъ грань между ними — не по формѣ, а по значенію — расплывчатая и кроется въ нелегко уловимыхъ признакахъ, значеній этихъ предложеній“. Въ объясненіяхъ проф. Томсона есть данныя, по моему мнѣнію, схваченныя вѣрно чутьемъ языка, это указаніе на признаки известной конкретности или абстрактности, связанные съ тѣмъ или инымъ паде-

жомъ. Мысль объ этомъ особенно хорошо выясняется въ IV главѣ „Къ синтаксису . . .“ (36—81), посвященной выясненію значенія вещественныхъ и предметныхъ именъ въ русскомъ языкѣ. Съ предметностью связывается понятіе конкретности, сравнительно съ предметными именами вещественныя могутъ быть во многихъ случаяхъ абстрактными. Можетъ быть, здѣсь не особенно удачно взять проф. Томсонъ терминъ „абстрактность“, такъ какъ этотъ терминъ можетъ вызвать нѣкоторое недоумѣніе. Не лучше ли было бы сообразно подмѣченнымъ значеніямъ выдвинуть — опредѣленность и неопредѣленность: между — дай воду и дай воды разница именно въ указаніи съ одной стороны на опредѣленную, ограниченную массу веществъ, съ другой — на неопредѣленную, но въ обоихъ случаяхъ дѣло идетъ о конкретномъ. Правда, неограниченность пространства ведетъ уже не къ такому конкретному представленію. Исслѣдователь стремится уловить здѣсь и вліяніе глагола на ту или иную постановку: такъ совершенный видъ глагола имѣетъ конкретное значеніе, это отражается и на объектѣ; глаголъ же несовершеннаго вида имѣетъ абстрактное значеніе. Впрочемъ, въ данныхъ случаяхъ трудно провести подобное наблюденіе послѣдовательно.

Проф. Томсонъ вполне сознаетъ, какъ трудно уловить психическую основу той или другой конструкціи, и въ этомъ то и заключается часто извѣстная шаткость психологическихъ объясненій, ихъ неопредѣленность, неясность. Часто первоначальную разницу сглаживаетъ аналогія, и тогда трудно бываетъ установить всѣ создавшіяся постепенно звенья. Необходимо было бы, конечно, подобрать какъ можно больше матеріала изъ русскаго языка, а потомъ перенести вопросъ на широкое поле славянскихъ языковъ: неясное въ русскомъ языкѣ, можетъ быть, нашло бы себѣ нѣкоторое освѣщеніе въ родственныхъ славянскихъ языкахъ. Самъ изслѣдователь относительно данныхъ славянскихъ языковъ говоритъ, что такая работа выходила бы за пре-

дѣлы поставленной имъ задачи. А съ другой стороны, пользованіе матеріаломъ русскаго языка, главнымъ образомъ данными великорусскихъ пѣсенъ, также не даетъ возможности болѣе широко и доказательно поставить анализъ.

Нельзя не отмѣтить взгляда проф. Томсона на неправильность пониманія родительнаго падежа называемаго *genetivus partitivus* (Къ синтак. и сем., 50 и сл.). Этотъ падежъ часто не выражаетъ вовсе никакой части, а является лишь обозначеніемъ неопредѣленнаго по пространству вещества.

Замѣчу здѣсь объ одной частности. Мелькомъ затрогивая взглядъ Потебни о происхожденіи родительнаго падежа въ отрицательныхъ предложеніяхъ изъ отложительнаго (аблятива) и не соглашась съ этимъ взглядомъ, проф. Томсонъ не упоминаетъ о статьѣ проф. Кудрявскаго „Славянская конструкція отрицательнаго глагола съ родительнымъ падежомъ и родственныя явленія другихъ индоевроп. языковъ“ (въ Ж. М. Н. П. 97 г. апрѣль). Правда, центръ тяжести небольшой статьи проф. Кудрявскаго (около 6 стран.) не въ анализѣ славянской конструкціи отрицательнаго глагола и не въ окончательномъ выводѣ. Этотъ послѣдній заключался въ томъ, что родительный падежъ въ отрицательныхъ предложеніяхъ есть первоначальный *ablativus*. Выводъ, какъ видимъ, не новый. Центръ тяжести въ тѣхъ немногочисленныхъ примѣрахъ изъ греческаго языка, посредствомъ которыхъ изслѣдователь стремится доказать, что и греческому языку свойственна была конструкція съ родит. падежомъ при отрицательныхъ глаголахъ. Примѣровъ для доказательства этого приводится мало, да изъ приведенныхъ нѣкоторые могли бы быть объяснены аналогіей. Затѣмъ, что особенно характерно, — проф. Кудрявскій выдѣляетъ (при построеніи гипотезы) то обстоятельство, что въ греческомъ удержались, какъ норма только родительный времени и отчасти — мѣста при отрицаніи. А между тѣмъ, въ славянскихъ языкахъ мы видимъ

наряду съ проведеніемъ родит. падежа въ отрицательныхъ предложеніяхъ сохраненіе вин. времени въ отрицательныхъ предложеніяхъ (я спалъ всю ночь, я не спалъ всю ночь).

Съ упомянутыми статьями проф. Томсона находятся въ тѣсной связи позднѣе вышедшія его статьи, посвященныя разясненію замѣны стараго винительнаго формою родительнаго падежа въ склоненіи на о въ именахъ, обозначающихъ живыя существа (Родительный-винительный падежъ при названіяхъ живыхъ существъ въ славянскихъ языкахъ. Изв. отд. рус. яз. и сл. ИМП. Ак. н. 1908 г. № 2, 3).

Проф. Томсонъ доказываетъ прежде всего обнаружившуюся необходимость замѣны стараго винительнаго въ такихъ случаяхъ, какъ: *Иванъ былъ на дворѣ и позвалъ Иванъ Петръ*. Правда, здѣсь могъ бы извѣстный порядокъ словъ показывать, гдѣ подлежащее, а гдѣ дополненіе, но въ пра-славянскомъ языкѣ, по мнѣнію проф. Томсона, порядокъ словъ не игралъ никакой роли. Съ другой стороны, и удареніе не могло отгнѣнить, такъ какъ его назначеніе было другое. Не могла замѣнить подобныхъ неясныхъ оборотовъ и страдательная форма, такъ какъ отгнѣнокъ выражаемаго смысла все же нѣсколько измѣнялся. И вотъ, если неясность произошла вслѣдствіе совпаденія прежде разныхъ падежныхъ окончаній, то во избѣжаніе этой неясности оказалось для языка самымъ лучшимъ средствомъ прибѣгнуть снова къ какому-либо разграниченію этихъ общихъ формъ, и такимъ-то образомъ появляется родительный падежъ вмѣсто винительнаго. Что появился родительный падежъ, это было обусловлено близостью употребленія родительнаго и винительнаго въ качествѣ падежей прямого дополненія.

Въ своихъ „Лекціяхъ по древне-церковно-слав. яз.“ (до выхода разбираемыхъ статей проф. Томсона) я склонялся болѣе въ сторону мнѣній высказанныхъ по данному поводу Добровскимъ и Миклошичемъ, теперь я примкнулъ бы къ

мнѣнію, высказанному проф. Томсономъ, только долженъ замѣтить слѣдующее. Процессъ замѣны остается до сихъ поръ неяснымъ, не вполне доказаннымъ. Если можно было бы подобрать изъ живой рѣчи и изъ памятниковъ данныя, указывающія намъ на этотъ процессъ, — тогда дѣло другого рода, а теперь мы все же въ области гипотезы, хотя гипотезы и довольно вѣроятной. Немудрено, поэтому, что склоняясь къ проводимой проф. Томсономъ теоріи, я не могу отрицать возможности вліянія различныхъ аналогій при происхожденіи данныхъ оборотовъ.

Попытка же проф. Томсона объяснить, почему замѣна родительнаго падежа винительнымъ произошла прежде всего въ именахъ собственныхъ, какъ въ именахъ съ вполне уже опредѣленнымъ значеніемъ, что съ таковымъ только значеніемъ существительное, стоя въ качествѣ дополненія, стремится стать подлежащимъ, не кажется мнѣ убѣдительною. Мнѣ думается, что значеніе опредѣленности здѣсь не такъ важно, а важна прежде всего одушевленность.

Какъ я уже сказалъ ранѣе, проф. Томсонъ останавливается на предыдущей разработкѣ даннаго вопроса. Разбирая теоріи Меллье и Мюлленбаха, онъ указываетъ на необоснованность заключенія о существованіи первоначальныхъ формъ винительнаго падежа — мене, тебе, себе. Противъ мнѣнія Бернекера, что на выработку данной формы повліяли отрицательныя предложенія, въ которыхъ ставился родительн. пад., проф. Томсонъ справедливо возражаетъ, что если бы это было такъ, то вліяніе не ограничилось бы только опредѣленнымъ цикломъ именъ существительныхъ. Проф. Томсонъ указываетъ на то также, что значеніе родительнаго падежа объекта въ отрицательныхъ предложеніяхъ не тождественно съ значеніемъ винительнаго объекта въ неотрицательныхъ предложеніяхъ. Также вполне справедливыми я нахожу тѣ возраженія, которыя приводитъ Т. противъ мнѣнія Н. П. Некрасова.

Н. П. Некрасову принадлежатъ двѣ статьи по поводу разбираемаго вопроса — „О замѣнительныхъ падежахъ: родительномъ и винительномъ въ современномъ русскомъ языкѣ“ — X т. Извѣстій отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ; „По поводу двухъ статей А. И. Томсона о родит.-винительномъ падежѣ“ — въ XV т. Извѣстій. Поименованные двѣ статьи имѣютъ тѣсную между собою связь: во второй статьѣ авторъ подкрѣпляетъ выводы первой, разбирая мнѣнія другихъ ученыхъ и особенно полемизируя съ проф. Томсономъ, который въ своей статьѣ высказался противъ теоріи Н. П. Некрасова. Я останавлиюсь лишь на выводахъ г. Некрасова, не касаясь полемической стороны данныхъ статей. И мнѣ выводъ г. Некрасова не кажется убѣдительнымъ. Основываясь на томъ, что: 1. значеніе родительнаго падежа существительнаго имени имѣетъ сходство со значеніемъ имени собственнаго въ томъ, что родительный падежъ опредѣляетъ собою предметъ, какъ собственное имя опредѣляетъ лицо; 2. приводя въ параллель обороты: я знаю Петра, я даю хлѣба, воды, Н. П. Некрасовъ думаетъ, что въ выраженіи: я знаю Петра и подобн. пропущено слово личность (или: видъ или подобн.), какъ въ выраженіи: я даю хлѣба пропущено: кусокъ, часть. 1-е изъ приведенныхъ соображеній ничего, въ сущности, само по себѣ не доказываетъ, и вся сила во 2-мъ. Но противъ этого соображенія, мнѣ думается, говорятъ историческія данныя. Вѣдь, г. Некрасовъ замѣчаетъ, что родительный падежъ получается послѣ того, какъ въ народномъ сознаніи исчезаетъ это подразумѣваемое слово. Если было бы такъ, то мы всегда бы въ памятникахъ видѣли постановку собственныхъ именъ въ родительномъ падежѣ вмѣсто винительнаго, на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ, и руководствуясь данными памятниковъ, мы должны говорить о переходѣ формы собственныхъ именъ на — ѣ въ форму на — а. Если бы было такъ, какъ объясняетъ Н. П. Некрасовъ, то совсѣмъ дѣлается непо-

нѣтъ появленіе формы на — тѣ въ собственныхъ именахъ, когда по формѣ долженъ бы быть родительный падежъ. Незачѣмъ было пропускать это „нѣчто“ (личность и под.), если нѣчто подобное было въ сознаніи: въ этомъ случаѣ также нельзя опираться на выраженія, какъ: дай хлѣба, такъ какъ и въ послѣднихъ случаяхъ слово „часть“ считается пропущеннымъ лишь въ силу предположенія. Въ тѣхъ примѣрахъ съ именами прилагательными, которые приводитъ г. Некрасовъ, какъ: въ злюбѣши и скрѣ- него своего... ближняго своего, подроуга и др. вовсе не подразумѣвается слово „человѣкъ“: это были существительныя изъ прилагательныхъ. Какъ видно изъ послѣдняго, меня не убѣждаютъ и нѣкоторыя частныя догадки Некрасова. Между прочимъ, я отмѣчу и слѣдующее частное соображеніе. Въ древне-церковно-славянскихъ памятникахъ мы видимъ употребленіе въ качествѣ винительнаго падежа формъ: чловѣкъ и чловѣка, при чемъ послѣдняя форма употребляется преимущественнѣе, или какъ говоритъ г. Некрасовъ, „почти постоянно“. Затѣмъ, беря такіе примѣры, какъ: привѣдоша къ нѣмоу члкъ нѣмъ бѣсьнъ, Н. замѣчаетъ, что форма стараго винительнаго падежа употребляется тогда, когда говорится о человѣкѣ одержимомъ нечистымъ духомъ, при чемъ нечистый духъ какъ бы отождествляется съ чловѣкомъ (а доухъ и бѣсь сохраняютъ въ прямомъ дополненіи форму стараго винительнаго падежа); въ случаяхъ же: и привѣсѣ къ нѣмоу глоуха гжгнѣва, необходимо, по Н., подразумѣвать „человѣка“. Искусственность подобнаго объясненія очевидна, при томъ даже самъ Некрасовъ указываетъ параллельные тексты изъ разныхъ евангельскихъ текстовъ, гдѣ мы видимъ разнорѣчивое употребленіе рассматриваемыхъ формъ.

Подробнѣе останавливаться на статьяхъ Н. П. Некрасова я не буду. Вообще на рассматриваемомъ проф. А. И. Томсономъ и Н. П. Некрасовымъ вопросѣ я останавливаюсь болѣе

слегка: этотъ вопросъ выходитъ за предѣлы синтаксиса и переходитъ въ область морфологіи, и что особенно также важно — онъ переходитъ въ область лишь субъективныхъ догадокъ. Здѣсь легче опровергать, чѣмъ создать что-либо вполне убѣдительно. И. г. Некрасову, стремившемуся создать извѣстную теорію, удалось болѣе мѣткія критическія соображенія противъ Меллье и Мюлленбаха ¹⁾.

Синтаксическія особенности нашихъ народныхъ говоровъ находятъ себѣ крайне незначительное мѣсто въ тѣхъ наблюденіяхъ, которыя изданы за послѣднее время, относительно языка этихъ говоровъ. То же самое нужно сказать и относительно изслѣдованій различныхъ древнихъ памятниковъ: синтаксису или вовсе не удѣляется мѣста или о немъ упоминается совсѣмъ вскользь. Для освѣщенія особенностей древняго языка, конечно, очень важно накопленіе матеріала изъ языка современнаго.

Въ „Изслѣдованіи о двинскихъ грамотахъ XV в.“ (СПБ. 903 г.) ак. А. А. Шахматовъ посвящаетъ небольшую часть своей работы обзорѣннѣю синтаксическихъ особенностей разбираемыхъ и изданныхъ имъ памятниковъ. Затронуты вопросы: о согласованіи при именахъ съ собирательнымъ значеніемъ, о согласованіи при двухъ или нѣсколькихъ

1) Упомяну здѣсь о небольшой статьѣ, имѣющей отношеніе къ изслѣдованію отдѣльныхъ синтакс. вопросовъ.

Въ замѣткѣ „О синтаксическомъ значеніи частицы ко (ка) при повелительномъ наклоненіи (Р. Ф. В. 905, № 4) г. Зеленинъ, отмѣчая нѣкоторую односторонность въ прежнихъ немногочисленныхъ попыткахъ объясненія затронутого вопроса (именно, что ка служить по одному объясненію, для усиленія повелительнаго наклоненія; по другому — для смягченія воли) указываетъ, что данная частица употребляется въ рѣчи фамиллярной. Изъ фамиллярности рѣчи г. З. выводится „смягченіе воли“. Изъ указательнаго же первоначальнаго значенія частицы выводится другая черта — выраженіе такого желанія, „исполненіе котораго хотятъ видѣть сейчасъ же“.

именахъ, о двойственномъ числѣ и распространеніи формъ этого числа по аналогіи, о согласованіи числительныхъ, о родительномъ вмѣсто винительнаго въ одушевленныхъ именахъ, о именительномъ вмѣсто винительнаго въ прямомъ дополненіи, объ именительномъ въ косвенномъ дополненіи, объ употребленіи временныхъ формъ, о дѣепричастіи, о безличныхъ оборотахъ, объ относительной конструкціи, объ употребленіи ч т о въ качествѣ союза, объ условныхъ предположеніяхъ, о предлогахъ. Выдвигаемый матеріалъ по своему характеру не представляетъ чего-либо особенно новаго (не считая, конечно, содержанія): подобный матеріалъ былъ извѣстенъ и на основаніи другихъ древнихъ памятниковъ и служилъ уже матеріаломъ для изслѣдованій; обращаетъ же на себя вниманіе попытка ак. Шахматова выяснить нѣкоторыя синтаксическія особенности. Ак. Шахматовъ устанавливаетъ взаимное вліяніе формъ: два гона и двоигоны. Именно: вмѣсто именительнаго падежа мн. числа въ оборотахъ съ: двои, двое, обои . . . появляется подъ вліяніемъ родительнаго падежа въ оборотахъ: „два гона“ — двое портъ (слѣдовательно: двое гонъ). Съ другой стороны, новый родительный падежъ при: обое, двое вліяетъ на образованіе родительнаго же падежа при: два, напр., два храбрыхъ солдата и т. п. Что въ приводимыхъ формахъ послѣ числительнаго два была уже форма родительнаго падежа, по Ш., между прочимъ, указываетъ характерный переходъ: два году. Но со всѣмъ этимъ для меня трудно согласовать слова ак. Ш., въ которыхъ онъ проводитъ ту мысль, что упомянутыя формы на а (а также ы) не создавались какъ формы родительнаго падежа. Данное положеніе выводится изслѣдователемъ изъ того, что сочетанія: двумъ мѣстамъ, двумя мѣстами и пр. доказываютъ отсутствіе субстантивированія въ два и двѣ. Но если бы не было сознанія родительнаго падежа, то спрашивается, какимъ же образомъ аналогія совершилась бы даже переходя границы чиселъ (такъ какъ при два родительный ед.,

а при обои род. множеств.)? Затѣмъ то объясненіе, которое находимъ мы у ак. Ш. относительно употребленія именительнаго падежа вмѣсто винительн. въ прямомъ дополненіи (именно, что глаголь переходный находится на значительномъ разстояніи отъ управляемаго слова), я бы примѣнилъ и по отношенію употребленія въ такомъ же положеніи именительнаго падежа послѣ неопредѣленнаго наклоненія (Ш. же объясняетъ въ такомъ случаѣ именительный падежъ, что инфинитивъ, „по самому происхожденію своему являясь именемъ, не имѣлъ того полнаго глагольнаго значенія, которое имѣли другія глагольныя формы“, 131). Нѣкоторые любопытные примѣры находимъ въ отдѣлѣ объ относительной конструкціи, напр. о соединеніи творительнаго падежа съ предшествующимъ относительнымъ мѣстоименіемъ также въ творительномъ падежѣ: чимъ володилъ . . . ѿчною своею, тимъ . . .

Въ Никольскомъ уѣздѣ Вологодской губ. г. Бѣлорусовъ отмѣчаетъ употребленіе именительнаго пад. вмѣсто винительнаго не только въ именахъ женскаго рода (какъ: носить вода, творить квашня и пр.) послѣ неопредѣленнаго наклоненія, но и въ именахъ мужскаго рода, напр.: „пошлю волки, медвѣдь, людъ; — медвѣдь стрѣлять“. То обстоятельство, что употребляются подобные обороты уже не только послѣ неопредѣленнаго наклоненія, но и послѣ формы будущаго (несложной), можетъ говорить противъ предположенія ак. Шахматова относительно вліянія въ подобныхъ случаяхъ меньшей степени глагольности въ неопредѣленномъ наклоненіи. Конечно, здѣсь можно было бы выдвинуть такое предположеніе, что на подобные обороты могли оказать вліяніе обороты съ будущимъ сложнымъ по формѣ (упомянутые матеріалы собранные г. Бѣлорусовымъ — въ Р. Ф. В. 87 г. № 4, стр. 249—52).

Отмѣчу, что ак. А. И. Соболевскій видитъ въ подобныхъ оборотахъ именительный падежъ, так. обр. видитъ здѣсь подлежащее, при неопредѣленномъ наклоненіи — дополненіи

(см. Лекції по русскому яз., изд. 4, 198). Такой же точки зрѣнія держится г. Никольскій при объясненіи подобн. обор. въ Ипатской лѣтописи (Рус. Ф. В. 1899 г. № 3—4, 83).

Г. Никольскій, посвятившій въ свѣдѣ изслѣдованіи Ипатской лѣтописи нѣсколько страницъ синтаксису разбираемаго памятника (Р. Ф. В. 99 г. № 3—4), различаетъ, повидимому, оборотъ дательный самостоятельный и оборотъ „второго дательнаго“. Но разница здѣсь не по существу оборотовъ, а лишь въ томъ, что дательный самостоятельный, есть развитіе „второго дательнаго“, только въ оборотахъ личныхъ — дательнаго дополненія (приводимый примѣръ „второго дательнаго“ изъ лѣтописи Ип.: бѣ бо клятвою клялся . . . яко dobyвшу ему землѣ нѣмецкоя, дати ему всю Романови, стр. 85).

Въ изслѣдованіи г. Лукьяненка „О языкѣ Несторова житія преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго . . .“ (Р. Ф. В. 1907, № 3), въ матеріалѣ собранномъ относительно синтаксиса, любопытны особенно примѣры, относящіеся къ употребленію члена (къ постепенной исторіи образованія члена изъ указательнаго мѣстоименія).

Г. Дурново въ своемъ „Описаніи говора деревни Парфеновки Рузскаго уѣзда Моск. г.“ (Р. Ф. В. 1901 г. № 3—4) отмѣчаетъ любопытный примѣръ согласованія: . . . три садика силянova, гдѣ вмѣсто обыкновеннаго род. множ. ч. употребленъ родительный ед. (въ прилагательномъ). Тотъ же изслѣдователь отмѣчаетъ употребленіе личныхъ оборотовъ вмѣсто безличныхъ въ такихъ случаяхъ, какъ: „темна ночинька мне не спица“, но въ подобныхъ оборотахъ врядъ ли можно видѣть въ „темна ночинька“ подлежащее, это выраженіе употреблено уже въ смыслѣ нарѣчномъ, или употреблено вообще съ потерей бывшаго согласованія (какъ это было въ примѣрахъ: вода носить и пр.).

То общее, что отмѣчается въ различныхъ народныхъ говорахъ, это потеря согласованія въ нѣкоторыхъ случаяхъ, или, лучше сказать, смѣшеніе при согласованіи родовъ, смѣ-

шеніе падежей, напр., замѣна творительнаго пад. мн. числа дательнымъ падежомъ мн. числа, и др. падежей.

Можно, конечно, пожалѣть, что синтаксическія особенности менѣе вызываютъ вниманія въ тѣхъ богатыхъ собраніяхъ матеріала народнаго творчества, которыя издаются за послѣднее время. Между прочимъ, въ программѣ для собранія особенностей малорусскихъ говоровъ, составленной К. Михальчукомъ и А. Крымскимъ (Сборн. отд. р. я. и сл. Имп. Ак. Н. 1910 г. т. 87), синтаксисъ совершенно оставленъ безъ вниманія.

IV.

Теперь я останавлиюсь на нѣкоторыхъ грамматическихъ вопросахъ и на исторіи ихъ разработки, при чемъ особенное вниманіе буду удѣлять позднѣйшей обработкѣ въ общихъ трудахъ проф. Овсяннико-Куликовскаго (его „Руководствѣ къ изуч. синт. рус. яз.“ и отчасти „Синтак. р. яз.“).

Въ общепризнанномъ дѣленіи на части рѣчи мы можемъ замѣтить непоследовательность, отсутствіе единства дѣленія: имя существительное, прилагательное — по значенію (существо, свойство, качество), а уже мѣстоименіе — часть рѣчи, замѣняющая . . . Само опредѣленіе частей рѣчи дается обыкновенно далекое отъ точности. Прилагательное — наименованіе свойства или качества предмета, при чемъ забывается, что свойство и качество обозначаются и существительнымъ: доброта, чернота . . . Глаголь — наименованіе дѣйствій, состояній, но такимъ же наименованіемъ является и имя существительное: дѣланіе, любовь и пр. Нельзя, конечно, въ грамматическомъ отношеніи дѣлить слова по тѣмъ понятіямъ, по которымъ они соотвѣтствуютъ реальному міру. Нужно дѣлить по роли ихъ въ связной рѣчи. Черный, чернота, чернѣть — все это обозначеніе свойства, но обозначеніе разное.

Сколько путаницы даже въ такихъ нашихъ грамматическихъ терминахъ, какъ „части рѣчи“ и „части предложія“, отмѣчаетъ г. Бикъ (Педаг. Сборн., 1901, № 389); имя существительное, прилагательное, глаголь . . . — части рѣчи: рѣчь состоитъ изъ предложений, ео ipso части рѣчи = предложеніямъ, а не составляютъ части предложія . . .

Въ своемъ „Синтаксисѣ“ проф. Овсяннико-Куликовскій насчитывалъ 10 частей рѣчи: 1) имя существительное, 2) имя прилагательное, 3) глаголь, 4) причастіе, 5) дѣе-причастіе, 6) нарѣчіе, 7) мѣстоименіе, 8) предлогъ, 9) союзъ, 10) имя числительное. И уже здѣсь справедливо вполнѣ исключено междометіе (32). Въ „Руководствѣ“ его-же мы видимъ измѣненія, Такъ мѣстоименія и числительныя отнесены уже или къ существительнымъ (существительныя-числительныя, сущ.-мѣстоим.) или къ прилагательнымъ и нарѣчіямъ. Причастія не занимаютъ уже такого самостоятельнаго положенія, они отнесены къ прилагательнымъ, составляя здѣсь особую рубрику — прилагательныхъ, обладающихъ нѣкоторыми свойствами глагола. Въ такомъ же родѣ сдѣлано сближеніе дѣе-причастія съ нарѣчіемъ.

Отсюда мы можемъ уже видѣть, какая трудность заключается въ точномъ дѣленіи на части рѣчи и сколько неустановленности во взглядахъ одного и того же ученаго.

Бросимъ взглядъ нѣсколько назадъ и посмотримъ, что давала древность въ этомъ отношеніи. Древняя греческая грамматика при грамматическомъ разборѣ главное вниманіе свое обращала на значеніе словъ, а не на формы ихъ. Зародыши такого „логическаго“ отношенія мы находимъ еще въ діалогахъ Платона. Изъ послѣднихъ мы узнаемъ, между прочимъ, что общіе вопросы языкознанія (вопросъ объ отношеніи языка къ душѣ, слова къ обозначаемому предмету и пр.) занимали софистовъ. И то общее понятіе о строѣ рѣчи, которое мы находимъ у Платона, относится къ чисто „логическому“ разбору предложія. Здѣсь уже

выступаютъ *ὅνομα* и *ῥῆμα*. Тѣ слова, которыя употребляются для обозначенія предмета, — *ὅνομα*, а то, что говорится о предметѣ, — *ῥῆμα*. Вотъ тотъ далекій источникъ нашихъ грамматическихъ опредѣленій „подлежащаго“ и „сказуемаго“. Соединеніе *ὅνομα* и *ῥῆμα* образуетъ предложеніе — *λόγος*. Затѣмъ, *ὅνομα* имѣетъ и общее примѣненіе, обозначая вообще имя — наши имена существительныя, прилагательныя, числитель. колич., мѣстоименія (личн.) и неопредѣленное наклоненіе глагола. Названіе *ῥῆμα* употреблялось для обозначенія также цѣлаго предложенія (ср. Schoemann. Die Lehre von den Redetheilen nach d. Alten. Berlin. 62., 2—3). Аристотель не входилъ въ чисто грамматическое изученіе языка, онъ занимался анализомъ предложенія въ интересахъ главнымъ образомъ діалектики и поэтики. Но все же прежній анализъ у него какъ-бы очищается. Мы видимъ болѣе тонкое разграниченіе *ὅνομα* и *ῥῆμα*, прибавляется *ἄρθρον-σύνδεσμος*, получается разграниченіе частей рѣчи на *φωναὶ σημαυτικά* и *φωναὶ ἄσημοι*. Различая въ знаменательныхъ *φωναὶ* — *ὅνομα* и *ῥῆμα*, Аристотель при разграниченіи послѣднихъ выдвигаетъ на первый планъ присутствіе или отсутствіе „времени“. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ *ῥῆμα* Аристотель связываетъ сказуемость, т. е. то, что и ранѣе также связывали: *ῥῆμά ἐστι τὸ προσσημαῖνον χρόνον, οὗ μέρος οὐδὲν σημαίνει χωρὶς, καὶ ἔστιν ἀπὸ τῶν κατ' ἑτέρου λεγόμενων σημείων*. Именно важны эти двѣ части въ опредѣленіи (показаніе времени и сказуемость), а *οὗ μέρος . . .* не является такой существенной, такъ какъ *ῥῆμα* примѣняется Аристотелемъ иногда къ 2—3 словамъ. Насколько при опредѣленіи *ῥῆμα* сильно проводилось понятіе сказуемости, видно изъ того, что стоики уже видоизмѣнили ученіе Аристотеля о *ῥῆμα*, выдвигая именно сказуемость. Подъ вліяніемъ указанныхъ опредѣленій слагаются и ученія древне-греческихъ грамматикъ о частяхъ рѣчи, при чемъ число послѣднихъ съ теченіемъ времени увеличивается. Это число колеблется между 2—10 и болѣе, чаще всего мы встрѣчаемъ раздѣ-

леніе на 8 частей рѣчи (ср. Prolegomena къ Θεοδοσίῳ Грам. Γεωργίῳ Χερωvoska — Gramm. Graeci, I изд. Teubner'a, 1904).

Въ грамматикѣ Діонисія Θρακίѣскаго мы находимъ такія дѣленія: 1) *ὄνομα*, 2) *ῥῆμα*, 3) *μετοχή*, 4) *ἄρθρον*, 5) *ἀντωνυμία*, 6) *πρόθεσις*, 7) *ἐπίρρημα*, 8) *σύνδεσμος*. Мы не видимъ здѣсь различія между именемъ существительнымъ и прилагательнымъ. Для Аполлонія Дискола подѣ *ὄνομα* подходятъ и наши существительныя, прилагательныя, числительныя и часть мѣстоименій (ср. Добіашъ, Синтаксисъ Апол. Д. Кіевъ 82, 42). И у Аристотеля мы не находимъ разграниченія между существительнымъ и прилагательнымъ: для Аристотеля *ἐπίθητον* — есть имя существительное особаго рода. Постепенно изъ *ὀνόματα* получились *ὀνόματα οὐσιαστικά* для обозначенія *οὐσία* и затѣмъ для обозначенія *ποιότης*.

Въ грамматикѣ Діонисія Θρακίѣскаго мы находимъ такое опредѣленіе: *Ὀνομά ἐστι μέρος λόγου πτωτικόν, σῶμα ἢ πρᾶγμα σημαῖνον, σῶμα μὲν οἷον λίθος, πρᾶγμα δὲ οἷον παιδεία, κοινῶς τε καὶ ἰδίως λεγόμενον, κοινῶς μὲν οἷον ἄνθρωπος, ἵππος, ἰδίως δὲ οἷον Σωκράτης οἷον Πλάτων*. Подобныя опредѣленія уже въ древности вызывали поправки. Разбирая сущность *ὄνομα*; въ указаніи *πτωτικόν* видѣли уже несущественную черту, у самаго даже Діонисія *πτώσεις* были названы въ заключеніе *παρεπόμενα*, такимъ образомъ самъ Діонисій не видѣлъ въ *πτώσεις* главной черты въ существѣ *ὄνομα*. Въ передачѣ римскихъ грамматиковъ уже получалось такое опредѣленіе *ὄνομα*; *pars orationis. quae singularum rerum corporalium vel incorporearum sibi subjectarum qualitatem propriam vel communem manifestat* (Schoemann, цит. соч., 15—16). По нѣкоторымъ указаніямъ (ср. Schoemann, 16), Діонисій Θρακίѣскій опредѣлялъ *ῥῆμα* какъ *λέξις κατηγορημα σημαίνουσα*. Опредѣленіе, которое мы находимъ въ его грамматикѣ, по свидѣтельству одного схолиаста, принадлежитъ позднѣйшему времени, хотя, мнѣ кажется, оно было такъ естественно для самаго Діонисія, принимая во вниманіе

опредѣленіе *ὄνομα*. Опредѣленіе *ῥῆμα* таково: *ῥῆμά ἐστι λέξις ἄπτωτος ἐπιθετικῇ χρόνων τε καὶ ἀριθμῶν ἐνέργειαν ἢ πᾶθος παριστῶσα*. По опредѣленію Апполонія, *ῥῆμά ἐστι μέρος λόγου ἐν ἰδίῳι μετασχηματισμοῖς διαφόρων χρόνων δευτικόν, μετ' ἐνεργείας καὶ πάθους προσώπων τε καὶ ἀριθμῶν παραστατικόν ὅτε* (Schoemann, 18, ὥστε — Schmidt — Beitr. zur Gesch. d. Grammatik, 354) *καὶ τὰς τῆς ψυχῆς διαθέσεις δηλοῖ*. Неопредѣленное наклоненіе включалось въ рамки *ῥῆμα*; его соединяло съ послѣднимъ то, что ставилось Апполоніемъ въ главѣ опредѣленія — значеніе и время. Неопредѣленное наклоненіе было какимъ-то общимъ значеніемъ глагола *τὸ γενικώτατον ῥῆμα*. Также и причастіе относилось сначала къ глаголу (лишь изрѣдка его сближали съ именемъ), затѣмъ выдѣлили его въ отдѣльный видъ глагола (*participiale verbum vel casuale*). *Secundum stoicos*, говорить Присціанъ, *vero quinque sunt partes, nomen, appellatio, verbum, pronomen sive articulus, conjunctio: nam participium connumerantes verbis participiale verbum vocabant vel casuale*. (Schoemann, 35—36). Нарѣчія относились первоначально въ древнихъ грамматикахъ то къ глаголу, то къ имени. Падежной характеръ такихъ нарѣчій, какъ *ὡς ἐλέμως*, *ποιητικῶς*, былъ замѣченъ уже Аристотелемъ. Въ тѣхъ же грамматикахъ уже замѣчалось, что нарѣчія могли образовываться отъ различныхъ частей рѣчи. Опредѣленіе нарѣчія у Діонисія Θρακίѣйскаго вполне соотвѣтствуетъ грамматическому термину этой части рѣчи — *ἐπιρῥῆμα: κατὰ ῥήματος λεγόμενον ἢ ἐπιλεγόμενον ῥήματι*.

Эти краткія справки въ область классической древности указываютъ путь, по которому шелъ анализъ предложенія — отъ значенія къ формамъ, къ грамматическимъ категоріямъ; затѣмъ здѣсь уже обозначаются извѣстнаго рода колебанія, подчасъ недоумѣнія, куда отнести ту или другую уже обособившуюся въ понятіяхъ грамматиковъ форму.

Отъ современныхъ грамматикъ я намѣренно перешелъ къ ея исходнымъ пунктамъ, дабы показать, что и совре-

менное изученіе, несмотря на болѣе научную постановку, выказываетъ аналогичныя теченія.

Бросая также нѣсколько взглядъ назадъ на разработку данныхъ вопросовъ въ русской литературѣ, я позволю себѣ вкратцѣ остановиться на этой разработкѣ. Наши старинныя грамматическія наставленія заимствовали вполнѣ 8 частей рѣчи: имя, рѣчь, причастіе, различіе, мѣстоименіе, предлогъ, нарѣчіе, союзъ. Вносился, какъ видимъ, терминъ „различіе“, подогнанный къ греческому, при чемъ въ качествѣ этой части рѣчи выставлялось мѣстоименіе и же . . . Это было сдѣлано подъ давленіемъ греческихъ образцовъ. Заимствовался вообще весь анализъ языка, взглядъ на послѣдній. Безспорно подъ вліяніемъ греческаго образца проводилась, напр., такая мысль въ одномъ изъ древнѣйшихъ грамматическихъ сказаній: „имя же глаголется, яко имать подлежащее существо, о немъже есть слово . . . понеже предваривше рѣхомъ, яко осмь частіи суть слова, имя же всѣхъ яко основаніе, прочая же убо части оглаголанія суть именю“. Такимъ образомъ на первый планъ выдвигается имя. Что такое „оглаголанія“ трудно съ увѣренностью, сказать; сомнѣваюсь, чтобы это были „перифразы“, какъ думаетъ ак. Ягичъ (Разсужденія старины о церк.-сл. яз. въ Изслѣд. по р. яз. т. I, 349), по моему — скорѣе, авторъ именно подчеркивать здѣсь добавочность другихъ частей рѣчи. Наряду съ этимъ выдвигается, впрочемъ, и значеніе „рѣчи“ — глагола. Послѣднее и даетъ поводъ ак. Ягичу указать на то, что и въ древне-греч. грамматикахъ проводилась мысль о выдѣленіи имени и глагола какъ важнѣйшихъ частей рѣчи.

Въ грамматической статьѣ, приписываемой Максиму Греку, мы видимъ измѣненіе обычной терминологіи. Здѣсь встрѣчаются такіе термины, какъ слово, присловіе (глаголь и нарѣчіе), прозвище, часть, загадка, слученіе, сладка. Если большинство этихъ терминовъ, какъ слово, присловіе, слученіе, прозвище, часть, понятны (латин. *verbum*, *adverbium*, *conjunctio*, *pronomen*, *participium*, ср. польск. *przysłowie*),

то другія справедливо вызывали недоумѣніе Востокова (Филолог. наблюденія. СПб. 65 г., 6). Востоковъ недоумѣвалъ, впрочемъ, и относительно „прозвища“.

Составители Львовской грамматики (1591) вызвали несправедливое обвиненіе со стороны одного изъ первыхъ историковъ славянской грамматики — Каченовскаго: онъ имъ приписалъ изобрѣтеніе большей части грамматической терминологіи, „которая донынѣ безобразитъ нашу русскую грамматику“ (Историч. взглядъ на грамматику славян. нарѣчій. Труды Общ. любит. рос. словесн. ч. IX, 34).

Въ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго мы находимъ одно важное измѣненіе существовавшей грамматической системы. Находя несвойственнымъ славянскому языку членъ — „различіе“ — и выбрасывая эту несвойственную часть рѣчи, М. С. ввелъ другую, идя за латинскими грамматиками: „междометіе“ — *interjectio*.

Ломоносовъ въ своей грамматикѣ относительно дѣленія на части рѣчи и ихъ опредѣленія мало даетъ отличій сравнительно съ своими предшественниками. Имя и глаголь выдѣляются какъ главныя части рѣчи, „необходимо нужныя“ въ изображеніи нашихъ главныхъ понятій; остальные части рѣчи выступаютъ какъ служебныя — эти послѣднія служатъ „въ сношеніе и сокращеніе оныхъ“. Выдѣляя главенство двухъ частей рѣчи, Ломоносовъ говоритъ о ихъ взаимодействіи, т. е. о томъ, что отъ имени происходятъ глаголы, а отъ глаголовъ — имена. Въ опредѣленіи частей рѣчи, построенномъ на началѣ семазіологическомъ, особенно интересно опредѣленіе причастія, какъ служащаго „къ сокращенію человѣческаго слова“ и заключающаго въ себѣ „имени и глагола силу“. Имена опредѣляются какъ словесныя изображенія вещей; выдѣляя, хотя и не рѣзко разграничивая имена прилагательныя, Ломоносовъ видитъ въ нихъ обозначеніе „свойствъ и обстоятельствъ вещей и дѣяній“. Глаголы понимаются какъ словесныя изображенія дѣяній. Болѣе искусственнымъ является опредѣленіе пред-

логовъ — „для знаменованія обстоятельствъ, къ вещамъ или къ перемѣнамъ принадлежащихъ“. Союзы — „самыхъ понятій соотвѣтствіе между собою показываютъ“. Мѣстоименія опредѣляются просто — „вмѣсто имени“. „Нарѣчіе изображаетъ единымъ реченіемъ обстоятельство“. „Между метіе представляетъ движеніе духа человѣческаго кратко“. У Греча мы находимъ любопытный матеріалъ по вопросу о дѣленіи на части рѣчи. Интересно прежде всего, что мѣстоименія и числительныя не выдѣляются какъ особыя категоріи, а относятся авторомъ то къ существительному (существ.-мѣстоименія, сущ.-числительныя), то къ прилагательнымъ (мѣстоим.-прилагат., числит.-прилагат.). Можно найти у Греча и сближеніе прилагательнаго и причастія, хотя это сближеніе не проведено вполне, такъ какъ въ концѣ концовъ причастіе отнесено все же къ глаголу. „Слова качественныя, говоритъ Гречъ, бываютъ двоякаго свойства: одни выражаютъ качество предмета всегданнее, пребывающее въ немъ безъ движенія, безъ дѣйствія, — это имена прилагательныя; другія изображаютъ дѣйствіе, силу, движеніе вещества — причастія. (Чтенія о русскомъ яз., 241). И даже въ томъ, что у Греча нельзя найти такого строго проведеннаго разграниченія частей рѣчи можно видѣть болѣе научный взглядъ на языкъ, чѣмъ у его предшественниковъ. Понимая нѣсколько странно, напр., мѣстоименіе, видя въ послѣднемъ переходную ступень отъ частей рѣчи къ частицамъ, онъ такимъ образомъ выступаетъ проводникомъ мысли о постепенномъ развитіи частей рѣчи, о ихъ взаимодѣйствіи. Гречъ проводитъ и теорію о большей или меньшей древности нѣкоторыхъ изъ частей рѣчи. Отмѣтитъ можно отношеніе Греча къ глаголу. „Глаголъ, по всей вѣроятности, былъ первою изъ частей рѣчи, изобрѣтенныхъ человѣкомъ. Но то не подлежитъ сомнѣнію, что онъ есть главное слово въ рѣчи, *verbum*, глаголъ, слово по преимуществу. Онъ придаетъ рѣчи жизнь, онъ присутствіемъ своимъ животворяетъ отдѣльныя слова, мертвыя

и безнаменательныя, и составляетъ изъ нихъ сужденіе, предложеніе, періодъ“ (тамъ же, 292). Выдѣляя нарѣчіе, Гречъ указываетъ на его близкое отношеніе къ прилагательному, съ нарѣчіемъ онъ сближаетъ дѣепричастіе, называя послѣднее „дѣйствующимъ нарѣчіемъ“. Интересно сравнить выдвинутыя здѣсь мѣста съ тѣмъ, что проводилось относительно того же въ „Руководствѣ“ Овс.-Куликовского. Междометіе Гречъ не считалъ ни частью рѣчи, ни частицею, а считалъ остаткомъ первоначальныхъ звуковъ языка, остаткомъ того періода, когда человѣкъ въ звукахъ выражалъ лишь свои неясныя чувствованія.

Довольно цѣльную въ общемъ классификацію частей рѣчи мы находимъ у Павскаго, въ его „Филологическихъ наблюденіяхъ надъ составомъ русскаго языка“ (СПБ. 1850 г.). Во главѣ дѣленія поставлены: имя и глаголь, затѣмъ идутъ „частицы“. Къ имени отнесены мѣстоименіе „въ собственномъ смыслѣ или заглавное имя“, имя существительное, прилагательное и числительное. Нужно замѣтить, что, строя теорію развитія языка, Павскій, въ противоположность Гречу, считалъ древнѣйшею частью рѣчи послѣ междометій мѣстоименія личныя или, какъ онъ называлъ ихъ — „мѣстоименія въ собственномъ смыслѣ или заглавныя имена“. Затѣмъ шло образованіе другихъ именъ — имени существительнаго, прилагательнаго и числительнаго. Глаголы по своему происхожденію — позднѣйшая часть рѣчи, по Павскому. Къ частицамъ Павскій относилъ также нарѣчія, затрудняясь, очевидно, отнести ихъ къ имени, а также относилъ сюда междометіе и предлогъ.

К. Аксаковъ принималъ 5 частей рѣчи: 1. имя существительное, 2. глаголь, 3. имя прилагательное, 4. предлогъ, 5. союзъ. Имя числительное А. относилъ къ существительному и прилагательному, мѣстоименія — къ прилагательнымъ. Нарѣчіе онъ не считалъ особою частью рѣчи, а понятіемъ синтаксическимъ, „которое можетъ быть выражено цѣлымъ предложеніемъ“. Междометіе А. считалъ вы-

разителемъ ощущенія. Совершенно особнякомъ ставилъ онъ мѣстоименія личныя, при чемъ къ личнымъ мѣстоименіямъ онъ относилъ мѣстоименія перваго и втораго лица, которыя выражаютъ „личное сознающее существо“. И только въ настоящемъ смыслѣ мѣстоименіемъ, по А., является мѣстоименіе третьаго лица, замѣняющее имя.

Не буду останавливаться на раздѣленіи частей рѣчи въ другихъ трудахъ, а послѣ этихъ частичныхъ справокъ я возвращаюсь къ „Руководству“ проф. Ов. Куликовскаго. Вполнѣ соглашаясь съ извѣстнаго рода выдѣленіемъ причастій въ особую рубрику прилагательныхъ (ср. также и объясненіе *μετοχή* въ греческихъ грамматикахъ: *μετέχουσα καὶ τῆς ὀνομαστικῆς συντάξεως καὶ τῆς ῥηματικῆς*, Добіашъ, *ibid*, 93), я бы также стоялъ на извѣстномъ выдѣленіи неопредѣленнаго „наклоненія“, этой *ὀνόμα πρᾶξις* (наименованія дѣйствія), формы, которая и раньше отдѣлялась отъ глагола, которая и у нѣкоторыхъ современныхъ изслѣдователей получила самостоятельное значеніе (Некрасовъ, Добіашъ). Между тѣмъ, эта форма, лишенная даже званія „наклоненія“ (наклоненіе — *ἑγκλίσις* — обозначаетъ измѣненіе по числамъ и лицамъ; поэтому уже нельзя назвать форму неизмѣняющуюся — „неопредѣленнымъ“ — наклоненіемъ), является какой-то, въ сущности, обездоленной.

Однако, и выдѣленіе неопредѣленнаго наклоненія не измѣнитъ сущности, и все дѣленіе на части рѣчи не можетъ претендовать на строгость проведенія извѣстнаго принципа дѣленія. Мнѣ казалось бы, что нужно обратить вниманіе на слѣдующее. На страницахъ уже письменности мы открываемъ, что нѣкоторыя части рѣчи образовались съ теченіемъ времени. Въ древне-церковно-славянскомъ языкѣ, на примѣръ, нѣтъ дѣе-причастій. Нѣкоторые предлоги ясно указываютъ на начало свое изъ нарѣчій, послѣднія — изъ прилагательныхъ; чѣмъ дальше вглубь, тѣмъ бѣольшую мы видимъ близость прилагательнаго къ существительному (отъ прилагательныхъ

и теперь сплоснь и рядомъ образуются существительныя). Между именемъ (прилагательнымъ и существительнымъ) и глаголомъ можно также найти связующія звенья, можно говорить о первоначальности ихъ соединенія, отчасти напоминающаго причастія. Нужно помнить, что вначалѣ передаваемое словомъ обозначало цѣлое воспріятіе, слово одно являлось цѣлой рѣчью. При видѣ восходящаго солнца у человѣка вырывался извѣстный звукъ, этотъ звукъ, повторяясь и усвоиваясь, дѣлался уже въ настоящемъ значеніи словомъ. Но это слово передавало то, что передаетъ у насъ имя + глаголѣ. Заходящее солнце вызывало д р у г о й звукъ. Звукъ становился, будучи повторенъ, словомъ, потому что слово есть уже результатъ апперцепціи. Что образовалось изъ слова — предложенія, по дифференціаціи имени отъ глагола, оставалось ли имя (*nomen agentis*) или имя-причастіе, какъ думалъ Потебня, трудно сказать. Наше причастіе, конечно, не то, что это предполагаемое причастіе - имя. Въ послѣднемъ имя + признакъ, производимый энергіей предмета, но безъ всякаго отношенія къ времени, видамъ, залогамъ, само же это слово, можетъ быть, болѣе приближалось къ нашему прилагательному. Во всякомъ случаѣ, намъ здѣсь особенно важно то, что постепенно начинаютъ выдѣляться имя и глаголѣ. И если мы посмотримъ на извѣстныя намъ глагольныя формы, то увидимъ, что въ развитіи глагола является нѣкоторая аналогія развитію имени: „неопредѣленное“ своего рода глагольное существительное, причастіе — глагольное прилагательное, дѣепричастіе — глагольное нарѣчіе, есть даже случаи окаменѣній, образующихъ союзы. И вотъ въ основу дѣленія нужно положить имя и глаголѣ. Наряду съ этимъ я выдвинулъ бы и „мѣстоименія“ (терминъ, въ сущности, совершенно неправильный). „Мѣстоименія“ отличаются отъ существительныхъ и прилагательныхъ тѣмъ, что опредѣляютъ предметъ, не выдвигая какое-либо качество или свойство, а указывая на предметъ. „Мѣстоименія“ личныя, не безъ основанія, первоначально могли бы считаться

болѣе существительными, чѣмъ сами „существительныя“. И въ развитіи мѣстоименій шелъ такой же процессъ, какъ въ развитіи имени и глагола: я — тотъ, онъ — тотъ, такъ и пр., т. е. получались тѣ же формы прилагательныхъ, нарѣчій, союзовъ. Если мы примемъ указанный принципъ дѣленія, то сама классификація станетъ яснѣе, послѣдовательнѣе, и намъ не придется изъ одного разряда переносить слова въ другой, насильственно отнимая ихъ отъ ближайшихъ родственниковъ по происхожденію. Тогда мы не въ правѣ будемъ отнести, напримѣръ, какъ дѣлаетъ Овсяннико-Куликовскій, слова — какой, такой и пр. къ прилагательнымъ - мѣстоименіямъ (Добіашъ, какъ мы видѣли, вслѣдъ за нѣкоторыми древними греческими грамматиками, прямо называетъ эти слова прилагательными, прибѣгая къ неудачному сравненію изъ геометріи — конусъ заполненный и незаполненный, Син. Ап. Д., 90). Впрочемъ, несомнѣнно, въ этихъ словахъ мы видимъ особенную близость къ прилагательнымъ, постепенное сліяніе, но это происходитъ и въ другихъ частяхъ рѣчи (хотя бы постепенный переходъ нѣкоторыхъ причастій въ прилагательныя).

Перейдемъ теперь къ опредѣленію частей рѣчи у Овсяннико-Куликовскаго. „Работа мысли, состоящая въ томъ, что представленія и понятія, каковы бы они ни были, подводятся подъ категорію предмета, и вмѣстѣ — въ томъ, что это подведеніе выражается въ словѣ, есть то, что принято называть именемъ существительнымъ“ (Руков., 14). Сравнимъ съ тѣмъ, что раньше говорилъ Овсяннико-Куликовскій въ „Синтаксисѣ“ (40); „имя существительное есть часть рѣчи или форма мысли, обозначающая совокупность признаковъ, т. е. цѣлый предметъ по одному изъ нихъ, который можетъ либо сознаться, либо не сознаться (помниться или быть забытъ)“.

„Движеніе или работа мысли, проявляющаяся въ томъ, что мы приписываемъ предметамъ признаки, представляя ихъ, въ словѣ, находящимися въ предметахъ, присущими

имъ, пассивно въ нихъ пребывающими, выражается въ особой грамматической категоріи, называемой имя прилагательное“ (Руков. 17). Почти то же въ Синтаксисѣ (37).

„Движеніе или работа мысли, въ силу которой мы подводимъ представленія и понятія разныхъ степеней отвлеченности подъ категорію дѣйствія (дѣятельности) предмета, — дѣйствія подлиннаго или фиктивнаго („состоянія“ предмета), при чемъ въ словѣ само дѣйствіе (состояніе) можетъ и не быть обозначено, выражается въ особой грамматической категоріи, извѣстной подъ именемъ глагола“ (Рук., 21). Въ Синтаксисѣ (38): „глаголь есть часть рѣчи или форма мысли, изображающая признаки, производимые дѣятельностью предмета“.

Съ одной стороны, въ „Руководствѣ“ нѣкоторый шагъ впередъ въ отношеніи ясности и простоты сравнительно съ „Синтаксисомъ“, съ другой — еще бѣльшая замысловатость опредѣленія.

Кромѣ того, опредѣленія эти чисто психологическаго характера, съ отсутствіемъ указанія на признаки формальные, чисто грамматическіе. И въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ слово конный; куда его отнести: вѣдь оно одинаково относится по опредѣленіямъ и къ существительнымъ и къ прилагательнымъ.

И здѣсь, въ психологическомъ опредѣленіи, мнѣ кажется, нужно было бы исходить первоначально изъ опредѣленія имени вообще съ одной стороны, съ другой — глагола. Именемъ вообще обозначается признакъ, находящійся въ предметѣ, а глаголомъ — признакъ, производимый предметомъ. Въ настоящее время опредѣленіе имени вообще подходитъ скорѣе къ прилагательному, но это потому, что признаки, заложенные въ существительныхъ, забыты, и существительное дѣйствительно уже является субстанціей. Разница же между именемъ существительнымъ и прилагательнымъ въ томъ и состоитъ, что существительное — признакъ въ чемъ-то опредѣленномъ, что

это носитель признака, какъ опредѣлять Миклошичъ, а прилагательное — признакъ заключенный въ чемъ-то другомъ. Если послѣдній признакъ дѣлается носителемъ, прилагательное обращается въ существительное.

Формальная разница между именемъ вообще и глаголомъ тотчасъ же бросается въ глаза, между именемъ же существительнымъ и прилагательнымъ часто формальной разницы никакой нѣтъ; правда, отдѣленіе этихъ частей рѣчи другъ отъ друга обусловило и появленіе специфическихъ особенностей: нѣкоторые суффиксы употребляются только для именъ существительныхъ, другіе же только — для прилагательныхъ, образовалось сложное склоненіе и пр.

Хотя разсмотрѣніе всего этого относится главнымъ образомъ къ морфологіи, но, тѣмъ не менѣе, главные данныя должны входить и въ синтаксическія опредѣленія, иначе, повторяю, опредѣленія не могутъ претендовать на полноту или, иначе, лучше отказаться отъ опредѣленій, а давать послѣдовательно описаніе извѣстныхъ характерныхъ особенностей разныхъ частей рѣчи.

Опредѣленіе нарѣчія — „признака признаковъ“ сдѣлано сходно въ „Руководствѣ“ и „Синтаксисѣ“ и близко къ тому, какъ высказывалось это Потебнею (Изъ Зап., II, 119). Дѣепричастіе сближено съ нарѣчіемъ, являясь какъ бы нарѣчіемъ отглагольнымъ. Въ силу отнесенія мѣстоименій къ существительнымъ очень кстати выпущено данное въ „Синтаксисѣ“ опредѣленіе мѣстоименій (45—46).

Я не могу согласиться и съ самимъ дѣленіемъ существительныхъ на „подлинно-существительныя“ и „фиктивные существительныя“. Мнѣ такая точка зрѣнія не представляется строго грамматической. Если сообразоваться со словами автора, то придется группы существительныхъ передвигать даже въ современномъ строѣ рѣчи сообразно образованію людей: для одного „огонь“ — подлинное существительное, для другого — „фиктивное“, о чемъ говорить и самъ авторъ.

Между языкомъ и научнымъ мышленіемъ въ настоящее время замѣчаются противорѣчія: трудно языку — орудію массы угнаться за научными результатами, далеко не сдѣлавшимися еще общимъ достояніемъ. Мы говоримъ: „солнце всходитъ, заходитъ“, твердо зная, что солнце не вращается около земли. И даже тогда, когда это убѣжденіе сдѣлается общимъ, мы все же, можетъ быть, останемся при этомъ условномъ, образномъ выраженіи. Нашему языку не вредятъ и такія выраженія: „городъ приближается“, когда, собственно, мы приближаемся къ городу. Нельзя поэтому относиться съ такой горячностью къ подобнымъ противорѣчіямъ, какъ то мы находимъ въ любопытномъ сочиненіи Маутнера (*Zur Grammatik und Logik*, Stuttg.-B., 1902, III, 80—82).

Сохраненіе подобныхъ выраженій показываетъ, что будутъ сохранены и выраженія — д е р е в о з е л е н о и п р. (несмотря на то, что новѣйшія, открытія, особенно съ изслѣдованій Гельмгольца, показываютъ, что подъ различными свойствами скрываются, въ сущности, движенія). И если приведенное выраженіе хотя отчасти можно еще замѣнить болѣе соответствующимъ научному воззрѣнію, то есть общеупотребительныя выраженія, которыя совсѣмъ уже трудно поддаются замѣнѣ: дождь орошаетъ поля, вода вращаетъ мельничное колесо, магнитъ притягиваетъ желѣзо и пр. (Ср. Маутнеръ, *ibid.* 81), выраженія, вытекающія изъ мифическихъ воззрѣній, одухотворяющихъ различныя явленія.

Много подобныхъ несоотвѣтствій между языкомъ и научнымъ мышленіемъ, и вносить понятіе фикціи въ примѣненіи къ грамматическимъ категоріямъ не приходится (у проф. Овсяннико-Куликовского и дальше проведено ученіе о фикціи въ другія части рѣчи).

Отмѣчается О. К-имъ болѣшая предпріимчивая сила причастій и дѣепричастій, если они имѣютъ при себѣ второстепенныя части, а затѣмъ указывается, что эта сила зависитъ

отъ положенія этихъ формъ въ предложеніи. При этомъ оказывается, что предидирующая сила причастія усиливается, если оно стоитъ послѣ того слова, къ которому относится, а дѣепричастія, „когда оно предшествуетъ подлежащему (къ которому, по общему правилу, оно тяготѣеть)“ (65). Объясняетъ это проф. Овсяннико-Куликовскій тѣмъ, что причастіе въ данномъ случаѣ раздѣляетъ судьбу прилагательнаго: постановка послѣдняго послѣ опредѣляемаго рѣзче отдѣняетъ само опредѣленіе (82), а дѣепричастіе, будучи поставлено передъ подлежащимъ, къ которому оно первоначально относилось, вызываетъ у насъ ожиданіе этого подлежащаго и „усиливаетъ долю вниманія, сосредоточеннаго на томъ, что говоритъ дѣепричастіе“ (83).

Вотъ послѣднее объясненіе не особенно мнѣ кажется убѣдительнымъ. И далѣе: „въ положеніи между подлежащимъ и сказуемымъ дѣепричастіе обнаруживаетъ большее тяготѣніе къ подлежащему, чѣмъ въ положеніи послѣ сказуемаго: „онъ, сидя, спалъ“ и „онъ спалъ сидя“ . . . Мнѣ думается, что не тяготѣніемъ къ подлежащему обусловливается все это, а отдѣленіемъ, отъ сказуемаго, пріобрѣтеніемъ благодаря мѣсту нѣкоторой большей самостоятельности. Какое же это „тяготѣніе къ подлежащему“, которое выражается отдѣленіемъ запятой? Еще вопросъ также, нужно ли поставить запятая: онъ, сидя, спалъ. Стоитъ сравнить съ этимъ примѣромъ примѣры, приводимые Овсяннико-Куликовскимъ изъ литературныхъ источниковъ: Родникъ между ними изъ почвы безплодной журча пробивался волною холодной . . . Онъ молча и угрюмо ждалъ . . . (79).

Какъ постепенно стирается знаменательность, конкретность слова, какъ слово это можетъ доходить до такого отвлеченія, гдѣ лексическое значеніе его обращается въ минимумъ, слово дѣлается какой-то формой, служебной частью, показываетъ особенно глаголъ. Это прекрасно выяснено у Овсяннико-Куликовскаго. Мнѣ кажется, что картиной потери

знаменательности глагола можно бы воспользоваться при иллюстраціи вообще, какъ терялось значеніе и такъ называемыхъ грамматическихъ формъ.

Вотъ тутъ и было бы любопытно видѣть картину этого постепеннаго измѣненія различныхъ частей рѣчи, а не только сухія рубрики, рамки, къ которымъ привыкла такъ прибѣгать наша обыкновенная грамматика.

И вотъ въ сторону-то этой грамматики отступаетъ Овсянико-Куликовскій, когда всячески стремится оправдать такъ называемыя „управленіе“ и „согласованіе“. Насколько это ему не удастся, показываютъ такія, напримѣръ, мѣста: „Если глаголь относится къ личному мѣстоименію, то мѣстоименіе только яснѣе обозначаетъ то лицо, которое и безъ того уже обозначено самимъ глаголомъ — и это скорѣе соотвѣтствіе (параллелизмъ) лица существительнаго съ лицомъ глагола, чѣмъ согласованіе съ отгѣнкомъ зависимости“ (28). Не говорю уже, конечно, о томъ, что соединеніе нарѣчій и дѣепричастій „не вызываетъ у насъ ощущеній или представленій подражанія, параллельности“ (29).

„Они составляютъ какъ бы переходную ступень отъ зависимыхъ словъ (согласующихся и управляемыхъ) къ словамъ служебнымъ, какими являются предлоги и союзы. Эти служебныя слова также только состоятъ при другихъ словахъ, служа выраженіемъ различныхъ отношеній между ними“ (30). Съ послѣднимъ я также не могу согласиться: извѣстнаго рода окаменѣнія не ведутъ еще непременно къ переходу въ какую-то служебную роль. Если въ словѣ иногда не является уже внѣшняго признака его грамматической категоріи, то остается внутренній. Само это окаменѣніе одно изъ орудій для экономіи языка.

Говоря о склоненіи, спряженіи, я счелъ бы также необходимою остановиться нѣсколько на выработанной здѣсь терминологіи, осмыслить ее.

Вѣдь, можно ли сказать, что у насъ сознательное отношеніе къ различнымъ грамматическимъ терминамъ? Конечно,

нѣтъ. Если еще на вопросъ, почему извѣстныя формы называются падежами, многіе, можетъ быть, найдутся въ общемъ сказать, что это переводъ термина латинскихъ грамматикъ, то врядъ ли будутъ въ состояніи отвѣтить на вопросъ, почему, напр., падежъ называется „винительнымъ“. Я не говорю о необходимости детальныя объясненій, но нужно было хотя въ общемъ обрисовать исторію передачи этихъ терминовъ черезъ латинскія грамматики изъ греческаго источника. Издѣсь нашелся бы любопытный матеріалъ; напримѣръ, тотъ же терминъ „винительный“ представляетъ переводъ дословный латинскаго *accusativus*, въ греческомъ — *αἰτιατική* (*πτῶσις*). Мы видимъ здѣсь, что латинскіе грамматики не вникли въ главное значеніе этого названія, они взяли одно изъ значеній *αἰτιόμααι* *accusare* и этотъ терминъ передался и въ наши грамматики; между тѣмъ, въ тѣхъ же латинскихъ грамматикахъ попадаетъ и болѣе точный переводъ — *causativus*. И дѣйствительно, *αἰτία* — поводъ, матеріалъ для обработки, *αἰτιατός* — вызванный чѣмъ-нибудь какъ своимъ поводомъ. Такимъ образомъ у насъ бы болѣе подходило названіе „предметный“ падежъ (Ср. Добіашъ, Синт. Ап. Д., 72—73) или, можетъ быть, вопросительный. Правда, послѣднее названіе не такъ обнимаетъ содержаніе, но и вѣдь — дательный — *δοτική* не можетъ претендовать на полное соотвѣтствіе содержанію (наряду съ *δοτική* въ греческомъ — *ἐπισταλτική*, такимъ образомъ здѣсь особенное вліяніе глаголовъ *δίδωμι* и *ἐπιστέλλω*). Нашъ „родительный“ имѣлъ болѣе осмысленные термины въ греческихъ и латинскихъ грамматикахъ: *γενική* — родовой (въ множественномъ числѣ этотъ падежъ, дѣйствительно, обозначалъ родъ) и *κτητική* (принадлежности), *patrius*, *paternus* и наряду съ этимъ *possessivus*. Въ греческихъ грамматикахъ установился и порядокъ падежей: *ὀρθή*, *γενική*, *δοτική*, *αἰτιατική*, *κλητική*. Именительный назывался *ὀρθή*, *ὀνομαστική*, *ἐὐθεΐα*, онъ представлялся начальнымъ падежомъ, почему и *ὀρθή* — прямой, въ отличіе отъ другихъ отклонившихся, скло-

вившихся (*κλίσις* — *declinatio*), почему и названные косыми, косвенными (*πλάγιαι πτώσεις*) (по Георгію Херовоску косвенные падежи называются, потому что *οὐκ ὀρθῶς σημαίνουσι τὴν οὐσίαν τοῦ πράγματος ἀλλ' ἐκ πλαγίου*).

Звательный падежъ стоитъ на концѣ, потому что первоначально онъ не входилъ въ число падежей, а составлялъ цѣлое, особое предложеніе, затѣмъ уже и этотъ падежъ былъ включенъ. И Овсяннико-Куликовскій не относитъ, какъ видно изъ дальнѣйшаго (Руков., 163, ср. Синт. 178—9), звательный падежъ къ числу косвенныхъ. По существу, Овсяннико-Куликовскій, очевидно, склоняется въ данномъ случаѣ къ мнѣнію Потебни, признававшего звательный падежъ прямымъ и считавшаго его способнымъ выражать подлежащее, но только во 2-мъ лицѣ (Изъ Зап., II, 94—95). Подобные же примѣры, какъ „ой плаче, плаче молодой козаچه“ или „чтобы Господи далъ намъ добраго здоровьица“ и пр., объясняются, дѣйствительно, замѣной именительнаго зательнымъ. И напрасно только Овсяннико-Куликовскій выпустилъ здѣсь то объясненіе, которое дано было въ „Синтаксисѣ“: „Можно предположить, что одною изъ причинъ употребленія зательнаго вмѣсто именительнаго было первоначально желаніе или невольное стремленіе соединить съ подлежащимъ выраженіе извѣстнаго чувства, которое говорящій питалъ къ данному лицу. Это слѣдовательно, не былъ „зательный обращенія“, это былъ и м е н и т е л ь н ы й, съ „окраской“ чувствомъ . . .“ (въ данномъ случаѣ О. К., конечно, слѣдуетъ Потебнѣ).

Всѣ попытки дать опредѣленіе „предложенія“ являются до сихъ поръ безплодными. Какихъ только опредѣленій мы не находимъ въ научно-педагогической литературѣ по синтаксису.

Если предложеніе есть что-то такое законченное, извѣстная мысль, выливавшаяся въ опредѣленную форму, то естественно было, что на эту форму (грамматическое пред-

ложене) было перенесено опредѣленіе логическое. Содержаніе и форма слились. Это особенно легко было въ такихъ предложеніяхъ, какъ, напр., собака бѣжитъ и пр. Вотъ типъ такихъ-то предложеній носился въ воображеніи грамматиковъ и въ дальнѣйшемъ, но здѣсь должны были получиться и несоотвѣтствія, которыя устранялись тѣмъ, что данныя грамматическія подгонялись затѣмъ въ несоотвѣтствующія рамки логическаго опредѣленія. Въ связи съ этимъ господствовалъ и продолжаетъ господствовать разборъ предложенія чисто логическій. Если возьмемъ, напр., опредѣленія Востокова и Буслаева, то увидимъ, что эти опредѣленія до того общи, что подходятъ къ отдѣльнымъ словамъ, вовсе не составляющимъ предложенія. Подобныя общія опредѣленія имѣютъ своимъ источникомъ ту же греческую чисто логическую грамматику. Любопытно, что нѣкоторые греческіе грамматики, стоя на логической точкѣ зрѣнія, вѣрнѣе формулировали опредѣленіе предложенія, чѣмъ ихъ послѣдователи. Въ извѣстной грамматикѣ Діонисія Θρακίης такое опредѣленіе „предложенія“: *λόγος ἐστὶ λέξεων σύνθεσις διάνοιαν αὐτοτελῇ δηλοῦσα* (Dion. Thracis Ars grammatica, Lipsiae. 1883, 73), т. е. предложеніе есть извѣстное соединеніе словъ, представляющее законченный смыслъ. Слово, какъ часть предложенія, опредѣляется такъ: *λέξις ἐστὶ μέρος ἐλάχιστον τοῦ κατὰ σύνταξιν λόγου*, т. е. слово — самая малая часть рѣчи — предложенія (или слова есть тѣ самыя мелкія части, на которыя разлагается предложеніе). Недостаткомъ этихъ опредѣленій (Дельбрюкъ въ своемъ Verg. Syntax называетъ это опредѣленіе предложенія „höchst wahrscheinlich“, 3), является, по моему, прежде всего то, что „предложеніе“ — *λόγος* опредѣляется посредствомъ *λέξεις*, а послѣднія посредствомъ *λόγος*. Но неся въ себѣ основныя неточности, опредѣленія Д. намѣчаютъ, въ дѣйствительности, углы зрѣнія, подъ которыми мы должны все же смотрѣть на предложеніе и части его. Подчеркнуть слѣдуетъ, что въ

данномъ опредѣленіи предложенія выдвигается на первый планъ не „мысль“, а „сочетаніе словъ“. Въ этомъ отношеніи и Востоковское опредѣленіе („рѣчь, ограниченная выраженіемъ одной только мысли“) выше опредѣленія Буслаева („каждая отдѣльная мысль, выраженная словами“). Потебня, доказавши вполне ясно всю несостоятельность основныхъ точекъ зрѣнія въ трудѣ Буслаева и вообще той школы, которой былъ послѣдователемъ Буслаевъ, отказался дать опредѣленіе предложенія. Онъ смотрѣлъ на послѣднее съ чисто формальной, грамматической точки зрѣнія и находилъ, что съ этой стороны предложеніе представляетъ собой нѣчто „текущее“, съ временемъ измѣняющееся, такимъ образомъ исторія языка должна выработать рядъ опредѣленій соотвѣтственно разнымъ періодамъ жизни языка и его развитія. Потебня указывалъ только на *minimum*, необходимый для всякаго предложенія, на его ячейку, это — *verbum finitum*.

Такимъ образомъ, по Потебнѣ, опредѣленіе *verbum finitum* и будетъ опредѣленіемъ предложенія въ его простѣйшемъ, первоначальномъ видѣ. Не всѣ соглашались съ выставленными положеніями. Такъ, напр., Поповъ говорилъ о первоначальности одночленныхъ предложеній безъ глагола. Съ другой стороны, невозможность дать точное опредѣленіе въ чисто грамматическомъ смыслѣ предложенія, сознаніе неудовлетворительности раньше составленныхъ логико-грамматическихъ опредѣленій заставили прибѣгнуть къ опредѣленіямъ психологическимъ, и вотъ мы видимъ прежде всего въ западно-европ. научн. литературѣ рядъ новыхъ опредѣленій. „Предложеніе есть словесное выраженіе, символъ того, что въ душѣ говорящаго совершилось соединеніе нѣсколькихъ представленій или группъ представленій, и средство къ тому, чтобы вызвать въ душѣ слушающаго тождественное соединеніе тѣхъ же представленій“— Это опредѣленіе Пауля (*Prinzip. der Sprachgesch.*) вызвало критическія замѣчанія Керна и Дельбрюка; первый указывалъ, что въ такомъ случаѣ и отдѣльныя фразы, какъ „смерть Цезаря“ и пр.,

будутъ предложеніями; второй же видѣль узость опредѣленія въ томъ отношеніи, что подъ это опредѣленіе не подходили одночленные предложенія. По Дельбрюку: „предложеніе есть произведенное членораздѣльною рѣчью выраженіе, которое говорящему и слушающему представляется какъ связанное и законченное цѣлое“. По Вундту: „предложеніе есть выраженное средствами языка произвольное расчлененіе совокупнаго представленія на его составныя части, поставленныя въ логическое отношеніе другъ къ другу“. Давая опредѣленіе предложенію — „сочетаніе словъ, служащее для выраженія мысли (или отдѣльной мысли)“, проф. Богородицкій (Общій курсъ рус. грам. — изъ унив. лекцій. — 1904 г., 188—9) признаетъ, что подобное опредѣленіе страдаетъ нѣкоторою неполнотою, но этотъ недочетъ, будто бы, покрывается удобствами въ цѣляхъ педагогическихъ. Но послѣднимъ могли и могутъ оправдываться и другія различныя опредѣленія. Въ курсѣ проф. Томсона (Общее языковѣдѣніе. Од. 1906, 301) находимъ такое опредѣленіе: „предложеніе есть обыкновенно рядъ словъ, вылитый, такъ сказать, въ одну изъ обычныхъ въ данномъ языкѣ формальныхъ рамокъ синтаксическаго сочетанія словъ въ предложеніи и представляющій въ значеніяхъ этихъ словъ сужденіе въ широкомъ, психологическомъ смыслѣ“.

Нечего говорить, что установленіе опредѣленія „предложенія“ было особенно важно для школьной грамматики. И вотъ со стороны нашихъ педагоговъ-практиковъ являлись попытки къ пересмотру различныхъ мнѣній и къ установленію болѣе подходящаго опредѣленія. Упомяну о статьяхъ гг. Андреева (въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* апрѣль 1904 г.), Тростникова, Брайловскаго (Педаг. Сбор. 1903—1905 гг.) и др. Однако, всѣ эти попытки не увѣнчались желанными результатами. Г. Андреевъ, посвятившій специальную статью выясненію опредѣленія предложенія, въ концѣ концовъ приходитъ къ заключенію, что „предложе-

ніе есть рѣчь или словесное выраженіе, имѣющее одинъ только актъ мышленія“. Это опредѣленіе, какъ заключаетъ не безъ основанія С. Брайловскій (Пед. Сб. 904 № 4, 383), совпадаетъ съ опредѣленіемъ логическаго сужденія. Слѣдовательно то, съ чѣмъ стремился бороться Андреевъ, рассматривая предыдущія опредѣленія, незамѣтно вошло и въ его опредѣленіе. По Брайловскому (тамъ же, 388): „Простое предложеніе есть рѣчь, состоящая изъ одного соединенія подлежащаго и сказуемаго“. Невѣрная постановка даннаго опредѣленія сама собою очевидна.

Въ „Руководствѣ“ Овс. Куликовскій приходитъ къ такому выводу: *„предложеніе есть такое слово или такое упорядоченное и осмысленное согетаніе словъ, которое сопряжено съ особымъ движеніемъ мысли, извѣстнымъ подъ именемъ предципированья (сказуемости)“*. Нечего и говорить, что подобное опредѣленіе требуетъ для полной ясности новаго опредѣленія: что же такое предципированье или сказуемость. Оказывается, что это „особое умственное ощущеніе большей энергіи, большей яркости, большей тяжести мысли, которое сопутствуетъ глаголамъ, причастіямъ и дѣепричастіямъ, и котораго нѣтъ, когда мы употребляемъ слова другихъ частей рѣчи. Это — ощущеніе *большаго усилія* мысли, потребнаго для того, чтобы не только *называть, обозначать*, но, кромѣ того, еще и *утверждать (положительно или отрицательно), предципировать*“ (33). Прежде всего это уже не опредѣленіе. Затѣмъ та разница, которую находитъ Овсяннико-Куликовскій между глаголомъ и другими частями рѣчи, что глаголомъ не только обозначаются соотвѣтствующія представленія и классифицируются въ грамматическомъ отношеніи, но обозначается еще новый признакъ, несвойственный другимъ частямъ рѣчи — *утвержденіе* чего-либо, эта разница схвачена, мнѣ кажется, черезчуръ субъективно. Да и почему же наряду съ личными формами глагола принимаютъ на себя этотъ признакъ причастія и дѣепричастія? Мнѣ думается, что если бы

вѣрна была точка зрѣнія Овсяннико-Куликовскаго, то причастія и дѣепричастія не имѣли бы участія въ приписываемомъ глаголу признаковъ.

Ощущеніе бѣльшей яркости, бѣльшей энергіи, получающееся отъ глагола, обусловлено бѣлье яркимъ представленіемъ признака возникающаго, производимаго, а не тѣмъ, что здѣсь есть какая-то „прибавочная работа мысли“. „Предложеніе является выраженіемъ того, что я думалъ, а не того, что только мелькаетъ въ моемъ сознаніи“ (35). „Когда я произношу бѣгло и, такъ сказать, машинально рядъ глаголовъ, не связанныхъ между собою, не осмысленныхъ, то предидирующія усилія моей мысли слишкомъ ничтожны, чтобы изъ этихъ глаголовъ могли образоваться предложенія. Равнымъ образомъ, когда я спрягаю (*несу, несешь...*), изъ этого не выходитъ соответственнаго количества предложеній; *я не имѣлъ намеренія предидировать, я не хотѣлъ утверждать*, что я несу, ты несешь и т. д. — я хотѣлъ только показать свое умѣнье спрягать глаголъ *нести*“ (35). Первое приведенное мѣсто, вѣроятно, не совсѣмъ точно формулированная мысль автора: и мелькающее въ моемъ сознаніи можетъ образовывать предложенія. Относительно второго мѣста можно сказать слѣдующее когда я спрягаю: „несу“ . . . , то формы эти не будутъ образовывать рядъ предложеній, но не потому я не утверждаю, что я несу..., а потому что при спряженіи лексическое значеніе слова отходить на второй планъ, на него даже совсѣмъ не обращаютъ вниманія, важны только окончанія.

Что же такое, наконецъ, это трудно опредѣлимое „предложеніе“?

Много писали и пишутъ о необходимости отдѣленія грамматики отъ логики. Относительно извѣстной грамматики Буслаева и грамматикъ многочисленныхъ его послѣдователей принято говорить теперь, что направленіе, сказавшееся здѣсь, логическое, что при формулировкѣ опре-

дѣленій Буслаевъ и его источники (вродѣ Беккера и др.), а также и его послѣдователи впади въ ту ошибку, что смѣшали *грамматику* и *логику*.

Для указанія всей несообразности такого *логического* направленія была написана въ свое время извѣстная книга Штейнталя: *Grammatik, Logik und Psychologie* (Berl. 55).

Вопросомъ этимъ занимался въ своемъ извѣстномъ трудѣ, какъ мы знаемъ, Потебня. Раздѣляя грамматику и логику, онъ говорилъ, что понятія о правильности со стороны логики и грамматики разные, что, напримѣръ, грамматически неправильное можетъ быть правильно въ логическомъ отношеніи, впрочемъ, здѣсь онъ прибавлялъ — „насколько оно понятно“, что грамматика по отношенію къ логикѣ наука вещественная, логика — формальная, языкознаніе — наука историческая, логика — гипотетическая.

Мнѣ думается, что и въ разсужденіи Потебни кроются нѣкоторыя недоразумѣнія. Сама прибавка — „насколько оно понятно“ — указываетъ на необходимость отступленія.

Отношеніе между грамматикой и логикой представляется мнѣ въ слѣдующемъ видѣ. Каждая наука имѣетъ свои законы, свою логику. Это будетъ логика частная. На основаніи логикъ частныхъ строится логика общая, и она, конечно, не должна противорѣчить частнымъ. Законы ея примѣнимы къ каждой наукѣ, но опредѣленія ея, какъ чрезчуръ общія, не дадутъ существенныхъ результатовъ при примѣненіи къ опредѣленнымъ случаямъ. Слѣдовательно, законы логики не только могутъ, но и должны быть примѣняемы къ грамматикѣ, и въ своихъ различныхъ опредѣленіяхъ грамматика, идя своей частной дорогой, можетъ черпать, конечно, и данныя „логического“ характера. Слишкомъ сложное явленіе языкъ, онъ тѣсно связанъ съ психической дѣятельностью человѣка и невозможно держаться при опредѣленіи явленій языка его только формальной стороны. Вѣдь, потому-то и цѣнной оказывается именно психологическая подкладка въ изслѣдованіяхъ

Потебни и др. ученыхъ. Я намѣренно перехожу отъ логики къ психологіи, потому что въ настоящее время какъ-то обязательно сознается необходимость психологическаго изученія и замѣчается нѣкоторое пренебреженіе къ „логическому“, которое, въ сущности, должно являться частью того же психологическаго. Вѣдь, если древніе грамматики, задаваясь вопросомъ объ отношеніи грамматики и логики, рѣшали въ томъ смыслѣ, что грамматика должна нести служебную роль, что она ниже „божественной“ логики, что ея законы колеблются, въ то время какъ логическіе законы нѣчто абсолютное, то мы отнесемъ къ этому иначе. Логика сама зависитъ отъ языка, какъ то ни странно на первый взглядъ. Если бы Аристотель, замѣчаетъ Маутнеръ (Zur Gramm. III, 4), писалъ на китайскомъ языкѣ, онъ пришелъ бы совсѣмъ къ другой логикѣ. Сами логическія категоріи Аристотеля вытекли изъ міросозерцанія, созданнаго языкомъ.

Логика и грамматика близки другъ къ другу, потому что у нихъ въ сущности одинъ объектъ — изученіе языка, только подходятъ онѣ къ изученію его съ разныхъ точекъ зрѣнія. Языкъ состоитъ изъ словъ. Въ словахъ — понятія, такимъ образомъ, отношенія наши къ окружающему. Логика прежде всего слѣдитъ, чтобы въ томъ, что выражается въ этихъ словахъ - понятіяхъ, было соотвѣтствіе дѣйствительности. Грамматика — это уже болѣе внутренняя жизнь самого языка.

Если мы возьмемъ какое-либо предложеніе, то задача логики показать, дѣйствительно ли отношеніе заключающихся въ немъ сужденій, предметъ грамматики показать, какъ сложилось данное предложеніе, какія части являются какъ-бы въ основѣ даннаго сужденія. Такимъ образомъ, грамматическій анализъ долженъ слѣдовать за логическимъ. И безъ изученія логики мы можемъ мыслить логически, но безъ изученія грамматики мы не можемъ познать техники нашей рѣчи. Недаромъ греки *языкъ* и *мысль* обозначали однимъ словомъ — *λόγος*.

Для логики важно, что выражаетъ отдѣльная рѣчь, предложеніе, для грамматики — какъ выражается эта рѣчь, или же — какъ составляется вообще предложеніе. Но занимаясь формальной стороны языка, грамматика должна необходимо касаться и внутренней, такъ какъ съ послѣдней неразрывно связывается формальная.

Само понятіе „предложенія“ взято грамматикой изъ логики. Въ послѣдней сложилось опредѣленіе, и немудрено, что затѣмъ вліяніе логическаго взгляда на предложеніе отразилось и въ грамматикѣ. И понятно, что отвѣтъ на вопросъ: что такое предложеніе, является близкимъ къ логическому опредѣленію, или же, въ замѣнъ послѣдняго, этотъ отвѣтъ исходитъ изъ опредѣленія процесса образованія и близокъ къ тому, что дается въ новѣйшихъ трудахъ. Анализируя разнообразныя предложенія, мы видимъ прежде всего, что выражаются они или однимъ словомъ, или сочетаніемъ словъ. Это первый признакъ „предложенія“. Второе условіе — цѣльность, но цѣльность не только мысли, которая можетъ быть и въ отрывочной фразѣ, а цѣльность рѣчи, законченность послѣдней. Условія цѣльной рѣчи различны, а потому, дѣйствительно, и нельзя дать болѣе опредѣленнаго понятія о томъ, что такое „грамматическое предложеніе“: нужно ограничиться общимъ по смыслу опредѣленіемъ.

Предметомъ синтаксиса должна быть наша связная рѣчь, ея законы. Естественнo, что наиболѣе простымъ элементомъ синтаксиса должно быть такъ называемое „предложеніе“ во всѣхъ своихъ различныхъ выраженіяхъ. Если до сихъ поръ не удалось точно опредѣлить этотъ элементъ, то отъ этого сущность дѣла не мѣняется. Можно и не гнаться за тѣмъ, чтобы дать точное грамматическое опредѣленіе этому логическому термину, и если бы логика нашла болѣе удачное опредѣленіе, чѣмъ тѣ, которыя теперь имѣются, то грамматика могла бы воспользоваться этимъ опредѣленіемъ. Или, можетъ быть, лучше, если было бы

сдѣлано вполне точное опредѣленіе „сужденія“. Не ошибемся, если скажемъ, что задачей синтаксиса является изученіе законовъ сочетанія словъ въ связной рѣчи, изученіе развитія и взаимодействія этихъ сочетаній въ связной рѣчи.

„Синтаксисъ составляетъ часть грамматики, изучающую грамматическія формы словъ въ различныхъ сочетаніяхъ этихъ формъ, преимущественно въ тѣхъ сочетаніяхъ, которыя извѣстны подъ именемъ предложений“.

Такимъ опредѣленіемъ синтаксиса начинается „Введеніе“ къ „Руководству“ проф. Овс. Куликовского. Далѣе авторъ стремится опредѣлить понятіе „грамматической формы“, введенной имъ въ опредѣленіе синтаксиса. Грамматическая форма — принадлежность языка, принадлежность слова, это какъ бы часть послѣдняго (послѣднее дѣлится на 3 части: звуковая форма, значеніе слова и грамматическая форма). Грамматическая форма есть „умственный процессъ, совершающійся далеко отъ свѣтлой точки сознанія“ (8). Выдѣленная силой воображенія грамматическая форма скажетъ намъ, что извѣстное слово такая, а не иная часть рѣчи, что оно имѣетъ признакъ извѣстнаго рода, что оно поставлено въ извѣстномъ падежѣ и пр. Грамматическая форма можетъ находиться въ явномъ противорѣчій со значеніемъ слова. „Грамматическая форма есть нѣчто особое, отличное отъ самаго значенія слова, она — только способъ изображенія въ словѣ представленій и понятій . . .“ (10). Грамматическая форма даетъ возможность образованія предложений.

Послѣ всего этого авторъ приходитъ къ новой формулировкѣ понятія синтаксиса: „синтаксисъ изслѣдуетъ *устройство грамматическихъ формъ въ мышленіи человѣческаго*“ (10).

Такъ какъ грамматическія формы измѣняются съ временемъ, то изученіе этихъ измѣненій должно относиться къ историческому синтаксису, который долженъ быть и сравнительнымъ. Авторъ же задается цѣлью изученія современнаго строя русскаго языка.

Вотъ главные мысли введенія. Уже въ ихъ развитіи замѣчается какая-то неясность, неточность. Возьмемъ хотя бы это слово „преимущественно“, которое встрѣчается на первыхъ же строкахъ, при опредѣленіи понятія „синтаксисъ“. На ту же неопредѣленность наведетъ насъ и выраженіе „подъ именемъ предложенія“, если вспомнимъ, сколько путаницы вносится съ понятіемъ „предложенія“.

Не такъ-то легко, какъ видимъ, дать опредѣленіе синтаксиса. Если возьмемъ извѣстный трудъ Миклошича, посвященный синтаксису славянскихъ языковъ, и труды, посвященные русскому синтаксису — Буслаева и Потебни, то увидимъ даже, что исходныя точки воззрѣній этихъ ученыхъ на синтаксисъ были разныя. Даже въ нѣмецкой научной литературѣ, сравнительно богатой трудами по синтаксису, понятіе о томъ, что такое синтаксисъ, каковы его границы сравнительно съ другими частями грамматики, и потому, каково его содержаніе, до сихъ поръ представляется различнымъ у разныхъ изслѣдователей. Желаніе положить хотя отчасти предѣлъ такому неопредѣленному положенію вызвало, какъ мы уже знаемъ, извѣстную книгу *Ries'a Was ist Syntax?* Книга эта цѣнна, не смотря на нѣкоторую излишнюю повторяемость, нѣкоторый полемическій тонъ, сказывающійся особенно при опроверженіи системы Миклошича и его послѣдователей.

Конечно, всякая наука должна начинаться съ самоопредѣленія. Въ этомъ самоопредѣленіи, съ одной стороны, оправданіе ея существованія, съ другой, опредѣленіе ея области, границъ, отмежевывающихъ ее отъ другихъ наукъ. Неопредѣленность же въ пониманіи „синтаксиса“ обусловливается большою близостью этого отдѣла науки къ другимъ отдѣламъ.

Синтаксисъ часть „грамматики“, грамматика же часть обширной науки о языкѣ. Прежде всего важенъ, такимъ образомъ, вопросъ, какъ нужно понимать само слово „языкъ“. „Человѣческій языкъ есть членораздѣльное вы-

раженіе мысли посредствомъ звуковъ“, такъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ Габеленцъ въ своемъ трудѣ: *Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben...* (Leipzig, 1901, 3). И вотъ, какъ не подходитъ эта дѣйствительно вѣрная формулировка къ той, которая у насъ обыкновенно приводится, къ „членораздѣльности звуковъ“ — такъ какъ и звуки, издаваемые животными, членораздѣльны, но въ этихъ звукахъ не передается такая разложимость, „членораздѣльность мысли“. Въ обширной наукѣ о языкѣ задача синтаксиса — изучать законы образованія нашей связной рѣчи. Прямая, непосредственная задача синтаксиса это прежде всего такъ называемыя „управленіе и согласованіе“. Но все же нельзя всецѣло выдвигать здѣсь грамматическія формы. Выдвигая эту точку зрѣнія, мы незамѣтно перейдемъ отъ болѣе связной задачи синтаксиса — изученія связной рѣчи къ изученію тѣхъ *Wortklassen* и *Wortformen*, которые выдвигалъ Миклошичъ въ своемъ синтаксисѣ. Затѣмъ, куда же какъ не къ синтаксису мы должны отнести и такъ называемыя „музыкальныя“ средства въ образованіи предложеній. Рись совершенно справедливо указывалъ на важность ихъ при различеніи самостоятельныхъ и несамостоятельныхъ предложеній. И дѣйствительно, возьмемъ примѣры — ты говоришь: „я боленъ“; ты говоришь, я боленъ. На эту сторону при изученіи синтаксиса обращалъ вниманіе и русскій педагогъ г. Тростниковъ въ своихъ „Запискахъ по русской грамматикѣ“. Въ приведенныхъ случаяхъ синтаксисъ какъ-то незамѣтно соприкасается уже съ риторикой. Я бы сказалъ вообще здѣсь о значеніи ударенія. Къ задачамъ синтаксиса должно относиться и изученіе значенія разстановки словъ. О нашемъ языкѣ говорятъ, что въ немъ вольная постановка словъ. Но это не совсѣмъ такъ: съ извѣстной разстановкой соединяется и измѣненіе оттѣнковъ смысла, не говоря уже о томъ, что и у насъ иногда та или другая постановка позволяетъ различать подлежащее отъ дополненія (напр., при среднемъ родѣ).

Затѣмъ соотвѣтственно съ тѣмъ, что ранѣе говорилось о понятіи „синтаксисъ“, замѣтимъ слѣдующее. Синтаксисъ есть ученіе о законахъ цѣльной рѣчи. Ученіе о предложеніи, такимъ образомъ, будетъ только частью синтаксиса. Слѣдовательно, главная задача синтаксиса — разсмотрѣніе словосочетаній, разсмотрѣніе вообще составленія цѣльной рѣчи. Мѣняются словосочетанія, слѣдовательно, мѣняется и образъ предложенія.

Сказуемое Овсяннико-Куликовскій опредѣляетъ такъ: „это та часть предложенія, въ которой воплощено предизирующее движеніе мысли и вмѣстѣ съ тѣмъ обозначено само содержаніе, являющееся предметомъ или цѣлью предизирования“ (37). Опредѣленіе, какъ видимъ, носящее логико-психологическій характеръ. На послѣдній указываютъ и слѣдующія слова (38): „первый вопросъ, скрывающійся за актомъ предизирования, сводится къ формулѣ: что происходитъ, что дѣлается, что совершается и т. д.“

Разбирая предложенія, не имѣющія глагола, и говоря о присутствіи въ такихъ предложеніяхъ глагольности, Овсяннико-Куликовскій въ Руководствѣ (41) и Синтаксисѣ (53) приводитъ, между прочимъ, и такіе примѣры изъ „Евгенія Онѣгина“: „Татьяна — ахъ! Пошла — и что жъ! Медвѣдь за ней“. „Здѣсь, очевидно, отсутствіе опредѣленныхъ глаголовъ съ извѣстнымъ лексическимъ значеніемъ служитъ особымъ способомъ выраженія“. „Если вставить пропущенные глаголы (напр., „Татьяна *вскрикнула*: ахъ!“)...“ (41). Вотъ мнѣ кажется, что въ приведенномъ примѣрѣ нѣтъ подобнаго *пропущеннаго* глагола. Если на „ахъ“ является глагольность, то вполне понятно, откуда эта глагольность. *Прыгъ, хлопъ, цанъ-царанъ* употребляются для выраженія сказуемаго-глагола, при чемъ придается особая выразительность, живость фразѣ, то же самое здѣсь — „ахъ“. И если мы возьмемъ такой примѣръ: „князь у синя моря ходитъ, . . . глядь: поверхъ . . .“ Повелительное наклоненіе употреблено для большей выразительности, какой-то бы

строты движенія. Та же быстрота сказывается въ „ахъ“, и совсѣмъ иное было бы, если бы приведенъ былъ самъ глаголь „ахнуть“. Мнѣ кажется также, что не только важна здѣсь форма эта, ея укороченность, но и *отсутствіе грамматической связи*, въ силу этого ббольшая самостоятельность сказуемаго. Тѣмъ же самымъ, напимѣрь, я объяснилъ бы: „мужикъ — метаться и кричать“ (изъ Хемниц.). Такимъ образомъ, въ приведенныхъ примѣрахъ: „Татьяна — ахъ“ и „медвѣдь — за ней“ — есть извѣстная разница. Въ послѣднемъ, дѣйствительно, пропущено, ну, хотя бы выразительное народное словцо: „шашъ“. Теперь: если въ такихъ примѣрахъ — „завтра мои имениницы, у меня порядокъ“ и пр., хотя и нѣтъ глагола, но сами существительныя „именины“, „порядокъ“, какъ бы оглаголиваются и выступаютъ, такимъ образомъ, въ качествѣ сказуемыхъ, — съ чѣмъ еще можно согласиться; но трудно согласиться со всѣмъ этимъ въ примѣненіи: медвѣдь — *за ней*, трудно видѣть въ „за ней“ — своего рода сказуемое. А вѣдь такъ оно выходитъ, по Овсянко-Куликовскому: „въ приведенномъ примѣрѣ, какъ и въ предыдущихъ, остается еще и предидирующее движеніе мысли, распространяющееся на междометіе „ахъ“ и на дополненіе „за нею“, которыя въ извѣстной мѣрѣ „оглаголиваются“ и произносятся усиливаніемъ интонаціи (чего не было бы при наличности глаголовъ)“ (41—42).

Я бы не говорилъ также объ „оглаголиваніи“ существительныхъ въ именительномъ падежѣ, „когда имъ сопутствуетъ предидирующій актъ мысли, оставшійся не выраженнымъ глагольною формою“. „Такъ это, напимѣрь, въ извѣстномъ стихотвореніи Фета: „шепотъ, робкое дыханіе, трели соловья . . .; стихотвореніи, которое сплошь состоитъ изъ существительныхъ въ именительномъ падежѣ . . . Тоже находимъ и въ такихъ восклицаніяхъ, какъ „морозъ“! „пожаръ“ . . . (42). Мнѣ приходилось слышать сужденіе, что въ данномъ стихотвореніи Фета, приведенныя существительныя

не что иное, какъ предикаты, что все здѣсь въ общемъ составляетъ одну картину ночного свиданія. Для примѣра характерно приводилось стихотвореніе Дениса Давыдова: „что она — порывъ, смятеніе, и холодность, и восторгъ...“ гдѣ на лицо субъектъ. Мнѣ же кажется, что въ приведенныхъ у Овсяннико-Куликовскаго примѣрахъ выражается нерасчлененность сложнаго представленія, что поэтому-то и трудно сказать съ точностью, какая это часть предложенія. Здѣсь вполне примѣнимо то, что говорилъ проф. Томсонъ (Общ. языковѣдніе, 302): „для непосредственнаго сообщенія всего сложнаго представленія обозначается словомъ та часть его, которая наиболѣе возбуждена въ душѣ говорящаго“ . . .

Здѣсь же Овсяннико-Куликовскаго проводить, какъ и въ Синтаксисѣ, мысль о существованіи 5 лицъ глагола, кромѣ общепринятыхъ: 4-е неопредѣленное (говорять, пишутъ . . .), 5-е мнимое (свѣтаетъ и пр.). Этотъ взглядъ совсѣмъ не приемлемъ. Если забыто, „устранено“ подлежащее, какъ говорить далѣе самъ же Овсяннико-Куликовскій, то изъ этого не выходитъ, что лицо измѣнилось, — оно осталось такимъ же 3-мъ лицомъ, осталась его грамматическая форма.

Для нашего сознанія получаютъ впечатлѣнія извѣстной раздѣльности или цѣльности составнаго сказуемаго; въ этомъ отношеніи, конечно, имѣетъ значеніе болѣшая или меньшая отвлеченность „связки“: чѣмъ болѣе она отвлеченна, тѣмъ болѣе „предикативный атрибутъ“ дѣлается предикатомъ, чѣмъ менѣе — тѣмъ болѣе онъ дѣлается атрибутомъ. Для нашего сознанія во многихъ случаяхъ уже неощутителенъ пропускъ вспомогательнаго глагола: *есмы* и пр., въ особенности въ случаяхъ соединенія съ прилагательнымъ: онъ скученъ — представляется какъ бы неразрывнымъ соединеніемъ, безъ всякаго пропуска. Даже объ оглаголиваніи мы не можемъ здѣсь говорить, потому что сознаемъ разницу между, на примѣръ, такими выраже-

ніями: *онъ старъ* и *онъ постарѣлъ* — въ первомъ случаѣ только признакъ, во второмъ извѣстный процессъ образованія этого признака. Глаголь „связка“ постепенно теряетъ свое лексическое значеніе, онъ сохраняетъ лишь способность выражать время возникновенія даннаго признака, но иногда оказывается и послѣднее не нужно. Возьму такіе примѣры: солнце свѣтитъ, (т. е. всегда, а не въ значеніи: сегодня свѣтитъ; въ послѣднемъ случаѣ „свѣтитъ“ замѣна другого глагола, такъ какъ солнце „не свѣтитъ“ не можетъ) и солнце свѣтло. „Свѣтитъ“ имѣетъ здѣсь исполнѣ значеніе прилагательнаго, такъ какъ выражаетъ только признакъ безъ отношенія къ какому-либо опредѣленному времени, такимъ образомъ для нашего сознанія *свѣтитъ* и *свѣтло* въ данныхъ случаяхъ являются равнозначущими. Если здѣсь глаголъ какъ-то переходитъ въ область прилагательнаго, сохраняя грамматически роль сказуемаго, то и въ другихъ случаяхъ прилагательное, когда нѣтъ нужды обозначать отношеніе времени, можетъ выступать въ роли сказуемаго.

Анализъ предложенія съ составнымъ сказуемымъ, мнѣ думается, особенно можетъ выказать неприложимость понятія подлежащаго, сказуемаго и пр. къ грамматической области. Въ такихъ предложеніяхъ, какъ: *погода стояла теплая* — функція сказуемаго заключается въ словѣ „стояла“, но предикативность берутъ на себя два слова: „стояла теплая“. Особенно оттъняется въ подобныхъ случаяхъ 2-е слово въ такихъ примѣрахъ, какъ: *онъ былъ нуженъ, онъ нуженъ* и пр. Такимъ образомъ, лишь сравнивая съ болѣе простыми предложеніями въ смыслѣ выраженія сказуемаго, мы постепенно доходимъ до извѣстной абстракціи и въ составѣ сказуемаго начинаемъ различать два элемента, одинъ мы подгоняемъ подъ терминъ „сказуемое“ другой — подъ „предикативный аттрибутъ“, или начинаемъ выдвигать второе насчетъ перваго. Но, очевидно, во всемъ этомъ происходитъ работа сличенія

съ такими предложеніи, въ которыхъ какъ логическія подлежащія, такъ сказуемая выражаются однимъ словомъ.

Древніе обороты со вторымъ именительнымъ, вторымъ винительнымъ постепенно замѣняются оборотами съ творительнымъ падежомъ. Это такъ называемый творительный предикативный. Предикативнымъ онъ является, потому что на немъ лежитъ печать предикативности какъ на бывшей части сказуемаго.

Многіе древніе обороты со вторымъ именительнымъ, какъ, на примѣръ: она жила вдова (ва — ой) въ настоящее время невозможны. Съ другой стороны, является въ нѣкоторыхъ случаяхъ удержаніе прежняго оборота и возникновеніе новаго, при этомъ замѣчается нѣкоторая разница въ отѣнкахъ смысла: „онъ былъ купецъ“ и „онъ былъ купцомъ“. Въ послѣднемъ примѣрѣ мы видимъ отѣнокъ чего-то болѣе временнаго: онъ былъ купцомъ, а теперь онъ не купецъ.

На выясненіи разницы въ подобныхъ оборотахъ, на историческую эволюцію вообще творительнаго предикативнаго обратилъ особенное вниманіе Потебня въ своихъ Запискахъ. Его мысли по этому поводу были впервые очень хорошо популяризованы авторомъ разбираемаго „Руководства“ въ статьѣ „Потебня какъ языковѣдъ и философъ“ (помѣщ. въ Кіев. Стар.), затѣмъ въ Синтаксисѣ съ дополненіемъ новыхъ примѣровъ и, наконецъ, въ Руководствѣ. Въ послѣднемъ внесены примѣры изъ новой литературы, но, къ сожалѣнію, сокращены данныя историческаго характера, необходимыя для болѣе полной и яркой картины.

Разновидности творительнаго предикативнаго группируются, не безъ основанія, въ такомъ порядкѣ: 1) съ отвлеченнымъ глаголомъ — *быть*, 2) съ полуотвлеченными, *бывать*, *являться* *стать* и т. д., 3) съ глаголами знаменательными, но не выражающими полной сказуемости, каковы: *казаться*, *называться*, *слыть* . . . (144).

Теперь, не анализируя всего приведеннаго матеріала, мы остановимся лишь на приведенныхъ выше примѣрахъ. Въ исторіи превращенія „онъ былъ купецъ“ въ „онъ былъ купцомъ“ сыгралъ роль, по Овсяннику-Куликовскому, творительный сравненія: сидѣть сиднемъ, выглядѣть бѣднякомъ и пр. Вотъ здѣсь-то, по Овсяннику-Куликовскому, и лежитъ причина оттѣнковъ значенія этого новаго творительнаго: „это именно представленіе о признакѣ, выраженномъ творительнымъ, какъ о чемъ-то непостоянномъ, не составляющемъ стойкой, типичной, необходимой принадлежности подлежащаго (158)“. Подобное объясненіе мнѣ представляется лишь отчасти вѣрнымъ. Причина лежитъ и въ томъ, что глаголь, напримѣръ, *быть* изъ отвлеченной связки дѣлается настоящимъ сказуемымъ, дѣлается глаголомъ „существованія“, а въ такомъ смыслѣ въ прошедшемъ времени гл. *былъ* самъ долженъ носить характеръ чего-то неустойчиваго: былъ, слѣдовательно теперь, нѣтъ. Не даромъ же поэтому при томъ же глаголѣ въ настоящемъ времени мы *никогда* не видимъ творительнаго предикативнаго.

Подлежащее опредѣляется у Овсянника-Куликовскаго, какъ „часть предложенія обозначающая того дѣятеля, который производитъ признакъ, данный въ лексическомъ значеніи сказуемаго, или, иначе говоря, дѣятеля, которому приписывается дѣятельность, выраженная сказуемымъ“ (45). Далѣе совершенно напрасно авторъ снова проводитъ свою мысль о дѣятельности подлинной, фиктивной и мнимой, и соотвѣтственно этому „подлежащее . . . можетъ обозначать дѣятеля подлиннаго, фиктивнаго и мнимаго“. Въ предложеніяхъ: „письмо послано . . . подлежащее теряетъ характеръ дѣятеля, не только подлиннаго, но и фиктивнаго, и только отвѣчаетъ на вопросъ: *кто, что*:“ (46). Выходитъ даже какъ-то, что настоящее грамматическое подлежащее, отвѣчающее именно на вопросъ: *кто, что*, является въ сущности мнимымъ.

Опредѣленіе „дополненія“ мнѣ кажется не совсѣмъ удачнымъ. „Дополненіе есть часть предложенія, обозначающая тѣ предметы, на которые простирается дѣятельность, выраженная сказуемымъ (читаю книгу) или которые стоятъ въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ къ различнымъ частямъ предложенія (иду по дорогѣ . . .)“ (46).

Первая часть этого опредѣленія можетъ подходить къ мнимымъ“ подлежащимъ, вторая же ничего не говоритъ.

Болѣе удачною мнѣ кажется формулировка въ „Синтаксисѣ“ : „дополненіе есть второстепенная часть предложенія, обозначающая, въ формѣ существительныхъ, предметъ (объектъ), которымъ, съ различныхъ сторонъ, разъясняется дѣятельность, выраженная сказуемымъ, а также смыслъ или значеніе другихъ частей рѣчи“ (55).

Дополненіе есть, безусловно, второстепенная часть предложенія. Она „дополняетъ“, слѣдовательно она и опредѣляетъ лучше, выясняетъ то, что проводится главными частями рѣчи. Отличіе дополненія отъ опредѣленія заключается въ томъ, что это часть предложенія, представляющаяся внѣ того предмета, къ которому относится, поэтому и не согласуемая съ нимъ въ¹ собственномъ смыслѣ этого слова. Такимъ образомъ, дополненіе должно выражаться косвеннымъ падежомъ.

Теперь, если „опредѣленіе“ есть часть предложенія, выражающая признаки, принадлежащіе предметамъ, которые обозначены въ предложеніи (47), а „обстоятельство“ есть часть предложенія, обозначающая признаки, которыми характеризуются другіе признаки, именно выраженные сказуемыми и опредѣленіями“ (48), если такимъ образомъ, и опредѣленіе — признаки и обстоятельство — признаки (хотя бы и другихъ признаковъ), то не лучше ли (повторяю въ послѣдующемъ ранѣе сказанное) здѣсь установить одинъ терминъ, напримѣръ, опредѣленіе. Обстоятельства, обстоятельственные слова имѣли свой смыслъ при логическомъ разборѣ, когда къ нимъ относили и то, что теперь мы отно-

симъ къ дополненіямъ. А то, если мы остановимся на данномъ опредѣленіи обстоятельства, то оно и не совсѣмъ будетъ полно: онъ пѣлъ очень хорошо; „очень“ признакъ не только признака, но признака еще признака.

Такое устраненіе „обстоятельствъ“ находится, какъ мы видѣли, въ Синтаксисѣ Баталина, этой одной изъ первыхъ попытокъ провести нѣкоторые пункты ученія Потебни въ среднюю школу. Обстоятельственные слова выступаютъ подъ именемъ „несогласуемыхъ опредѣленій“, а я называлъ ихъ опредѣленіями, потерявшими способность согласоваться, опредѣленіями окаменѣвшими, соединяющимися съ опредѣляемыми только благодаря внутренней, лексической связи.

Хорошо извѣстно, что тѣ указанія, которыя надолго легли въ основу нашихъ разборовъ, указанія, данныя Буслаевымъ относительно опредѣленія второстепенныхъ членовъ, вводили въ неразрѣшимыя противорѣчія. Различались эти члены съ двухъ сторонъ: 1 — синтаксическаго употребленія и 2 — по значенію. Иногда оказывалось, что въ силу буслаевскихъ опредѣленій чуть ли не обстоятельственное слово могло быть почитаемо за подлежащее. На всѣ эти противорѣчія было указано Потебней и имъ былъ указанъ новый путь для разбора.

Отмѣчая большую независимость обстоятельствъ передъ другими второстепенными членами предложенія, Овсянико-Куликовскій выдѣляетъ обстоятельственные слова, колеблющіяся между дополненіемъ и обстоятельствомъ. Важнѣйшія изъ этихъ „фигтивныхъ“ обстоятельствъ и „фигтивныхъ“ дополненій, напримѣръ: родительной даты — это случилось перваго января; творительный образа дѣйствія — итти войной, и другія. Отличительная черта подобныхъ выраженій — ихъ бóльшая независимость отъ глагола сравнительно съ другими дополненіями.

Интересную картину разработки вопроса о соотвѣтствіи частей рѣчи членамъ предложенія даетъ небольшая статья

г. Гуссова (Принципы грамматическаго анализа простаго предложенія. Ворон. 907 г., изъ Филолог. Зап.). Исходною точкою является ученіе Потебни, въ которомъ авторъ дѣлаетъ нѣкоторыя измѣненія. Устанавливаются четыре категоріи, которыя ярко выражаются въ языкѣ: 1) предмета, 2) признака въ категоріи времени, 3) признака статическаго, 4) признака признаковъ. Если мы соединимъ три послѣднія подраздѣленія и вскроемъ первоначальную основу „предмета“, то окажется въ основѣ всего положенный Потебнею „признакъ“. И вотъ эти категоріи отмѣчаются какъ при анализѣ рѣчи, такъ и отдѣльныхъ частей ея. Случаи несовпаденія анализа „этимологическаго“ и „синтаксическаго“ объясняются, по мнѣнію г. Гуссова, тѣмъ, что извѣстный типъ исполняетъ функціи другого типа.

(Въ небольшой замѣткѣ проф. Е. Θ. Карскаго-Рус. Филолог. В. 907 г. № 4 — о статьѣ Гуссова помѣщена выдержка изъ письма послѣдняго къ рецензенту. Въ этой небольшой выдержкѣ мнѣ видится несправедливый упрекъ по отношенію къ ученію Потебни въ нѣсколько узкомъ пониманіи Потебнею структуры предложенія — безъ признанія семазіологическихъ замѣстителей въ дѣлѣ отождествленія частей предложенія и частей рѣчи.)

Наша рѣчь съ многочисленными союзами — результатъ долгаго развитія языка. Можно предположить возможность существованія періода, когда рѣчь слагалась совсѣмъ отрывисто: я знаю, ты идешь, и прочія. Весьма вѣроятно, что ранѣе для связыванія этихъ предложеній прибѣгали къ формамъ причастія, неопредѣленнаго наклоненія. Какъ образовывались союзы, наглядно можетъ указывать тотъ постепенный переходъ нарѣчій въ союзы, который мы сами можемъ наблюдать. Если нарѣчіе теряетъ присущій ему характеръ обстоятельственнаго слова, т. е. когда мало по малу исчезаетъ его лексическое значеніе и оно превращается главнымъ образомъ въ соединительное

звено между предложеніями и частями предложенія, оно дѣлается союзомъ. Такъ какъ въ этихъ словахъ все же сохраняется хотя отчасти ихъ лексическое значеніе, ихъ можно считать союзами и нарѣчіями, хотя я относилъ бы ихъ къ союзамъ: вѣдь отнесены же къ союзамъ — потому, за всѣмъ тѣмъ, оттого что, вслѣдствіе того что..., хотя эти союзы также образовались изъ соединенія разныхъ частей рѣчи и сохраняютъ лексическое значеніе.

Вѣдь самъ терминъ „союзъ“ показываетъ лишь, что это слово для связыванія. Правда, подъ этотъ терминъ подводятся, главнымъ образомъ, такія „частицы предложенія“, какъ *и, но, ли* и прочее, но это какъ бы союзы самой чистой воды. На самомъ же дѣлѣ, приходится въ число союзовъ включить и не „частицы предложенія“.

Нельзя согласиться также съ тѣмъ, что говорится Овс.-Кул. (Руков. 223) о различіи между нарѣчіями и союзами-нарѣчіями: „первыя ближайшимъ образомъ относятся къ какому-нибудь слову другого предложенія, между тѣмъ какъ вторыя не имѣютъ ближайшаго отношенія къ опредѣленному слову другого предложенія и подчиняютъ одно предложеніе другому, какъ цѣлому. Напримѣръ, относительное *когда* въ фразѣ „это случилось въ тотъ самый моментъ, *когда* я выходилъ изъ дому“ ближайше относится къ слову *моментъ*, находящемуся въ другомъ предложеніи; но *союзъ-нарѣчіе когда* во фразѣ „я вернусь, когда покончу со всѣми дѣлами“, не относится ни къ какому слову другого предложенія и только связываетъ“... (223).

Здѣсь, чтобы быть болѣе послѣдовательнымъ, можно лишь говорить о большемъ или нѣсколько меньшемъ сохраненіи лексическаго значенія „союзами-нарѣчіями“. Вотъ это исчезновеніе первоначальной яркости значенія наблюдается и въ мѣстоимѣніяхъ, когда, напримѣръ, послѣднія, дѣлаясь „союзами-словами“, изъ вопросительныхъ переходятъ въ относительныя: *который* часъ? я не знаю, *который* часъ; часъ, *который* провелъ я съ вами, памятенъ мнѣ“.

Мнѣ думается, что начинать изученіе синтаксиса слѣдовало бы съ сличенія такъ называемыхъ безсубъектныхъ, или безличныхъ, предложеній съ предложеніями, имѣющими подлежащія. Тогда, вѣдь, скорѣе могутъ обнаружиться условія образованія „предложенія“, изученіе котораго является основой для синтаксиса. При изслѣдованіи безсубъектныхъ предложеній приходится особенно затрогивать вопросъ объ отношеніи грамматики и логики. Безсубъектныя предложенія должны, прежде всего, вызывать недоумѣнія въ логикѣ: какъ смотрѣть на нихъ? Можно ли видѣть въ нихъ неполныя логическія сужденія, такъ какъ здѣсь нѣтъ того, что признается основнымъ для сужденія — соединенія подлежащаго и сказуемаго.

О безсубъектныхъ предложеніяхъ существуетъ уже спеціальная научная литература, ими занимались и филологи, и логики-философы.

Во многомъ расходятся результаты изслѣдованій о безсуб. предложеніяхъ, и въ настоящее время по нѣкоторымъ пунктамъ въ изложеніи невозможно быть догматичнымъ.

Безличными или безсубъектными предложеніями называются такія предложенія, въ которыхъ нѣтъ подлежащаго и нельзя его подразумѣвать. Терминъ „безличный“ — переводъ латинск. *impersonalis*. Ясно основаніе послѣдняго названія: такіе глаголы, какъ *pudet*, хотя и имѣютъ окончаніе 3-го лица, но могутъ относиться безразлично ко всѣмъ 3-мъ лицамъ: *me, te, illum, nos, vos, illos*. Латинскіе грамматики не считали, такимъ образомъ, этихъ глаголовъ безъ окончанія (Ср. *Diomedis Ars Gr.*, 337—8, *Charisii*, 562, 253, изд. *Teubner Gramm. Latin.*). Миклошичъ, идя за Гриммомъ, впалъ въ ошибку, беря объясненія римскихъ грамматиковъ въ отрывочномъ видѣ и не находя поэтому настоящихъ основаній для названія „безличный“; онъ даже находилъ приводимыя основанія у рим. грамм. странными (*quod sine persona intelligi non potest*, но послѣ этихъ словъ у грамм. и слѣдуетъ нужное объясненіе). Поэтому совершенно ненуж-

нымъ представляется выясненіе Гримма, что названіе „безличный“ относится къ среднему роду, а послѣдній дѣйствительно какъ бы безличенъ.

У греческихъ грамматиковъ мы не находимъ ученія о безличныхъ предложеніяхъ. Греки думали, что въ подобныхъ предложеніяхъ подлежащее выпущено. При такихъ выраженіяхъ, какъ *ἔει, βροῦτᾷ*, подразумѣвался *Ζεὺς*, потому и подобныя выраженія назывались *θεῶν ῥήματα*, а такія слова, какъ *χρῆ, δέει*, относились къ нарѣчіямъ.

Только въ новое время появился терминъ „безсубъектный“. Его выставили сначала не филологи, а философы. Терминъ этотъ нашелъ себѣ яраго заступника въ лицѣ Миклошича.

Въ послѣднее время снова возвращались къ термину *impersonalis*. Такъ Кайндль (*Phil. Mon.*, 92, XXVIII B., 5—6, 296—7), хотя и признавалъ, что терминъ этотъ узокъ, что онъ стоитъ въ противорѣчій съ характеромъ глагола, тѣмъ не менѣе отдавалъ ему преимущество передъ терминомъ „безсубъектное“, въ виду того, что, по Кайндлю, этотъ послѣдній терминъ могъ вводить въ заблужденіе, когда будемъ смотрѣть на предложеніе съ логической точки зрѣнія (въ послѣднемъ случаѣ Кайндль, какъ нѣкоторые другіе, находилъ здѣсь подлежащее).

Въ дополненіе къ тому, что мною говорилось ранѣе по поводу безсубъектныхъ предложеній, я упомяну о слѣдующемъ.

Попытка Зигварта подвести безсубъектныя предложенія подъ сужденія наименованія — *Benennungsurteile*, врядъ ли, можетъ быть признана убѣдительною. Правда, въ замѣчаніяхъ Зигварта можно найти немало остроумныхъ мыслей. Прежде всего въ основѣ безсубъектныхъ предложеній заключается обозначеніе по преимуществу чувственнаго, конкретнаго (. . . . *die Aussagen bewegen sich auf den Boden des Concreten und zwar im Gebiete des unmittelbaren Wahrnehmung Impersonalien*, 7) въ области непосредственнаго

воспріятія. Такимъ образомъ подлежащимъ безсубъектныхъ предложеній (Зигвартъ, какъ и многіе логики, не признавалъ безсубъектности) служить конкретное представленіе, при чемъ сказуемое въ своей основѣ выражаетъ это конкретное представленіе, а своимъ окончаніемъ какъ бы вводитъ это представленіе въ дѣйствительность, одухотворяетъ его. Для поясненія возьму: *es donnert*, по Зигварту данное выраженіе равняется *donnern das*. Послѣднее уже можетъ пояснить и сближеніе съ *Benennungsurtheile*, съ выраженіями: это есть садъ и пр. Зигвартъ входитъ въ подробное обоснованіе разницы безсубъектнаго и субъектнаго оборотовъ. Я опять для наглядности прибѣгну къ примѣрамъ: мы видимъ, что-то лежитъ, присматриваемся — замѣчаемъ бѣлый листъ; ходъ нашей мысли таковъ; тамъ лежитъ . . . бѣлый листъ. Вотъ по типу подобныхъ предложеній, по Зигварту, возникаютъ и безсубъектныя предложенія. Открывая въ нашихъ обыкновенныхъ сужденіяхъ два синтеза, Зигвартъ въ безсубъектныхъ предложеніяхъ видитъ лишь работу одного синтеза — отождествленіе сейчасъ воспріятого съ знакомымъ представленіемъ, хотя здѣсь, думается, не принимается Зигвартомъ во вниманіе то, что приписывалось имъ же окончанію глагола. Думать, что безсубъектныя предложенія образуются на подобіе указанныхъ неоконченныхъ предложеній, нельзя, потому что въ этихъ неоконченныхъ предложеніяхъ мы необходимо задаемся вопросомъ о концѣ рѣчи, въ приведенномъ случаѣ о подлежащемъ. Не менѣе апріористично заключеніе Зигварта о томъ, что третье лицо глагола (примѣняя и къ настоящему) должно, какъ и первыя два лица, являться носителемъ какого-то конкретнаго явленія, почему даже безъ прибавки подлежащаго оно не безсубъектно.

Къ даннымъ, характеризующимъ переходъ субъектныхъ оборотовъ въ безсубъектныя, можно было бы присоединить слѣдующія:

Все ся лучило дома (Домострой § 30),

коли лучится какое платье кроити себѣ (тамъ же § 31),
а лучится у кого какая ссуда взять (тамъ же, § 32);
подборъ подобныхъ фразъ даетъ, думается, возможность
представить путь образованія нашего безсубъектнаго оборота:
случается, случилось и пр.

И держано бы то бережно, гдѣ что пригоже (Дом. § 32),
впереди о томъ . . . писано: какъ кого пожаловати
или наказати . . . (§ 33)

а въ горницѣ и въ комнатѣ и въ сѣнѣхъ . . . всегда
бы было чисто . . . а столъ и суды всякіе всегда чи-
сто мыти . . . (§ 33);

въ послѣднемъ предложеніи: а въ горницѣ . . . отсутствіе
подлежащаго можно сравнить съ отсутствіемъ его же въ:
говорятъ и под. Въ первомъ предложеніи мѣстоименіе то
могло бы быть свободно выпущено, на постепенное приобрь-
теніе самостоятельности сказуемымъ указываетъ особенно
приведенное второе предложеніе, въ которомъ н а п и с а н о
относится къ цѣлому выраженію.

Трудно согласиться съ исключительно проводимой
„сказуемостью“ инфинитива, какъ категоріей глаголь-
ной. На этой точкѣ зрѣнія находился и Потебня, и его
взгляды въ данномъ случаѣ не безъ основанія находили
себѣ отрицательное отношеніе. Укажу на статьи г. Доку-
чаева (Педагог. Сборн. 1891 № 3), г. Андреева (*Журн.
Мин. Нар. Пр.* 93, май), проф. Будде (*ibid.*, 94, апр.).
Трудно видѣть „сказуемость“ въ такихъ примѣрахъ: охот-
ники таскаться по пирамъ явились изъ первыхъ; имѣю-
щій уши слышать да слышать. И въ нѣкоторыхъ случаяхъ
нельзя отрицать почти полной близости формъ инфинитива
къ существительному, именно то, что происходитъ въ нѣ-
мецкомъ, французскомъ яз.: *das Wissen*, *le savoir* и пр.

Отмѣчая, что инфинитивъ, хотя и происшедшій отъ
формы существительнаго въ извѣстномъ падежѣ, давнымъ-
давно потерялъ уже характеръ имени, проф. Овсянико-Ку-

ликовскій сближаетъ эту форму по отношенію къ лицу съ прошедшимъ временемъ. Какъ въ прошедшемъ времени замѣной отсутствующихъ личныхъ окончаній являются мѣстоименія, такъ и инфинитивъ выражаетъ возможность отношенія къ лицу, выясняемому только въ контекстѣ фразы: я хочу ѣсть . . . и пр. „Лицо инфинитива и формъ прошедшаго времени (взятыхъ внѣ фразы и безъ мѣстоименія личнаго) есть лицо неопредѣленное“ (Руков. 86). Это сближеніе не можетъ быть признано вѣрнымъ: противъ него и исторія языка, и наше психологическое отношеніе къ даннымъ формамъ: инфинитивъ стоитъ въ отношеніи лица гораздо дальше, чѣмъ формы прошедшаго времени, стоитъ такъ далеко, что, дѣйствительно, это отношеніе и не представляется нашему сознанію. Въ силу-то этого форма „неопредѣленная“, а не потому что ея лицо неопредѣленное.

Говоря о томъ, что инфинитивъ, будучи глагольною формою, употребляется въ качествѣ сказуемаго, проф. Овсяннико-Куликовскій упоминаетъ лишь о томъ, что онъ является формою простаго сказуемаго, а затѣмъ подробно останавливается на употребленіи инфинитива въ качествѣ „составныхъ и двойныхъ сказуемыхъ“. Составнымъ сказуемымъ проф. Овсяннико-Куликовскій называетъ подобные случаи: *боюсь ошибиться*, т. е., когда инфинитивъ и личный глаголъ имѣютъ одно подлежащее; двойнымъ, когда разное: *прошу васъ прійти* (87—88).

Въ „Синтаксисѣ“ авторъ иначе формулируетъ эту „двойную“ сказуемость, это случаи: *усталъ писать . . .*, когда инфинитивъ въ болѣе отдаленномъ отношеніи къ личному глаголу, когда онъ является не частью сказуемаго, а какою-то прибавкою (90—91). И мнѣ кажется, что послѣднее толкованіе гораздо лучше того, которое находимъ въ „Руководствѣ“.

Говоря о глагольности инфинитива, можно было бы указать на то, что мы и въ русскомъ (народномъ) языкѣ имѣемъ нѣкоторыя указанія на возможность обозначенія

времени въ инфинитивѣ: *Потерять* его вамъ *будетъ* большаго атамана. Люди неправдой живутъ и намъ *не треснуть* *стать*. Видно *быть* *итти* самому Вольгѣ. Отъ жали не *плакать* *стать*.

Сколько ни плакать, а *быть* *перестать*.

А чѣмъ же худъ, скажи, твой сонъ? *Знать* *жить* тебѣ богато.

Н. Богородицкій (Граммат. М. 68 г.), разбирая эти предложенія, видѣлъ въ *треснуть*, *плакать*... — подлежащія, а въ *стать*, *быть* — сказуемые. На самомъ дѣлѣ это любопытные примѣры выраженія *будущаго времени инфинитива*. Въ данномъ случаѣ Н. Богородицкій, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, шелъ за Некрасовымъ (ср. О знач. форм., 94 и слѣд.).

Но и данное свойство неопредѣленнаго наклоненія не даетъ возможности говорить объ его исключительной сказуемости. Проф. Е. Θ. Будде въ своей статьѣ „О синтаксисѣ простого предложенія“ (выше упом. въ Ж. М. Н. Пр. 1894 г. апр.) возвращается къ мнѣнію Буслаева о возможности для неопред. наклоненія быть подлежащимъ, сказуемымъ и дополненіемъ, это мнѣніе онъ дополняетъ лишь новыми функціями — возможностью быть для неопред. наклоненія опредѣленіемъ и обстоятельствомъ словомъ. Говоря о возможности для неопредѣленнаго наклоненія быть опредѣленіемъ, проф. Будде лишь отчасти такимъ образомъ соглашается съ мнѣніемъ г. Андреева, который проводилъ ту мысль, что общее и единственное назначеніе неопредѣленнаго наклоненія быть атрибутомъ. Противъ подобной теоріи и противъ разныхъ частныхъ соображеній г. Андреева совершенно справедливо возражаетъ проф. Будде въ названной статьѣ. Соглашаясь со многими критическими замѣчаніями Будде, направленными противъ статьи Андреева, я, въ то же время, не могу согласиться, что тотъ разборъ предложенія, который онъ даетъ, слѣдуя Керну, могъ бы претендовать на вполне научную постановку. Ф. Кернъ даетъ въ своемъ извѣстномъ соч. *Die deutsche Satzlehre* разборъ

предложенія, который, и по моему, отличается ясностью, систематичностью, слѣдовательно отличается удобствомъ въ практическомъ отношеніи, но разборъ этому нельзя приписывать, что онъ считается съ исторіей предложенія и даже съ настоящимъ состояніемъ рѣчи (ясность, простота всей системы Керна заставила и нѣсколько ранѣе г. Бика попытаться перенести новыя данныя на русскую почву при прохожденіи нѣмецк. яз., см. Педаг. Сб. 91 г. № 11). Кернъ въ окончаніи *verbum finitum* видитъ настоящее „подлежащее“ — субъектъ, наше же подлежащее есть только опредѣленіе, наименованіе этого субъекта. Въ сущности, данный вслѣдъ за Керномъ разборъ предложенія, сводящійся къ выставленію въ центрѣ сказуемаго съ его опредѣлителями, затѣмъ подлежащаго съ его опредѣлителями, стоитъ какъ-то особнякомъ отъ главной части статьи проф. Будде, посвященной разъясненію положенія неопредѣленнаго наклоненія. Кромѣ сказаннаго, нужно отмѣтить еще слѣдующее: въ основѣ ученія Керна лежитъ мысль, которая высказывалась и ранѣе. Между прочимъ, ее можно отмѣтить и въ нашей прошлой научной литературѣ. Такъ: Буслаевъ (Ист. грам. — Синтаксисъ § 124) отрицалъ съ грамматической точки зрѣнія существованіе „безличныхъ“ предложеній, признавая таковыя только съ точки зрѣнія логической. Въ оборотахъ типа: *с в ѣ т а е т ъ* подлежащимъ онъ считалъ окончаніе, въ которомъ сокрыто лицо. Некрасовъ (О знач. формъ...) не признавалъ существованія въ русскомъ языкѣ „безличныхъ“ глаголовъ, называя ихъ миеомъ (292).

III. Итоги изслѣдованія.

Подводя итоги своему изслѣдованію, я долженъ коснуться прежде всего тѣхъ наблюденій, которыя сдѣланы мною въ первыхъ выпускахъ очерковъ, помѣщенныхъ на страницахъ Ж. М. Н. Просвѣщенія.

Разсмотрѣніе огромной литературы на русскомъ языкѣ, посвященной изученію синтаксиса русскаго и славянскихъ языковъ, приводитъ къ ряду любопытныхъ наблюденій общаго и частнаго характера.

Прежде всего относительно перваго періода изученія синтаксиса церк. слав. языка и синтаксиса русскаго языка, который я отмѣчаю до трудовъ Буслаева, я повторю то, что говорилъ въ 1 т. своихъ очерковъ.

Общая черта, которая характеризуетъ первые опыты церковно-славянскаго и русскаго синтаксисовъ, это чисто практическое направленіе. Синтаксисъ занимается сочетаніемъ словъ въ рѣчь, а такъ какъ слова уже по своимъ формальнымъ основамъ разбиваются на извѣстныя категоріи, на части рѣчи, то синтаксисъ и занимается указаніемъ тѣхъ необходимыхъ условій, при которыхъ возможно правильное ихъ сочетаніе. Если у Ломоносова и даже ранѣе у Смотрицкаго мы видѣли попытки опредѣлить „рѣчь“ въ смыслѣ нашего предложенія, то эти попытки не повели къ опредѣленію тѣхъ категорій отношеній, которыя въ дальнѣйшемъ были освѣщены свѣтомъ логическаго ученія. Ломоносовъ болѣе подробно занимается „рѣчью“ въ своемъ первомъ наставленіи, своего рода начаткахъ общей грамма-

тики, а въ шестомъ наставленіи, синтаксическомъ, онъ вполне стоитъ на практической точкѣ зрѣнія. Такимъ образомъ, замѣчая въ грамматикѣ Ломоносова уже извѣстный уклонъ къ тому направленію, которое вскорѣ явственно у насъ уже начало проявляться, мы должны все же отмѣтить, что въ основѣ своего труда Ломоносовъ остался вѣренъ создавшейся традиціи.

Вполнѣ естественно развитіе чисто практическаго направленія, если обратить вниманіе на то, какъ смотрѣли на грамматику и чего отъ нея искали. Такимъ образомъ появленіе у насъ практической грамматики относится не къ тому времени, когда начали появляться „практическія“ грамматики, а ранѣе, сами же „практическія“ грамматики уже усваивали элементы непрактическія въ видѣ логическихъ ученій.

Естественно, что, не давая анализа предложенія со стороны такъ называемыхъ у насъ теперь „членовъ предложенія“, первые наши синтаксисы не впадали въ тѣ неразрѣшимыя противорѣчія, въ которыя позже впадала русская грамматика. Давая болѣе простое, элементарное, нѣкоторые изъ этихъ опытовъ въ то же время обнаруживали попытку вступить на тотъ неграмматическій „философскій“ путь, который привелъ въ дальнѣйшемъ къ чисто логическому анализу строя рѣчи.

Въ первыхъ попыткахъ составленія церковно-славянскаго и русскаго синтаксисовъ было схвачено главнымъ образомъ то направленіе, которое нашло себѣ первоначальное выраженіе въ греческомъ синтаксическомъ трудѣ Аполлонія Дискола. Недаромъ можно подмѣтить какую-то внутреннюю аналогію между твореніемъ этого „отца“ греческаго синтаксиса и первыми попытками синтаксиса у насъ. И у Аполлонія основа синтаксиса сочетаніе, такъ что синтаксисъ не можетъ заниматься однимъ словомъ, и Аполлоній проводитъ мысль, которую проводили и до него, о необходимости имени и глагола для основы предложенія, Аполлонію

чуждъ тотъ логическій анализъ, который былъ свойственъ трудамъ другихъ грамматиковъ.

Въ нашихъ первыхъ опытахъ грамматики мы кое-гдѣ встрѣчаемъ данныя изъ народныхъ говоровъ, „просторѣчья“, затѣмъ на эти данныя уже какъ-то не обращается никакого вниманія, пока наконецъ этимъ даннымъ начинаютъ придавать особенное значеніе. Но это среднее теченіе, по видимому, пренебрегавшее народнымъ языкомъ, по характеру своего отношенія къ нему вовсе не отличалось отъ періода перваго: у него образовалось уже болѣе литературнаго матеріала, которымъ это среднее теченіе исключительно и занялось.

Постепенное изученіе трудовъ, посвященныхъ русскому синтаксису, приводитъ къ любопытному наблюденію, какимъ образомъ постепенно проникало чисто логическое теченіе въ область наблюденій грамматическихъ, какъ постепенно понятія, извлеченныя изъ логики, придаютъ цѣльность отрывочнымъ замѣчаніямъ грамматическаго характера. У Ломоносова изложеніе вопроса „о сложеніи“ знаменательныхъ частей слова стоитъ въ первомъ наставленіи, посвященномъ человѣческому слову вообще, а синтаксическія замѣчанія находятся въ наставленіи шестомъ; у Барсова данныя изъ логики въ перемѣшку съ данными грамматическаго характера находятся уже въ введеніи къ синтаксису, то же и въ другихъ грамматикахъ, пока наконецъ понятія изъ логики не входятъ прямо въ грамматику. На общемъ фонѣ логическаго ученія и предложеніе, будучи первоначально внѣ синтаксиса, постепенно входитъ въ послѣдній и дѣлается главнымъ существеннымъ элементомъ синтаксическаго ученія.

Грамматическое ученіе не только о предложеніи (какъ сужденіи), но о подлежащемъ и сказуемомъ, какъ главныхъ членахъ предложенія, несомнѣнно заимствовано изъ логики. Само выдѣленіе въ грамматикѣ членовъ предложенія второстепенныхъ также получилось несомнѣнно подѣ

вліяніємъ логики: есть предложенія — сужденія безъ этихъ второстепенныхъ членовъ, которыя и считались какимъ-то первообразомъ грамматическихъ предложеній. Отсюда — „второстепенность“. Самое же дѣленіе второстепенныхъ членовъ въ концѣ концовъ получило вполне логическую окраску, когда были положены въ основу дѣленія общія понятія.

Основные данныя логики до того вошли въ рамки грамматики, что сдѣлалось чрезвычайно труднымъ ихъ отдѣлить; эти начала, придавъ цѣльность самой грамматической системѣ, на самомъ дѣлѣ не подвинули изученія синтаксиса, а затормозили его ходъ. Последнее получалось въ силу того, что логическія начала были перенесены на почву грамматики, и здѣсь получилось стремленіе влить въ эту чуждую форму новое содержаніе. Недостатокъ этотъ характеризуетъ и грамматику послѣдующаго періода, дающую въ синтаксисѣ тщетныя попытки влить грамматическое содержаніе въ чисто логическіе термины подлежащаго, сказуемаго и пр. Войдя главными своими элементами въ синтаксисъ, логика сдѣлалась вообще исходнымъ пунктомъ при опредѣленіи языковыхъ явленій, послѣднія брались какъ выраженія уже сложившихся отвлеченныхъ понятій.

Мы видѣли, какъ постепенно слагалась теорія построенія нашего синтаксиса. Отъ этой теоріи въ общемъ не отказалось современное построеніе синтаксиса. Мы видѣли источники этой теоріи и такимъ образомъ должны отнестись съ полнымъ отрицаніемъ къ утвердившемуся положенію, что въ данномъ случаѣ въ построеніи нашего синтаксиса отразились печальные слѣды системы Беккера.

Изъ частныхъ наблюденій, сдѣланны хъ мною относительно даннаго періода, отмѣчу слѣдующія, опять-таки повторяя сказанное въ 1 т. очерковъ.

1. Я пришелъ къ убѣжденію, что Смотрицкій пользо-

вался грамматикой Альвара, это наглядно сказывается особенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, но пользованіе довольно удачно скрывается, можетъ быть, благодаря желанію самого составителя сдѣлать это, а можетъ, благодаря тому, что онъ пользовался различными источниками и при пользованіи ими несомнѣнно дѣлалъ собственныя комбинаціи

Сличеніе грамматики Смотрицкаго съ грамматикой Ласкариса въ отдѣлѣ синтаксиса и отчасти сличеніе общее составляетъ меня совершенно отрицательно отнести не только къ мнѣнію Будиловича — „Смотрицкій иногда рабски придерживался своего прототипа „Греческой грамматики“ Ласкариса“, но и къ болѣе смягченному мнѣнію проф. Студинскаго — „при перегляді жерел, якими Смотрицкій користував ся при списуваню свого твору, не треба випускати з очий також грамматики Ляскариса“. Для того, чтобы выставить мнѣніе, подобное выставленному Будиловичемъ, совершенно недостаточно тѣхъ данныхъ, которыя находимъ у него: сходство *въ общемъ* въ 2—3 мѣстахъ еще ничего особеннаго не говоритъ. Противъ 2-го мнѣнія, по существу своему, повидимому, такого объективнаго и понятнаго, я высказался потому, что нахожу его стоящимъ во внутренней, незамѣтной сразу, связи съ первымъ: проф. Студинскій въ концѣ своей статьи объ Адельфотесъ дѣлаетъ заключеніе о заимствованіи нѣкоторой части Смотрицкимъ изъ этой грамматики, и послѣ этого заключенія проф. Студинскій, какъ бы не желая умалить значенія особенно грамматики Ласкариса, какъ источника, и высказываетъ приведенную выше фразу.

Къ тому, что сказано у меня относительно синтаксиса въ грамматикѣ М. Смотрицкаго я долженъ теперь добавить еще слѣдующее. При разборѣ критической литературы не былъ принятъ во вниманіе позднѣйшій трудъ (вышедшій въ 1908 г. въ Галиціи) г. Макарушки („Грамматика Мелетія Смотрицкого“, 55 стр.). Выводы этого труда расходятся съ моими и потому я долженъ хотя здѣсь раз-

смотре́ть, насколько убе́дительно́ эти выводы. Пре́жде всего́ нужно́ отмѣтить, что г. Макарушка находитъ главный источникъ для синтаксиса М. Смотрицкаго въ латинской грамматикѣ Меланхтона. Главнымъ основаніемъ для этого ему служить сличеніе одного мѣста, въ которомъ попадаетъ аналогичный примѣръ, именно:

Грам. Меланхтона:	Изъ грам. Мел. См.
De nomine	ѡ сочиненіи правилномъ
Regula prima.	имене Глава ѡ.
Adjectivum et substantivum	Има прилагателное, Имен-
eodem genere, numero, et casu	ное, Мѣстоименное, Прича-
cohaerent, ut: Amicus certus,	стное, Дѣепричастное и При-
in re incerta cernitur	частодѣтельное, Съществител-
	номъ, Емъже прилагается,
	согласуетъ, в' томъ же родѣ,
	и числѣ, и падѣжи. какъ,
	Другъ извѣстенъ въ неизвѣ-
	стнѣ вещи познава́ется

Около послѣдняго примѣра у М. Смотрицкаго отмѣчено, откуда взять примѣръ: "Енній поета. Въ примѣчаніи г. Макарушка и относительно примѣра у Меланхтона замѣчаетъ: „дописано на боці: Нос est Ennii dictum“. На самомъ же дѣлѣ, въ томъ изданіи грамматики Меланхтона, которымъ пользовался г. Макарушка, это сказано не въ грамматикѣ, а въ примѣчаніи издателя. Конечно, употребленіе одного и того же примѣра (хотя у М. См. этотъ примѣръ и переданъ невѣрно) могло бы служить важнымъ доказательствомъ, въ качествѣ извѣстной детали, если бы общее было тождественно. Этой тождественности даже въ приведенномъ отрывкѣ мы не находимъ, Если же возьмемъ другія указанныя мѣста изъ двухъ рассматриваемыхъ грамматикъ, то вполне убѣдимся, что о заимствованіи не можетъ быть и рѣчи. Дабы не быть голословнымъ, приведу для сличенія первыя изъ упомянутыхъ главъ, кото-

рыя послужили, по г. Макарушкѣ, образцомъ для Мел. См., приведу, съ параллелями изъ синтаксиса послѣдняго:

Quinta regula

Superlativa adsciscunt genetivos plurales, vel collectivi nominis singulares, ut: Disertissime Romuli nepotum. Et, Tydides Danaum fortissimus. Eo, quo, tanto, quanto comparativis iunguntur, ut (Juvenal. sat. 8, 140 sq.):

Omne animi vitium tanto
conspicius in se
Crimen habet, quanto maior,
qui peccat, habetur

Multo, longe, comparativis et superlativis praeposuntur. Cicero (pro lege Manil.): Conspicteus vester multo iucundissimus.

Правило ГІ

Разсѣдѣтелнаѣ и Превосходѣтелнаѣ, ова со многими тогѡжде рода оуравняема: ова со 'единымъ тогѡжде, или со многими различнаго рода снопяема, ѡ родителномъ веселѣтсѣ. ѣакѡ, члѣвкъ члѣвка лѣчшій 'елѣнь скѡрпшій всѣхъ звѣрій: Всѣ црѣй Блѣгочестѣвѣйшій Кѡнстантинъ Великій . . .

Дальнѣйшихъ сличеній по указаніямъ г. Макарушки я приводить не буду: эти сличенія дадутъ столь же мало возможности говорить о томъ, что синтаксисъ въ грамматикѣ Меланхтона служилъ образцомъ для синтаксиса въ грамматикѣ Мел. Смотрицкаго. Г. Макарушка, кромѣ указанія на 4 правила синтаксиса Меланхтона, послужившихъ будто образцомъ для подобныхъ же правилъ у М. Сметр., указываетъ на аналогію подобныхъ примѣровъ: *est locus in carcere quod Tulianum adpellatur* и Есть мѣсто на востоцѣ во Едемѣ, и же или е же нарицается. А затѣмъ, сходство даже отмѣчается въ обозначеніи отдѣловъ: *de impersonalibus* — ѡ сочиненіи глаголъ безличныхъ дѣйствительныхъ, *de participiis* — ѡ соч. причастіѣ . . . Но подобные же раздѣлы находимъ и въ другихъ грамматикахъ и по

этимъ даннымъ ужъ ни въ коемъ случаѣ нельзя говорить о подражаніи. Важнѣе было бы взглянуть, что говорится въ этихъ отдѣлахъ, и можно было бы убѣдиться въ разницѣ изложенія.

Г. Макарушка указываетъ и на то, что М. Смотрицкій пользовался грамматикой Альвара, только пользовался не слишкомъ много, именно перевелъ нѣсколько правилъ дословно. Указывается 3 небольшихъ мѣста, которыя представляютъ у М. См. переводъ изъ грамматики Альвара. Здѣсь слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе на слѣдующее. Указываемыя г. Макарушкою мѣста взяты не изъ синтаксиса, а изъ этимологіи, мы находимъ ихъ въ грам. М. См. на стр. 18-й, у Альвара на стр. 164-й. Для того или иного вывода о синтаксисѣ мы ожидали бы сравненій изъ этого отдѣла, а ихъ совсѣмъ нѣтъ, такимъ образомъ и высказанное мнѣніе г. Макарушкою не подтверждено фактами. Если бы былъ продѣланъ сравнительный анализъ, то изслѣдователь убѣдился бы въ томъ, что значеніе синтаксиса Альвара было при составленіи синтаксиса М. См. несравненно бѣльшее, чѣмъ то у него представлено, несравненно бѣльшее, чѣмъ значеніе синтаксиса Меланхтона, во вліяніи, котораго, какъ мы видѣли, можно сильно сомнѣваться, или по крайней мѣрѣ — сильное вліяніе котораго вполне можно отрицать (руководствуясь сближеніями г. Макарушки).

Въ противовѣсъ приведеннымъ сличеніямъ изъ синтаксисовъ Смотрицкаго и Меланхтона, я сошлюсь на нѣкоторыя сличенія изъ синт. М. См. и Альвара, которыя я дѣлалъ въ своемъ изслѣдованіи. Затѣмъ для дополненія приведу еще слѣдующія (на которыя я дѣлалъ въ изслѣдованіи лишь указанія):

Альвара:

Мел. Сметр.

Neutrum muliebri praefertur, praecipue cum de rebus Женскѣ прилагается: такъ,

inaminatis sermo est: Sall. in Cat. Divitiae, decus, gloria in oculis sita sunt. Пама̀тозлѡбіє и́ гаро̀сть вѣ́дна ѿста́ члѣ́вкъ, ме́рзка же Бг҃ъ.

Cum substantivis rerum inanimatarum plerumq; conjungitur neutrum multitudinis. Liv. Bell. Maced. lib. 7. Ira et avaritia imperio potentiora erant.

Saepius tamen et elegantius adjectivum cum substantivo.... cum viciniore.... contentit. Cic. in Catil. Or. 4. Video P. C. in me vestrum omnium ora atque oculos esse conversos.

Същественнымъ различнымъ родовъ същымъ, прилагается прилагателенъ множествен средня рѡда: ѿа́къ, Гнѣ́въ, га́рость и пама̀тозлѡбіє вѣ́дна съ́тъ.

Съществительномъ въ коемъ либо числѣ същемъ припрѣгаемо прилагателное, прійскреннѣе ближайшемъ припрѣжеться га́къ. лице́, оу́ста, о́чеса́ и вѣ́сь зра́къ тво́й измѣ́ненъ ви́жю.

(стр. 247).

(195).

Какъ я уже сказалъ, г. Макарушка находитъ даже сходство въ выдѣленіи извѣстныхъ отдѣловъ между синтаксисомъ у М. См. и Меланхтона. Указывается отдѣлъ о „безличныхъ“ предложеніяхъ. Сравнимъ же начало этого отдѣла у Мел. См., Меланхтона и Альвара.

Меланхт.:

М. Смотр.;

Альварь:

De impersonalibus Passivae vocis impersonalia ab omnibus verbis tum activis, tum neutris cadunt. Constructio prorsus imitatur regulam passivorum, praeterquam quod nullus nominativus praecedit....

ѿ сочиненіи Глѡвъ безличныхъ дѣйствительныхъ: Главѣ, а. Правило, а. Нѣцѣи ѿ безличныхъ глаголъ самостоятелнѣ полагаются: га́къ, возблесне́ и возгремѣ́, а́біє и воздожди́: и проча́м

De constructione verbi impersonalis. Caput VII. P. S. O. I. C.... Quaedam verba impersonalia absolute ponuntur. Cic. de Divin. si fulgerit, si tonuerit.

(далѣе перечисл.)

ω именително^м со
безличнымъ

Глаголомъ,	гре-	His tamen inter-
мѣтъ, дождѣтъ, снѣ-		dum nominativus
жѣтъ, многожды		additur...fulgare,
именительный пред-		tonare.
лагается, какъ, Воз-		
гремѣ с' нбсе		
ωдожди		

Упомянуть я долженъ и томъ, что г. Макарушка повторяетъ прежнюю мысль о главномъ источникѣ для грамматики Смотрицкаго (за исключеніемъ только синтаксиса) грамматики Ласкариса. Я уже высказался относительно разрѣшенія даннаго вопроса въ изслѣдованіи Будиловича и Студинскаго. До этой мысли, замѣчаетъ г. Макарушка, дошелъ онъ на основаніи сравнительнаго анализа. Но тотъ сравнительный матеріалъ, который приводится у него далеко неубѣдителенъ: аналогичными являются нѣкоторыя опредѣленія, параллели чему можно привести и изъ другихъ грамматикъ, болѣе древнихъ, чѣмъ грамматика Ласкариса. Я не отрицаю и не отрицаю возможности вліянія грамматики Ласкариса, и въ двухъ сличеніяхъ, данныхъ Макарушкой, при томъ въ области синтаксиса, находилъ бы возможнымъ видѣть признаки этого вліянія. Приводимыя параллели (г. Макарушка пользуется латинскимъ переводомъ греческ. грамматики Ласкариса) я сличилъ съ оригиналомъ и могу сказать, что ихъ можно было даже расширить въ данномъ случаѣ, приведя нѣкоторыя дальнѣйшія мѣста.

3. Грамматическій трудъ, приписываемый Адодурову, не представляетъ собою сокращенія грамматики М. Смотрицкаго, какъ то проводится въ нашей научной литературѣ. Въ исторіи русской грамматики трудъ этотъ долженъ считаться непосредственнымъ предшественникомъ грамматики Ломоносова не только по времени, но и по умѣлому поль-

зованію фактами чисто русскаго языка. Въ краткомъ отдѣлѣ, посвященномъ синтаксису, Адодуровъ находился подъ непосредственнымъ вліяніемъ тѣхъ правилъ классическаго міра о конструкціи, которыя приведены были въ грамматикѣ Альвара.

4. Въ сущности, до сихъ поръ у насъ нѣтъ настоящей оцѣнки грамматики М. Смотрицкаго и нѣтъ обстоятельнаго обслѣдованія отношенія къ этому труду послѣдующихъ трудовъ грамматическихъ. Если характеризовать грамматическіе труды Смотрицкаго и Крижанича со стороны начатковъ научности, со стороны болѣе правильныхъ критическихъ приемовъ, то Смотрицкому надо отдать предпочтеніе. У Крижанича прежде всего бросается въ глаза нѣкоторая тенденціозность, полемичность, вся постановка труда неправильна уже потому, что въ основу клался несуществующій языкъ. Въ то же время нельзя отрицать и у Крижанича разносторонности лингвистическихъ познаній, но завладѣвшая имъ идея не позволяетъ ему часто правильно разобратъся въ различныхъ вопросахъ. Если у Смотрицкаго мы лишь отчасти замѣчаемъ вымышленныя правила, да и то подъ вліяніемъ образцовъ иностранныхъ, у Крижанича подобныя правила — цѣлая система: личный произволь у него господствуетъ. Впрочемъ, это вытекаетъ изъ его желанія сдѣлать изъ русскаго языка языкъ всеславянскій, и идя навстрѣчу этой идеѣ, Крижаничъ производитъ въ языкѣ такую ломку, которая совершенно была недопустима для Смотрицкаго, ограничившагося въ общемъ наблюденіемъ имѣвшагося матеріала.

5. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ грамматики Ломоносова какъ-то чувствуется, что составитель русской грамматики XVIII в. былъ недалекъ отъ истины, но подходилъ къ ней неправильнымъ путемъ. Возьмемъ хотя бы мысль о томъ, что въ мѣстоименіи, нарѣчіи, „междуметіи“ выражается стремленіе сократить рѣчь. Законы экономіи въ языкѣ подмѣчены, но подмѣчены нѣсколько невѣрно, а между

тѣмъ этотъ законъ достояніе, трудное завоеваніе нашей науки XIX столѣтія. Нужно замѣтить также, что въ разобранныхъ §§ предъ нами проходитъ та грамматическая система (ученіе о родахъ, числахъ, о нарицательныхъ, собственныхъ, собирательныхъ, увеличительныхъ и пр. именахъ, наклоненіяхъ, залогахъ и пр.), каковую мы встрѣчаемъ до сихъ поръ въ нашихъ грамматикахъ.

Находятъ, что Ломоносовъ въ грамматическихъ работахъ пользовался точнымъ методомъ естественныхъ наукъ. Эту черту подмѣтилъ еще Шлецеръ, и за нее онъ упрекалъ Ломоносова; въ настоящее же время въ этомъ видятъ достоинство трудовъ Ломоносова и считаютъ его отцомъ русской грамматики. Можно, однако, сказать, что, исходя изъ фактовъ, Ломоносовъ имѣлъ этихъ фактовъ очень мало, а дѣлалъ обобщенія. Это можно сказать и по отношенію къ анализу частныхъ явленій русскаго языка и по отношенію къ попыткамъ опредѣленія законовъ русскаго языка. Въ послѣднемъ случаѣ важно подчеркнуть взаимоотношеніе философской грамматики и русской грамматики, которое проводилъ, слѣдуя за другими, Ломоносовъ.

Взглядъ на грамматику у Ломоносова былъ, конечно, практическій. Въ этомъ случаѣ былъ неправъ Гротъ, когда оспаривалъ мысль Давыдова, что въ практическомъ воззрѣніи на грамматику Ломоносовъ слѣдовалъ школѣ Готшеда. Была, конечно, разница между Ломоносовымъ и школой Готшеда, но эта разница была обусловлена разными положеніями. Сумѣвъ обобщить въ нѣкоторыхъ частяхъ то, что давала предыдущая грамматическая разработка, воспользовавшись тѣми данными, которыя находились въ ближайшихъ источникахъ — особенно въ грамматикѣ Смотрицкаго и отчасти въ „Начальныхъ основахъ русскаго языка“, приписываемыхъ Аодурову, Ломоносовъ въ разныхъ параграфахъ пользовался тѣмъ, что давало ему личное знаніе русскаго языка.

6. Тѣсно соединяя положенія логики съ синтаксисомъ,

развивая эти положенія, Барсовъ уже во введеніи выказалъ извѣстную самостоятельность по отношенію къ грамматикѣ Ломоносова, которую онъ высоко ставилъ. Барсовъ былъ у насъ піонеромъ того направленія, которое получило вскорѣ сильное развитіе. Если же сравнимъ съ внѣшней стороны синтаксисъ у Барсова съ синтаксисами у Смотрицкаго и Ломоносова, этихъ во многомъ источниковъ для Барсова, то прежде всего въ глаза бросится стремленіе у Барсова къ опредѣленной группировкѣ правилъ, къ ихъ систематизаціи. Прежде всего мы видимъ у Барсова разграниченіе логической работы надъ предложеніемъ отъ грамматической въ вопросѣ о замѣнѣ одного оборота другимъ. Что такимъ образомъ различалось Барсовымъ, то въ дальнѣйшемъ смѣшивалось. У него, напр., предъ нами какъ бы зерно, начало позднѣе развившагося ученія о замѣнѣ или сокращеніи придаточныхъ предложений, но здѣсь эта замѣна выступаетъ въ качествѣ логическаго процесса.

Разсмотрѣніе синтаксиса въ грамматикѣ Барсова приводитъ насъ къ слѣдующей характеристикѣ этого труда. Безспорно, здѣсь мы видимъ большой шагъ впередъ, сравнительно съ синтаксисомъ въ грамматикѣ Ломоносова. Правда, Барсовъ черпалъ много у Ломоносова, заимствовалъ иногда даже чуть-ли не дословно, но въ то же время онъ умѣло продолжалъ работу своего великаго предшественника. Продолженіе это заключалось не въ томъ только, что развита была лишь отчасти внесенная Ломоносовымъ струя освѣщенія явленій языка посредствомъ общихъ логическихъ законовъ, а и въ дальнѣйшемъ изученіи русскаго языка. Безспорно, Барсовъ использовалъ для своего труда довольно количество русскихъ произведеній; выбирая примѣры, онъ подвергалъ ихъ анализу съ общей и частныхъ точекъ зрѣнія. Въ то же время онъ стремился своему труду придать извѣстную систему. Въ подобномъ его стремленіи ему помогалъ тотъ элементъ, который онъ внесъ въ

сильной степени, именно элементъ логическій. Барсовъ такимъ образомъ можетъ почитаться у насъ первымъ и яркимъ представителемъ чисто логическаго направленія въ грамматикѣ. Если смотрѣть на его грамматику со стороны болѣе или менѣе выдержанной системы, то ее можно поставить выше грамматики Греча, являющагося проводникомъ тѣхъ же началъ, какъ и Барсовъ, но, какъ показываетъ сличеніе ихъ трудовъ, независимо отъ Барсова.

Разобранная часть грамматики Барсова стоитъ выше соотвѣтствующей части въ грамматикѣ Греча еще и потому, что въ авторѣ ея обнаруживается вполнѣ изслѣдовательскій языкъ, задумывавшійся даже надъ мелкими проявленіями его и анализирувавшій эти явленія.

Конечно, грамматика Барсова, какъ ненапечатанная, не могла распространять тѣхъ новыхъ началъ, которыя вносилъ Барсовъ, идя за указаніями иностранныхъ своихъ источниковъ, но эти начала свободно могъ распространять самъ Барсовъ, какъ преподаватель высшей школы.

7. На основаніи грамматикъ : Ломоносова, Смотрицкаго и отчасти Anfangs-Gründe Адодурова составленъ синтаксисъ въ „Россійской грамматикѣ, сочиненной Императорской Академіей“, изданной въ первый разъ 1802 г. Это былъ трудъ главнымъ образомъ двухъ академиковъ Димитрія и Петра Соколовыхъ, составителей академическаго словаря. Какъ видно изъ предисловія, грамматика преслѣдовала болѣе учебныя, а не ученныя цѣли.

Вліяніе труда Адодурова, на первый взглядъ едва замѣтное, сказалось въ примѣненіи вопросовъ для узнаванія падежей.

8. Къ началу XIX в. у насъ относятся переводы общихъ грамматикъ : грамматики Фатера и такъ называемой грамматики Портъ-Рояля. Если послѣдняя (написанная во второй половинѣ XVII столѣтія монахами П. Р.) не имѣла для исторіи разработки нашего синтаксиса никакого значенія, то

нельзя этого сказать относительно грамматики Фатера, въ виду дѣйствительнаго авторитета для многихъ имени этого нѣмецкаго ученаго, взгляды котораго находили отраженіе въ трудахъ русскихъ ученыхъ,

9. Синтаксисъ въ грамматикѣ Пухмайера отличался для своего времени большими достоинствами. Грамматика Пухмайера не осталась безъ вліянія на дальнѣйшую разработку русской грамматики. Но всѣ достоинства синтаксиса Пухмайера должны быть отнесены на долю Добровскаго. Уже съ первыхъ страницъ легко видѣть, что составитель цѣликомъ бралъ параграфы синтаксиса изъ грамматики чешскаго языка Добровскаго и вставлялъ лишь русскіе примѣры.

Такимъ образомъ попытка Добровскаго построить синтаксисъ чешскаго языка оказала несомнѣнно благодѣтельные результаты на ходъ разработки русскаго синтаксиса. На планѣ другого труда, составлен. Добровскимъ, на его *Institutiones linguae slavicae dial. veteris*, на отдѣльныхъ параграфахъ, отдѣльныхъ правилахъ и ихъ формулировкахъ ясно вліяніе труда предыдущаго (грам. чешск. яз.), что и неудивительно при сходствѣ матеріаловъ, положенныхъ въ основаніе анализа. Матеріалъ же, анализируемый здѣсь, извлеченъ былъ Добровскимъ изъ различныхъ рукописей и сличенъ съ греческимъ текстомъ. Въ данномъ отношеніи у Добровскаго, какъ извѣстно, былъ предшественникъ — Смотрицкій, и мы видимъ въ грамматикѣ Добровскаго также ясныя слѣды пользованія и даже нѣкоторыя заимствованія у Смотрицкаго. Общая ошибка чисто методическаго характера, свойственная грамматикѣ Добровскаго, отразилась, конечно, и на синтаксисѣ, это недостатокъ предварительной разсортировки рукописей.

10. Когда говорятъ о системѣ нашей школьной грамматики, о ея „логическомъ“ направленіи, то выставляютъ также постоянно въ качествѣ родоначальника или, по крайней мѣрѣ, главнаго представителя этого направленія, поло-

жившаго начало нашей теперешней учебной грамматикѣ, — Буслаева. Это утвердившееся положеніе совершенно неправильно: наши грамматики усвоили систему, выработанную на основаніи предыдущей разработки — иностранной и русской — Гречемъ, оказавшимъ большое вліяніе на разработку русской грамматики въ трудахъ Востокова и Буслаева.

Въ виду высказаннаго мною выше положенія о вліяніи синтаксиса Греча, я прежде всего постарался выдвинуть тѣ мѣста, которыя мы находимъ воспринятыми русской грамматикой и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣста, которыя являются наиболѣе характерными для обрисовки ученія Греча, какъ извѣстной системы, и вмѣстѣ съ тѣмъ стремился опредѣлить источники, которыми пользовался Гречъ при составленіи своего синтаксиса.

Особенно „логическое“ теченіе въ синтаксисѣ Греча высказывается не въ томъ, что онъ, сравнительно съ своими предшественниками, все почти разсматриваетъ съ точки зрѣнія предложенія, а въ томъ, что онъ на первый планъ ставитъ отвлеченіе, содержаніе, а не форму. При объясненіи падежей, напримѣръ, онъ продолжаетъ и развиваетъ то, что сказалось у Ломоносова и у Барсова только отчасти въ отдѣлахъ о сочиненіи словъ по „разнымъ обстоятельствамъ“. У него выдвигаются, именно, извѣстныя отношенія дѣйствительныхъ предметовъ, а затѣмъ для выраженія этихъ отношеній слѣдуютъ формы. Въ этомъ случаѣ на противоположной точкѣ зрѣнія находился, какъ мы видѣли, Востоковъ.

Конечно, практицизмъ въ грамматикѣ Греча усилился сравнительно съ грамматиками предыдущими, какъ разрослось и само содержаніе грамматики. Особенное усиленіе элемента „здраваго смысла“ въ примѣненіи къ фактамъ грамматики также проявляется здѣсь, и вотъ эту сторону я поставилъ бы въ параллель съ тѣмъ, что находимъ въ школѣ Готшеда. Стоитъ обратить вниманіе на тѣ страницы, на которыхъ Гречъ прямо-таки расправляется съ

главными и придаточными предложениями, руководясь исключительно соображениями логического характера.

Нужно обратить также внимание на одно еще обстоятельство: въ синтаксисѣ особенно можетъ сказаться практическое направленіе сообразно характеру этой части грамматики. Поэтому и неудивительно, если у Греча, остававшагося вѣрнымъ уже создавшейся традиціи, практическое направленіе сказалось сильнѣе.

11. Востоковъ въ своемъ синтаксисѣ по существу не далъ ничего новаго, а лишь использовалъ уже имѣвшійся матеріалъ. Причиною было то обстоятельство, что Востоковъ не занимался, какъ самостоятельный изслѣдователь, синтаксическими явленіями, и будучи крупною величиною въ другихъ областяхъ языкознанія, онъ здѣсь долженъ былъ идти по стопамъ другихъ. Можетъ быть выдвинута одна отличительная черта грамматики Вост. отъ другихъ грамматикъ и, въ частности, отъ грамматики Греча. Это отличіе состоитъ въ *постановкѣ* грамматическихъ вопросовъ, а не въ ихъ разрѣшеніи.

Группировка идетъ по падежамъ, что придаетъ постановкѣ синтаксиса грамматическое направленіе въ противоположность направленію логическому у Греча.

Нужно обратить внимание еще на одну особенность синтаксиса Востокова. У него нѣтъ упоминанія о сокращеніи вообще предложений, упоминается только о полныхъ и сокращенныхъ *придаточныхъ* предложенияхъ. Такимъ образомъ здѣсь находимъ существенное отличіе отъ теоріи Барсова, Греча и др., построенной, какъ мы знаемъ, по системѣ Аделунга. И это обстоятельство объясняетъ намъ, почему въ дальнѣйшихъ русскихъ учебникахъ по грамматикѣ мы встрѣчаемся только съ теоріей сокращенія придаточныхъ предложений. Въ этомъ сказалось вліяніе Востокова, но съ другой стороны не остался безъ сильнаго вліянія и Гречъ, а именно въ томъ, что дальнѣйшая русская школьная грамматика вполне воспользовалась той

разработкой, которая была сдѣлана Гречемъ, у Востокова же на данный вопросъ обращено сравнительно очень мало вниманія.

Въ своемъ изслѣдованіи я не далъ общей характеристики того періода, во главѣ котораго поставилъ Буслаева. Эта общая характеристика заключается какъ бы въ характеристикѣ, данной относительно Буслаева. Сравнительно съ прежнимъ временемъ обращается болѣе вниманія на сравнительно-историческое изученіе языка, причемъ также начинаютъ обращать болѣе вниманіе на народный языкъ. Въ послѣднемъ отношеніи особенно важенъ былъ трудъ Н. П. Некрасова, оказавшій несомнѣнно вліяніе на нѣкоторые появившіеся вскорѣ труды, напр., Н. Богородицкаго, Глаголевскаго и н. др. О грамматикѣ Богородицкаго я упоминалъ. Для дополненія позволю себѣ здѣсь сказать нѣсколько словъ о трудѣ Глаголевскаго.

Подъ вліяніемъ трудовъ Даля и Некрасова написанъ цѣнный для своего времени небольшой трудъ Глаголевскаго „Синтаксисъ русскихъ пословицъ“ (СПБ. 73 г. изъ Ж. М. Н. П.). Цѣнность этой брошюры прежде всего въ нѣкоторой систематичности распредѣленія матеріала, въ обобщеніи и группировкѣ частныхъ наблюденій надъ характеромъ народной рѣчи. Но главный интересъ все же здѣсь болѣе педагогическаго характера; для болѣе научнаго изученія матеріала требовалась бы, конечно, болѣе широкая постановка, внесеніе сравнительнаго и историческаго матеріала. Поэтому частныя наблюденія автора отличаются болѣе апріористическимъ характеромъ, характеромъ чисто умозрительнымъ. Нѣкоторыя положенія заимствуются имъ у Н. П. Некрасова и иллюстрируются матеріаломъ. Изъ подобной постановки дѣлается понятнымъ, почему точкой отправленія для автора является литературная рѣчь, почему говоря о разницѣ между ней и рѣчью народною, онъ гово-

рить объ „опущеніяхъ“ въ послѣдней, хотя приводимыя имъ же соображенія могли бы указать не на „опущенія,“ а на паратактичность построенія, на понятность въ разговорной рѣчи многого такого, что въ литературной требуетъ уже иного выраженія.

Любопытнымъ трудомъ при общей характеристикѣ разбираемой научно-педагогической литературы времени выхода грамматическихъ трудовъ Буслаева являются „Грамматическія замѣтки“ Классовскаго. Прежде всего это трудъ составленный на основаніи тогдашнихъ авторитетовъ, при чемъ авторъ къ прежнему логическому направленію присоединилъ новую черту, сказавшуюся въ тогдашнемъ языкознаніи — выдвинувшую мысль объ языкѣ какъ объ извѣстномъ организмѣ. Но какъ и Беккеръ, усвоившій эту мысль, но пошедшій въ дальнѣйшемъ, въ сущности, по старому пути логическихъ выкладокъ, такъ и авторъ „Грамматическихъ замѣтокъ“ посредствомъ апріорныхъ законовъ мысли хотѣлъ установить „раціональные“ законы языка и отступленія отъ этихъ раціональныхъ законовъ. Нельзя въ то же время не согласиться съ нѣкоторыми критическими замѣчаніями, которыя высказывалъ авторъ по отношенію къ русскимъ учебникамъ по грамматикѣ. Для современниковъ Классовскаго „Грам. замѣтки“ могли быть интересны и поучительны по нѣкоторымъ историческимъ справкамъ, которыя приводилъ авторъ по разнымъ вопросамъ, а его общія и частныя ошибки (хотя бы тамъ, гдѣ онъ шелъ по стопамъ Павскаго и Костыря) не были особенно замѣтны.

Приведу теперь нѣкоторыя данныя изъ сдѣланной мною характеристики трудовъ Буслаева, Н. П. Некрасова, К. Аксакова, нѣкот. др., а также изъ области сдѣланныхъ частныхъ наблюденій.

Историческое значеніе Буслаева въ изученіи русскаго синтаксиса должно быть признано очень важнымъ. Это значеніе вовсе не въ томъ, что подъ вліяніемъ Буслаева слагалась наша учебная грамматика, какъ это обыкновенно

считается. Можно сказать, что наша школьная грамматика, черпая изъ синтаксиса Буслаева, многое очень важное оставила безъ вниманія, усваивая часто лишь слабыя стороны синтаксиса Буслаева. Самъ Буслаевъ издалъ учебникъ по русскому языку, но въ общемъ этотъ учебникъ былъ мало приспособленъ для предназначенной цѣли. Буслаеву не удалось создать извѣстной синтаксической системы. Та система, которую мы находимъ у него, не представляется цѣльной, не представляется построенной на настоящемъ пониманіи общаго строя языка. Поэтому естественны тѣ противорѣчія, та шаткость въ положеніяхъ, которыя характеризуютъ трудъ Буслаева. Но все это не исключаетъ огромныхъ заслугъ Буслаева въ исторіи изученія русскаго языка. Онъ выдвинулъ столько цѣннаго матеріала изъ стариннаго русскаго языка, народной русской рѣчи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ выказалъ себя тонкимъ наблюдателемъ различныхъ фактовъ языка, что его трудъ до сихъ поръ можетъ давать извѣстный матеріалъ при изслѣдованіи того или другого вопроса или, по крайней мѣрѣ, служить исходной точкой, отъ которой можетъ отправляться изслѣдователь.

Для настоящаго времени „Историческая грамматика“ Буслаева сдѣлалась, можно сказать, историческимъ уже трудомъ. Грамматическая систематика, которую находимъ здѣсь, представляетъ безспорно самую слабую сторону. Эту систематику какъ-то нельзя поставить въ прямую неразрывную связь съ тѣмъ историческимъ матеріаломъ, который приводится Буслаевымъ, матеріаломъ, который дѣлалъ и дѣлаетъ интереснымъ его трудъ. И разъ этотъ историческій матеріалъ подвергнуть обобщеніямъ далеко не во всѣхъ случаяхъ, а иногда данные выводы въ силу различныхъ причинъ не могутъ претендовать на убѣдительность, то матеріалъ этотъ остается лишь матеріаломъ и для дальнѣйшихъ изслѣдованій требуетъ несомнѣнно расширенія. Насколько отдѣльные факты, получившіе извѣ-

стное освѣщеніе въ трудѣ Буслаева, нуждались и нуждаются въ провѣркѣ, показали замѣчанія Потебни.

Нецѣльность построения синтаксиса у Буслаева отмѣтилъ въ своей обширной рецензій К. Аксаковъ. И дѣйствительно, внесеніе пунктовъ, въ коихъ трактовалось о синонимахъ, метафорахъ, метониміяхъ, синекдохахъ, особенно рѣзко должно было бить въ глаза. Но съ другой стороны, эта видимая нецѣльность, сказавшаяся прежде всего въ внесеніи упомянутаго матеріала, можетъ быть оправдана, если принять во вниманіе взглядъ Буслаева (который, нужно думать, ускользнулъ отъ вниманія Аксакова), что отъ участія троповъ зависитъ видоизмѣненіе въ синтаксическомъ употребленіи. Поэтому Буслаевъ могъ свободно внести разсмотрѣніе троповъ и фигуръ, хотя и не такъ только распространяться, имѣя въ виду служебное значеніе въ данномъ случаѣ разбираемыхъ вопросовъ. Кромѣ этого, можно было бы указать и на внесеніе отдѣловъ изъ логики; впрочемъ, и послѣднее станетъ понятнымъ, если мы обратимъ вниманіе на взглядъ Буслаева на отношеніе грамматики, и въ частности синтаксиса, къ логикѣ. Введеніе вполне обрисовываетъ этотъ взглядъ, по которому мы видимъ, что грамматика ставится въ служебное отношеніе къ логикѣ. Нецѣльность же была, но въ другомъ: внѣшняя нецѣльность — въ разбросанности матеріала, такъ что Буслаеву приходилось повторяться; внутренняя нецѣльность — въ отсутствіи твердаго, опредѣленнаго воззрѣнія на языкъ и его законы, въ послѣднемъ случаѣ сказалось вліяніе двухъ школъ языковѣдѣнія, прежней и новой. Вѣдь, въ вопросѣ объ отношеніи языка къ мышленію Буслаевъ въ концѣ концовъ примкнулъ къ прежнему „логическому“ направленію.

Основная черта Буслаева какъ филолога, это интересъ къ слову, какъ извѣстной страницѣ изъ исторіи культуры. Это нашло особенно выраженіе въ диссертациі Б. „О вліяніи христіанства на славянскій языкъ“, находило себѣ мѣ-

сто и въ его исторической грамматикѣ, когда онъ касался исторіи отдѣльныхъ словъ. Строя свой опытъ исторіи языка по Остромирову Евангелію, онъ самъ говоритъ, что палеографическая и собственно грамматическая сторона при изслѣдованіи памятника остается внѣ вниманія изслѣдователя. Правда, для выполненія намѣченнаго изслѣдованія Буслаеву пришлось оперировать съ большимъ лингвистическимъ матеріаломъ, въ которомъ онъ и разобрался, насколько то позволяла постановка лингвистики того времени. Но въ то же время создать какую-либо новую и при томъ цѣльную грамматическую систему Б. не могъ именно потому, что его не привлекали „сухія, безсодержательныя окончанія склоненій и спряженій.“ . . . Отношеніе Буслаева къ слову, отношеніе своего рода художника, повліяло отчасти и на то, что для исторіи этого слова не дается иногда весь необходимый матеріалъ. Мнѣ кажется, что противникъ Буслаевскихъ грамматическихъ воззрѣній Некрасовъ далъ въ общемъ вѣрную характеристику историческаго синтаксиса Буслаева. Крупнымъ достоинствомъ этого труда Некрасовъ считалъ его историческій характеръ, матеріалъ, на которомъ базировался авторъ, затѣмъ постоянное обращеніе къ книжной и народной рѣчи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ факты языка (древняго и новаго) не представляются связанными органически. Некрасовъ, отмѣчая важность синтаксиса Буслаева со стороны приводимаго матеріала, вполне правильно отмѣчаетъ и то, что въ синтаксисѣ съ большой ясностью и знаніемъ дѣла изложена господствующая грамматическая теорія языка. Одно только нужно измѣнить въ этой общей характеристикѣ: Буслаевъ и не задавался цѣлью дать полное изложеніе исторіи русскаго языка, его трудъ имѣлъ прежде всего педагогическія цѣли, будучи предназначенъ въ качествѣ учебнаго руководства. Самъ Буслаевъ сознавалъ также, что для желаемой исторіи русскаго языка не настало еще время.

Отношеніе Буслаева къ предыдущей русской грамма-

тикѣ въполнѣ отрицательное: Буслаевъ считаетъ предыдущіе учебники русскаго языка составленными по стопамъ Готшеда и Аделунга, которые въ свою очередь имѣли своими образцами, какъ выражается Буслаевъ, „филологическую“ грамматику древности. „Филологическая“ грамматика отличалась тѣмъ, что она не была наукой, она учила лишь говорить и писать, сама будучи основана на рѣчи литературной, изъ которой выводила правила, часто противорѣчившія законамъ языка, выдавая иногда чисто орфографическіе приемы за законы языка. Выставляя на первый планъ требованія здраваго смысла по отношенію къ синтаксису, „филологическая“ грамматика поняла эти требованія въ смыслѣ подчиненія языка, какъ чего-то случайнаго, случайнаго сочетанія звуковъ, строгимъ, опредѣленнымъ законамъ логики, общимъ логическимъ отношеніямъ мысли. Отсюда вытекало ошибочное отношеніе ко многимъ явленіямъ языка, которыя почитались за исключенія, ошибки противъ правильныхъ, нормальныхъ оборотовъ. Подобному отношенію къ грамматикѣ Буслаевъ противопоставляетъ то отношеніе, которое создается при „лингвистическомъ“ изученіи языка. Здѣсь языкъ изучается, какъ нѣчто самостоятельное, безъ отношенія чисто практическаго. Для лингвиста важенъ не только языкъ литературный, языкъ образцовыхъ писателей, но и языкъ простого народа, необработанныя областныя нарѣчія и пр., на языкъ лингвистъ смотритъ, какъ на живой организмъ. Къ попыткѣ Беккера построить на новыхъ началахъ свое ученіе о языкѣ Буслаевъ относится отрицательно, потому что Беккеръ, отправляясь отъ правильныхъ исходныхъ точекъ, въ дальнѣйшемъ, за недостаткомъ матеріала для широкихъ построеній, увлекся отвлеченными соображеніями, такимъ образомъ пошелъ по стопамъ прежней философской грамматики. Въ практическомъ отношеніи система Беккера въ силу своихъ логическихъ тонкостей представила гораздо больше затрудненій для изученія, такимъ образомъ стоитъ ниже прежней фи-

лософской грамматики, но въ теоретическомъ отношеніи она была все шагомъ впередъ.

Буслаевъ не сумѣлъ разобраться въ отношеніи предыдущей русской грамматики къ логикѣ. У него этотъ вопросъ какъ - то стоитъ въ связи съ вопросомъ о требованіяхъ здраваго смысла и въ то же время съ вопросомъ о чисто механическомъ происхожденіи языка. Правильно отмѣчая ту ошибочную сторону, которая сказалась и въ грамматикахъ философскихъ и въ сочиненіи Беккера, именно отвлеченность построеній, лишенныхъ фактическаго матеріала, совершенно справедливо защищая права языка на самостоятельное изученіе, Буслаевъ въ то же время фактически не вышелъ изъ подчиненія грамматики логикѣ, это сказывается уже въ предисловіи къ грам., когда онъ признаетъ заслугой Беккера опредѣленіе частей рѣчи и частей предложенія. Буслаевъ, судя по его же словамъ, какъ-бы порываетъ всякую связь съ предыдущей русской грамматикой; между тѣмъ, какъ на дѣлѣ оказывается, онъ въ сильной степени находится въ зависимости отъ этой послѣдней. Мнѣ думается, что та мысль о самостоятельномъ развитіи языка, объ его органичности, мысль, которую проводилъ Буслаевъ вслѣдъ за Гумбольдтомъ, заставляла Буслаева такъ ополчаться на предыдущую русскую грамматику и не замѣчать тѣсной связи своего труда съ этой грамматикой.

И основныя воззрѣнія К. Аксакова и Н. П. Некрасова о томъ, какъ изучать языкъ, — именно прежде всего необходимо знаніе и пониманіе живого, современнаго языка, а затѣмъ уже привлеченіе исторіи языка, привлеченіе другихъ языковъ для сравненія, воззрѣнія эти вполнѣ правильны. Правильно ихъ указаніе на необходимость удерживаться только въ этой области, не ударяясь въ различныя мудрствованія, вызываемыя путемъ увлеченія разсматриваніемъ различныхъ приставокъ, суффиксовъ и пр. Путь намѣченъ былъ правильно, но сами изслѣдователи не выполнили его, какъ слѣдуетъ, они сами увлеклись мудрство-

ваніями только болѣе общаго характера. Они изучали языкъ въ его настоящемъ и безъ знанія историческаго хода языка освѣщали это настоящее субъективно.

Нельзя отрицать вполне правильнаго взгляда Аксакова на задачи и цѣли грамматики, на то, что основа ея должна быть выведена изъ изученія самого языка. Представитель славянофильства, преувеличивавшій значеніе самобытныхъ началъ, и особенно славянскихъ, Аксаковъ въ то же время правильно взглянулъ на отношеніе грамматики русской къ грамматикѣ „общечеловѣческой“, или, какъ мы сказали бы, вообще къ сравнительному языкознанію, къ законамъ человѣческаго духа.

Иванъ Аксаковъ правильно отмѣчаетъ въ предисловіи къ изданію сочиненій К. Аксакова отличительную черту послѣдняго, какъ ученаго, его „художественную стихію“, или, лучше сказать, способность къ творчеству, способность угадывать, схватывать извѣстные законы, обладая для этого малымъ количествомъ данныхъ. Конечно, много несообразностей высказываетъ Аксаковъ, особенно это проявляется въ „Опытѣ“ русской грамматики. Но нужно помнить, что у Аксакова не было школы. Благодаря часто именно отсутствію научной дисциплины мы видимъ порывы фантазіи, но и среди фантастическихъ измышленій прорываются здравыя мысли.

Разбирая трудъ Буслаева по русскому синтаксису, я намѣренно оставлялъ безъ вниманія тѣ замѣчанія о синтаксическихъ данныхъ древне-церковнославянскаго языка, которыя самъ Буслаевъ вносилъ главнымъ образомъ въ примѣчанія, считая эту часть добавочной. Я стремился затѣмъ наглядно доказать, что эти замѣчанія Буслаева должны быть поставлены выше II части труда Востокова. Будучи собраны во-едино, эти замѣчанія прежде всего по объему дали бы матеріалъ болѣшій для обрисовки синтаксическихъ явленій церковно-славянскаго языка, чѣмъ цѣльное приведенное въ систему ученіе Востокова о сочиненіи словъ.

Затѣмъ, — у Буслаева мы находимъ цѣнное стремленіе различать въ синтаксическихъ явленіяхъ древнѣйшій и позднѣйшій періоды, мы видимъ у него стремленіе выяснить смыслъ тѣхъ явленій, на которыхъ какъ-то не останавливалось вниманіе Востокова. Иногда объясненія Буслаева расходятся съ объясненіями Востокова. Страннымъ представляется, что Востоковъ, дополняя грамматику Добровскаго, въ нѣкоторыхъ пунктахъ не соглашаясь съ Добровскимъ, совершенно безъ вниманія оставляетъ болѣе удачную постановку вопросовъ у Буслаева.

Затѣмъ, болѣе частныя наблюденія :

1. Точки зрѣнія, проводимыя Буслаевымъ и Некрасовымъ, дали два теченія въ дальнѣйшемъ изученіи залоговъ русскаго глагола. Желаніе стать на формальную точку зрѣнія при дѣленіи глаголовъ на залоговые все же въ концѣ концовъ приводило къ лексикѣ, къ значенію глаголовъ въ предложеніи, т. е., приходилось становиться на ту точку зрѣнія, на которой стоялъ главнымъ образомъ Буслаевъ. Къ тому же приходило и 3-е теченіе, которое выставило главнымъ образомъ синтаксическое значеніе залоговъ. Кромѣ того, замѣтимъ еще слѣдующее. Въ ученіи о залогахъ у насъ уже нельзя только ссылаться на вліяніе древнихъ грамматикъ, здѣсь нужно, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, выдвигать значеніе традиціи, которая сдѣлала несвойственное намъ привычнымъ, роднымъ.

2. Въ исторіи разработки вопроса о видахъ можно замѣтить одну общую черту, это — сближеніе, большее или меньшее, видовъ съ временами. Правда, первый, у кого мы встрѣчаемъ ученіе о видахъ, Мелетій Смотрицкій смотрѣлъ на виды нѣсколько не такъ, какъ смотрѣли представители дальнѣйшихъ поколѣній. Мнѣ думается, что въ основной точкѣ зрѣнія Мелетія Смотрицкаго лежалъ вѣрный принципъ. Буслаевъ въ своемъ ученіи о видахъ не удержался на почвѣ отдѣленія послѣднихъ отъ временъ.

У Буслаева сказалось здѣсь то ошибочное „логическое“

направленіе, которому поддался Буслаевъ, стремленіе обобщить то, что въ сущности входило въ разныя понятія.

Вообще въ ученіи Буслаева о видахъ я не нахожу цѣльности. Некрасовъ, страстно нападаая на Буслаева, былъ, по моему, правъ, когда говорилъ, что Буслаевъ, опредѣляя виды, вносилъ въ свое опредѣленіе различныя значенія. Между тѣмъ, у Буслаева мы находимъ мысли, которыя могли бы дать ему возможность избрать иную дорогу при опредѣленіи видовъ.

Въ своихъ положеніяхъ о видахъ Буслаевъ скомбинировалъ то, что находилось главнымъ образомъ въ ученіи о временахъ у Ломоносова, въ ученіи Востокова о видахъ и наконецъ въ томъ, что сказано было у Каткова въ „Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка“. Я не останавливался на взглядахъ Востокова и Каткова. Отмѣтилъ я лишь то, что въ ученіи того и другого выдѣлены какъ характерные признаки видовъ — конкретность и отвлеченность въ представленіи дѣйствія. У Востокова эти признаки внесены уже въ „подвиды“, видовъ же у него 3.

Если посмотримъ, что даетъ дальнѣйшая разработка вопроса о видахъ, то должны будемъ отмѣтить: во 1. отсутствіе единства въ опредѣленіи видовъ, во 2. отсутствіе цѣльной точки зрѣнія на данныя формы.

3. Казалось бы, что, Буслаевъ, склонный болѣе къ изученію внутренней стороны языка, долженъ былъ бы увлечься тѣми идеями, которыя были положены въ основу извѣстнаго сочиненія Гумбольдта — *Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues* Самъ Буслаевъ говорить объ изученіи этого труда Гумбольдта. Между тѣмъ, мнѣ думается, можно сказать, что Буслаевъ не проникся главными идеями Гумбольдта, а проводя, повидимому, нѣкоторыя изъ нихъ, онъ прибѣгалъ иногда къ такимъ доказательствамъ, которыя обнаруживали въ немъ вовсе не послѣдовательнаго проводника мыслей Гумбольдта.

Для меня было важно установить отношеніе Буслаева

къ упомянутому сочиненію Гумбольдта, прежде всего потому что это отношеніе ярче отгѣняетъ положеніе Буслаева въ нашей литературѣ по синтаксису. Я привелъ нѣкоторыя сопоставленія этого отношенія съ отношеніемъ Потебни къ тому же сочиненію. Отношенія, какъ видѣли, неодинаковыя. Въ одномъ можно подмѣтить нѣкоторое сходство въ частностяхъ, въ нѣкоторыхъ общихъ положеніяхъ, въ другомъ проникновеніе духомъ всей системы. Дѣйствительно, если мы сравнимъ изслѣдованіе Гумбольдта съ названнымъ сочиненіемъ Потебни, то мы увидимъ, что Потебня отправлялся какъ отъ исходныхъ пунктовъ отъ мыслей Гумбольдта, онъ стремился придать имъ еще болѣе убѣдительность. Отчасти это сдѣлаетъ для насъ болѣе понятнымъ и то отрицательное отношеніе, которое проявляется во многихъ критическихъ замѣчаніяхъ Потебни на Буслаевскіе выводы.

4. Однимъ изъ важныхъ пособій для Буслаева были данныя, которыя онъ находилъ въ сочиненіи Лавровскаго „О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей“ (СПБ. 1852 г.). И Лавровскій исходилъ изъ мысли, что древнему русскому языку свойственно было богатство и разнообразіе въ употребленіи формъ, что этотъ языкъ отличался живостью, образностью. Лавровскій отмѣтилъ довольно много фактическаго матеріала изъ синтаксиса русскихъ лѣтописей и тѣмъ далъ матеріалъ и для Буслаева.

5. Не безъ вліянія на Буслаева остались труды Востокова, не только его грамматика русскаго языка, но и труды по старославянскому языку, по изданію Остромирова Евангелія и другихъ рукописей. Я подчеркнулъ бы значеніе того научнаго метода, которымъ отличались труды Востокова, той замѣчательной точности, которую вносилъ онъ въ изученіе палеографической и языковой сторонъ памятниковъ. Особенно послѣдняя черта могла вліять на Буслаева, также усердно занимавшагося древними рукописями, первая же — методъ, научные приемы изслѣдованія, не такъ

сильно сказались въ непосредственно относившихся къ русскому языку трудахъ Востокова и потому эта сторона не такъ сильно могла вліять на Буслаева.

6. Живо и интересно написанная работа Н. П. Некрасова „О значеніи формъ русскаго глагола“ построена на ложныхъ основаніяхъ. Авторъ, упрекавшій предыдущихъ изслѣдователей за ихъ предвзятость, самъ является крайнимъ поборникомъ этой послѣдней. Создавъ путемъ нѣкотораго наблюденія надъ русскимъ языкомъ теорію объ отсутствіи временныхъ формъ въ русскомъ глаголѣ, г. Некрасовъ стремился всячески провести эту теорію, оправдать предполагаемое отсутствіе путемъ различныхъ логическихъ соображеній и посылокъ, самъ того не замѣчая, какъ иногда впадалъ въ логическія же противорѣчія.

Трудъ Некрасова написанъ подъ непосредственнымъ и сильнымъ вліяніемъ трудовъ Аксакова, въ частности, брошюры „О русскихъ глаголахъ“. Такимъ образомъ главные недостатки оригинала легли, конечно, и въ основу труда талантливаго продолжателя.

7. Не Буслаевъ являлся у насъ проводникомъ взглядовъ и мнѣній Беккера, а еще до появленія „Опыта . . .“ была издана русскимъ педагогомъ Басистовымъ „Система синтаксиса“, составленная главнымъ образомъ по *Ausführliche deutsche Grammatik* Беккера. Появленіе русскаго труда, шедшаго по стопамъ Беккера, а не Гумбольдта, объяснялось не тѣмъ, что была предпочтена отвлеченность при объясненіи языковыхъ явленій, а тѣмъ, что Беккеромъ составлены были учебники нѣмецкаго языка; у Гумбольдта находили лишь отправныя точки для будущихъ изслѣдованій, самъ Гумбольдтъ вовсе не давалъ какой либо грамматической системы: вотъ и шли по готовому, тѣмъ болѣе, что и Беккеръ выставялъ нѣкоторыя мысли, выдвинутыя Гумбольдтомъ. Въ то же время цѣнились уже съ перваго начала и основанія ученія Гумбольдта, что мы видимъ изъ предисловія авторовъ; но въ этомъ ученіи,

какъ я указалъ, были только исходные пункты, которые требовали еще самостоятельнаго развитія, продолженія.

8. Произведенныя сличенія въ достаточной мѣрѣ могутъ опредѣлить значеніе труда Давыдова „Общесрав. грамматики“ въ исторіи разработки русскаго синтаксиса. Не представлялось нужнымъ производить сличенія съ другими источниками этого труда: если въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Давыдовъ и не такъ рабски слѣдовалъ за своими источниками (именно за формой ихъ внѣшняго изложенія, какъ это сказалось въ приведенныхъ мѣстахъ, могущихъ вызвать полное недоумѣніе относительно поразительнаго метода пользованія чужими трудами — при томъ только „частными замѣчаніями“), то вполне передавалъ уже ранѣе извѣстное, не внося отъ себя ничего существеннаго.

9. По моему, построеніе труда Ѳ. Е. Корша „Способы относит. подчиненія“ неправильно въ силу неправильныхъ въ основѣ его общихъ точекъ зрѣнія, неправиленъ именно методъ изслѣдованія. Однако это не исключаетъ частныхъ достоинствъ: можетъ быть, въ нѣкоторыхъ своихъ выводахъ авторъ и правъ, но результаты этихъ выводовъ добыты главнымъ образомъ, по моему, все же благодаря догадкѣ и для полной убѣдительности ихъ необходима еще добавочная работа.

При оцѣнкѣ значенія А. А. Потебни я позволилъ себѣ входить нѣсколько болѣе подробно въ тѣ области, которыя не составляютъ частей „синтаксиса“. Въ данномъ случаѣ мнѣ хотѣлось полнѣе выяснить это значеніе. Я позволилъ себѣ дѣлать, напр., сравненіе выводовъ Потебни и Вундта съ тою цѣлью прежде всего, чтобы отмѣтить, что достоинство взглядовъ Потебни въ нѣкоторыхъ вопросахъ нисколько не страдало отъ того, что онъ не могъ уже ознакомиться съ позднѣйшими трудами Вундта. Я этимъ, конечно, не хочу сказать, чтобы вся та чисто эмпирическая

психологія, представителемъ которой является Вундтъ, не могла-бы дать лучшаго матеріала, чѣмъ давала Потебни болѣе спекулятивная психологія Гербарта, Лотце и др. Весьма возможно, что многія страницы „Мысли и языка“ сильно измѣнились бы подъ вліяніемъ новыхъ данныхъ, измѣнилось бы, можетъ быть, изложеніе о соотношеніи чувствованій и представленій, объ апперцепціи и пр., но въ той части, въ которой собственно и лежала сила и значеніе изслѣдованій Потебни — въ глубокомъ анализѣ языка, въ проникновеніи въ тайники языка, измѣнить пришлось-бы очень мало. Потебня не зналъ многихъ изъ тѣхъ опытовъ, которые выставила эмпирическая психологія, давая болѣе точный матеріалъ относительно нашихъ чувствованій, представленій, но за то Потебня былъ самъ тонкимъ наблюдателемъ Чутъе языка, которымъ онъ безспорно былъ надѣленъ въ огромной силѣ, знаніе языка, особенно народнаго (въ этомъ случаѣ сыграло большую роль изученіе имъ народной поэзіи) давали ему полную возможность выработать тонкій анализъ языковыхъ явленій. Ему въ то же время иногда удавалось болѣе чутъемъ замѣтить то, что не замѣчалъ иной изслѣдователь, наблюдая близко находящійся передъ собою предметъ. Этимъ я не хочу сказать, чтобы изслѣдованія Потебни не опирались на факты, нѣтъ они глубоко фактичны, но, конечно, количество фактовъ не всегда бывало вполнѣ достаточно для построенія не гипотезы, а чуть-ли не аксіомы. Главная сила выводовъ Потебни та, что выводы эти основаны на строго историческомъ изученіи языка, что изслѣдователь всячески стремится отрѣшиться отъ того вліянія, тѣхъ впечатлѣній, которыя образуются подъ вліяніемъ современнаго строя рѣчи. Кромѣ крайней сжатости изложенія, уясненію идей Потебни вредила еще разбросанность изложенія.

Та разница въ воззрѣніяхъ, которую можно было замѣтить между Буслаевымъ и Потебнею, разсматривая I—II ч. „Изъ Записокъ . . .“, еще болѣе увеличивается и рѣзче

оттѣняется, если мы рассмотримъ III ч. „Изъ Записокъ.“ У Буслаева и у Потебни совершенно разные взгляды на исторію языка. Потебня даетъ намъ стройную систему, эту систему, насколько возможно, онъ подкрѣпляетъ данными языка. Стремясь строго проводить историческую точку зрѣнія при разсмотрѣніи различныхъ данныхъ языка, Потебня тѣмъ самымъ стремится оттѣнить и разницу въ міросозерцаніи нашемъ и міросозерцаніи древняго человѣка. То, что считалось Буслаевымъ, а также и Миклошичемъ, какимъ-то отступленіемъ, „ненормальнымъ“ явленіемъ въ языкѣ, получаетъ иное освѣщеніе. Наглядность, конкретность въ древнемъ языкѣ Потебня соединяетъ съ паратактичностью построения рѣчи. Поступательное развитіе, отвлеченность связывается съ построеніемъ гипотактическимъ. Гипотаксисъ является результатомъ этого большаго отвлеченія. Существительное въ извѣстномъ положеніи переходитъ въ прилагательное, изъ имени же вырабатывается глаголъ. Данные древняго строя языка Потебня стремится использовать въ доказательство проводимой теоріи. Въ основѣ же послѣдней лежить и чисто психологическое объясненіе древняго міровоззрѣнія.

„Мысль и языкъ“ Потебни не является вполнѣ самостоятельнымъ изслѣдованіемъ. Основныя мысли внушены изслѣдователю современною нѣмецкою наукою. Предъ нами цѣльное продуманное изслѣдованіе, передававшее итоги новой психологической школы языкознанія, съ развитіемъ нѣкоторыхъ сторонъ, сдѣланнымъ самимъ Потебнею; изслѣдованіе это вполнѣ могло имѣть большое значеніе для русской науки. И мы видимъ, что цѣлый рядъ учениковъ и послѣдователей Потебни развиваетъ мысли, положенныя въ основѣ разсмотрѣннаго сочиненія.

При изложеніи и оцѣнкѣ „Введенія“ „Изъ Зап. по р. гр.“ я для удобства отступилъ отъ послѣдовательности изложенія у Потебни. Тѣмъ болѣе представлялось это необходимымъ при изложеніи и оцѣнкѣ „Составныхъ членовъ...“

Послѣдовательно итти за Потебней въ данномъ случаѣ потребовало бы во многихъ случаяхъ привлеченія хотя отчасти того богатаго матеріала, которымъ пользовался Потебня изъ языковъ славянскихъ, литовскаго, латышскаго, отчасти нѣмецкаго, изъ древнихъ разноязычныхъ памятниковъ, что сдѣлало-бы настоящую работу выходящей изъ намѣченной задачи, Поэтому я затронулъ главные выводы Потебни и лишь нѣкоторыя частности.

Главная мысль всей этой части изслѣдованія такова: строй древнеславянскаго предложенія, въ частности древне-цер.-славянскаго и древнерусскаго, и строй современнаго русскаго (и вообще славянскаго) предложенія нѣсколько различаются. Въ древне-церковно-славянскомъ и древнерусскомъ языкахъ нѣтъ такой компактности, какъ теперь у насъ. Современное предложеніе стремится къ усиленію сказуемости.

У Потебни при грамматическихъ опредѣленіяхъ мы встрѣчаемся, въ сущности, съ отсутствіемъ указаній чисто грамматическихъ, формальныхъ. Указываются психологическія основы, выдѣляется семазіологическая сторона, но не выдвинуты тѣ черты, которыя съ формальной стороны отличаютъ, напр., глаголъ отъ имени существительнаго и пр.

Здѣсь уклонъ въ сторону отъ того, что пыталась дать даже строго осуждаемая „логическая“ грамматика.

Желаніе связать „части рѣчи“ съ „членами“ предложенія, проявившееся прежде всего въ изслѣд. Потебни, исполнѣ понятно. Части рѣчи образовались въ рѣчи, какъ носители извѣстныхъ функцій. Такимъ образомъ исполнѣ и естественно, что для выраженія извѣстныхъ функцій, въ качествѣ извѣстныхъ членовъ предложенія, и должны выступать извѣстныя части рѣчи. Если Потебнѣ и его послѣдователямъ, повидимому, не исполнѣ удалась ихъ задача согласованія, то и это понятно, принимая во вниманіе прежде всего „текучесть“ частей рѣчи, ихъ замѣны другъ друга.

О томъ, насколько не поддается стремленіе согласовать части рѣчи и члены предложенія, можетъ свидѣтельствовать классификація, данная Дельбрюкомъ, проводившимъ мысль о тождествѣ частей рѣчи и членовъ предложенія.

Потебня называлъ всякое слово, взятое внѣ предложенія, „искусственнымъ препаратомъ“. Это такъ, но при изученіи какой-либо науки вовсе не возбраняются эти „искусственные препараты“, а даже наоборотъ, такое изученіе извѣстныхъ частей способствуетъ лучшему знанію цѣлаго. Отвлекая часть изъ рѣчи, дѣлая ее искусственнымъ препаратомъ, мы въ то же время можемъ всегда имѣть въ умѣ связь этой рѣчи съ цѣлымъ. Въ вопросѣ о частяхъ рѣчи и объ отношеніи частей рѣчи къ частямъ предложенія Потебня далъ ученіе лишь въ общихъ чертахъ, не доразвивъ вполне, и его послѣдователямъ пришлось уже закончивать въ обработкѣ мысли своего великаго учителя.

Потебнѣ вполне принадлежитъ заслуга выясненія такъ называемыхъ полныхъ и сокращенныхъ придаточныхъ предложеній, Многочисленными примѣрами изъ памятниковъ онъ доказалъ, что такъ называемыя сокращенныя придаточныя предложенія древнѣе даже полныхъ, слѣдовательно здѣсь ни о какомъ сокращеніи не можетъ быть и рѣчи, затѣмъ, что употребляющееся въ „сокращенныхъ“ предложеніяхъ причастіе не предполагаетъ пропуска вспомогаельнаго глагола, а употребляется самостоятельно вслѣдствіе своей предикативной силы.

Частичный вопросъ, какимъ является вопросъ о „сокращеніи“ придаточныхъ предложеній, можетъ служить яркимъ, типичнымъ доказательствомъ того, какъ трудно задаваться „реформой“ грамматики, если не усвоена сущность научнаго теченія и если авторъ того или другого учебника не обладаетъ способностью представить результаты научныя въ видѣ доступной цѣльной картины. Невольно появляется вопросъ, что лучше въ педагогическомъ отношеніи: прежняя, хотя и невѣрная постановка и прежнее изложеніе

вопроса или новыя разъясненія, безсистемныя, не особенно ясно представляемыя.

Я сгруппировалъ въ данномъ мѣстѣ матеріалъ по извѣстнымъ категоріямъ съ цѣлью нагляднѣе показать, какъ наши придаточныя предложенія передавались причастными формами, при чемъ о какомъ-то сокращеніи ихъ сравнительно съ придаточными „полными“ не могло быть и рѣчи. Здѣсь вопросъ только въ томъ, обладали-ли дѣйствительно эти причастныя формы въ такой степени предикативностью, какъ то имъ приписывалъ Потебня.

Считая приведенныя предложенія „придаточныя“ развившимися, отколовшимися отъ предложеній самостоятельныхъ, считая, что причастіе вмѣстѣ съ тѣмъ получало и извѣстную долю еще большей предикативности, я вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ Потебни о силѣ этой предикативности. Мнѣніе Потебни нашло себѣ также продолжателя въ лицѣ ак. Ягича. Послѣдній уравнивалъ предикативную силу причастія съ той предикативной силой, которую приобрѣли II причастія прошедшаго времени на *лз* послѣ постепеннаго исчезновенія вспомогательнаго глагола (Beiträge 69—70). Но важно было-бы обратить вниманіе на то, какъ получалась предикативная сила причастій на — *лз*: здѣсь было именно постепенное исчезновеніе вспомогательнаго глагола, значеніе этого послѣдняго какъ-бы впитывалось остававшимися причаст. на *лз*, а вѣдь ничего подобнаго не было съ причастіемъ на *з*, *вз*, или причастіемъ настоящаго времени. Иначе мы должны бы и при этихъ причастіяхъ подразумѣвать пропуски вспомогат. глагола, чего ни Потебня, ни Ягичъ, вопреки прежнимъ мнѣніямъ не допускаютъ.

Потебня, исходя изъ основъ древняго міросозерцанія, говорилъ о необходимости предположенія первоначальности субъектныхъ оборотовъ, изъ которыхъ постепенно образовались обороты безсубъектные.

Въ послѣднихъ онъ видѣлъ эволюцію мысли, при-

знаки новой стадіи развитія мысли. Потебня стремился показать въ исторіи языка постепенную потерю субстанціальности, а безсубъектность оборотовъ является въ данномъ случаѣ уже извѣстнымъ завершеніемъ. При разборѣ отдѣльныхъ образцовъ, подводя къ нимъ богатый матеріалъ, выбранный преимущественно изъ русскихъ памятниковъ, Потебня стремился показать, какъ эти образцы безсубъектныхъ оборотовъ возникли изъ оборотовъ субъектныхъ. Правда, нельзя сказать, чтобы Потебнѣ удалось для всѣхъ образцовъ возстановить субъектные обороты, а также, что всѣ возстановляемые обороты были бы убѣдительно, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ это стремленіе Потебни вполне увѣнчалось успѣхомъ. Потебнѣ приходилось прибѣгать къ построенію гипотетическихъ звеньевъ въ переходѣ одного оборота къ другому, гипотетически строить обороты первоначальные. Въ послѣднемъ случаѣ иногда и была полная необѣдительность, чисто субъективное освѣщеніе. Иное дѣло, если бы и здѣсь Потебнѣ удалось дать какое либо фактическое подкрѣпленіе изъ памятниковъ, но это оказывалось невозможнымъ. Но все это не разрушаетъ того общаго освѣщенія исторіи развитія данныхъ оборотовъ, которое находимъ у Потебни. Все это не мѣшаетъ также сказать, что интересъ XII главы III ч. „Изъ зап...“ заключается въ анализѣ отдѣльныхъ безсубъектныхъ оборотовъ.

Общая мысль, которая проходитъ въ III ч. „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ А. А. Потебни, это — ббольшая функціональная сила существительнаго имени въ прежніе періоды жизни языка. Существительное обладало силой предикативности и атрибутивности. Въ связи съ этимъ стоитъ мысль о паратактичности древней рѣчи. III-ч. имѣетъ своей задачей болѣе исторію слова, но сообразно основной точкѣ зрѣнія Потебни, исторія слова или цѣлаго разряда словъ должна быть выведена изъ исторіи языка, исторіи предложенія. Изслѣдуя, анализируя отдѣльные сочетанія словъ и ряды словъ, Потебня, конечно, вы-

ходилъ уже изъ болѣе узкихъ рамокъ синтаксиса. Онъ переходилъ здѣсь не только въ область теоріи поэзіи и прозы, въ область міеа (какъ высказался въ небольшомъ предисловіи издававш. III-часть „Изъ записокъ . . .“ г. Харціевъ), но особенно входилъ въ область семасіологіи и здѣсь снова мы встрѣчаемся въ нѣкоторыхъ вопросахъ выполнѣ справедливую критику выводовъ Миклошича.

Въ общемъ я не поставилъ бы III ч. такъ высоко, какъ I—II: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ данный трудъ лишь — детальное развитіе проводимаго въ I—II ч., въ нѣкоторыхъ поправки частнаго характера къ сказанному въ I—II ч., а представленный новый матеріалъ не даетъ возможности считать выполнѣ убѣдительными нѣкоторые новые выводы Потебни. Само изложеніе носить нѣсколько отрывочный характеръ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ обнаруживается какая-то недоговоренность, отсутствіе строгой послѣдовательности. Происходило это и оттого, что окончательной работы авторъ надъ своимъ изслѣдованіемъ не успѣлъ продѣлать, не успѣлъ слить выполнѣ нѣкоторыя части, написанныя въ разное время. Иногда окончательные выводы дѣлаются, не какъ итоги разобраннаго матеріала, а какъ-то сами по себѣ (стоитъ сравнить для примѣра стр. 72 и сл., 99 и др.). И это неудивительно: стремясь возсоздать далекую перспективу въ прошлой жизни языка, Потебня, естественно, въ качествѣ доказательства пользуется нерѣдко логико-психологическими соображеніями. Самъ же языкъ не даетъ возможности привести данныя, которыя бы оправдали эти соображенія. Но все это не можетъ обезцѣнить разсматриваемый трудъ. Потебнѣ и здѣсь удалось выполнѣ войти въ духъ древняго строя языка и оттѣнить его несходства съ языкомъ современнымъ, удалось намѣтить пути развитія этихъ несходствъ. Наглядно выступаетъ разница древняго и новаго строя языка. Мы видимъ послѣдовательно проведенное цѣльное воззрѣніе на явленія того и другого строя. Этому воззрѣнію совершенно противорѣчили тѣ

частные выводы, которые находимъ у другихъ изслѣдователей, особенно у Буслаева, Миклошича и Попова; поэтому Потебнѣ приходилось раскрывать несостоятельность выводовъ этихъ изслѣдователей. Анализъ матеріала дѣлается Потебнею на почвѣ исторической перспективы. Потебня стремился всячески избавиться отъ тѣхъ взглядовъ на явленія языка, которые образуются у насъ подъ вліяніемъ строя нашей рѣчи. Поэтому то многіе факты языка, которые объяснялись Буслаевымъ и Миклошичемъ какъ отступленія отъ нормы, объяснялись Потебней какъ совершенно естественные результаты, какъ остатки періодовъ предшествовавшихъ. Въ народной рѣчи, какъ и въ древнихъ памятникахъ, много непослѣдовательностей съ точки зрѣнія современнаго литературнаго языка. Раскрыть пути образованія этихъ непослѣдовательностей бываетъ очень трудно, такъ какъ приходится прибѣгать къ творчеству. Глубокое знакомство съ народной поэзіей, особенно малорусской, дало Потебнѣ возможность подойти ближе къ народному міросозерцанію и освѣтить явленія языка на первый взглядъ совершенно непонятныя. Правда, не все здѣсь является объясненнымъ убѣдительно: въ нѣкоторыхъ случаяхъ ярко сказывается чисто субъективное освѣщеніе; иной разъ даже можно подмѣтить неправильные пути къ проникновенію въ народное міровоззрѣніе (такъ — для показанія того, что качество понимается въ видѣ субстанціи — Потебня, между прочимъ, пользуется философскими разсужденіями древности, что не является, особенно удачнымъ для его выводовъ).

Много приводитъ Потебня примѣровъ атрибутивности именъ существительныхъ, но изъ приводимаго матеріала не всегда можно вывести, что эта атрибутивность является непременно остаткомъ древнѣйшаго строя языка.

Менѣе обставленной доказательствомъ и менѣе вообще разработанной является у Потебни мысль о предикативности имени. Представить эту мысль болѣе или менѣе доказан-

ной для него было очень важно, т. к. съ предикативностью имени связывалась возможность построения гипотезы объ именномъ характерѣ предложенія въ древнѣйшій періодъ, о первенствѣ вообще имени предъ глаголомъ. Вскрыть предикативный характеръ существительнаго въ такой мѣрѣ, какъ удалось это сдѣлать относительно атрибутивности имени, Потебнѣ не удалось, да и не могло удасться.

Переходя къ итогам изслѣдованія въ настоящемъ томѣ я буду кратокъ. Прежде всего я старался выяснитъ различную цѣнность трехъ предпринятыхъ попытокъ построения синтаксисовъ славянскихъ языковъ въ трудахъ Миклошича, Ягича и Вондрака. Я проводилъ здѣсь параллели съ изслѣдованіями Потебни, стремился указать источники, методъ работы. Выясненіе значенія этихъ трудовъ, ихъ положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ должно было повести и къ выводу о томъ, на какихъ основахъ и какимъ путемъ желательно было бы построение общаго труда по синтаксису славянскихъ языковъ. Наряду съ этимъ, конечно, мнѣ приходилось неразъ останавливаться на отдѣльных частныхъ объясненіяхъ различныхъ фактовъ языка и оцѣнивать эти объясненія с остороны ихъ большей или меньшей вѣроятности. Трудно было соединить въ одну цѣльную картину рядъ тѣхъ различныхъ изслѣдованій, которыя пришлось разбирать въ II-й главѣ. Разбирая отдѣльные труды русской научной и педагогической литературы со времени появленія трудовъ Потебни, я стремился опредѣлить значеніе этихъ трудовъ, по возможности характеризовать отношеніе ихъ авторовъ къ предыдущей разработкѣ и, въ частности, къ идеямъ Потебни. Въ концѣ концовъ я остановился также на отдѣльныхъ вопросахъ, которые привлекали особенное вниманіе изслѣдователей. То общее, что объединяетъ большинство трудовъ новаго времени, это стремленіе войти въ болѣе глубокий анализъ синтаксическаго строя языка, руководясь данными историко-сравнительнаго

характера и кладя въ основу чутье языка, пониманіе его современнаго строя, такимъ образомъ усиленіе психологическаго начала при изученіи языка. Это проникновеніе въ психику языка является, безспорно, важнымъ факторомъ при объясненіяхъ не только современнаго строя, но и можетъ проливать свѣтъ на прошлое. Только въ соединеніи съ этимъ факторомъ историко-сравнительное изученіе языка можетъ добиться желаемой попытки и цѣльности.

Значеніе психологическаго изученія языка особенно сильно подчеркивается въ предисловіи къ начатому труду общ. характера проф. Е. Θ. Будде „Основы синтаксиса русск. языка“ (только что появивш. на стр. Рус. Ф. В. 1910 г. № 3—4.).

Несомнѣнно, что новая точка зрѣнія при изученіи языка принесла и принесетъ гораздо болѣе существенныхъ результатовъ, чѣмъ давала школа „логическая“. Если теперь при помощи психологіи мы не можемъ освѣтить многихъ вопросовъ яркимъ свѣтомъ, если, что особенно понятно, психологія не даетъ намъ возможности замѣнить своими опредѣленіями — опредѣленія чисто грамматическія, то слишкомъ скороспѣлыми кажутся попытки, напр., Вундта снова прибѣгнуть къ помощи логическихъ категорій (ср. особенне его *Einleitung in die Psychologie und Sprachwissenschaft*).

IV. Приложение.

Въ настоящемъ приложеніи находятся мои наблюденія надъ однимъ изъ древнѣйшихъ церковно-славянскихъ памятниковъ — Зографскомъ Евангеліи. Наблюденія эти касаются не только синтаксиса памятника. Я позволилъ себѣ съ замѣчаніями о синтаксической сторонѣ памятника соединить нѣкоторыя свои прежнія наблюденія надъ другими его сторонами. И въ наблюденіяхъ надъ синтаксисомъ памятника я не дамъ полного всесторонняго изслѣдованія: я остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ данныхъ, которыя привлекли мое вниманіе.

Я и теперь смотрю на этотъ прилагаемый трудъ главнымъ образомъ какъ на дополненіе къ изданію ак. Я г и ч а, къ трудамъ послѣдняго относительно этого памятника (предисловіе къ изданію, *Studien . . .* въ *Archiv f. sl. Ph.* I—II, наблюденія въ „Приложеніяхъ“ къ изд. Маріин. Ев. и пр.) и къ трудамъ нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ, останавливавшихся на Зогр. Ев. въ своихъ изслѣдованіяхъ.

Провѣрить изданіе съ оригиналомъ представлялось давно уже первой необходимостью, такъ какъ передача нѣкоторыхъ сторонъ памятника (особ. ъ и ѣ) въ силу неясности начертаній могла внушать иногда сомнѣніе. Затѣмъ, — нѣкоторыя данныя памятника не были выдвинуты и приняты при анализѣ, что естественно, такъ какъ нѣтъ еще всесторонняго изслѣдованія, посвященнаго Зографскому Евангелію, подвергнутыя же анализу данныя памятника могутъ вызвать иныя объясненія — потому далеко не лишнимъ предста-

влялся пересмотръ высказанныхъ мнѣній относительно разныхъ сторонъ памятника, группировка ихъ, пересмотръ самого памятника. Наконецъ, желательнымъ являлось также дать точные фототипическіе снимки съ З. Е., такъ какъ такихъ снимковъ мы не имѣли (въ изд. ак. Ягича снимки хромолитографированные, не могущіе претендовать на точность; то же можно сказать о снимкахъ у Срезневскаго, въ прилож. къ его „Древніе глагол. памят.“; только у Гейтлера Die albanes. und sl. Schriften есть фототип. снимки, но не съ древнѣйшей части З. Е., а съ позднѣйшей, лл. 45 b, 46 a и b). Эти снимки и даны были мною въ академическомъ изданіи моей статьи о Зограф. Евангеліи.

§ 1. Сличеніе изданія ак. Ягича Зографскаго Евангелія съ подлинникомъ привело меня къ слѣдующимъ заключеніямъ :

1. Постановка надстрочныхъ значковъ въ изданіи не соответствуетъ даннымъ оригинала. Мнѣ приходилось уже раньше отмѣчать это (Памятники и вопросы др. сл. письм., в. I, 24—26). Главная ошибка издателя заключалась въ томъ, что онъ стремился внести нѣкотораго рода цѣльность въ постановку значковъ, цѣльность, которой нѣтъ въ памятникѣ. Если мы рассмотримъ *все* случаи употребленія надстрочныхъ значковъ въ Зографскомъ Евангеліи, то прійдемъ къ заключенію, что употребленіе это носило какой-то уже механическій характеръ, при чемъ первоначально разные по формѣ значки сливались. Преобладающимъ значкомъ является болѣе или менѣе полукруглый обращенный вверхъ, переходящій иногда въ маленькую черточку (значекъ этотъ выступаетъ въ роли замѣстителя другихъ значковъ, гораздо рѣже употребляющихся въ Зографскомъ Евангеліи и напоминающихъ по формѣ греческое придыханіе, особенно густое), или полукруглый значекъ, обращенный концами внизъ. Встрѣчающаяся точка (если это не очень маленькая линія, въ которую переходила преоблад. форма надстр.

значка) выходить изъ рамокъ употребленія надстр. значковъ, и потому можно думать, что она или поставлена была позже, или случайно (примѣровъ очень мало, напр.: л ѡ н ѣ 269 об. 23, т в ѡ р ж 268 об. 14).

Для характеристики постановки надстр. значковъ въ изданіи и оригиналѣ приведу слѣдующіе примѣры изъ 1-го листа.

Изд.	Ориг.
о г ѣ м ь	о г ѣ м ь
і о р' д а н ѣ	ї о ѣ д а н ѣ
і ѡ ѡ н о у	ї ѡ ѡ н о у
ѣ г о	ѣ г о
і ѡ а н ѣ	ї ѡ а н ѣ и пр.

Отмѣтить всѣ случаи нѣтъ возможности, да и нѣтъ необходимости, если, повторяемъ, изученіе этой стороны памятника убѣждаетъ, что формы значковъ смѣшиваются и что утрачено ихъ первоначальное значеніе.

Правда, ак. Ягичъ въ другомъ своемъ трудѣ (Мар. Ев., 418) говоритъ, что не придаетъ значенія строгому соблюденію въ печати всѣхъ этихъ палеографическихъ тонкостей. Но дѣло въ томъ, что здѣсь является уже своего рода произвольное измѣненіе данныхъ оригинала, а это можетъ вводить въ заблужденіе изслѣдователя, руководящагося изданіемъ.

Въ постановкѣ надстрочныхъ значковъ есть еще другая сторона, которую трудно, конечно, было провести въ изданіи, хотя можно было оговорить, — это мѣсто постановки. Иногда мы наблюдаемъ постановку значка не между двумя буквами, а надъ буквой, такъ:

Изд. 3 стр.	Ориг. (6 листъ)
р а к' к а	р а к ѣ а

11 стр. м а т' т е й 19 л. маѣтей и пр.

(особенно часто это бываетъ въ словѣ а м и ѣ, а также надъ ѣ).

Ту же неточность въ постановкѣ значковъ мы замѣчаемъ и въ изданіи позднѣйшей части Зографскаго Евангелія, гдѣ надстрочные значки употребляются, впрочемъ, рѣже.

Есть случаи пропуска значковъ, напр., истинъ 276 12, мѣстѣ 283 об. 2 и пр.

2. Среди междустрочныхъ значковъ не отмѣчены значки, имѣющіе видъ запятой, употребляющіеся очень рѣдко для раздѣленія словъ, при чемъ вмѣстѣ съ этой запятой употреблялся наверху и другой значекъ, похожій, на кавычку, напр., 24 18, (послѣ: тебѣ), 33 17, 35 16, 114 об. 18 и др. Эти *отдѣлительные* значки отличаются отъ изрѣдка встрѣчающагося другого значка (также не отмѣч. въ изд.) — *точки съ запятой* и употреблявшагося, по всѣмъ даннымъ, для обозначенія *вопросительнаго знака*. Такъ: на л. 108: *мо ж е т а л и п и т и ч а ш ж*; (въ изд.: точка), то же на 123 об.

Стоитъ сравнить кирилл. приписку на 224 об. (ср. на фототипіи) и передачу ея въ изданіи (Prolegomena XIII), чтобы увидѣть, какъ иногда изданіе въ подобныхъ случаяхъ отступало отъ оригинала.

Значекъ «, употребл. въ изд. (при чемъ иногда ставится здѣсь и », ср. 135 об., 171 об.), имѣетъ форму ≪ или ≫.

3. Въ изд. не отмѣчены лигатуры, употребляющіяся въ памятникѣ: л м (напр., 150 19), м л (39 61, 153 1, 40 21), ж д (14 22), т в (34 10), г л (36 23), в о (24 2—3), ж і (особенно въ словѣ божіи 25 об. 5, 156 10 и др.), з д (193 3, 220 об. 23), т в о (284 об. 6), з в (277 об. 5), г д (211 5).

Лигатура по въ изданіи получили неточное выраженіе, въ ф. а ѿ л о м а, — ѣ (19 17, 150 4, 269 22, 92 12): буква выдѣлена, и само титло, *относящееся ко всему слову*, отнесено къ этой буквѣ. Не обозначая лигатуръ и будучи такимъ образомъ послѣдовательнымъ, нужно было напечатать: а п о л о м а, — ѣ.

Особенно интересна фигура лигатуры мѣ въ сл.

мѣсѣцъ, совершенно неправильно переданъ. въ изд.: мѣцѣ мѣцѣ (здѣсь вмѣсто ѣ нужно поставить ѣ, а титло ко всему слову: мѣсѣцъ мѣсѣца; 129 об. 15, 132 об. 21, 133 об. 14, 134 об. 12).

4. Непостоянно обозначаются въ изд. титла и выносы буквъ. Не говорю о такихъ частныхъ случаяхъ, какъ зѣ, кѣ, но, напр., какъ: гѣжъ 247 (въ изд.: глѣжъ т), грѣ 176, свѣниѣ 258 об. 24, ѣвѣщавъ 41 об. 6, 41 16 и др. (то же въ поздней части, особенно въ ѣ) и прѣока 155 об. 18 (въ изд.; прѣорока), прѣокъ 1573 (изд.: пророкъ).

5. Отчетливыя начертанія ѣ и ѣ иногда сливаются въ посредствующую фигуру — не то ѣ, не то ѣ, благодаря тому, что кружочекъ въ добавочной части сливается въ одну точку. Это заставляетъ ак. Ягича въ примѣчаніяхъ говорить, что въ данномъ мѣстѣ не ясно — ѣ или ѣ, причемъ въ текстѣ, конечно, приходится предпочитать какое-либо изъ этихъ начертаній.

Ознакомившись съ Зографскимъ Евангеліемъ раньше отрывочно, я обратилъ вниманіе на эту особенность и приступилъ къ сличенію изданія съ подлинникомъ уже съ предположеніемъ, что во многихъ случаяхъ постановка ѣ и ѣ въ изданіи несовсѣмъ точна. И дѣйствительно, если мы будемъ разсматривать порознь отдѣльныя начертанія на различныхъ листахъ, то мы убѣдимся, что очень часто совершенно затруднительно рѣшить, стоитъ ли ѣ, или ѣ. Но если мы всмотримся въ графику рукописи, будемъ послѣдовательно итти страница за страницей, принимая во вниманіе такимъ образомъ случайныя измѣненія почерка, то придемъ къ убѣжденію, что ак. Ягичъ, взявъ совершенно *вѣрный тонъ* при различеніи иногда неясныхъ начертаній. Лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно высказать несогласіе или сомнѣніе. Такъ: на 7 л. подѣпѣгж, лучше было бы въ текстѣ (ср примѣч.) ввести подѣ, а на 45 об. 6, нужно непременно подѣпѣгож (притомъ, въ позднѣйшей части

Зографскаго Евангелія и не употребляется глаг. ъ). Трудно съ увѣренностью сказать: ѣ или ъ въ словахъ: възѣлете 20 об. 16, близѣ 59 1, вамѣ 59 5, сѣвѣзавѣше 70 6, сѣ 98 об. 3 (здѣсь и въ пред. примѣрѣ скорѣе ѣ), кѣнижѣникомѣ 107 об. 5—6 (скорѣе ъ), послоужатѣ 108 об. 3 длѣжѣни 269 15—16, възненавидѣша 275 23—24, титѣлѣ 283 об. 21, въ 285 об. 11. Рядѣ этихъ словъ можно было бы значительно увеличить, но написанія въ другихъ случаяхъ данныхъ сомнительныхъ мѣстъ оправдываютъ вполне транскрипцію въ изд. Ягича.

6. Въ изданіи находимъ слѣдующія отдѣльныя не-точности:

Изд.	Ориг.
2 л. об. 2 благоволихъ	благоволихъ (очевидно ошиб. подѣ влиян. слѣд. и)
3 2 сѣѡж	сѣѡж
11 7 жѣѣжѣтѣ	жѣѣжѣтѣ
11 17 ни	не
14 2—3 възвѣѣшѣ	възвѣѣшѣ
40 3 (рече)	рече
42 13 жѣдицѣ	жѣдицѣ (здѣсь ясно ж; въ другихъ случаяхъ, гдѣ не такъ ясно, можно согласиться съ транскрипціей ак. Ягича въ виду того, что здѣсь частая замѣна ж—ѣж)
62 4 сѣѣѣѣлѣ	сѣѣѣлѣ
140 об. 4 спѣѣѣше	ѣѣше (сп написаны кирилл.; то же 146 об. 5 — отмѣчаемъ это ради послѣдовательности, т. к. въ другихъ случаяхъ Ягичъ отмѣчаетъ кирил. написанія)

180 об. 1 прѣхѣтъ

прѣхѣтъ

263 1 всегда

всегда

Пропущены слова; гѣ 2 18, ѣ 2 об. 6 (послѣ ношті), тоу 6 14 (послѣ: твои). Въ подлинникѣ мы видимъ, что пропущенныя слова и буквы надписываются. Ак. Ягичъ ихъ не отдѣляетъ, а вноситъ въ текстъ. Это, конечно, совершенно правильно, но иногда (изрѣдка. правда) получается не та разстановка. Такъ на 2 13:

Изд.

Ориг.

а ты ли

а ли ты

(и нужно было бы транскрибировать: али ты, какъ въ Савв. книгѣ).

О мелкихъ ошибкахъ, какъ-то о постановкѣ малой буквы вмѣсто большой (напр., 4 л. оу — оуча), постан. и вм. н (напр., 183 об. 23), в — б (190 об. 15), пропускѣ междустроч. и надстр. значковъ (ср. раньше; самъ Ягичъ, очевидно, все же придавалъ этой сторонѣ памятника важное значеніе, ср. его: *addenda et corrigenda*) я не буду подробно говорить: нужно знать, какія затрудненія встрѣчаются при печатаніи текстовъ, чтобы требовать во всемъ этомъ точнѣйшаго воспроизведенія.

7. Раздѣленіе словъ не всегда можно одобрить. Особенно это должно сказать относительно такихъ случаевъ, какъ выдѣленіе союза і, сливагося съ слѣдующимъ словомъ, начинавшимся также съ і. У Ягича мы находимъ такія раздѣленія: 'і ю да 34 4, 'і о си фъ 34 з 'і ѣкова 78 2 и пр.; получаютъ такимъ образомъ невозможныя формы: юда, осифъ, ѣкова. Интересно сравнить въ этомъ случаѣ такія мѣста:

Марка 1 19 'іѣкова 'і ѡѡна . . .

Матѣ. 4 21 'іѣкова 'іѡана . . .

или, напр., возьму такое мѣсто:

ста прѣдъ їѣмономъ
ї въпроси ѣмонъ Мѣ. 27 11

(получается 2 формы одного слова: їѣмонъ и ѣмонъ; то же дальше, напр. Мѣ. 27 27).

Та же непослѣдовательн.: Мар. 9 28 въшьдѣшию мою
„ 5 21 прѣѣвъшоумоу

Иногда раздѣленіе словъ ведетъ прямо къ ошибкамъ:

Лук. 3 1 'і тѣриѣж (вм. 'ітѣриѣж, т. е. ітоуриѣж) или затемняетъ смыслъ: 'і чрѣва Л. 1 15 (въ транскр. Мар. Ев.: и чрѣва, ср. въ Остр. Ев.: ищрѣва), между тѣмъ въ другихъ мѣстахъ: 'іцрѣкъве 230 15. Ошибочно также раздѣленіе: заповѣдь 'і Мѣ. 5 19; нужно: заповѣди с и х ѣ (на ошибочное раздѣленіе повліяло здѣсь предшеств. слово е д и ж).

8. Снимки къ изд. — хотомолитографіи, какъ я уже сказалъ, не воспроизводятъ въ точности подлинника. Характеръ красокъ не схваченъ: въ общемъ тонъ сѣроватый; то же въ отдѣльныхъ краскахъ (такъ. въ нач. буквѣ и заставкѣ синеватый, а не зеленоватый); конецъ буквы п не закрашенъ въ изд. а въ рук. закрашенъ. Сама разрисовка невѣрна: въ стволѣ буквы п мы видимъ: перевиваются синія и красныя полосы такъ, какъ наблюдаемъ въ заставкѣ, т. е. остается такое же пространство, только зачерненное.

Тѣ же неточности мы наблюдаемъ въ передачѣ этой буквы и заставки въ извѣстномъ трудѣ Стасова объ орнаментѣ.

Характеръ буквъ хотя въ общемъ и вѣренъ, но въ деталяхъ сказываются извѣстнаго рода неточности, особенно въ утолщеніи или уменьшеніи нѣкоторыхъ частей буквъ.

§ 2. Я не упоминалъ объ изданіи отрывковъ изъ Зографскаго Евангелія до изданія ак. Ягича. Объ этомъ можно найти въ предисловіи Ягича къ изд. на стр.

XXII—IV. Нѣтъ нужды также упоминать о перепечаткахъ изъ изданія Ягича. Я долженъ лишь сказать объ изданіи нѣсколькихъ листовъ Зографскаго Евангелія, сдѣланномъ позднѣе по рукописи Н. М. Каринскимъ въ его „Хрестоматіи по др. ц.-слав. и рус. яз.“ (СПБ. 1904 г.). Здѣсь мы замѣчаемъ нѣкоторыя улучшенія сравнительно съ изд. Ягича (при передачѣ палеограф. особенностей): переданы точно междустрочные знаки, отчасти надстрочные. Въ постановкѣ же вообще надстрочныхъ значковъ издатель находился несомнѣнно подъ вліяніемъ предыдущаго изданія, потому ставилъ ^ тамъ, гдѣ ˇ, и такимъ образомъ устанавливалъ ту же разницу, какъ и Ягичъ. Неудивительно поэтому, что К. такіе случаи, какъ о с л а б л ё н ѣ г л ѣ ш т е и нѣк. др., отмѣчалъ — (sic), для насъ же это вполне понятно, и знакъ этотъ не отличается по формѣ отъ знака, ставившагося сплошь и рядомъ надъ і. Стоитъ сравнить значки надъ е т е р и и і — разные у издателя (3 стр. 22) и одинаковые въ памятникѣ. Не могу согласиться также съ предпочтительной постановкой ь въ с н ѣ (3 стр. 27) и колебаніемъ издателя въ нѣкоторыхъ случаяхъ между ъ и ь. Слѣдовало бы также оговорить, что мѣсто постановки надстр. значковъ неточно (въ силу типограф. условій? послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется и въ настоящемъ приложеніи постановка иногда придыханій не надъ буквой, какъ слѣдовало-бы).

§ 3. Не могу не сказать нѣсколькихъ словъ относительно хранящагося въ Импер. Библ. фотографическаго изданія Зографскаго Евангелія, сдѣланнаго къ 1857 г. Севастьяновымъ. Фотографическіе снимки сдѣланы (за исключ. одного) въ уменьшенную величину. Сдѣлано это изданіе очень изящно, но несовсѣмъ точно, такъ какъ произведены нѣкоторыя улучшенія, дабы яснѣе сдѣлать нѣкоторыя мѣста. При изученіи подлинника кое-когда можно привлекать и эти снимки, такъ какъ на нихъ вырисованы нѣкоторыя мѣста, стершіяся уже въ Зографскомъ Евангеліи.

§ 4. Пергаменъ рукописи различный. Въ древнѣйшей части Евангелія (лл. 1—40, 58—288) пергаменъ мѣстами до того тонокъ, что буквы видны на другой страницѣ. Въ позднѣйшей части Евангелія (л. 41—57) пергаменъ грубъ. Цвѣтъ пергамена первой части бѣловатый (то же въ Синаксарѣ), рѣзко отличающійся отъ черныхъ буквъ, что даетъ возможность сдѣлать ясные фотограф. снимки; цвѣтъ пергамена 2-й части желтый, чернила также желтоватаго оттѣнка, почему написанное далеко не такъ ясно, и снимки выходятъ туманные. Многія страницы древнѣйшей части чѣмъ-то залиты, но начертанія буквъ и въ залитыхъ мѣстахъ ясны.

Для снимковъ въ акад. изд. я стремился выбрать стр. наиболѣе ясныя и въ то же время представляющія большее число какихъ-либо особенностей. На 133 об. — 134, очень хорошо сохранившихся, мы видимъ любопытное изображеніе лигатуры мѣ (133 об. 14), лигатуру жі, образчикъ дополненій и пр. На 224 об. — 225 орнамента и заголовочныя буквы, а также кирилл. дополненія. На 288 об. - 289 — конецъ Зографскаго Евангелія съ кириллов. припиской (которая, замѣчу, вышла очень удачно) и начало синаксаря, 43 об. 44 — изъ вставочной, позднѣйшей части Зографскаго Евангелія съ изображеніями св. Петра и Павла.

На снимкахъ ясно видна разлиновка, при чемъ нужно замѣтить, что разграфлялась одна сторона, на другой линіи были также видны. Буквы писались подъ строкой.

Рукопись Евангелія поражаетъ простотой. Заставки въ началѣ Евангелій и въ концѣ, въ началѣ евангелій первыя разрисованныя буквы указываютъ на родство съ греческимъ орнаментомъ X вѣка. Стоитъ сравнить жгутообразную заставку на 288 об., или стволъ буквы п на 131, а также внизу этой буквы изображеніе растенія, съ данными греческихъ рукописей, чтобы убѣдиться въ этомъ. И въ другихъ древнѣйшихъ ц.-слав. памятникахъ мы находимъ аналогичныя данныя (напр., Мар. Ев. 44 об., 132 об. и пр.,

Саввина кн. 134 л. и др., Слова Григорія Богослова, Апостоль Охридскій — рук. Румянц. М.).

Кромѣ очень немногочисленныхъ заставокъ и заглавныхъ буквъ, разрисованныхъ и раскрашенныхъ только въ началѣ евангелій, Зографское Евангеліе представляетъ сплошное письмо, выдѣляющееся только въ текстѣ строками, написанными красными чернилами. Эти строки въ изд. Ягича печатаются нѣсколько раздѣльно. Только на 264 об., 265 и на доб. 43 об., 46 мы видимъ рисунки: на 264 нарисована благословляющая фигура, особенно рельефно вырисована рука, хотя эта рука слишкомъ мала сравнительно со всей фигурой. Последняя отпечаталась на 265 л., при чемъ здѣсь дорисована рука, но въ гораздо большихъ размѣрахъ. Весь этотъ рисунокъ крайне аляповатъ и представляется мнѣ дѣломъ позднѣйшаго времени. На 46а изображена голова І. Крестился на блюдѣ (см. у Гейтлера *Die alb. und. sl. S.*); на 43 об., какъ сказано, изображенія св. Петра и Павла.

§ 5. Надстрочныхъ значковъ Зографскаго Евангелія мнѣ пришлось уже слегка коснуться въ изслѣдованіи о Кіевскихъ листкахъ. Уже тамъ мнѣ пришлось установить разницу въ значкахъ, съ одной стороны, между К. Л., съ другой — между древнѣйшими евангельскими текстами, позднѣйшее происхожденіе и несистематичность употребленія значковъ въ этихъ послѣднихъ. Теперь я подробнѣе остановлюсь на надстрочныхъ значкахъ Зографскаго Евангелія, попытаюсь выяснитъ ихъ происхожденіе и значеніе въ исторіи изученія древней ц.-слав. письменности.

1. Прежде всего очень часто мы замѣчаемъ употребленіе полукруглаго значка или значка, имѣющаго форму нѣсколько похожую на густое греческое придыханіе, надъ союзомъ *ї*, надъ *ї*, начинающимъ слово, рѣже надъ другими гласными, начинающими слово, а также при стеченіи гласныхъ въ словѣ — надъ второю гласною.

Очень частый пропускъ значка въ послѣднихъ слу-

чаяхъ указываетъ, что въ немъ не было здѣсь особенной необходимости. Ббльшему удержанію на гласныхъ началь-ныхъ могла способствовать лишь память о греческихъ оригиналахъ, а съ союзомъ *ī* часто употреблявшееся придыханіе какъ бы срослось и потому такъ удерживалось; впрочемъ, этому способствовало еще собственно графическое удобство — греч. выдѣленіе этого слова.

Такимъ образомъ, въ употребленіи даннаго значка нѣтъ ничего загадочнаго. Форма его указываетъ на заимствование изъ греческихъ рукописей X—XI в. (см. снимки V, VIII, XII у Ваттенбаха и Вельзена, *Exempla cod. graec.*; изрѣдка въ Зографскомъ Евангеліи видимъ остатки древнѣйш. придыханій, напр.: на л. 181, 112, †, но и въ греч. рукописяхъ X—XI в. также попадались † †).

Въ памятникѣ, послужившемъ оригиналомъ для Зографскаго Евангелія, несомнѣнно значковъ придыханія было больше. Въ этомъ случаѣ, напр., Мар. Ев. представляетъ дальнѣйшій шагъ сравнительно съ З. Е.: въ М. Е. гораздо меньше значковъ придыханія, при чемъ значекъ пропускается часто и надъ *ī*.

2. Теперь я оставляю на другомъ значкѣ, употреблявшемся послѣ согласныхъ и имѣвшемъ видъ запятой (такъ наз. апострофъ) или такъ же, какъ предыдущій значекъ, полукругломъ. Здѣсь мнѣ кажется, можетъ найтись очень любопытный матеріалъ, на который или не обращали вниманія или, мелькомъ затрагивая, объясняли совершенно невѣрно.

Если понятенъ этотъ ' или ∪ въ такихъ случаяхъ, какъ знакъ пропуска буквы, то спрашивается, почему тотъ же знакъ употребляется въ такихъ случаяхъ, какъ: ѿн'на 280 об. тѣофиле 131, алек'сан'дровоу 126, ѿврии, ар'хиереи, аримаѣѣ, лоѳовы и пр.?

Во многихъ греческихъ словахъ мы видимъ употребленіе этого знака, и разъясненіе его употребленія здѣсь ведетъ, мнѣ кажется, и къ уясненію отчасти значенія въ

иныхъ случаяхъ ѣ и ъ въ древнѣйшей уже церк.-слав. письменности. Для поясненія дамъ слѣдующія сопоставленія изъ Зографскаго Евангелія и другихъ евангельскихъ текстовъ :

Зогр. Е.: анѣдрѣови 265 об.

ан'дреа 240, ѡн'дрѣа 116.

ан'дрѣа 265 об., 228, андреова 228 об.

(Мар. Ев.: анѣдрѣѡ, андрѣева, 1 разъ
безъ ъ, всѣ ост. случ. съ ъ; Савв. кн.:
ѡнѣдрѣова, Остр. Е.: анѣдреова).

ѡн'на 280 об. (Мар.: анна, Сав. анѣна)

талан'тъ 61, 61 об. 62, талантъ 61 об.

(Сав.: таланѣта, —нѣтъ, —нтѣ, Остр.
талан'тъ; Мар.: —нѣтъ, нтѣ).

мѣнасъ, мѣнасъ 202, мнасъ 202 об.,

мѣнасъж 203, м'насъ 203 (Мар.: мѣнасъ,
мѣнасъ).

Тѣ же соотвѣтствія и колебанія между ѣ, ъ и значкомъ мы находимъ въ слѣд. словахъ :

ѡр'хиѣреи 111 и др., безъ знач. 119 об. и др.;
ѡр'хисѣнагогъ 187 об., архитриклинѣ 229 об.,
каперѣнаоумъ 3, каперѣнаоумъ 240 об.—241, 230
и др., рав'ви 231 (но рабби 122 об.), іорданѣ 2
и безъ ѣ, альфеова 75 об., невѣф'талимѣ 3 об.,
марѣты 260, мар'тѣ 260 об., марта 262, с'псалѣ-
мьскихъ 208, псал'мѣхъ 224, леп'тѣ 208 об.,
титѣль 283 об., ѡольѣота 283 об., ѣельѣта 126,
ѣельѣота 72 об.

Нѣтъ нужды приводить всѣ случаи передачи заимствованныхъ греческихъ (и другихъ иностранныхъ, но заимствов. посредств. греч. письменности) словъ. Фактъ тотъ, что между двумя согласными греческими при передачѣ греч. слова на слав. почвѣ получался лишній знакъ и этотъ знакъ былъ, какъ показываетъ сравненіе, ѣ. Затѣмъ,

Повторяю, это наблюдение подтверждают евангельскіе тексты глаголич. и кирилловскіе. Даже небогатое по употребленію надстрочн. значковъ Отср. Ев., при передачѣ греч. словъ, ставитъ значки, если не поставлены ъ или ѣ. Мы здѣсь видимъ даже такія написанія: егѣп'тъ.

Изъ Сав. кн.: авьгоустъ, альѣеова, арѣхиерей и
ар., дидрагѣма, голѣгаѣа, епень-
дитъ, виѣеомъ, еѣѣата, маръ-
ты и марѣ., киньсѣ, леонѣти (вм.
лень . . .) и др.

Даже въ Супрасль. рук., имѣющей своеобразное употребленіе надстрочныхъ значковъ, мы видимъ сохраненіе какъ бы пережитковъ своего рода: 'алексан'дръ 35 8, хан'ѳіе 'ек'диѳіи 34 10, кан'дидъ 36 16, к'остантина 27 об. 6—7, фал'моса 37 14, 10, (но фалма 37 10: такимъ образомъ, наиболѣе близкая форма къ греческой удерживала и значекъ, 'ар'хаг'гѣлъ, 'аг'гѣлъ — примѣры очень часто встрѣчающіеся, 'ан'на 12 об. 29 и пр. — всѣ эти примѣры взяты изъ I части С. р.).

(Такимъ образомъ, возникновеніе ъ и ѣ въ словѣ
кинѣсь объясняется вовсе не такъ, какъ думалъ В. Шеп-

кинъ — Разсужд. о яз. Сав. кн., 99: „первоначально оно получило ф. кинъ съ; затѣмъ между согласными чужой группы не сталъ развиваться ирраціональный звукъ“...)

Отмѣчу въ Зографскомъ Евангеліи также примѣры витъсаїда (Мѣ XI²¹ на ряду съ другими написаніями видъсаїда, видъ; въ Мар. Ев. мы видимъ также тъ, дъ, и ѳ), витълеемъ Лук. 2⁴ (въ Мар.: тл). Здѣсь мы видимъ передачу греч. θ — тъ и кавычку, повидимому, совершенно лишнюю. Появленіе послѣдней объясняется, мнѣ кажется, греческой орфографіей; въ греч. текстахъ мы видимъ въ этихъ словахъ также кавычку, такъ: βηθ-σαϊδά вие'саїда и объясняется эта кавычка вовсе не желаніемъ раздѣлить согласные, какъ полагалъ Гардаузенъ (Griech. Palaeogr., 272), а тѣмъ, я думаю, что это выраженіе еврейское, состоявшее изъ 2-хъ словъ.

3. Если при передачѣ греческихъ согласныхъ передъ другими согласными требовалось выраженіе мягкости (я думаю, что ѳ въ упомянутыхъ мѣстахъ именно являлся выраженіемъ скорѣе мягкости, то элементъ гласности этого звука отступалъ въ данныхъ случаяхъ на второй планъ), то то же должно было быть и передъ гласными — при соединеніи ихъ съ согласными. Это требовалось особенно передъ тѣми гласными, которые въ греческомъ звучали мягче, чѣмъ въ славянскомъ. Для этой цѣли и служилъ значекъ, который въ Зографскомъ Евангеліи нѣсколько видоизмѣнялся по своей формѣ, то былъ выгнутымъ внизъ, то вверхъ, то въ родѣ апострофа:

ѣкомариѣ 201, ѣвроу 170, ѣурьскы 96 об.,
ѣофиле 131, ѣримат'еѣ 127 об., т'имеѳвъ, 108 об.
ѣсаревѣ 113, садоуѣи 113, каѣ'ерьнаоумъ
14 об.,
закъѣѣ 201, ѣеньтоуриѣна 127 об. и пр.

Въ приведенномъ выше примѣрѣ ѣурьскы — оу выступаетъ вм. ѳ. Единичны примѣры, гдѣ значекъ упо-

требленъ передъ ѿ и о: *мѣся* 74, *тома* 19 (одинъ разъ ѿома, но думать, что здѣсь т' = какъ бы латинск. th, мѣшаютъ другіе примѣры). Какъ ни странно, но и здѣсь могла ощущаться разни́ца произношенія: вѣдь, имѣемъ же мы передачу — *газофилакѣа* газофилакѣа и *ѣазоф.*, *гол-рода* — голъгоѿа и *ѣолъѣота*.

Какъ апострофъ, такъ и данный значекъ получаетъ распространеніе и въ славянскихъ словахъ. Мы видимъ такіе примѣры, какъ: нѣмоу 23, нѣмъ 25 об. (ср. написанія въ Остр. Ев.: нѣмоу и пр.), *люблѣж*, *кораблѣж* 286 об., *огнѣж* 287, *оумѣреть* 288 об., *сѣтворѣж*, *сѣтворѣж* и пр. Такихъ примѣровъ очень много. И неудивительно: обуславливалось это желаніемъ различать мягкій слогъ отъ твердаго, отличать особенно р, л, н; при послѣднихъ мы и видимъ употребленіе даннаго значка, иногда онъ былъ даже лишнимъ (напр., передъ ю, *ѣж*), но здѣсь происходило то же, что въ такихъ случаяхъ, какъ *закѣхеа*, *салаѣж* и пр.

Отсюда ясно, что я отношусь отрицательно къ мнѣнію акад. Ягича (Arch. II, 222), что значекъ этотъ при р, л, н даетъ возможность различать *тroyакоe* произношеніе этихъ согласныхъ. Не возражая противъ возможности существованія тroyакаго произношенія (онѣ, *камеѣж*, *огнѣж*; *волѣж*, *соѣж*, *дѣлатель*; *дворѣж*, *матерѣж*, *мытарѣж*), я отмѣчу лишь здѣсь, что писцу недоступны были эти тонкости, что обозначеніе *огнѣж* и подобн. являлось вовсе не въ силу желанія отгнѣнить отъ другихъ случаевъ, гдѣ былъ только значекъ, а въ силу объясненнаго выше. Да и такія написанія З. Е., какъ *кѣѣиѣжѣѣикѣѣ* Мр. 916, могутъ показывать, что разни́ца средняго и мягкаго н не особенно была доступна писавшему¹⁾.

1) Проф. Вондракъ (Zur Kritik . . . , 761) видитъ въ значкѣ надъ *кораблѣж* и въ др. подоб. случаяхъ (гдѣ этотъ значекъ являлся почти постоянно) указаніе на то, что j въ этихъ случаяхъ не произносилось, т. обр. *ѣж* = *ж*, и что переписывавшій, желая сохранить выговоръ подлинника, ставилъ значки. Подъ выгово-

И въ этомъ случаѣ — въ постановкѣ значка послѣ р, л, н въ слав. словахъ древнѣйшіе ц.-слав. памятники идутъ болѣе или менѣе самостоятельными путями. Стоитъ сравнить З. Е. съ Савв. кн., которая чаще, З. Е., употребляетъ надстрочные значки, но въ данныхъ случаяхъ ихъ не ставитъ; здѣсь написанія немоу, корабъ, земи и пр. Если возьмемъ Остр. Е., то очень рѣдко въ немъ употребляются значки въ такихъ случаяхъ, какъ бол'е, зан'е, н'его, н'емоу, замѣняемые, впрочемъ, болѣе употребительнымъ сочетаніемъ ѣ: болѣ, занѣ и пр. или особымъ значкомъ, слившимся съ буквой, (несомнѣнно возникшимъ изъ первоначально особаго значка; то же, напр., въ Хиланд. л.). Прибавлю здѣсь еще слѣдующее. Наблюденія надъ употребленіемъ разбираемаго значка въ Свят. Изб. 73 г. вполне могутъ, мнѣ кажется, пролить свѣтъ на происхожденіе написаній: ІГ, ЈГ, МГ. Сравненіе, напр., написаній на 9 об. **исплѣгѣм'** и **испѣлнѣж** можетъ свободно указать намъ на возникновеніе одного изъ указанныхъ начертаній изъ соединенія буквы съ опущеннымъ значкомъ мягкости.

Наблюденія наши приводятъ къ слѣдующимъ заключеніямъ по вопросу о древности памятника:

1. Форма значковъ придыханій указываетъ на свой источникъ — греческія рукописи X—XI в.

ромъ подлинника Вондракъ разумѣлъ выговоръ „паннонскихъ“ памятниковъ. На послѣднемъ я не буду останавливаться, т. к. и самъ Вондракъ позже отказался отъ этой теоріи, но и самый значекъ я отнесъ бы къ желанію обозначить мягкость въ говорѣ уже переписывавшихъ, которые могли иной разъ **ж** принимать за **ѣ** (при близости ихъ начертаній въ глаголицѣ).

Проф. Щепкинъ сохраненіе **лж** въ нѣкот. памятн. (Разсужд., 42—43) считалъ остатками примитивнаго правописанія, т. к. іоти-ров. носов. не употреблялись послѣ согласныхъ. Но здѣсь онъ впалъ относительно **ж** и **ѣ** въ очевидную ошибку (почему на 291 стр. его изслѣдов. — противоположное).

2. Съ этими значками смѣшивались по формѣ другіе, употреблявшіеся въ качествѣ апострофа и для показанія мягкости слога. Это смѣшеніе указываетъ не на первый періодъ существованія этихъ значковъ, а на дальнѣйшую стадію существованія.

Затѣмъ, въ частности, наблюденія надъ употребленіемъ значка мягкости передъ гласными въ евангельскихъ текстахъ — глаголическихъ и кирилловскихъ — могутъ привести къ заключенію, что Зографское Евангеліе было болѣе послѣдовательнымъ въ этомъ случаѣ, затѣмъ шло Мар. Ев. (здѣсь только уже въ слав. словахъ; въ Асс. Ев. значка въ этихъ случаяхъ нѣтъ).

§ 6. Буквенныя начертанія З. Е. мнѣ приходилось уже затрагивать въ изслѣд. о Кіев. л. (в. II). Уже тамъ мною замѣчено, что даже въ заголовочныхъ буквахъ З. Е. не обнаруживается характеръ первоначальныхъ начертаній, а ихъ позднѣйшая форма. Впрочемъ, я долженъ добавить, что вообще писаннаго большими буквами въ З. Е. очень мало, такъ что и нельзя провести вполне разницу между начертаніями большихъ и обыкновенныхъ буквъ. Добавлю еще слѣдующее. Формы *ъ* и *ь* сливаются иногда въ какой-то общій знакъ, при чемъ въ основной фигурѣ *ъ* и *ь* замѣчается то большее, то меньшее сближеніе кружковъ, такъ что иногда получаются здѣсь и позднѣйшія фигуры этихъ буквъ. Иногда *ш* и *т* пишутся въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ другія буквы, особенно если эти два начертанія находятся вмѣстѣ. Попадаются написанія юсовъ съ меньшей второй частью (рѣже съ большей, напр. 1052, 127 и др.). Относительно извѣстнаго начертанія носового, встрѣчающагося въ З. Е. (и Мар. Е.), я буду говорить далѣе, здѣсь отмѣчу, что замѣтилъ я одинъ случай добавочной черточки и къ полному *ж* (варавж 71 об., при чемъ *ж* изображенъ такъ: 1-я половина глаг. *о* + начертаніе юса малаго съ добав. черточкой). Данный примѣръ для насъ очень важенъ, т. к. онъ позволить намъ видѣть въ загадочномъ

начертаніи Ѧ, измѣненіе ж, не ѡ (замѣчу также, что добавочная линія обращена въ концѣ въ лѣвую сторону, а не правую, какъ то находимъ въ изображеніи у Ягича на III табл.). Омега употребляется очень рѣдко. Здѣсь, очевидно, вліяніе кирилловской графики, подъ вліяніемъ коей, вѣроятно, и была внесена эта буква. Въ поправкахъ къ тексту относительно словъ мѡси, мѡсѣвовахъ и др. форм. Ягичъ замѣчаетъ, что, можетъ быть, вмѣсто мѡ — мѣ, но эта поправка или дополненіе совершенно лишнія: въ текстѣ ясно ѡ, и какъ самъ же Ягичъ въ предисловіи говоритъ, между ѡ и ѣ, при всемъ ихъ сходствѣ, есть и разница. Къ вліянію кирил. письменности можно отнести и одинъ разъ употребленное ѡ.

§ 7. Еще до изданія З. Е., ак. Ягичъ посвятилъ этому памятнику специальное изслѣдованіе (*Studien über d. altsl. glag. Zogr. Ev., Arsh. f. Sl. Ph. I, 1—55. II, 201—68*). Изслѣдованіе разсматривало вопросъ о глухихъ въ З. Е., были высказаны изслѣдователемъ и нѣкоторые общіе взгляды относительно З. Е.

Эта цѣнная работа знаменитаго слависта, цѣнная по статистическому подсчету данныхъ и по общимъ заключеніямъ, избавляетъ отъ необходимости пересматривать всѣ случаи употребленія т и ѣ въ З. Е. Мнѣ придется здѣсь отмѣтить лишь собственныя несогласія съ нѣкоторыми положеніями ак. Ягича и добавить нѣкоторыя новыя данныя.

Въ концѣ настоящаго параграфа я коснусь отчасти и новѣйшей работы проф. Лескина, посвященной тому же вопросу — о глухихъ въ З. Е.

Прежде всего я долженъ сказать, что употребленіе т и ѣ въ З. Е. не производитъ на меня впечатлѣнія такой правильности, какъ то нѣкоторые высказываютъ и какъ то старается, въ сущности, доказать въ своемъ изслѣдованіи ак. Ягичъ. Можно всячески объяснять иногда неожиданное употребленіе т или ѣ, можно подыскивать извѣстнаго рода оправданія для писцовъ, но факты должны стоять на

первомъ планѣ, а затѣмъ уже наши домыслы, догадки и объясненія. Само утвердившееся положеніе, что З. Е. является „вѣрнѣйшимъ зеркаломъ старо-слав. языка“ (Мар. Е., 423), въ сущности, есть результатъ прежде всего преувеличенной оцѣнки правильности употребленія *ъ* и *ь* въ З. Е.

Разсматривая случаи употребленія *ъ* и *ь* въ З. Е., я пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: для писца З. Е. *ѣ* и *ѥ* не имѣли первоначальнаго своего значенія во всемъ объемѣ своего употребленія — языкъ З. Е. въ данномъ случаѣ далекъ отъ единства и цѣльности: мѣстами *ъ* и *ь* могли обозначать глухіе звуки, мѣстами это замѣстители гласныхъ полныхъ, а иной разъ это лишь знаки мягкости и твердости.

Подмѣченный мною способъ обозначенія мягкости согласной при передачѣ греческихъ словъ, способъ, который нужно считать болѣе первоначальнымъ, чѣмъ употребленіе значка, указываетъ уже на то, что *ѥ* употребляется въ нѣкоторыхъ случаяхъ вовсе уже не какъ гласный. О томъ же можетъ говорить (по крайней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ случаевъ) и отмѣченный ак. Ягичемъ переходъ *ъ* въ *ь* подъ вліяніемъ послѣдующихъ мягкихъ слоговъ. Что *ъ* и *ь* употреблялись часто въ З. Е., тамъ, гдѣ никакого уже гласнаго звука не было, указываютъ такіе особенно примѣры: *мъногъ*, — *о*, — *а* и пр. — 22 раза, *многъ* . . . 89 р., *м'ногъ* 2 р., *мън*. 1 р. (Ягичъ замѣчаетъ, что пропускъ *ѣ* могъ быть въ силу частаго употребленія слова, т. к. ничѣмъ инымъ нельзя объяснить будто бы пропускъ *ъ*; но, вѣдь, частое употребленіе другихъ словъ не заставляло пропускать буквы, если былъ звукъ), *мъножъ* — 8 разъ, *множъ* 13 р., *м'ножъ* 1 р., *мнѣ* 34 р., *м'нѣ* 51 р., *въси* 23, *вси* 30, *въса* 9, *вса* 8, *всѣхъ* 28, *всѣхъ* 21 и пр. Такимъ образомъ въ данныхъ формахъ не было уже *ъ* и *ь*, какъ гласныхъ звуковъ. Можно ли это распространять на говоры общеславянскаго языка, какъ то предположительно высказываетъ проф. Ляпуновъ (Исслѣд. о яз. синод. СПб., 47), трудно съ увѣренностью сказать. Отмѣчу только, что

Мар. Ев., менѣе точное въ постановкѣ ъ и ь, въ этомъ случаѣ (мѣногъ, мѣножъ) является болѣе точнымъ, чѣмъ З. Е.; слѣдовательно, въ оригиналахъ, послужившихъ источникомъ для З. и М. Е., постановка была еще болѣе послѣдовательна. Въ ф. всь 2 р. (всь 27 р.) я не могу видѣть отраженіе живого говора (какъ то дѣлаетъ относительно Сав. кн. Щепкинъ, Разсужд., 126); здѣсь какъ и въ словѣ днь чисто графическія особенности (подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей; этимъ я объясняю и подобныя же формы въ другихъ памятникахъ, между прочимъ, древне-русскихъ; не соглашаюсь такимъ образомъ и съ проф. Ляпуновымъ, Изслѣд. 73). Вліяніе графики другихъ словъ сказалось въ такихъ случаяхъ, какъ сѣмѣаше, сѣмѣахъ, гдѣ ъ совершенно ненужно. Также трудно говорить о гласности ъ и ь очень часто въ суффиксахъ; для примѣра сдѣлаю слѣдующія сопоставленія:

бывѣши — ношѣше — отрѣшѣша
 правѣдѣ — правѣды — неправѣдѣ
 правѣдѣникъ — правѣдѣнныхъ

Въ словахъ кѣгда 2 р., — когда 9, тѣгда 28, тогда 17 Ягичъ объясняетъ болѣе частую и менѣе частую замѣну ъ — о условіями выговора: трудность выговора кѣг обуславливала будто бы переходъ въ ког, чего ненужно было въ тѣг. Но это, конечно, далеко не объясненіе. Скорѣе, видя здѣсь варианты (Ср. Ляпун., Изсл., 50—51, Щепк. Разсужд.), можно думать, что ф. когда, тогда были свойственны писцу З. Е. и отчасти подлиннику этого памятника, и если ф. когда употреблялась чаще, чѣмъ ф. тогда, то эта объяснялась какими-либо случайными аналогіями, напр. вліяніемъ которы, тѣ.

Произносились ли ъ и ь въ концѣ словъ у писца З. Е.? На этотъ вопросъ у Ягича мы находимъ нѣсколько осторожный и даже неопредѣленный отвѣтъ. Признавая, что первоначально ъ и ь на концѣ произносились, какъ въ

серединѣ словъ, Ягичъ замѣчаетъ, что точное разграниченіе ѣ и ѣ въ концѣ словъ въ З. Е. заставляетъ думать что разница въ произношеніи была (и это если не относительно послѣдняго писца, то относительно его предшественниковъ). Только въ предлогахъ слившихся съ другими словами (из-очесе и пр.) было уже выпаденіе ѣ и ѣ. Разница на концѣ сводилась къ болѣе широкому или узкому произношенію согласнаго, при чемъ широкость склонялась къ о, узость къ е, какъ показываютъ, по Ягичу, примѣры переходовъ родось и дънесь. Изъ дальнѣйшаго, впрочемъ, видно, что ак. Ягичъ (Arch. II, 220—1) склоняется къ признанію произношенія ѣ и ѣ на концѣ словъ, какъ твердости и мягкости. Само наиболѣе точное разграниченіе ѣ и ѣ на концѣ именно говоритъ въ пользу даннаго мнѣнія, такъ какъ здѣсь было точное мѣрило въ твердости и мягкости. Характерно, что послѣ ч, ц, ж, ш мы видимъ смѣшеніе — слѣды мягкости и отвердѣніе. Примѣры родось и дънесь вовсе не подтверждаютъ произношенія ѣ и ѣ, какъ гласныхъ въ другихъ случаяхъ, а наоборотъ — говорятъ о противномъ.

Отмѣчу еще интересные примѣры: льгѣко Мө. XI 30, дѣвъльно Л. XXII 38, приобрѣтъхъ Мө. 25 20 (послѣдній примѣръ могъ, впрочемъ, составиться, какъ ф. аор. I + хъ); въ началѣ памятника (Мө. 3 15): съкончати всѣкъ правѣдж. Для выясненія характера ѣ и ѣ любопытнымъ также можетъ представляться передача греч. *μυῖ*. Въ именит. падежѣ ед. ч. мнась Л. 19 16, 18, 20, въ вин. ед.: мънась Л. 19 24 послѣдняя форма могла бы быть болѣе соотвѣтственною (въ смыслѣ, конечно, твердости) имен. пад. мънась, каковой отмѣчаемъ въ Мар. Ев.

Итакъ съ ѣ и ѣ въ З. Е. мы встрѣчаемся уже не на первоначальной почвѣ, для которой были изобрѣтены эти знаки. Можемъ ли, поэтому, говорить мы, какъ то принято, что ѣ было склонно къ о, ѣ къ е? вѣдь, эта „склонность“ или, лучше, замѣна характеризуетъ уже иную почву, на

которую были перенесены ѣ и ъ. Наряду съ этой замѣной намъ удалось констатировать меньшую древность выраженія черезъ ъ лишь мягкости.

Думать, что для З. Е. переходъ ъ — ѣ, есть переходъ *вполнѣ гласныхъ*, какъ то признается и какъ на первый планъ выдвигаетъ это проф. Лескинъ въ своей новой работѣ (Die Vocale ѣ, ъ in den Cod. Zogr . . . Arch. 27, III, 322), мы не можемъ.

У Лескина, я нахожу также отрицательное отношеніе къ произношенію ѣ въ мѣногъ, мѣножъ, и пр. Съ другой, я несогласенъ съ упомянутымъ выше общимъ положеніемъ, принимаемымъ априорно авторомъ, не могу согласиться съ отдѣльными объясненіями; напр., Лескинъ объясняетъ такіе случаи, какъ:

вѣрънѣ, печальнѣ, бисѣръ, титѣль
трѣхъ, простѣръ, начѣнѣ, людѣмъ
жѣзлѣ, осѣлѣ, шѣлѣ и пр.

удареніемъ, падавшимъ на ъ (замѣчательно, что въ такихъ случаяхъ ни разу нѣтъ замѣны ъ — ѣ подъ вліяніемъ послѣдующаго твердаго слога), а я думаю, что здѣсь (кроме титѣль) у писца З. Е. была чистая гласная, замѣстителемъ коей выступилъ ъ.

Въ связи съ предыдущимъ я ставлю и такіе случаи: болы 129 об., боѣи I. 14 28 (Мар. болии), болѣи Л. 22 28 боли I 13 16 (Мар. — еи), т. е. изъ болии вывожу форму болѣи, равную по произношенію боѣи; такимъ образомъ въ подобныхъ случаяхъ ъ было для писца З. Е. здѣсь лишь обозначеніемъ мягкости.

Переходъ неударяемаго и въ ъ мы замѣчаемъ въ З. Е. довольно часто (гораздо чаще, чѣмъ въ М. Е.) и затѣмъ въ случаѣ ѣ и — стяженіе въ и. Такъ:

сжди Л. 12 59 (Мар. — ии) 18 з (М. — и) 8 (М. ии)
остри Л. 21 24 (М. ии), знамени I 3 2 (М. ии)
трети Л. 24 21, 46 I 2, (М. ии), послѣдѣни I 7 37 (М. и)

вельж, — ъемъ Л. 29, 10 съж Л. 219 (М. иемъ, иж, иж),
тиберьѣ Л. 31, иштадьѣ Л. 32, каменью Л. 48 (М. и)
оубыства Mr. 157, змьж Л. 1019, іспьета Mr. 1039,
достоѣные Mr. 127 и пр.

Такимъ образомъ для объясненія словъ: вѣштѣи Л. 948, болѣи я не прибѣгъ бы вліянію аналогіи причастныхъ формъ: оударь, омочь и пр., какъ то дѣлаетъ проф. Щепкинъ (Разсужд., 243). При объясненіи Щепкина будутъ непонятны также и такіе случаи, какъ крѣплѣи Mr. 17 негашштеі Mr. 943, 45 (прибѣгать къ говору послѣдняго писца — не будетъ объясненіемъ), а это могли бы быть остатки скорѣе оригинала, гдѣ ѣ въ этихъ случаяхъ могло еще обладать извѣстнаго рода гласностью и переходило въ е. Переходъ этотъ мы наблюдаемъ также въ Мар. Е. въ такихъ случаяхъ, какъ болей и пр.

Объяснять подобнымъ же образомъ стоі Л. 172, гдѣ ѣ переходитъ въ о болѣе затруднительно, потому что это единственный примѣръ, стоитъ при томъ подъ титломъ; можетъ быть здѣсь, оказало вліяніе послѣдующее слово своі. Правда, то же мы видимъ въ Мар. Е.; такимъ образомъ, во всякомъ случаѣ примѣръ также могъ относиться къ предыдущей порѣ.

Такимъ образомъ, болѣи я не могу сравнить съ добръі и пр. Въ ѣі, дѣйствительно, удерживалась древнѣйшая форма, хотя въ произношеніи эта форма уже была иная, какъ показываютъ другія написанія въ З. Е., какъ напр., съ ѣ (особенно часто начиная съ Ев. Луки) или даже ѣи (какъ истинъѣи I 632).

Характерно еще измѣненіе е — ѣ въ словѣ иже:

ижъ бо речетъ Мѣ. 522

ижъ речетъ *ibid.* и пр.

(то же: съ изъ се: съ етеръ отъ коустодимъ Мѣ. 2811

Этотъ переходъ иже въ ижъ заставляетъ насъ иначе отнестись къ случаямъ употребленія въ Мар. Е. ижеси

(Ягичъ транскриб. иже си); здѣсь было иж еси, т. е. дальнѣйшая стадія ижъ еси.

Въ своемъ изслѣдованіи „Болонская Псалтырь“ (СПБ. 1906 г.) проф. Щепкинъ высказываетъ предположеніе, что употребленіе въ З. Ев. ие, иж и пр. съ одной стороны, ъе, ъж и пр. съ другой — объясняется слѣдующимъ: „Нѣкогда текстъ былъ переписанъ двумя писцами Македонское нарѣчіе только еще вносилось послѣднимъ писцомъ, иначе количество случаевъ ѣ/ѡ = ѡ/ѡ было бы значительнѣе“ (III). Впрочемъ, здѣсь же проф. Щепкинъ оговаривается, что онъ не имѣлъ возможности изучать графику З. Ев. по оригиналу.

§ 8. Носовые гласные въ З. Е. въ нѣсколькихъ случаяхъ замѣняются: ж — оу, л — е, ѣ; есть нѣсколько примѣровъ смѣшенія носовыхъ.

У Ягича приведены случаи замѣны и смѣшенія (Prolegom. XX), но не всѣ. Затѣмъ такіе случаи, какъ чисти вм. части, вада вм. вида, ми — ма и другіе, я затруднился бы объяснить, какъ замѣну и — е — л; я вижу здѣсь описки, объясняемые часто вліян. послѣдующаго слога (какъ и въ случаяхъ замѣны и — е въ словахъ хвалите — вм. ти, оуѣце — вм. ци и пр.: вліяніе предыд. слога).

Къ замѣченнымъ ак. Ягичемъ примѣрамъ замѣны: оужасише, вм. шл Л. 24 22, етъ вм. лтъ I 8 20; (или замѣны е — л) отамлѣжштааго Л. 6 30, бмштѣдѣнъ Л. 20 29, врѣмл своѣм Л. 1 20, глашл I 10 6, крѣсташтл, оучаштл Мѡ. 28 19, 20, бывѣшл I 6 19; (ж — оу) градоушту Л. 9 42, їноудоу I 10 1, отьтоудоу Мр. 7 24, ан'дрѣоу Л. 6 14,

прибавлю еще слѣдующіе: примше I 4 45 (вм. шл), ї обѣ . . . мѣ е . . . вѣзлагаж ржцѣ на нѣ Мр. 10 16 въ лѣже кльнеши Мѡ. 5 33, мждѣнаа Л. 24 25 (по моудитъ Мѡ. 24 48 и др.), сѣди Мр. 12 36 Л. 20 42 (но и сади Л. 14 8, 10; ѣ очевидно здѣсь не путемъ фонетическимъ, а подъ вліяніемъ формъ неопред. наклоненія).

Можно бы привести помѣнѣти Мѡ. 5 23, 26 75, 27 63,

Мр. 11 21, Л. 154, 16 25,

22 61, І. 2 17, 12 16

поманѣти Л. 23 42, 24 8, І. 2 22,

14 26

но весьма вѣроятно, что это были дублеты; характерно, что въ Ев. отъ Л. и І. уже поровну та и другая форма.

Такіе примѣры, какъ невѣстѣ Л. 12 53 (вм. — а), литостратѣ І. 19 13 (вм. — а), мнѣ кажутся описками; первый примѣръ подъ вліяніемъ предыдущей такой же формы.

Интересны такіе случаи употребленія носового:

пѣнѣтѣскоумоу. Мѡ. 27 2, Л. 3 1 (въ Мар.: понѣтѣскоумоу).

Данный примѣръ можетъ дать поводъ думать о потерѣ носового оттѣнка и выступленіи ж здѣсь, какъ замѣстителя оу. Написаніе пѣнѣтъ съ кавычкой какъ бы свидѣтельствуешь о большей древности и первоначальности передъ написаніемъ понѣтъ, но съ другой стороны жн говорить и о какомъ-то смѣшеніи, замѣнѣ. Здѣсь ж могъ выступить вм. оу, т. к. имѣются ф. поунѣтъ, фоунѣскоумоу (Ср. Миклош. Lexicon pal. sl. 624, 755) въ другихъ памятникахъ. Въ видѣ послѣдовательности мы ожидали бы написанія пѣтъск . . ., какъ, напр., ф. александровоу Мар. Е. Мр. 15 21 (впрочемъ, это написаніе мнѣ кажется позднѣйшимъ сравнительно съ нап. З. Е. — александ.).

Къ случаямъ смѣшенія ѡ — ѡ, отмѣченнымъ у Ягича:

воды въслѣплѣштѣѡ І. 4 14, въземѣѡ Л. 19 22

(прич.), іудеѡ І. 11 33 (вин. п. мн. ч.)

прибавлю: лежѣштѣ Мѡ. 8 14, иди въ іудеѡ І. 7 3.

гѣѡ Л. 18 2 (прич.), галилеѡ Л. 23 6 (вин. п.)

(у Шепкина Разсужд., 82, невѣрно указано: юношѡ — ѡ вм. ѡ Мр. 14 51; форма эта правильная, такъ какъ здѣсь

винит. п. ед. ч.; въ Мар. Е. ѡ, такимъ образомъ въ послѣднемъ памятникѣ ѡ вм. ѡ).

Прежде чѣмъ дѣлать общее заключеніе относительно носовыхъ гласныхъ въ З. Е., я долженъ остановиться подробно еще на одномъ знакѣ, графич. начертаніи ѡ съ добавочной черточкой:

Знакъ этотъ обозначается условно ѡ. Я уже вкратцѣ упоминалъ, что начертаніе это я вывожу не изъ ѡ или ѡ, а считаю измѣненіемъ ѡ, что подтверждаетъ и приведенный мною ранѣе примѣръ варавѡ, гдѣ ѡ также съ добавочной черточкой, являющейся характерной для разсматриваемаго начертанія. Начертаніе это употребляется только въ окончаніяхъ причастій настоящаго времени отъ нѣкоторыхъ глаголовъ, при чемъ наряду съ этимъ оконч. въ тѣхъ же формахъ употребляется и окончаніе ѡи:

градѡи — градѡи	сѡи — сѡи
живѡи — живѡи	ѣдѡи — ѣдѡи

1 разъ несѡ — несѡи.

Замѣна только въ извѣстныхъ случаяхъ показываетъ, мнѣ кажется, что новое начертаніе входило только въ употребленіе, что ф. градѡи и пр. являлись уже традиционными и не удовлетворяли слухового ощущенія.

Ак. Ягичъ, отличая данный знакъ отъ ѡ, говоритъ, что ѡ обозначалъ звукъ, который выражался въ болгарскихъ позднѣйшихъ памятникахъ черезъ ѡ, т. е. глухой. Но если это такъ, если можно сблизить съ позднѣйшимъ употребленіемъ ѡ, тогда почему неправъ былъ и тотъ, который началъ бы въ древнѣйшихъ ц.-сл. памятникахъ искать иногда подъ ѡ — глухой? Да и какимъ образомъ мы могли бы объяснить, что писецъ, употреблявшій ѡ, ѡ въ значеніи носовыхъ, могъ воспользоваться этими начертаніями для обозначенія глухого, для выраженія котораго

онъ имѣлъ болѣе близкія начертанія? Мнѣ кажется, въ этомъ случаѣ Ягича ввело въ заблужденіе внѣшнее сходство.

(Съ мнѣніемъ Ягича не соглашался Гейтлеръ, Die alban., 67, но его соображенія относительно древности и первоначальности даннаго начертанія, возникшаго будто бы изъ латинскаго *i* + начерт. глагол. *л*, не выдерживаютъ критики).

Рѣшеніе занимающаго насъ вопроса удобнѣе поставить на почву лишь древнѣйшихъ ц.-слав. памятниковъ, и разсмотрѣніе этихъ послѣднихъ относительно даннаго вопроса приводитъ съ слѣдующему.

Въ Мар. Ев. встрѣчается также *л*, при чемъ отмѣчаются случаи совпаденія съ *з*. Е. Случаевъ употребленія, впрочемъ, меньше. Въ двухъ мѣстахъ, гдѣ въ *з*. Е. *л*, въ Мар. *ж*, 1 разъ *л*: живжи I. 6 57, сжи I. 6 46, градми I. 12 13.

Съ другой стороны въ Мар. есть примѣръ: гора *л* I. 5 35, въ *з*. — *л*.

Для болѣе точнаго сравненія употребленія *л* въ *з*. Е. и *м*. Е. приведу данныя:

З. Е.

град*л*и 10 разъ Мѡ. 11 3,
Мр. 11 9, Л. 6 47, 7 19, 20,
19 38. I. 6 14, 35, 11 27, 12 13.
град*з*ы 4 раза I. 1 15, 27. Л.
10 33, Мр. 2 14 (поздн. часть
Мѡ. 21 9, 23 38).

жив*л*и I. 6 57.

жив*з*ии, — *ы* I. 11 26, Л.
15 13.

с*л*и, с*л*и 3 р. Мр. 13 16,
I. 1 18, 6 46.

при чемъ Мр. 13 18:

„ I. 1 18:

М. Е.

вездѣ град*з*ы и только 1 разъ
град*л*и I. 12 13

жив*ж*и

с*з*ии

с*л*и

З. Е.

М. Е.

при чемъ I. 6 46:	с жи
стыи около 17 разъ	то же
ѣдѣи I. 6 54, 58.	I. 6 58 — ѣи
ѣды 6 р. Мѣ. 11 18, 19, Мр.	— ты
14 18. Л. 7 33, 34. I. 13 18.	
несѣ Мр. 14 13. Л. 22 10.	носа
несы I. 19 17, 39.	— ты

Въ Ассем. Ев., какъ извѣстно (Ср. Uvod къ изд. Рачаго, XXII), находятся случаи с жи, град жи, а также град жи; град жи находится также въ Клоц. Сб. и Синайск. Тр.; въ Охрид. Ев. с жи (ср. снимокъ у Гейтлера), град жи см. Срезневскаго: Древ. глаг. памят.; замѣчу, кстати, что транскрипція Ср. въ нѣкоторыхъ случаяхъ невѣрна; ср. мое изд. Охр. Е.).

Сравненіе всѣхъ этихъ данныхъ указываетъ на слѣдующее. Въ ближайшихъ, оригиналахъ, или, лучше, въ первоначальномъ общемъ оригиналѣ З. и М. Е. (близость этихъ памятниковъ даетъ полную возможность предположить общность ихъ первоначальнаго оригинала, копіи съ котораго, можетъ быть, служили уже непосредственными оригиналами для З. и М. Е.) былъ букв. знакъ, передаваемый нами ѣ. Онъ былъ вызванъ необходимостью: въ нѣкоторыхъ причастіяхъ, въ окончаніяхъ, вмѣсто прежняго ты, ти, началъ слышаться, подъ вліяніемъ окончаній другихъ причастій, носовой звукъ, изображенный первоначально подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей этихъ причастій черезъ ж и иногда лишь черезъ л (т. е. изъ формъ вліявшихъ причастій). Сознательной реформой этого окончанія и было установленіе разсматриваемаго начертанія.

Такимъ образомъ я не согласенъ и съ позднѣе выказаннымъ мнѣніемъ Ягича въ примѣч. къ тексту Мар. Е. (стр. 222), что „ѣ передаетъ глаголич. букву ѣ, передѣланную

въ кирилл. ж, такъ что первоначально было граѡ, потомъ же исправлено въ граѡжи“. Если бы было первоначально граѡ, то эта форма такъ бы и осталась, какъ показываютъ другіе памятники, какъ показываетъ и М. Е.; очевидно былъ другой знакъ, который нужно было приблизить къ этому ѡ. Ненужно упускать изъ виду, рассматриваемое начертаніе употреблялось только въ 2-хъ памятникахъ, и то далеко не проведено было послѣдовательно; такимъ образомъ явствуетъ, что нужды особенной въ немъ не было.

Проф. Ульяновъ (Основы настоящ. 21—24) высказывалъ ту мысль, что граѡи, сѡи, живѡи болѣе древни, чѣмъ граѡѡи, живѡѡи, что это остатки причастій, передававшихъ даже древнѣйшія чередованія ont: ant. Съ этимъ, конечно, невозможно согласиться: здѣсь мы видимъ явленіе начинающееся, какъ показываетъ исторія изученія памятниковъ, а не остатки. Да и почвы для подтвержденія мысли Ульян. не даютъ ни слав. языки, ни литовскій. Возраженіе Ульян., что граѡ не возникло подъ вліяніемъ пиѡ, такъ какъ тогда было бы и въ косвенныхъ падежахъ граѡѡшти и пр., говоритъ именно въ нашу пользу: въ косвенныхъ падежахъ былъ носовой, слѣдовательно, вліяніе не могло уже тамъ коснуться, какъ въ именительномъ.

Къ чему же приводить рассмотрѣніе употребленія носовыхъ въ З. Е.? На этотъ вопросъ можно отвѣтить такъ: больше данныхъ за то, что ж и ѡ имѣли носовое произношеніе. Слишкомъ мало замѣнъ ж — оу, ѡ — е для того, чтобы говорить о дѣйствительной замѣнѣ чистыми гласными: нужно имѣть при томъ въ виду графическую близость глаг. оу и ж, фонет. близость ѡ — е, чтобы иной разъ смѣшеніе не оправдать этимъ. Слишкомъ мало также данныхъ для того, чтобы говорить о смѣшеніи ж и ѡ (малочисленность примѣровъ не позволяетъ говорить, напр., о сходствѣ съ Болонск. Пс., въ которой послѣ ж, ш, жд, шт. . . . ѡ замѣняется ж, но съ другой стороны здѣсь же

послѣ л и др. выступаетъ л вм. ж, такимъ образомъ несходство съ З. Е.).

§ 9. Зѣло употребляется въ З. Е. гораздо рѣже, чѣмъ въ Мар. Замѣчательной послѣдовательностью въ употребленіи зѣла отличается позднѣйшая часть З. Е. Здѣсь сохраняется позднѣйшая черта оригиналовъ, находившая, вѣроятно, соотвѣтствіе въ говорѣ писца. Что касается говора писца З. Е. и также Мар. Е., то можно думать, что зѣло являлось уже традиціей. Правда, Мар. Е. очень часто употребляетъ зѣло, но замѣна его въ нѣкоторыхъ случаяхъ з, можетъ говорить, что въ употребленіи зѣла удержалась традиція, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ. Такимъ образомъ я расхожусь здѣсь съ мнѣніемъ Ягича (Мар. Е., 420), а позднѣйшая часть З. Е. заставляетъ меня быть противъ также мнѣнія Облака — объ исключительно графическомъ значеніи зѣла въ другихъ ц.-сл. памятникахъ (Arch. XVIII)

Для иллюстраціи выведенныхъ наблюденій возьмемъ примѣры:

З. Е.

Мар. Е.

м(ѣ)нози Мө. 7 13, 8 1, 9 10, мѣнози

13 2, 17, Мр. 2 2, 5 9, 6 31,

9 26, 10 48, 11 8. Л. 1, 8 30

и т. д.

— си Мө. 8 11, Мр. 10 31, — си

12 37, Л. 1 14, 6 60.

— си (поздн. часть) Мө. 19 2, — си 24 10 -- зи

30, 20 16, 22 14, 24 5, 10, 11.

— си Мө. 15 30, Л. 5 15, I. — зи

11 19.

— зи Мр. 9 26, 6 2, 13 6, Л. — зи

7 47, I. 10 20.

То же въ другихъ формахъ, напр., въ множѣхъ Мө. 25 19, 10 31 въ З и М. Е.; — ѣ Мө. 26 9, хотя наряду съ

этимъ въ Мар. часто **з**: Л. 12 7, 2 36, 10 41, 16 10 и пр.
Очень характерно мѣсто Л. 16 10, гдѣ въ З. и М. мы
видимъ слѣдующее:

З.

М.

вѣрны въ малѣ. ꙗ въ
мнозѣ вѣрныъ естъ. ꙗ
невѣрны въ малѣ ꙗ
въ мнозѣ . . .

мнозѣ

мнозѣ

Затѣмъ:

польза, — **ж** Мр. 8 36, I.

— **з**

12 19, 6 63, Л. 9 25.

польза Мр. 5 26.

— **з**

— **за** Мө. 16 26 (поздн.)

— **з**

пользовалъ Мр. 7 11, Мө.

— **з**

15 5.

кънѣзь и др. ф. Л. 18 18, 8 41,

— **з**

24 20, I. 3 1, 12 31, 16 11,

7 26, Мө. 9 34, 12 24, Мр. 6 21.

— **зъ** I. 14 30.

— **з**

— **зъ** (поздн. ч.) Мө. 20 25.

— **з**

— **зъ** Л. 8 41, 11 15, 23 13,

— **з**

I. 12 42, Мр. 3 22.

Три раза употребленное слово звѣзда имѣеть въ З
. **з** — Л. 21 25, Мр. 13 25, Мө. 24 29, между тѣмъ какъ
въ Мар. въ двухъ послѣднихъ случаяхъ **з**. Зато само
слово звѣло въ З. Е. 4 раза съ **з**, Мө. 27 14, 26 22, Л.
18 38, 23 (въ остальныхъ случаяхъ **з** Мө. 7 27, 4 8, 8 28,
Мр. 1 35, 6 51, 9 3, 16 2, 4, Л. 23 8 и въ поздн. части Мө.
19 25, 18 31, 17 23), въ Мар. вездѣ **з**

Съѣззати — только въ поздн. ч. Мө. 18 23 имѣеть
з, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ (12 разъ **з**, въ Мар.
5 р. — **з**, остальн. **з**).

З.	М.
растръзва и др. ф. Мө. 26 65, — s, Мр. 14 63 — з	
Л. 8 29, Мр. 14 63.	
пѣнмъзъ и др. ф. Мр. 6 37, — s	
14 5, I 6 7, 12 5, 2 15, Л.	
10 35, 20 24, 12 6.	
пѣнмъзъ Мө. 22 19 (поздн.) — з	
„ Мр. 15 15. — з	
мъж, — л Мө. 4 23, 9 35, Мр. Мө. 9 35 — s	
1 34. — з	
огобъзи Л. 12 16. — s	
въ форм. гл. подвизати Л. — s	
13 24, I. 18 36.	
въжизати Л. 15 8. — s	
слоуsѣ Мө. 5 25. — s	
слоузѣ Л. 12 58. s	
носѣ Мө. 18 8, 22 13 (поздн.) s	
I. 11 2, 12 3, 13 9, 10, 14, — з	
Л. 7 46.	
носѣ Мө. 28 9, Мр. 9 45, Л. s	
7 38, 44, 15 22, I. 13 5, 12, 14.	
неджзѣ I. 5 5. s	
подвизѣ Л. 22 44. s	
длѣзѣ Л. 18 4. s	
дроуsѣмъ Мө. 6 24. s	
дроуsѣмъ и др. ф. Л. 5 7, s	
16 13, Мр. 8 3, 28.	
брѣsѣ I. 21 4. s	
бѣѣ, — и Л. 1 47, I. 10 34. s	
помози Мө. 15 25, Мр. 9 22, 24. s	
врѣзи Мө. 18 9, 17 27, I. 8 7. s	
„ въ —, Мө. 21 21. s	
въврѣзи, ѣте Мр. 11 23, s	
Мө. 25 30, I. 21 6.	

§ 10. Наблюденія надъ употребленіемъ *ъ* въ З. Е. приводятъ насъ къ нѣкоторымъ любопытнымъ выводамъ.

Прежде всего мы замѣчаемъ колебаніе между *ъ* и *а* въ слѣдующихъ случаяхъ (беру сравнительно съ Мар. Е.; выдвигаю въ образцахъ отдѣльныя формы, не упоминая о другихъ; въ виду большихъ затрудненій, связанныхъ съ передачей различныхъ значковъ, здѣсь и особенно дальше я не стремлюсь къ воспроизведенію палеограф. особенностей написаній):

З. Е.	М. Е.
авленъе Л. 8 17.	ѣвленъе
„ Л. 1 80.	а —
авѣ Мө. 6 18, 12 16, Мр. 1 45,	ѣвѣ
6 14.	
авѣ Мө. 64, 6, 26 73, Мр. 3 12,	авѣ
ѣвѣ I. 7 4, 10.	ѣвѣ
„ I. 11 54.	авѣ
ави сѣ и др. ф. Мө. 6 18,	ави сѣ
9 33, 11 25, 13 26, 16 17,	
24 30, Мр. 4 22, Л. 8 17,	
10 22, 19 11.	
ѣви сѣ и др. ф. Мө. 17 3,	а —
23 28 (доб.), Л. 22 43, I. 10 32,	
14 12, 17 6.	
ави и др. ф. Мр. 16 9, 12,	ѣ —
9 4, Л. 1 11, 9 31.	
ѣви и др. ф. I. 21 1, 2, 14, 2 18,	ѣ
Мө. 27 53.	
аште Л. 6 32, I. 9 22.	ѣште, ѣще
еште I. 14 3.	ѣште
азъ Мр. 11 29.	ѣзъ
абъе Л. 5 13.	ѣбие
множаѣшѣ — ае Мө. 11 20,	— ѣишѣ, ѣе, аишѣ...
Мр. 12 43, Л. 11 31, 32, I. 4 1,	
Л. 11 53.	

З. Е.

М. Е.

[— ѣиши, ѣишм, доб. ч. — ѣ

Мө. 21 8, 36.]

тачае (здѣсь, очевидно, та чѣе I. 2 10.

ошибка: два е вмѣсто од-
ного, т. обр.: тачае).

Колебания между *ѣ* и *а* въ данныхъ и подобныхъ случаяхъ, мнѣ кажется, объясняются вліяніемъ предыдущаго слога. Если *а* предшествовалъ, напр., союзъ *і*, то это начальное *а* переходило въ *ѣ*. Здѣсь нѣсколько аналогичное явленіе перегласовкѣ въ чешскомъ яз. Такъ первоначально, мнѣ кажется, возникала разница въ написаніяхъ одного и того же слова. Что *и*, напр., имѣло такое вліяніе, могутъ показывать слова, заимствованныя изъ греческаго:

иѣковъ — *ἰακώβ*, иродиѣда — *ἱρωδίδας* (интересно, что по переходѣ этого иѣ — ѣѣ — ѣѣ, получилась ф. съ ѣа: іродѣады Мө. 14 3; въ З. Е. есть ф. и посред. съ ѣѣдѣ Л. 3 19), тибериѣда — *τιβερίδας*, коустодиѣ — *κουστοδία* и пр.

Последніе примѣры даютъ намъ особенно возможность выставить предыдущее объясненіе, т. к. въ ранѣе приведен. данныхъ изъ памятниковъ нельзя подмѣтить необходимой для насъ послѣдовательности въ употребленіи той или иной формы. (Такъ же я объяснилъ бы и колебанія въ такихъ случаяхъ, какъ ютро и оутро, юже -- оуже).

Ак. Ягичъ говоритъ (Мар. Четв., 427), что употребленіе *ѣ* и *а* въ авити въ З. и М. Е. приблизительно одинаковое, а ранѣе замѣчаетъ, что большинство примѣровъ въ М. съ *ѣ*. Подсчетъ въ З. убѣждаетъ, что здѣсь болѣе съ *а* и менѣе съ *ѣ*. Въ Мар. такимъ образомъ замѣчаемъ болѣе поступательное движеніе къ *ѣ*.

(То же можно сказать и относительно начальныхъ *оу* — *ю* *оуже* въ З. Е. также менѣе употребляется, чѣмъ *юже*, но все же больше, чѣмъ въ М. Е.).

Отмѣчая тотъ фактъ, что въ З. Е. чаще авити и пр., я тѣмъ не хочу и не могу сказать, что въ говорѣ послѣдняго писца ѳвити могло быть какимъ-то остаткомъ (такъ какъ одновременность существованія той и другой формы уже по даннымъ памятника не находила себѣ оправданія). То обстоятельство, что ф. ѳвити и пр. (какъ и юже) характеризуетъ собою особенно Еван. отъ Іоанна, гдѣ мы встрѣчаемъ какъ бы ббльшее вліяніе послѣдняго писца (объ этомъ дальше), говоритъ намъ о возможности существованія подобныхъ формъ въ говорѣ послѣдняго писца З. Е. (интересно сопоставленіе относительно ю и оу; въ Ев. отъ Іоан. юже: І. 4 36, 9 22, 27, 11 39, 13 2, 14 30, 15 3, 15, 19 28, 33, 21 14; въ Мар. Е., гдѣ только 3 раза оуже, а 25 р юже, въ одномъ изъ прив. мѣстъ отъ Іоан. — 15 3 оуже; въ другихъ мѣстахъ З. Е. юже и оуже наполовину). То обстоятельство также, что на ряду съ большимъ числомъ юже и въ Мар. и особ. Зогр. гораздо чаще оутро и пр., чѣмъ ютро и пр., можетъ, во-1-хъ, говорить въ пользу приведеннаго выше мнѣнія относительно вліянія і, т. к. оутро очень часто употреблялось въ ф. за оутра, ізоутра и пр., почему могло и первоначально сохраняться болѣе часто оу, во-2-хъ, что здѣсь, можетъ быть, болѣе вѣрно удержаны черты предыдущихъ оригиналовъ (въ Ев. отъ Іоан. мы замѣчаемъ 1 разъ ютро, 2 раза въ другихъ мѣстахъ Мө. 16 3, 27 1, на 13—14 случаевъ съ оу во всемъ Еванг.).

Интересныя чередованія:

З. Е.	М. Е.
съ блажнѣтъ Мө. 18 8. (доб.)	— нѣтъ.
„ с.л „ 13 21.	— нѣать.
„ „ 5 29. 18 9.	— наать.

Мр. 9 43, 45, 47.

— наетъ Мө. 5 30.

„

(т. обр. въ М. Е. подъ ф. — нѣать скрывается — наать).

На ряду съ чередованіемъ ѣ — а намъ пришлось уже отмѣтить одинъ случай чередованія а — ѣ — е: еште (въ другихъ случаяхъ аште, Мар. ѣште). Повидимому, къ случаямъ такого же чередованія можно было бы отнести: окамѣнилъ І. 12 40 (То же въ Мар. Е.) — окаменено Мр. 6 52, 8 17 (то же М.), но въ ф. окамѣнилъ можно видѣть измѣненіе, какъ ф. камѣнь І. 2 5. Безспорно, характернымъ является случай замѣны ѣ — е въ выраженіи: подави е Мө. 13 7 (Мар. Ев. — ѣ; *αὐτά*). Замѣна ѣ — и: приложитъ Мө. 12 20.

Зато передача нѣкоторыхъ словъ, заимствованныхъ изъ греческаго, говоритъ о смѣшеніи ѣ и е

З. Е.

М. Е.

юдѣи І. 1 19, 9 22, 19 20.	— ѣи.
„ Мр. 7 3, І. 2 20, І. 5 16.	— еи.
— еи І. 2 18, 4 9,	„
5 10, 18, 6 41, 52, 7 35.	
Юдѣѣмъ Л. 6 17.	— ем,
— ем І. 4 48.	„ и пр.
галилеѣ, ем Мө. 4 15, 25.	— еа, — ем.
27 55. Мр. 3 7. Л. 23 5.	
— ем Мө. 4 12, 23, 28 10, 16	— ем.
и др.	
— ѣмъ Л. 17 11.	— ѣемъ.
— ѣм (доб.) Мө. 19 1.	— ем.
— еискаго Мө. 21 11.	— еискааго.
— ѣанинъ, Л. 22 59, 13 2.	— еанинъ.
еврѣйскими, Л. 23 38,	— е.
— еіскы І. 5 1.	„
закъхеа, — еи Л. 19 1, 8.	— еи.
— ѣе Л. 19 5.	— ѣе.
ѣерѣи, — ѣови, — омъ Л.	— е.

З. Е.

М. Е.

- 10³¹, 5¹⁴, 6⁴ (въ друг.
случаяхъ е: іереи и пр.).
ариматеѣ, т'еѣ Мѣ. 27⁵⁷. — ѣѣ.
Мр. 15⁴³.
— т'ѣѣ, т'ѣѣ Л. 23⁵¹, I.
19³⁸.
ан'дрѣа Мѣ. 10². Мр. 13³. — ѣ.
1¹⁶, Л. 6¹⁴ и др.
— еа, — еова I. 1⁴¹, 45.
— ѣѣ Мѣ. 4¹⁸. — е.

и др.

Къ такимъ случаямъ, какъ андрѣа изъ *Ἀνδρέας*,
нужно присоединить передачу.

- ναζαρέτ* — назаретъ, — а Мѣ. 4¹³, Л. 1²⁶, I. 1⁴⁶, 47.
назарѣтъ Л. 2⁵¹, Мр. 1⁹, Мѣ. 21¹¹ (доб.)
βεελζεβοὺλ — вельзѣвола и др. ф. Мѣ. 10²⁵, 12²⁴ и др.

Такимъ образомъ въ данныхъ случаяхъ, гдѣ безусловно
должно быть е и въ словахъ другихъ заимствованныхъ изъ
греческаго, мы видимъ смѣшеніе ѣ и е, при чемъ нужно
думать, что смѣшеніе это дѣло позднѣйшаго времени. Ко-
личественное отношеніе окончаній ѣи и еи при передачѣ
греч. словъ на *αἰος* и *εὐς* убѣждаетъ, напр., что *αἰος* пе-
редавалось первоначально ѣй, *εὐς* — ей. Такимъ образомъ
я не согласенъ съ мнѣніемъ ак. Соболевскаго, что это
была одновременная передача (при чемъ греч. ε передава-
лось то е, то ѣ въ виду того, что подобнаго греч. по про-
изношенію не было у славянъ звука, Др. ц.-сл. яз. фонетика
М. 91 г., 33).

Всѣ эти наблюденія приводятъ къ заключенію, что ѣ
въ З. Е. уже не былъ тождественъ ѣ первоначальной
ц.-слав. письменности, что знакъ этотъ, какъ и ѣ и ѣ, за-
ключалъ въ себѣ обозначеніе болѣе, чѣмъ одного опредѣ-

лэннаго звука. И большинство данныхъ убѣждаетъ, что для писца З. Е. въ большинствѣ случаевъ этотъ знакъ обозначалъ *e*.

§ 11. Въ З. Е. мы видимъ какое-то колебаніе относительно *l-epentheticum*; употребляются формы то съ нимъ, то безъ него. И сравнивая съ данными Мар. Е., мы находимъ, что въ однихъ случаяхъ З. Е. уступаетъ, въ другихъ превосходить. — Для примѣра:

З. Е.

М. Е.

древънимъ, — нѣмъ, древънимъ, ѣнимъ
нѣимъ

Мѣ. 5 21, 27, 33,

древѣльнихъ, льнихъ Л.

9 19, 8.

оставъ, выше — а Мр. 8 13, 78. оставъ, — выше.

” Мѣ. 13 36, Мѣ. — вль, — вльше.

26 56, Мр. 1 18, 20.

Въ Мар. земли только 2 раза, остальн. — земли, въ З. Е. около 28 р. — земли, земли — около 16. Мнѣ кажется, здѣсь не нужно предполагать, какъ то дѣлаетъ Вондракъ (*Zur Kritik.*, 749—50), о возможности самостоятельнаго возникновенія этихъ формъ (съ одной стороны: земли — земли — земли, съ другой — земли — земли — земли). Противъ мнѣнія Вондрака особенно можетъ говорить Мар, Ев., гдѣ почти исключительно земли, а между тѣмъ въ другихъ падежахъ мы видимъ формы съ л. На ряду съ этимъ ф. корабль въ З. Е. чаще, чѣмъ корабь, между тѣмъ въ ф. предл. пад. 4 раза кораби (Мѣ. 14 33, 4 21, Мр. 5 21 8 14) и 1 разъ — бли. Л. 5 7. И въ послѣднемъ случаѣ съ З. Е. сходится Мар. (3 раза — би, 2 раза бли, но корабь чаще, чѣмъ — блъ, т. обр. противополож. З. Е.). Эти данныя могутъ указывать на то, что уже въ подлинникахъ, послужившихъ оригиналами для З. и М. Е.,

не было единства въ употребленіи ф. съ l-erenth., что эта непослѣдовательность послѣдними памятниками была воспринята и продолжена. Для продолженія и развитія этой черты могли служить формы, существовавшія въ языкѣ писцовъ, уже безъ л. Такимъ образомъ, если писецъ З. Е. пишетъ: корабль, кораѣь, корабь (Мө. 823, 1432. Л. 511), то, въ сущности, это видоизмѣненія лишь оригинала, а для выраженія собственного произношенія онъ долженъ былъ бы продолжить еще данную постепенность и дать написаніе подобное встрѣчающемуся въ М. Е. — корабь. Сохраненіе значка, при пропускѣ л, напр.: прѣстѣѣь (на ряду съ пѣь), земѣи и пр. указываетъ, по моему мнѣнію, на то, что здѣсь удерживаются уже безсознательно данныя оригинала.

Въ позднѣйшей части З. Е. только 3 формы съ л: дивлѣахѣ, коуѣлѣ, авраамлѣ, остальные — безъ л.

§ 12. Извѣстнаго рода переживанія языка мы наблюдаемъ также въ склоненіи слова господь.

З. Е.	М. Е.
Род. п. Ѣи Мө. 25 21, Л. 143.	Ѣи.
гѣ Л. 145.	„
„ Л. 2037, 243, 1316.	Ѣа.
І. 15 20.	
Ѣа Л. 12 27, 36.	„
„ Мө. 25 23.	Ѣи.
Дат. п. Ѣю І. 6 23.	Ѣѣ.
„ Л. 19 8.	Ѣи.
Ѣви Мр. 12 36, Л. 117,	Ѣви.
223, 38.	

Эти факты обнаруживаютъ, что у писца З. Е. были формы: Ѣдѣ, Ѣ. ю (еви) и пр., что начиналось уже отвердѣніе Ѣдѣ — Ѣди, вѣроятно, подъ влияніемъ Ѣга, а формы Ѣди и пр., по всей вѣроятности, относятся къ подлинникамъ.

Слово кесарь склоняется по мягкому и твердому скл.: кесарѣ, —а, овѣ, еви и пр., между тѣмъ какъ цѣсарь только по мягкому. Обыкновенно считаютъ цѣсарь болѣе раннимъ заимствованіемъ (Ср. Щепкинъ, Разсужд. 280), мнѣ же кажется, что эти слова были заимствованы одновременно, при чемъ кесарь имѣло специальное приложеніе къ византійскому вазилевсу, а цѣсарь заимствовано посредствомъ латинскаго но уже на греческой почвѣ. Что моя догадка имѣетъ нѣкоторыя основанія, укажу на то, что цезарями со времени Адріана назывались 2 помощника при „августѣ“.

§ 13. Въ формахъ склоненія прилагательныхъ и нѣкоторыхъ мѣстоименій мы видимъ въ З. Е. различныя наслоенія — результатъ вліянія различныхъ нарѣчій, т. к. трудно предполагать засвидѣтельствованіе здѣсь колебательнаго состоянія въ извѣстномъ періодѣ развитія языка. Употребленіе, напр. въ род. п. ед. ч. аего, ааго и аго заставляетъ склониться къ признанію въ говорѣ послѣдняго писца аго, т. к. мы видимъ постепенное проникновеніе стяженныхъ формъ и въ другія окончанія.

Подъ окончаніями ѣихъ, ѣими и пр. видятъ неточное изображеніе ѣихъ, ѣими и пр. (Vondrak, Zur Declination, Arch. 22; Ср. Leskien Die Declination im slav. und l., 130 и сл.). Если подъ этими начертаніями скрываются полныя, то такія формы, какъ нечистыхъ Мѣ. 101, друугымъ Л. 443 и др. считаются уже стянутыми (Vondr., ibid.). Впрочемъ я долженъ замѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ ты по произношенію было тожественно ѣї, -ѣи; въ этотъ убѣждаетъ меня сравненія съ М. Ев. и сравненія различныхъ примѣровъ самомъ З. Е.:

З. Е.	М. Е.
животѣны I. 648.	— ѣи.
” — 35.	— ѣи.
добрѣ I. 1011.	— ѣи.

З. Е.

М. Е.

другы Л. 7 41.

— ы.

— ы Л. 9 61.

— ы.

истинныи I. 6 32.

— ы.

Сходство въ З. Е. и М. Е. свободно можетъ указывать на то, что въ подобныхъ написаніяхъ заключаются остатки прежней графики.

Въ З. Е. гораздо болѣе сокращенныхъ формъ. Что писецъ М. Е. иной разъ прямо-таки поддѣлывался подъ полныя формы, указываетъ любопытное измѣненіе: о имѣштимъ бѣсѣнемъ (З. бѣсѣнемъ, оглавл. отъ Луки, Мар. Е. 187 21).

§ 14. Въ 3-мъ лицѣ ед. ч. наст. врем. въ нѣк. случаяхъ мы имѣемъ аатъ: подобаатъ Л. 9 22, 19 5, 24 7, подобаа Л. 18 1 (въ друг. случ, аетъ), разбиаатъ Мр. 9 18, прѣжаатъ Л. 9 39, съконѣчаатъ Мѳ. 4 14, авлѣатъ Мѳ. 24 27. Этимъ всѣмъ примѣрамъ въ М. Е. также соотвѣтствуетъ аатъ, притомъ окончаніе это для М. Е. является гораздо болѣе распространеннымъ. Также 2 л. мн. ч. 1 примѣръ въ З. Е. — помышлѣате Мр. 8 17 (др. ѣте: Л. 5 22, Мр. 2 8, I. 11 50), Мар. — аате (др. прим.: ѣате). Ак. Ягичъ объясняетъ появленіе этого окончанія аатъ тѣмъ, что въ живой рѣчи уже тѣ не произносилось и ае, ассимилируясь въ аа, давало въ сущности а. Но этому объясненію прежде всего противорѣчатъ довольно многочисленные примѣры 2 л. мн. ч. въ М. Е. съ аате, гдѣ уже никоимъ образомъ нельзя говорить о сокращеніи окончанія. Распространенность окончанія аатъ я ставлю въ параллель съ распространенностью окончаній ааго изъ аего въ М. Е., въ частности же относительно З. Е. скажу, что болѣе рѣдкое употребленіе аатъ и совпаденіе въ этихъ случаяхъ съ М. Е. заставляетъ, скорѣе, видѣть здѣсь данныя оригинала З. Е.

§ 15. Уже отмѣченъ нами примѣръ приобрѣтъхъ Мѳ. 25 20 (далѣе Мѳ. 25 22 — тохъ), гдѣ аор. I. измѣненъ

во II прибавкой хъ; то же самое придѣл. Mr. 515, гдѣ изъ придѣл. I прибавкой шл сдѣл. 2-й аористъ. Въ М. Е. мы также видимъ иной разъ замѣны аор. 1—2-мъ, иногда даже поправки (Яг., М. Е., 450). Дѣлая иногда подобн. замѣны, М. Е. въ то же время гораздо послѣдовательнѣе въ употребленіи 1-го аориста.

Наблюденія надъ формами имперфекта убѣждаютъ, что и въ З. Е. и въ М. Е. есть склонность перейти къ формамъ сокращеннымъ. Сравненіе различныхъ формъ приводитъ къ заключенію, что ф. полныя были свойственны, по всей вѣроятности, оригиналамъ; замѣняя эти формы иногда сокращенными, З. и М. Е. расходятся, выставляя въ различныхъ мѣстахъ эти формы; объясняется это самостоятельностью въ замѣнѣ; случаи же совпаденія сокращ. формъ могутъ быть объясняемы, съ одной стороны, случаемъ, съ другой — возможностью возникновенія этихъ сокращенныхъ формъ въ непосредственныхъ подлинникахъ.

Разница въ формахъ иной разъ можетъ подтверждать (хотя отчасти, конечно) тѣ наблюденія, которыя сдѣланы о 2-хъ редакціяхъ З. и М. Е. (Vondr., Altsl. St., 53—67) или, какъ мы выражаемся, о посредствующихъ оригиналахъ.

§ 16. Позднѣйшая часть З. Е. являлась дополненіемъ, очевидно, затерянныхъ листовъ памятника, на это указываетъ особенно то обстоятельство, что послѣдняя страница подгонялась: писецъ сначала, думая, что не помѣстится остающееся, нанизывалъ строки (этимъ прежде всего послѣдн. страница отличается отъ предыдущихъ), а затѣмъ уже дописывалъ разгонисто, остановившись въ концѣ концовъ на полустроку.

Нѣкоторыя особенности языка этой части уже затронуты. Особенно здѣсь поражаетъ частое употребленіе ѡ вм. ж; только 2 раза употреблено ѡ, при чемъ начертаніе очень похоже на начертаніе Вѣнскихъ Листковъ — эе; встрѣчаются случаи смѣненія носовыхъ: сж — сж Мо. 1834, ежже и др. Есть и замѣна оу — ѡ: ѡгглѡ. Мо. 2142

(вм. оу). Здѣсь сильно замѣтна уже какая-то нечувствительность къ правильной постановкѣ носовыхъ. Другая черта — это одно только ѣ и попадающееся кое-гдѣ (особенно на концѣ строчекъ) написаніе кирилловскаго ѿ, при чемъ это ѿ для писавшаго играло такую же роль, какъ глагол. ѣ. Наиболѣе ясно объ этомъ свидѣлствуютъ такія написанія: малѣи, мѣислити, бѣити и пр.

Эта часть написана несомнѣнно значительно позже древнѣйшей. Если древнѣйшую мы относимъ къ XI в., то позднѣйшую отнесли бы къ XII столѣтію. Впрочемъ, здѣсь, конечно, нельзя видѣть какой-то послѣдовательности, преемственности, т. к. на 2-й части могло отражаться иное нарѣчіе, поэтому если мы и выставлемъ данное предположеніе, то принимая во вниманіе совокупность данныхъ, въ томъ числѣ и палеографическихъ.

Большинство данныхъ говорятъ о болгарскомъ происхожденіи древнѣйшей и позднѣйшей частей З. Е. Такъ высказывается и ак. Ягичъ, прибавляя, что характерныя ошибки писца древн. ч. З. Е. указываютъ также на область, близкую къ сербской. Здѣсь прибавлю одинъ примѣръ, который также можетъ свидѣтельствовать о сербскомъ вліяніи: оудворѣаше Л. 21 37 (въ Мар. Е.: въ дворѣаше), то же въ поздн. ч. оудвори сѣ Мө. 21 17. Кирил. синаксарь не представляетъ ничего особеннаго (кромѣ уже высказ. въ Proleg. Ягича) по языку и памятникъ этотъ можно вслѣдъ за ак. Ягичемъ относить къ XII вѣку или можетъ быть, скорѣе — къ началу XIII ст.

§ 17. Переходя къ синтаксическимъ особенностямъ З. Е., я долженъ повторить, что выдвину лишь нѣкоторыя изъ этихъ особенностей. Подробное изложеніе всѣхъ особенностей съ извѣстными параллелями изъ другихъ памятниковъ обратилось бы въ построеніе цѣлаго синтаксиса др. ц.-слав. языка. Не задаваясь подобной цѣлью, я въ то же время долженъ здѣсь сказать нѣсколько словъ относительно методической стороны подобнаго построенія.

Синтаксисъ древне-церковно-славянск. языка долженъ строиться какъ бы на фонѣ синтаксиса греческаго. Прежде всего необходимо исходить изъ сличеній съ греческимъ текстомъ, дабы опредѣлить нѣкоторыя своеобразныя отклоненія, дабы не отнести то, что всецѣло относилось къ греческому языку, на долю языка славянскаго.

Сличенія др. ц. сл. переводовъ съ греческими оригиналами показываютъ ихъ полную зависимость отъ этихъ послѣднихъ, рабскую во многихъ случаяхъ подражательность, и потому нужно быть очень осторожнымъ при характеристикѣ того или другого явленія въ древне-церк.-слав. синтаксисѣ.

Съ извѣстнымъ ограниченіемъ можно согласиться съ общей характеристикой евангельскаго перевода, каковую находимъ въ трудѣ проф. Г. А. Воскресенскаго „Характеристическія черты четырехъ редакцій славянскаго перевода Евангелія отъ Марка“ (Чт. Общ. Ист. и Др. 96 г. I, 186): „При вообще дословной передачѣ подлинника соблюдаются однакожъ требованія славянскаго синтаксиса“. Сохраненіе нѣкоторыхъ особенностей славянскаго синтаксиса безспорно, но подражаніе греческому тексту и въ подобныхъ случаяхъ вело къ уклоненіямъ отъ этихъ особенностей. „Свободу первыхъ переводчиковъ“, ихъ „разумное вниманіе къ требованіямъ славянскаго языка“ авторъ находитъ явно выразившимися въ разныхъ частныхъ случаяхъ, которые онъ группируетъ (руководствуясь матеріаломъ изъ Евангелія отъ Марка). И особенно характерно, что „всею чаще свобода первыхъ славян. переводчиковъ“ отмѣчается авторомъ въ разстановкѣ словъ. Если въ нѣкоторыхъ случаяхъ, дѣйствительно, можно отмѣтить уклоненія относительно разстановки словъ отъ греческаго подлинника, то общая картина даннаго вопроса является наиболѣе яркимъ доказательствомъ противъ „свободы“.

§ 18. Стремленіе передать дословно евангельскій текстъ на славянскій языкъ было причиною того, что пере-

давались въ переводѣ не только грецизмы, но и внесенные въ греческій текстъ гебраизмы. Это сказалось особенно на конструкціи нѣкоторыхъ глаголовъ, которые соединялись съ предлогами (напр.: *блюдѣте сѧ отъ — βλέπετε ἀπὸ*).

Уже давно отмѣчалась особенность славянскаго текста въ передачѣ въ нѣкот. случаяхъ греч. родит. пад. именемъ прилагательнымъ. Оказывается (Blass, *Grammatik der neutestam. Griechisch. Gött.* 1902, 100), что нѣкоторыя соединенія съ родит. падежомъ въ греческомъ текстѣ объяснялись вліяніемъ текста еврейскаго, а въ еврейскомъ языкѣ замѣтно слабое развитіе имени прилагательнаго.

Остановлюсь теперь на отдѣльныхъ оборотахъ:

камень его же не врѣдоу сътворишѧ зиждѣшѧ теи.
сѧ... ї есть дивѣна Мр. 12 10—11 (Ср. Мѡ. 21 42)

дивѣна, относящ. къ камень, есть дословный переводъ греч. *θαυμαστή*, при чемъ въ подобномъ согласованіи Блассъ предполагаетъ возможнымъ видѣть вліяніе еврейскаго текста. Одно непонятно въ приведенномъ предположеніи: Блассъ говоритъ о замѣнѣ здѣсь средняго рода женскимъ (стр. 85: *femininum statt neutrum scheint zu stehen*...)

Можетъ быть, проще было бы объяснить тѣмъ, что и въ греческомъ яз. *λίθος* было мужеск. и женскаго рода, при чемъ *ἡ λίθος* употреблялось для обозначенія опредѣленныхъ камней или камней драгоценныхъ (см. подробнѣе объ этомъ у Crönert's *Memoria graeca*, Lipsiae 1903 177 и прим.; у Mauser *Grammatik der griech. Papyri aus d. Ptolemäerzeit*, Leipz. 1906 г. 262). Впрочемъ, Блассъ въ своей грамматикѣ отмѣчаетъ, что въ новозав. книгахъ слово *λίθος* и въ смыслѣ камня драгоценнаго имѣетъ членъ *ὁ* (стр. 27).

Передавая дословно — *εἶπον ἐκ τῶν μαθητῶν αὐτοῦ πρὸς ἀλλήλους* I. 16 17 — рѣшѧ же ї отъ оученикъ его къ себѣ, переводчикъ такимъ образомъ также не давалъ подлежащаго въ своемъ текстѣ (Blass совершенно, мнѣ думается, напрасно считаетъ въ привед. греч. текстѣ *ἐκ*

τῶν μαθητῶν употребленнымъ въ качествѣ подлежащаго — стр. 100 — здѣсь естественнѣе предполагать пропускъ мѣстоименія въ именит. падежѣ; поэтому для другого примѣра *ἐκ τοῦ ὄχλου ἀκούσαντες* I. 7 40 — переданномъ въ З. Ев. мнози же отъ народа... — вставка *πολλο* не являлась бы интерполяціей).

Вмѣсто 2-го именительнаго мы видимъ соотвѣтственно греческому тексту (въ свою очередь заимствовавшему въ данномъ случаѣ изъ еврейскаго, см. Blass, Gramm. 88) иногда постановку предлога въ съ винительнымъ падежомъ: и бждѣтъ стрѣпѣтънаа въ праваѣ ї острѣ въ пѣти гладѣкы Л. 3 5

καὶ ἔσται τὰ σχολιά εἰς ἐκθείας, καὶ αἱ τραχεῖαι εἰς ὁδοὺς λείας

печаль ваша въ радость бждетъ I. 16 20 Подоб. об. Мө. 19 5.

Соотвѣтственно греч. тексту:

что же сѣтворѣѣ їсѣа нарицаемаго ѡа Мө. 27 22 *τί οὖν ποιήσω Ἰησοῦν, τὸν λεγόμενον Χριστόν;*

кромѣ конструкціи послѣ *ποιεῖν* — *τινά τι* имѣется и *τινί τι*; соотвѣтственно послѣдней мы видимъ:

что сѣтворитъ дѣлательемъ тѣмъ Мө. 21 40.

Въ примѣрѣ: їди въ миръ Л. 7 50, 8 48 — *ὑπάγε εἰς εἰρήνην*,

но то же греч. выраж. Мр. 5 34 — съ миромъ;

вмѣсто *εἰς εἰρήνην* — должно бы быть: *ἐν εἰρήνῃ*, но подобныя смѣшенія *εἰς* и *ἐν* въ греческихъ текстахъ встрѣчаются (Blass 124—5).

Наряду съ оборотами:

ї еже мѣнитъ сѣ їмѣѣ Л. 8 18 — *καὶ ὁ δοκεῖ ἔχειν*, отсут. въ Зогр. — изъ Мар.: мѣнѣѣѣ дѣхъ видѣште Л. 24 37 (то же въ Остр. Ев.)

имѣемъ: мнѣтъ сѣ быти Л. 10 36 *δοκεῖ... γερμέναι* Под. Л. 22 24. I. 5 39, 16 2.

Въ примѣрѣ:

напоить въ чашѣ водѣ Мр. 9 41. Подоб. Мө. 10 42
ποτίσῃ ὑμᾶς ποτήριον

чашѣ, какъ въ греч., винительный падежъ,

Соотвѣтственно:

μηδὲν βλάβαν αὐτόν находимъ: никакoже не врѣждь
 его Л. 4 35.

Въ соотвѣтствіи съ греческимъ текстомъ находимъ
 употребленіе звательнаго падежа съ *ω* и безъ *ω*, напр.:

братре Л. 6 42 — *ἀδελφε*

ѡче Мө. 6 9 — *πάτερ*

ω жено Мө. 15 28 — *ὦ γυναῖ*

жено Л. 22 57 — *γυναῖ*.

И въ другихъ случаяхъ находимъ полное соотвѣтствіе
 греческому тексту.

Иногда отмѣчаемъ и такіе примѣры:

отроковице встани Л. 8 54, а въ греческ.: *ἡ παῖς*
ἐγείρου.

Соотвѣтственно конструкціи греч. текста мы имѣемъ
 такіе образцы:

в'сѣкому же емоуже дано бѣ много їзистеть
 сѧ отъ него Л. 12 48, т. е. видимъ постановку в'сѣкому
 въ падежъ относительнаго мѣстоименія придаточнаго предло-
 женія. (аттракція, *πάντι δὲ ᾧ* . . .) Камень егоже не-
 врѣдоу сътворишѧ зиждѣнїи сѧ бѣ . . . Мр. 12 10,
 гдѣ камень вин. п. (*λίθον ὃν ἀπεδοχίμασαν οἱ οἰχοδομοῦντες,*
οὗτος ἐγενήθη . . .) Отступленіе отъ греческаго текста имѣемъ
 въ: помѣнѣти завѣтъ . . . клѣтвѣеже клѣтъ сѧ . . .
 Л. 173 — *μηροθῆναι διαθήκης* . . . *ἔρχον ὃν ᾤμοσε*. Это отсту-
 пленіе было обусловлено тѣмъ, что въ славянскомъ языкѣ
 послѣ глаг. помѣнѣти поставленъ винительный, так. обра-
 зомъ сгладилась разница въ падежѣ: завѣтъ и клѣтвѣ,
 съ другой стороны форма клѣтъ сѧ требовала творитель-
 наго падежа.

Въ слѣдующихъ мѣстахъ мы отмѣчаемъ разницу съ конструкціей греческ. текста:

ї вѣрж їмъ ѣкъ словеси еже рече емоу їс I. 4⁵⁰,
καὶ ἐπίστευσεν ὁ ἄνθρωπος τῷ λόγῳ ᾧ εἶπεν . . .

славаште ꙗ о всѣхъ ѣже слышаша Л. 2²⁰ ἐπὶ
πάντων οἷς ἤκουσαν;

прѣстѣпаште слово бѣже прѣданиемъ ва-
шимъ еже прѣдасте Мр. 7¹³ ἀκυροῦντες τὸν λόγον τοῦ
θεοῦ τῇ παραδόσει ὑμῶν ἢ παρεδώκατε;

о ловитвѣ рыбъ ꙗже ꙗша Л. 5⁹ ἐπὶ τῇ ἄρρᾳ τῶν
ἰχθύων ἢ (ὧν) συνέλαβον.

Особенностью греческаго текста Нов. Завѣта является постановка въ приведенныхъ случаяхъ относительнаго мѣстоименія въ падежѣ того имени, къ которому оно относится, а не въ зависимости отъ управляющаго глагола (см. Winer Grammatik d. neutestam. Sprachidioms, изд. 1867 г., стр. 54). Эта особенность, безспорно, придаетъ большую цѣльность, большую внутреннюю связь рѣчи (ср. тамъ же).

§ 19. Въ древне-ц. сл. памятникахъ отмѣчается нѣсколько такъ называемыхъ „несклоняемыхъ“ прилагательныхъ. Вотъ что между прочимъ говоритъ объ этихъ несклоняемыхъ прилагательныхъ проф Вондракъ — Die indeklinabeln Adjektiva wie испльнь . . . свободь . . . hängen jedenfalls mit der — i — Deklination zusammen, doch ist ihr Ursprung nicht klar (Gramm., 165—6). Въ нашемъ памятникѣ мы находимъ упомянутыя прилагательныя:

ї видѣхомъ славѣ его . . . Испльнь благодѣти
їстины I. 1¹⁴ καὶ ἐθεασάμεθα τὴν δόξαν αὐτοῦ . . . πλήρης
χάρτος καὶ ἀληθείας;

ї взяша избѣтъкы оукроухъ ꙗ кошьницъ
исплнь Мө. 15³⁷ — здѣсь въ сличаем. греч. текстъ
πλήρεις.

Подобн. Мр. 6⁴³, Мө. 14²⁰.

Первая параллель указываетъ, что „несклоняемость“
исплнь имѣетъ основу въ греческомъ текстѣ. Какъ

оказывается, *πλήρης* употреблялось въ греческ. новозавѣтныхъ книгахъ въ несклоняемомъ видѣ (Blass, Gramm., 84), употребленіе этой несклоняемой формы отмѣчалось и въ болѣе раннихъ памятникахъ (см. объ этомъ у G. Grönert — *Memoria Graeca Herculanensis*, Lipsiae 1903, 179—80 прим.). Устанавливая источники даннаго слова, мы въ то же время не отнесемъ его къ склоненію на *i*, а будемъ считать формою, имѣвшею значеніе нарѣчія.

Объясняя :

свободѣ бждете I. 8 33, 36, въ греч. *ἐλεύθεροι*, мы могли бы предположить если не возможность употребленія даннаго прилагательнаго въ греч. текстѣ также въ видѣ несклоняемомъ (напр. въ видѣ нарѣчія), то по крайней мѣрѣ аналогичное образованіе въ слав. текстѣ, аналогичное съ предыдущимъ. Въ данномъ случаѣ аналогичнымъ представляется мнѣ образованіе нарѣчій согласно греческ. тексту въ слѣдующихъ случаяхъ :

неудобѣ вѣнидетъ Мѣ. 19 23 (Мар. неудобѣ) *δυσκόλως*. Подобн. Мр. 10 23, Л. 24;

послѣдѣ же придоша Мѣ. 25 11 *ἵσμερον*. Подобн. Мѣ. 21 29, 32, 37. Мѣ. 22 27, 26 60. Мр. 4 2, 20 32, I. 13 36.

Такимъ образомъ дѣлается яснымъ происхожденіе въ др. ц. слав. „несклоняемыхъ“ прилагательныхъ.

Въ связи съ сказаннымъ останавлиюсь еще на слѣдующихъ примѣрахъ: се полъ имѣниѣ моего... дамъ Л. 19 8 — *τὰ ἡμίση τῶν ὑπαρχόντων* (*τὰ ἡμίσητα*)

дамъ ти до полъ цѣрсиѣ моего Мр. 6 23 — *ἕως ἡμίσους τῆς βασιλείας*.

Въ послѣднемъ случаѣ мы уже видимъ начало несклоняемости полъ. Интересно, что и въ греческихъ текстахъ ветх. завѣта отмѣчается *ἡμῶν* какъ несклоняемое (H. Thackeray. A grammar of the Old Testament in Greek according to the Septuagint V. I, Cambridge 1909, 179. Cp. Berliner philologische Wochenschrift № 39, 1910 г., стр. 1253).

Къ области „несклоняемых“ я отношу и прѣлюбы, любви въ оборотахъ:

не прѣлюбы твориши	Мѡ. 5 ²⁷	(то же въ Деч. Ев.)
оуже любви сѣтвори	„ 5 ²⁸	„
творить ѿ прѣлюбы дѣати	5 ²³	„
прѣлюбы дѣетъ	„ 5 ³²	„
„ дѣи Мр. 10 ¹⁹	(въ Мар. прѣлюбъ; Остр. Е. — ты)	
„ сѣтвори Л. 18 ²⁰	(Мар. „)	

та же форма въ доб. ч. З. Е. Мѡ. 18^{10 bis}, 18 (то же Мар. Ев., а затѣмъ Мр. 10¹¹, 13, Л. 16^{18 bis}; то же въ Мар. Ев.).

То обстоятельство, что въ З., С., О. Ев. мы имѣемъ только формы прѣлюбы, что въ Мар. Ев. встрѣчается лишь 2 раза форма прѣлюбъ, а въ остал. случаяхъ также прѣлюбы, заставляетъ меня отнести отрицательно къ мнѣнію ак. Ягича и затѣмъ Н. П. Некрасова, что въ ф. прѣлюбъ имѣется вин. пад. ед. числа. По моему, если въ этихъ 2 случаяхъ не ошибочное написаніе, то въ крайнемъ случаѣ — уже видоизмѣненіе формы любви изъ сочетанія прѣлюбытворити, какъ одного, сложнаго слова.

Форма прѣлюбы вызываетъ недоумѣнія. Уже Востоковъ объяснялъ эту форму какъ несклоняемую (см. словоук. къ Остр. Ев., 236). Ягичъ (Мар. Ев., 438) считалъ данную форму вин. пад. мн. ч. отъ прилагательнаго или же нарѣчіемъ; наряду съ этимъ прѣлюбъ онъ считалъ вин. пад. ед. ч. Это мнѣніе о формѣ вин. пад. служить основной мыслью въ небольшой статьѣ Н. П. Некрасова („Замѣтка о старослав. формѣ любви въ выраженіи любви дѣати“ въ Изв. Отд. р. яз. и сл. Имп. Ак. Н. 1909 г. № 4). Г. Некрасовъ видитъ въ подобныхъ выраженіяхъ пропускъ ранѣе бывшаго здѣсь имени существительнаго дѣи. Основу для опредѣленія этого пропускаемаго слова даютъ г. Некрасову такіа сложныя слова, какъ: любодѣи, любодѣица и пр. Но дѣло въ томъ, что сами то эти слова явились какъ послѣдствіе разбираемыхъ оборотовъ,

и такимъ образомъ нельзя изъ нихъ исходить. Не считая предположеніе г. Некрасова, выясняющее происхождение разсматриваемыхъ оборотовъ, убѣдительнымъ, я вполне согласенъ съ высказываемой имъ мыслью, что прѣлюбы и любви въ данныхъ случаяхъ являлись уже какими-то неизмѣняемыми словами (на что указываетъ переходъ этихъ формъ въ предложеніяхъ отрицательныхъ въ родит. падежъ). Нужно принять во вниманіе также, что въ греческомъ соотвѣтственно данному выраженію мы находимъ одно слово: *μοιχεύειν*.

§ 20. Въ правилахъ согласованія сказуемаго мы видимъ слѣдованіе греческому тексту, въ нѣкоторыхъ случаяхъ только замѣчаются отступленія. Эти отступленія прежде всего сказываются относительно согласованія съ подлежащимъ средняго рода множ. числа. Правда, нужно замѣтить, что въ греческихъ переводахъ уже не соблюдается правило аттического языка, ставившаго въ данномъ случаѣ единственное число. Въ переводѣ евангелій мы видимъ колебанія въ постановкѣ (см. *Grammatik d. neutestament. Griechisch von Fr. Blass, 81*). Такимъ образомъ славянскіе переводчики шли по тому пути, который рѣзко обозначался въ ихъ оригиналахъ и который привелъ къ употребленію въ новогреческомъ яз. множественнаго числа.

Примѣрамъ согласованія по смыслу мы находимъ параллели въ греческихъ текстахъ:

I. 62: по немъ же идѣаше народъ многъ ꙗко видѣвахъ *ἡκολούθει ὄχλος πολὺς, ὅτι ἐθεώρουν*

Особенно интересны въ данномъ случаѣ такіе примѣры:

I. 749: народось іже не вѣсть закона проклѣти сѣтъ *ὁ ὄχλος οὗτος ὁ μὴ γινώσκων τὸν νόμον ἐπικατάρατοί εἰσιν*
къто сѣтъ братриѣ моѣ Мѣ 1248 *καὶ τίνες εἰσὶν ἄδελφοί μου.*

Въ примѣрѣ:

зъванъ же бѣ ꙗс ѿ оученици его I. 22
ἐκλήθη δὲ καὶ Ἰησοῦς καὶ οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ

сказуемое, стоя вначалѣ, согласовано съ ближайшимъ подлежащимъ. Если бы оно стояло послѣ подлежащихъ, то оно получило бы форму множ. ч. или двойств. ч.

Въ примѣрѣ:

народъ же стоѣ ꙗ слышавъ глаахъ громъ бысть ꙗни глѣхъ... I. 12²⁹ (то же Мар. и Остр.) — *ὁ οὖν ὄχλος ὁ ἐστὼς καὶ ἀκούσας ἔλεγε . . . ἄλλοι ἔλεγον . . .* форма глаахъ, по всей вѣроятности, объясняется не только значеніемъ слова народъ (какъ въ другихъ случаяхъ), но и дальнѣйшимъ: ꙗни глѣхъ.

Наблюдаемая иногда непослѣдовательность въ согласованіи мѣстоименія иже коренится, какъ оказывается, въ греческихъ оригиналахъ:

на дворъ еже есть прѣторъ Мѣ. 15¹⁶ — *τῆς ἀλλῆς ὃ ἐστὶν πραιπόριον.*

дѣвѣ лептѣ еже есть конѣдрать Мр. 12⁴³ — *λεπτὰ δύο, ὃ ἐστὶν χοδράντης.*

Иногда первоначальное согласованіе нарушается въ силу своеобразности передачи оборота:

на дворъ архиереовъ нарицаемаго каѣѣфа Мѣ. 26³ *εἰς τὴν ἀλλήν τοῦ ἀρχιερέως τοῦ λεγομένου Καϊάφα...*

Нарушеніе внутренняго согласованія находимъ въ слѣдующемъ мѣстѣ:

ли кѣто есть отъ васъ чѣкъ еже аште въспросить снѣ твои хлѣба еда камень подасть емоу ли аште рыбы подаси ли емоу змиѣ. Мѣ. 7⁹.

Здѣсь т. обр. находимъ чередованіе 2 и 3 лица; для послѣдовательности необходимо было бы вм. твои — свои, вм. подаси — подасть.

Въ греческомъ же:

ἢ τίς ἐστὶν ἐξ ὑμῶν ἄνθρωπος, ὃν αἰτήσῃ ὁ υἱὸς αὐτοῦ ἄρτον, μὴ λίθον ἐπιδώσῃ αὐτῷ.

§ 21. Вспомогательный глаголъ есть иногда опускается. Въ данномъ случаѣ переводчики шли за своими

оригиналами, но иногда мы видимъ и постановку есть, несмотря на пропускъ вспомогательнаго глагола въ греческомъ оригиналѣ:

что есть намъ Мѡ. 27 4,

τί πρὸς ἡμᾶς,

что е тебѣ I. 21 22, 23 (то же — е въ Мар. Ев.).

Соотвѣтственно греческ.: *μακάριοι οἱ πτωχοὶ τῷ πνεύματι*

Мѡ. 53 блажени ништиі дѣомъ,

всѣ възможна тебѣ сѣтъ Мр. 14 36,

πάντα δυνατό σοι,

аште есть възможно Мѡ. 24 24,

εἰ δυνατόν,

но, въ то же время: ничьсоже тебѣ і правды-
никоу томоу Мѡ. 27 19,

μηδέν σοι καὶ τῷ δικαίῳ ἐχέινω,

что есть нама и тебѣ Мѡ. 8 29 (то же въ Мар. Ев.),

τί ἡμῖν καὶ σοί,

то же Мр. 1 24,

а Мр. 5 7: что мнѣ і тебѣ (то же въ Мар. Ев.),

I. 24, Л. 8 28: что есть мнѣ і тебѣ (то же въ Мар. Ев.), въ греческомъ съ пропускомъ вспомогательнаго глагола.

Сравненіе съ греческимъ текстомъ заставляетъ думать, что въ приведенныхъ мѣстахъ есть поставлено по требованію славянской рѣчи.

Приведу нѣкоторыя подобныя данныя изъ Свят. Изборн. 73 г.:

всѣмъ е іавѣ (*πᾶσι φανερόν*),

какъ е родилъ бѣ (*πῶς ἐγέννησεν ὁ θεός*),

аште ли бечиньно іе о бѣ такъ въпрошати (*εἰ δὲ ἄπορον ἐπὶ θεοῦ τὸ τοιοῦτον ἐπερωτᾶν*).

Сравнивая данныя фразы въ др. ц. сл. и греческомъ мы видимъ отсутствіе въ греческомъ текстѣ вспомогательнаго глагола и постановку этого вспомогательнаго глагола въ славянскомъ въ позднѣйшей формѣ е, іе. Наряду

съ этимъ въ другихъ мѣстахъ мы отмѣчаемъ въ славянскомъ форму ієсть, а въ греческомъ соотвѣтственно *ἐστι*. Это заставляетъ думать о возможности вліянія этой послѣдней формы на удержаніе въ слав. текстѣ ієсть:

вѣровати е приходящоу- *πιστεῦσαι γὰρ δεῖ τὸν προσ-*
оумоу къ бѣу, іако *ερχόμενον τῷ θεῷ, ὅτι*
ієсть *ἔστι . . .*

(здѣсь особенно интересно сопоставить *е* — *δεῖ*, ієсть — *ἔστι*)
еже бо єсть, бѣ, и єсть *ὃ γὰρ ἐστίν, ἦν, καὶ ἐστι . . .*

Сплошь и рядомъ приходится отмѣчать постановку вспомогательнаго глагола въ формѣ іе, тамъ гдѣ нѣтъ ему соотвѣтствія въ текстѣ греческомъ:

того дѣла жъ іе држгъ *διὰ τοῦτο αὐτὸς μὲν φίλος;*
(вслѣдъ за этимъ предложеніемъ идетъ: вы же врази — *ὁμοῖς δὲ ἐχθροὶ* — въ которомъ какъ бы уже не нуженъ вспомогательный глаголъ). Съ подобными примѣрами постановки *е*, ꙗ слѣдуетъ сравнить ранѣе приведенный примѣръ изъ З. Е.: чѣто е тебѣ I. 21 22, 23, соотвѣтствующій греч.: *τί πρὸς σέ.*

§ 22. „Die Regel, wonach im Praedicate die unbestimmte Form des Adjectivs erscheinen muss und von der es in den modernen slav. Sprachen zahlreiche Abweichungen giebt, erscheint Aksl. streng durchgeführt: чловѣкъ же одинъ бѣ богатъ *ἄνθρωπος δὲ τις ἦν πλούσιος* Luc. 16.19 Mat. gegen оумрѣтъ же и богатыи *ἀπέθανεν δὲ καὶ ὁ πλούσιος* Luk. 16.22 Mat. (Вондракъ, Грам., 266).

Выставленное правило должно быть признано очень важнымъ; указанное употребленіе формъ неопредѣл. прилагательныхъ при выраженіи сказуемаго является характернымъ, конечно, и для Зогра. Ев. Но болѣе внимательное отношеніе къ даннымъ евангельскихъ текстовъ, затѣмъ сличенія съ соотвѣтствующимъ греческимъ текстомъ приводятъ къ наблюденіямъ, которыя должны видоизмѣнить нѣсколько указанную фоумулировку.

Прежде всего, начнемъ съ данныхъ сличенія. Оказывается, что славянскій переводчикъ передавалъ посредствомъ опредѣленныхъ прилагательныхъ, причастій, — соотвѣтств. греческія имена съ членомъ, а греческія имена прилагат. и пр. безъ члена передавались слав. прилагат., причастіями неопредѣленными.

Прилагательное или причастіе, входящія въ составъ предиката, не имѣли предъ собою члена. Такимъ образомъ употребленіе неопредѣленныхъ формъ прилагательныхъ въ предикатѣ находило себѣ извѣстную поддержку въ греческомъ текстѣ. Безспорно это употребленіе было также и въ слав. языкѣ. Если такимъ образомъ явленіе славянскаго языка поддерживалось извѣстнымъ соотвѣтствіемъ въ греческомъ текстѣ, то особенное вниманіе наше должны останавливать такіе примѣры:

година бѣ ѿко третиѣѣ І. 19 14; въ Мар., Остр., Савв.: — ѿко шестаа въ греч.: *ὡς ἔχτη* —

и бѣдѣтъ стрѣпѣтънаа въ праваѣ Л. 3 ѡ *καὶ ἔσται τὰ σκολιὰ εἰς εὐθείας*.

Прежде всего эти примѣры говорятъ противъ того, что указанное правило „строгое“ проводится въ древне-церк.-слав. языкѣ. Затѣмъ, само значеніе этихъ примѣровъ увеличивается оттого, что въ соотвѣтствующемъ греческомъ текстѣ въ предикатѣ нѣтъ члена: слѣдовательно опредѣленные формы въ славянскомъ текстѣ — результатъ требованій чисто славянской рѣчи. Что славянскій же переводчикъ строго вообще держался греческаго текста, указываетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ передача причастій, входящихъ въ составъ сказуемаго:

бѣ же мариѣ пома-	<i>ἦν δὲ Μαρία ἡ ἀλειψασα</i>
завѣшиѣ ѿѣ мѣромъ І. 10 2	<i>τὸν χύριον μύρω καὶ</i>
ї отрѣши	<i>ἐκμαίξασα</i>
есть їштаи ї сѣдѣ І. 8 50	<i>ἔστιν ὁ ξητῶν καὶ κρίνων.</i>

Или возьмемъ въ роли дополненія:

ї не оубоите сѧ оубиваѧштихъ тѣла а дѣша не могъшти оубити Мѡ. 10²⁸ καὶ μὴ φοβηθῆτε ἀπὸ τῶν ἀποκτείνων τὸ σῶμα, τὴν δὲ ψυχὴν μὴ δυναμένων ἀποκτεῖναι.

Въ приведенныхъ примѣрахъ мы видимъ, что опущеніе члена въ греческ. текстѣ передъ вторымъ причастіемъ ведетъ къ употребленію уже неопредѣл. формы причастія въ слав. текстѣ и такимъ образомъ къ непослѣдовательности.

Иногда имѣемъ и извѣстныя несоотвѣтствія :

1 старѣѣ ꙗко слоужѧ Л. 22²⁶ καὶ ὁ ἡγοούμενος ὡς ὁ διακονῶν, но нѣсколько далѣе соотвѣтственно греческому: азъ . . . ꙗко слоужѧ, вы же есте прѣбывъшеі . . .

§ 23. Я уже останавливался на такъ называемомъ оборотѣ „дательный самостоятельный“ и высказалъ свой взглядъ на происхожденіе этого оборота. Теперь пользуясь наиболѣе типичными оборотами изъ З. Е., я нѣсколько разовью сказанное ранѣе.

Если бы дательный самостоятельный былъ оборотомъ только искусственно привитымъ и не имѣвшимъ никакой почвы подъ собою въ самомъ славянскомъ языкѣ, тогда представлялось бы страннымъ, зачѣмъ понадобилось при переводѣ передавать этимъ оборотомъ подобныя мѣста:

καὶ εἰσελθόντα αὐτὸν εἰς οἶκον, οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ ἐπρωτῶν αὐτὸν . . . Мр. 9²⁸.

Совершенно свободно, не нарушая требованій строя славянскаго языка, переводчикъ могъ бы довольно близко передать эту форму. Между тѣмъ передача такова :

ї въшѣдшюму въ домъ оученици его въпрашаахъ 1.

Могъ же переводчикъ передавать близко къ тексту: бысть же въ сѣботѣ . . . їти емоу . . . Л. 61 ἐγένετο . . . διαπορεύεσθαι αὐτὸν . . . Подоб. Л. 6 в и др.

Ячейкой для развитія дательнаго самостоятельнаго могли быть такіе примѣры:

ѣджштемъ їмъ рече Мѡ. 26²¹ ἐσθιόντων αὐτῶν εἶπεν.

Кромѣ того дательный самостоятельный могъ основываться и на такихъ оборотахъ:

Ѳ бысть възлежаштю емоу *Mr. 2 15 καὶ ἐγένετο ἐν τῷ κατακείσθαι αὐτὸν . . .*

Ѳ бысть мимоходаштю емоу *Mr. 2 23 καὶ ἐγένετο παραπορεύεσθαι αὐτὸν . . .*

Ѳсходаштюмоу на пжть притекъ единъ богатъ *Mr. 10 17 ἐκπορευομένου αὐτοῦ εἰς ὁδόν, προσδραμών εἰς . . .*

отемлѣаштюмоу тебѣ ризж... не възбрани *Л. 6 29 ἀπὸ τοῦ αἴροντός σου τὸ ἱμάτιον . . . μή κωλύσης . . .*

чкоу етероу богатоу оугобъзи сж нива *Л. 12 16 ἀνθρώπου τινός . . .*

Къ приведеннымъ ранѣ параллелямъ оборотовъ „дательнаго самостоятельнаго“, въ слав. и греческомъ присоединю еще слѣдующія:

Ѳ пришѣдъшоу емоу въ црѣкъ· пристѣпѣшмъ къ нему оучащюу архиереи... *Мѡ. 21 23,*

καὶ ἐλθόντι αὐτῷ εἰς τὸ ἱερόν, προσῆλθον αὐτῷ διδάσκοντι . . .

Ѳ излѣзъшю же емоу Ѳс кораблѣ· абъе сърѣте и отъ гробъ чкъ... *Mr. 4 2,*

καὶ ἐξελθόντι αὐτῷ ἐκ τοῦ πλοίου, εὐθέως ἀπήντησεν αὐτῷ . . .

съшедъшю же емоу съ горы· въ слѣдъ его идж народи мнози *Мѡ. 8,*

καταβάντι δὲ αὐτῷ ἀπὸ τοῦ ὄρους, ἠκολούθησαν αὐτῷ ὄχλοι πολλοί

вълѣзъшю емоу въ корабль· по немъ їдошмъ оученици его *Мѡ. 8 24,*

ἐμβάντι αὐτῷ εἰς τὸ πλοῖον, ἠκολούθησαν αὐτῷ οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ.

Я привожу эти параллели, чтобы показать независимость славянскаго оборота отъ греческаго. Несмотря на то, что здѣсь мы находимъ совпаденія, но въ этихъ совпаденіяхъ замѣчается и разница. Въ приводимыхъ греческихъ примѣрахъ дательный съ причастіемъ. являясь по

характеру уже дательнымъ самостоятельнымъ, сохраняетъ, однако болѣйшій отгѣнокъ зависимости отъ главнаго предложенія. Не то въ славянскихъ примѣрахъ, гдѣ дательный съ причастіемъ уже составляетъ болѣе отдалившійся отъ главнаго предложенія оборотъ : ему нельзя уже примкнуть въ качествѣ какой-то аппозиціи къ одному изъ членовъ главнаго предложенія.

Указывая на возможность выработки дательнаго самостоятельнаго въ слав. языкѣ независимо отъ греческаго, я въ то же время долженъ отмѣтить и слѣдующее. Существованіе оборотовъ, подобныхъ „дательному самостоятельному“ въ приведенныхъ образцахъ, могло вести къ ихъ копировкѣ славянскимъ переводчикомъ ; при этомъ, все же, нужно предполагать, что эти обороты не были чуждыми для славян. переводчика, иначе будетъ непонятно, почему указанные обороты переводились дословно, между тѣмъ какъ дальше слѣдовавшее главное предложеніе измѣнялось въ своей конструкціи согласно требованіямъ славянской рѣчи.

Нельзя, конечно, закрывать глаза на то, что сплоснь и рядомъ въ др. ц. сл. текстахъ встрѣчаются примѣры съ дательнымъ самостоятельнымъ, каковой нельзя объяснить какъ развитіе дательнаго зависимаго. Возьмемъ такіе примѣры: тѣма же ісходѣштема · се привѣсѣ чѣкъ къ немоу · нѣмъ . . . (Зогр. Е. Мѣ. 932), или (тамъ же — нѣсколько дальше): і изгнѣнагоу бѣсоу · прогѣла нѣмъ . . .

Слѣдующій приводимый мною примѣръ является уже показателемъ вполне сложившагося дательнаго самостоят.:

ішѣдѣшю же емоу въ врата · оузрѣ дроугаѣ Мѣ. 2671.

Между тѣмъ въ греческомъ текстѣ этому примѣру соответствуетъ выраженіе, въ которомъ мы находимъ какъ бы развитіе аппозиціи, развитіе винит. самостоятельнаго:

ἐξελθόντα δὲ αὐτὸν εἰς τὸν πυλῶνα, εἶδεν αὐτὸν ἄλλη.

Въ этихъ слав. оборотахъ мы уже видимъ не развитіе постепенное дательнаго самостоятельнаго, а его употребленіе въ качествѣ уже выработавшейся нормы языка. Въ данномъ случаѣ, какъ я говорилъ ранѣе, процессъ развитія дательнаго самостоятельнаго въ слав. языкѣ, его поступательное движеніе подобно было такому же поступательному движенію родительнаго самостоятельнаго въ греческомъ языкѣ. Въ своемъ развитіи оборотъ этотъ, какъ уже норма чисто литературная, могъ носить извѣстный характеръ искусственности.

Изъ отдѣльныхъ случаевъ „дательн. сам.“ выдвину еще слѣдующіе:

сѣшшюмоу Мѹ. 13 4 }
ї егда сѣаше Л. 8 5 } *ἐν τῷ σπεύρειν αὐτόν;*

сѣшштемъ же ѣкомъ Мѹ. 13 25 — *ἐν δὲ τῷ καθεύδειν τοὺς ἀνθρώπους;*

поздѣ же бывъшю Мѹ. 8 16, 14 15, 23, 27 57. Мр. 15 42;

вечеръ сѣшшю Мѹ. 16 2. Мр. 6 47;

вечероу же бывъшоу Мѹ. 20 8, 26 20. Мр. 4 35, 14 17;

поздѣ же бывъши Мр. 1 32.

Въ греч. *ὀφίας γενομένης*.

Вечеръ употребленъ въ значеніи поздѣ. Такъ мы имѣемъ: не вѣсте бо кѣгда гѣ домоу придетъ вечеръ ли·ли полуношти Мр. 13 35 въ греч.: *ὀφεί ἡ μεσονυκτίου*.

Наряду съ этимъ отмѣчу: оутро же възвращаа са . . . възлака Мѹ. 21 19, гдѣ оутро (*πρωίας*) употреблено въ нарѣчномъ значеніи;

сравнимъ поздѣ же бывъшю Мѹ. 8 16, 14 15, 23, 27 57. Мр. 15 42 *’οφίας δὲ γενομένης*;

поздѣ же бывъши Мр. 1 32;

” сѣшшю часоу Мр. 11 11;

и ѣко поздѣ бысть Мр. 11 19, I. 6 16 *ὡς δὲ ὀφία ἐγένετο*;

какъ замѣтилъ Ягичъ (словоук. къ М. Е. 554), ф. бывъши возникла изъ подражанія греческому обороту, въ которомъ *δφία* женск. рода. Что это такъ показываетъ, мнѣ кажется, также слѣдующее мѣсто: Въ вечеръ же сѣботѣнны· свитаѣшти въ прѣвѣж сѣботѣ· приде... Мѣ. 28 1, здѣсь свитаѣшти соотвѣтствуетъ *τῇ ἐπιφωσχοῦσῃ* (т. е. *ἡμέρᾳ* или *ὥρᾳ*). Переводъ же всего мѣста сдѣланъ неточно.

Въ такомъ же нарѣчномъ выраженіи употреблено, по моему, ѣ ютро пробрѣзгоу зѣло Мр. 1 35, несмотря на то, что ютро опредѣляется еще словами — пробрѣзгоу зѣло. Послѣднее выраженіе я бы объяснилъ такъ, какъ объяснено оно въ матеріалахъ для словаря др.-рус. яз. И. И. Срезневскаго (т. II, в. IV, 1510). Насколько фраза эта была непонятна для переписчиковъ, указываютъ варианты въ рукописахъ: пробрѣзгноу, по брѣгѣ (ср. у Воскресенскаго „Характеристическія черты четырехъ редакцій слав. перев. евангелія отъ Марка въ Чт. М. Общ. Ист. и Др. 96 I, 165).

Въ выраженіи:

оузырѣшм ѣса ходѣшта по морю ѣ близъ кораблѣ бывъшм оубоѣшм см I. 6 20. Форма бывъшм представляется неправильно написанною: мы ожидали бы — бывъша. Подобную форму — бывъша — мы и находимъ въ Мар. Ев. Такъ что руководясь даннымъ послѣдняго памятника, мы могли бы говорить объ ошибочномъ написаніи или о замѣнѣ а — м. Но сравненіе съ соотвѣтствующимъ текстомъ въ Остр. Ев. можетъ наводить на иное соображеніе. Въ Остр. Ев. мы имѣемъ: бывъшноу. Подобную же форму мы могли бы предполагать и для подлинника Зогр. Ев., при чемъ эта форма переписчикомъ былъ искажена. Тогда бы мы могли говорить о внесеніи въ данную фразу какъ бы оборота „дательный самостоятельный“, почему и получилась видимая непоследовательность въ согласованіи. Что это могло быть

такъ, можетъ свидѣтельствовать слѣдую щее, напр., мѣсто не оубоїте сѧ отъ оубиваѣшѣихъ тѣло по томъ не имѣштемъ лиха чесо сътворити Л. 124 (то же въ Мар., Остр.) — *μη φοβηθητε ἀπὸ τῶν ἀποκτενόντων τὸ σῶμα καὶ μετὰ ταῦτα μη ἔχοντων...*

Отчасти въ параллель къ данному мѣсту можно привести изъ Изборн. Свят. 1073 (см. изд. въ Чт. М. О. И. и Др., 83 г., стр. 24) какъ бы не законченный оборотъ дат. самостоят., или, лучше, — непослѣдовательно выраженный:

ничесомоу же изначала *μηδὲν τὴν ἀρχὴν τῷ θεῷ τῶν*
сѧ бѣмъ всѣхъ бывъше *ἁλὼν συνυπάρχει.*

Какъ показывается греч. текстъ здѣсь не должно было бы быть основанія для перевода дательнымъ самостоятельнымъ. Получился данный оборотъ въ силу того, что и въ другихъ случаяхъ неопредѣл. наклоненіе передавалось иногда въ слав. причастіемъ. Непослѣдовательность все же остается въ данномъ выраженіи: ф. бывъше вин. пад. ср. р. ед. ч.; если бы эту форму считать уже употребленной для обозначенія именит. надежа, то нѣтъ согласованія съ ничесомоу.

§ 24. Я отмѣчалъ уже случаи соединенія союзомъ *и* *verbum finitum* съ причастіемъ. Теперь долженъ отмѣтить, что въ З. Е. мы находимъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ подобную постановку, между тѣмъ какъ въ Мар. Ев. и др. памятникахъ этого *и* нѣтъ. Это указываетъ на позднѣйшее появленіе *и* въ отмѣченныхъ случаяхъ:

І исходѣшѣмоу емоу отъ ерихъ и по немъ идѣ народи... Мѣ. 20²⁹ (въ Мар. *и* нѣтъ),

вѣдѣи же іс мысли імъ і рече імъ Мѣ. 12²⁵ (въ Мар. нѣтъ союза)

крышѣ сѧ іс · і възиде отъ воды Мѣ. 3¹⁶ — *καὶ βαπτισθεὶς... ἀνέβη.* Нужно думать, конечно, что конструкція Сав. Ев., Остр. Ев.: крышѣ же сѧ... възиде

(безъ союза: и) болѣе первоначальна. Въ Дечан. Ев. мы имѣемъ: и крѣти сѧ . . . ак. Ягичъ предполагалъ, что ф. крѣти сѧ вм. крестивъ сѧ или крещъ сѧ;

ї се весь градъ їзиде противъ їѣви · ї видѣвъше и ї молишѧ Мѡ. 834 (въ Дечан.: изидѧ)

καὶ ἰδοὺ, πᾶσα ἡ πόλις ἐξῆλθεν εἰς συνάντησιν τῷ Ἰησοῦ καὶ ἰδόντες αὐτὸν παρεκάλεσαν . . .

ї се прокаженъ приступъ кланѣаше сѧ емоу і гла Мѡ. 82. Въ Остр., Савв, Ев. этого и — нѣтъ.

Интересно сравнить слѣдующія мѣста изъ Зогр. и Мар. Ев. (Мѡ. 15 39):

Зогр.

Мар.

ї отъпоушть народы.

ї отъпоушть народъ

Вълѣзъ въ корабъ.

вълѣзе въ корабъ · и

ї приде въ прѣдѣлы...

пришедъ . . .

Въ Свят. Изд. 1073 г. мы отмѣчаемъ слѣд. любопытный примѣръ:

ѣъ ѣъ нашъ глѣвыи въ
хоривѣ

*κύριος ὁ θεὸς ἡμῶν ἐλάλησεν
ἐν Χαρίῳ* (изд. Чт. М. О. II.
и Др., 12);

на постановку формы глѣвыи вмѣсто ожидаемаго *verbum finitum* могъ повліять предшествующій оборотъ въ греческомъ текстѣ или можетъ быть было нѣчто подобное и въ греческомъ соотвѣтствующемъ текстѣ. Именно, нѣсколько выше мы находимъ:

И Павелъ же рече, яко прежде
ѣъ бесѣдова оѣемъ

*καὶ ὁ μὲν Παῦλος φησιν, ὅτι
πάλαι ὁ θεὸς λαλήσας τοῖς
πατέράν.*

Причастіе же выступаетъ вм. *verbum finitum*:

дѣхъ сѧ, рече, видѣвъ
сѣходѧщъ . . .

*το πνεῦμα, φησὶ, τεθεῶσθαι
καταβαῖνον . . .*

§ 25. Въ др.-ц.-сл. мы находимъ двоякое отрипаніе: не и ни. „Letzere, говоритъ Вондракъ (312), *reicht einen*

neg. Satz an einen anderen an: не троуждажтъ сѧ ни прѣдѣтъ Matth. 6,28". Далѣе отмѣчается, что ни употребляется въ значеніи *nicht einmal*, *ne-quidem*. Я думаю, что послѣдній оттѣнокъ заключается иногда и въ томъ случаѣ, когда ни соединяетъ отриц. части предложенія (какъ въ привед. примѣрѣ, а не „одно отриц. предложеніе съ другимъ“) или отрицат. предложенія.

Отсутствіе отриц. не въ подобн. случаяхъ, какъ ни-колиже знахъ васъ Мѣ. 7 23, Миклошичъ объяснялъ подражаніемъ греческому тексту. Вондракъ считаетъ возможнымъ признать въ подобныхъ примѣрахъ отраженіе оборотовъ слав. языка, на что его наводятъ такіе примѣры изъ чешскаго, какъ *nic jest známo* . . . Вондракъ сомнѣвается чтобы возможно было признать грецизмъ въ фразѣ азъ ни единомъ винѣ обрѣтаѣ въ немъ I. 18 33, потому что подобная фраза имѣется не только въ Мар. Ев., но и въ Савв. Ев. и наряду съ этимъ въ Супр. рук., между тѣмъ какъ въ Зогр., Асс. и Остр. Ев. имѣется и второе отрицаніе. На это можно сказать слѣдующее. Указанное совпаденіе ничего не говоритъ, такъ какъ и въ другихъ мѣстахъ соотвѣтственно греческому тексту можно привести отсутствіе вторичнаго отрицанія, а важно было бы указать, что въ другихъ случаяхъ въ томъ же Мар. Ев. мы видимъ употребленіе второго отрицанія. Параллельно приведенному Вондракомъ примѣру я возьму изъ того же Мар. Ев.: *никое-мже винѣ не обрѣтаѣ* . . . *не обрѣтъ ни единомъ* Л. 234 (а наряду съ этимъ: *ничьсоже достоина съмръти обрѣтъ* Л. 23 22). Естественно потому было мнѣніе Миклошича. Отступленіе отъ греческаго текста, несмотря на подражаніе послѣднему, въ основѣ, конечно, имѣло особенности славянской рѣчи. Если же славянскому языку свойственно было бы и неупотребленіе второго отрицанія въ приведенныхъ и подобныхъ случаяхъ, то подражаніе греческому тексту нашло бы себѣ непремѣнно лишь подкрѣпленіе.

§ 26. Для выраженія такъ наз. „родительнаго раздѣлительнаго“ мы видимъ употребленіе родительнаго падежа или род. пад. съ предлогомъ отъ
 единъ оудъ твоѣхъ Мѹ. 5^{30, 29} — ἐν τῶν μελῶν σου;
 единъ отъ сихъ Мѹ. 6²⁹, — ἐν τούτων;
 кто же отъ васъ Мѹ. 6²⁷, 12¹¹. Л. 11^{5, 11}, 12²⁵, 14²⁸.

I. 8⁴⁶ — τίς ἐξ ὑμῶν. Под. Л. 15⁴.

кои отъ обою М. 21³¹ — τίς ἐκ τῶν δύο;
 котораго ихъ Мѹ. 22²⁸ τίνος τῶν ἐπτὰ. Мр. 12²³ — αὐτῶν
 Подобн. Л. 14⁵, Л. 17⁷;
 кого хощете отъ обою Мѹ. 27²¹ — τίνα θέλετε ἀπὸ
 τῶν δύο;

которы обою — τίς οὖν αὐτῶν Л. 7⁴²;
 кѣто оубо тѣхъ трии Л. 10³⁶ — τίς οὖν τούτων;
 етери отъ кѣнижѣникъ Мѹ. 9³, 12³⁸ — τινες τῶν γραμματέων. Подоб. Мѹ. 16²⁸, 27⁴⁷. Мр. 2⁶, 7^{1, 2}, 8³.
 9¹, 11⁵, 15³⁵. Л. 9²⁷, 11^{1, 15}, 20²⁷;

единъ же отъ стомѣштихъ — εἰς δὲ τις τῶν παρεστ.
 Мр. 14⁴⁷;

ї етери фариcѣи Л. 19³⁹ — καὶ τινες τῶν Φαρισαίων;

„ кѣнижѣникъ Л. 20³⁹ — τῶν γρ.

единъ отъ нихъ Л. 22⁵⁰ — εἰς τις ἐξ αὐτ;
 жены етеры отъ насъ Л. 24²² — ἐξ ἡμῶν. Подоб.
 I. 7^{25, 44}, 9¹⁶, 11^{37, 46, 49};

отъ васъ етери I. 6⁶⁴ — ἐξ ὑμῶν τινες;

единъ каждо ѣхъ М. 26²² — ἕκαστος αὐτῶν. Подоб.
 Л. 5⁴⁰, 13⁵, 16⁵. I. 6⁷;

всѣкъ васъ. Л. 14³³ — πᾶς ἐξ ὑμῶν.

Данныя сличенія приводятъ къ такимъ заключеніямъ. Прежде всего мы замѣчаемъ подражаніе греческому тексту въ передачѣ то родительнаго падежа, то родительнаго съ предлогомъ. Разница главн. обр. при передачѣ неопр. мѣстоим. *τις*: въ греческ. текстѣ ставившійся родит. мн передавался глав. образомъ родительнымъ съ предлогомъ. Вообще родительный падежъ съ предлогомъ для обо-

значенія такъ назыв. *genetivus partitivus*, оказывается, былъ болѣе свойственнымъ славянскому языку. Очень рѣдки случаи, когда греческ. родит. пад. мн. ч. съ предлогомъ соотвѣтствуетъ въ слав. родит. безъ предлога. Вондракъ лишь отчасти затронулъ этотъ родительный падежъ и, по моему, неправильно соединилъ его съ родительнымъ въ такихъ случаяхъ: многы тѣмъ мжжъ . . . ниединому мимойдѣштинхъ . . . и съ род. при числительныхъ (назвавъ этотъ родительный *geteilten Ganzen*). Интересно также то, что греч. ἐξ передавалось отъ, при чемъ въ одномъ случаѣ находимъ и болѣе соотвѣтствіе съ греческимъ текстомъ: ἀπὸ — отъ.

Интересны случаи употребленія род падежа:

Оуслышите притѣчѣ сѣвъшаго Мѡ. 13¹⁸ —
παράβολήν τοῦ σπείροντος,

сѣкажи намъ притѣчѣ плѣвелъ селѣныхъ
Мѡ. 13³⁶ — *τὴν παράβολήν τῶν ζιζανίων τοῦ ἀγροῦ;*

часто встрѣч.: евангѣліе цѣрстиѣ,

Мр. 17: зачѣло евангѣлиѣ ꙗко хѣва сѣна бжѣиѣ.

Соотвѣтственно подобнымъ соединеніямъ было бы непоследовательными и ошибочными соединенія: евангеліе Матѣея и пр. Мы видимъ поэтому: евангеліе отъ Матѣея (ср. сказанное Блассомъ относительно греч. *κατὰ Ματθαῖον*, 99).

§ 25. Для исторіи замѣны формы винит. падежа (въ склон. на — о) формою родительнаго пад. интересно отмѣтить случаи какъ бы переходного времени, а затѣмъ, что особенно важно, случаи подобныхъ замѣнъ въ именахъ существительныхъ неодушевленныхъ:

оузырѣ мытарѣ ѿменемъ левѣиѣ сѣдѣшть Л. 5²⁷
(то же въ М. Е.; въ Остр. мѣздоимѣца . . . сѣдѣща),

видѣша юношѣ сѣдѣшть . . . одѣнъ . . . (то же въ Мар. Ев., въ Ассем. — а, — а) Мр. 16⁶,

обрѣтосте і въ црѣкѣве сѣдѣшть . . . послоушаѣшѣ ѿхъ ѿвѣпрашаѣшѣ іѣ Л. 2⁴⁶ (то же въ Мар.

Ев.; въ Савв. — сѣдмца . . .; въ Остром., какъ въ Зогр. и Мар.; указаніе у Ягича въ издан. Мар. Ев. — стр. 201 — относительно формы въ Остр. Ев. невѣрно);

носаште ослаблена жилами носимъ четырьми
 Мр. 23 (то же въ Сав. Е.) — *παλαυτικὸν φέρουτες αἰρόμε-
 νοι ὑπὸ τεσσάρων*,

въ Мар. Ев.: ослабленъ, носимъ

„ Остр. Ев.: ослабленъ, носима.

Такимъ образомъ можно начертить постепенный ходъ и развитіе даннаго выраженія. Безспорно, наиболѣе древняя передача та, которая отмѣчена въ Мар. Ев.; отсюда шагъ впередъ — конструкція въ Зогр. Ев., при чемъ могло остаться носимъ безъ измѣненія, т. к. могла чувствоваться извѣстная самостоятельность въ выраженіи: носимъ четырьми.

Приведу нѣкоторые примѣры чередованія формъ винит. и родит. падежей:

азъ побѣдихъ всего мира I. 1633 (въ Мар. то же; Ягичъ въ изд. М. Ев., стр. 384, прим., невѣрно отмѣчаетъ, что „во всѣхъ прочихъ“ памятн. „миръ“),

въстанетъ ѿзъ языкъ бо на ѿзыка цр҃со на цр҃со
 Мр. 138 — *ἔθνος ἐπὶ ἔθνος*, въ Мар. — на ѿзкъ,

любитъ бо ѿзъ языкъ нашъ Л. 75,

[наряду съ этимъ въ М. Ев. (въ З. Е. нѣтъ соотв. мѣста): възлюби мира I. 316],

да имамъ животъ вѣчъны, Мө. 1916 (то же въ М. Е.) I. 539, 40,

имать живота вѣчнаго I. 524 (то же М. Е.),
 нѣсколько далѣе I. 526 bis животъ (въ М. живота),
 живота вѣчнаго имате I. 2031 (то же М. Е.),

въ греческомъ — *ζωὴν αἰώνιον*,

дажи живота I. 633 (то же М. Е.; въ Остр. Асс. — т),
 обличить всего мира I. 168 (въ Мар.: обличить

мира),

отати хлѣба Мө. 1526 — *ἄρτον*,

придѣ положить мира Мѹ. 10³⁴ (впрочемъ Л. 12⁵¹ :
мира дати . . . нѣ раздѣленіѣ — род. пад.),

дѣшѣ моѣ полагаѣ І. 10, 15, 17, 11 и под. І. 10¹⁸,
Л. 20⁴³, Мр. 6⁵⁶, 12³⁶, Мѹ. 12¹⁸, 22⁴⁴ и др.;

послѣ приведенной фразы: придѣ положить мира
слѣдуетъ: не придѣ положить мира нѣ мечѣ;

възненавидѣтъ въ Л. 6²² и др.,

ненавидѣштимъ васъ Л. 6²⁷,

ненавидѣи дѣшѣ своеѣ І. 12²⁵, въ Мар. Ев. І. 3²⁰
(въ Зогр. — нѣтъ): ненавидѣтъ свѣта,

іштѣштѣ добра бисѣра Мѹ. 13⁴⁵ (въ Мар. добръ
бисѣръ) *kalouds marḡaritas*,

дати его же аште въспроситъ Мѹ. 14⁷ (δ),

всѣкъ садѣ его же насади оцѣ Мѹ. 15¹³.

Обратить вниманіе слѣдуетъ на то, что обыкновенно не
употребляется ф. иже въ значеніи вин. падежа, а въ этомъ
значеніи употребляется егоже, между тѣмъ какъ сплошь
и рядомъ и употребляется въ значеніи винит. падежа.
Здѣсь могло оказывать вліяніе то обстоятельство, что ф.
иже, находившаяся въ началѣ придаточнаго предложенія,
могла быть принята за подлежащее, и такимъ образомъ полу-
чалось бы невѣрное пониманіе.

Интересно здѣсь отмѣтить слѣд. мѣсто изъ Остр. Ев.:

иже любить оца или матере паче . . . иже лю-
бить сынѣ или дѣщере 58—59 об. Здѣсь наиболѣе
рельефна параллелизація формъ: оца — матере, сынѣ —
дѣщере.

Въ связи съ данными примѣрами я приводилъ и нѣ-
которые случаи родит. падежа послѣ достигающаго накло-
ненія. И я бы не искалъ въ такихъ случаяхъ непремѣнно
выраженія партитивности, какъ сдѣлалъ то Зубатый (Arch.
f. sl. Ph. XX, 396. Ср. также List. Filol. XVI, прим. 2,
Ind. Forsch. III, 130 прим. 2). Вондракъ, соглашаясь съ
мнѣніемъ Зубатаго, приводитъ 2 слѣдующихъ примѣра: не
придѣ бо праведѣникъ призѣватъ нѣ грѣшѣникъ

М. 9¹³; приде пролить крѣве своемъ изъ Кл. Сб. 1, 233. Относительно второго примѣра я долженъ сказать, что здѣсь по смыслу не должно быть значенія партитивности: не часть крови, а кровь (пролить). Первый примѣръ приведенъ могъ быть въ болѣе подходящемъ для изслѣдователя видѣ, именно въ Зограф. Ев. мы имѣемъ Мр. 2¹⁷ (Вондр. приводитъ текстъ изъ Мар. Ев., при чемъ Мѣ. 9¹³ въ Зогр. Ев. — нѣтъ): не ѿидъ бо призвать правѣдникъ нѣ грѣшникъ. Характернымъ является именно то обстоятельство, что въ Мар. Ев. въ 3 мѣстахъ мы имѣемъ приведенный текстъ, въ которомъ чередуются родит. и вин. падежи, въ Зогр. Ев. то же чередованіе находимъ Л. 5³². Такимъ образомъ въ грамм. отношеніи эти фразы обнаруживаютъ извѣстную нецѣльность, и, можетъ быть, эта нецѣльность являлась результатомъ вліянія отрицанія не. Так. об. приведенный мною текстъ изъ Зогр. Ев. я бы считалъ дальнѣйшимъ развитіемъ текста, приведеннаго Вондракомъ изъ Мар. Ев., соотвѣтствіе которому, повторяю, находится и въ Зогр. Ев. (Л. 5³²).

Объясненіе постановки падежа изъ первоначальной номинальности (*nominalen Natur*) достигаельнаго наклоненія проф. Вондракъ считаетъ ошибочнымъ (тамъ же 276). Онъ указываетъ, что при достигаельномъ наклоненіи наряду съ родительнымъ мы имѣемъ и винительный п., когда дѣйствіе распространяется на весь предметъ. Повторяя отчасти послѣднее и дальше (320-—321), Вондракъ въ то же время какъ-то связываетъ употребленіе родительнаго падежа съ достигаельнымъ наклоненіемъ; такъ онъ говоритъ, что постановка этого послѣдняго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можетъ указывать на первоначальность постановки здѣсь достигаельнаго вмѣсто употребленнаго неопредѣленнаго наклоненія.

§ 27. „Einen Laut hören“ ist klass. ἀκούειν φωνῆς, βοῆς usw.; im NT. aber kommt sowohl ἀκ. φωνῆς wie φωνῆν, bei Joh. ersteres im Sinne des Gehorchens (5²⁵, 28

10 3, 16 u. s.), letzteres von der Wahrnehmung (3 8, 5 37) „«Die Rede hören» ist auch klass. zweifelhafter Konstruktion; NT. meist im Acc. . . .“ (Blass, 105). Указанное различіе не наблюдается въ текстѣ славянскомъ. Такъ I. 5 25, 28 — оуслышатъ гласъ (то же 10 3, 16, 3 8; въ 5 37 предлож. отрицательное, поэтому — ни гласа . . .). Двойственность конструкціи замѣчается и въ слав.: слышатъ прѣмъдрости соломона. Мѡ. 12 42. Л. 11 31 (въ гр. *τῇ σοφίᾳ*); ѣко власвиимиꙗ рече Мѡ. 26 65 слышасте власвиимиꙗ Мр. 14 64. (въ греч. въ первомъ случаѣ винит., во втор. — родительный п.). Наряду съ послѣднимъ: слышала елисаветъ цѣлованье Л. 1 41 (и въ греч. вин. п.). Эта, съ одной стороны, двойственность конструкціи, съ другой — несовпаденіе падежей въ слав. и греческихъ текстахъ могутъ указывать на то, что славянскій переводчикъ использовалъ эту двойственность въ духѣ употребленія винительнаго и родительнаго падежей: для показанія извѣстной части, для показанія предмета, какъ бы несовѣмъ охваченнаго дѣйствіемъ глагола, онъ употребилъ родительный падежъ, для показанія предмета, какъ бы цѣликомъ охваченнаго дѣйствіемъ, — винительный падежъ.

§ 28. Вотъ нѣкоторые изъ примѣровъ винительнаго пад. для выраженія пространства и времени:

ї самъ отъстѣпи отъ нихъ ѣко връженіе камені Л. 22 41 — *ὡσεὶ λίθου βολήν*;

гребше же ѣко дѣвѣдцати и пѣтъ стадіи I. 6 19, не многы дѣни прѣбысть I. 2 12,

ї съпитъ ївъстаетъ ношть ї дѣнь Мр. 4 27. Под. Л. 2 37 — *νόχτα καὶ ἡμέραν*,

наряду съ этимъ имѣемъ такіе обороты:

бѣ же въ дѣне оучѣ въ цркѣве а ноштиꙗ . . . Л. 21 37 — *τὰς ἡμέρας* — *τὰς νόχτας*,

третіи дѣнь вѣстати Мѡ. 16 21. То же 20 19 (I. 3. дѣнь . . . въ Мар. Ев. въ трети) — *τῇ τρίτῃ ἡμέρᾳ*;

третій днь въскрѣснетъ. Мр. 10³⁴. Подоб. Мр. 8³¹. Л. 9²², 18³³, 24^{7, 46}, но Мр. 9³¹ въ —;

ї вынѣ дньї и ношть . . . бѣ Мр. 5⁵ — *νοχτὸς καὶ ἡμέρας*.

Обыкновенная же передача греч. *ἐν ἡμέραις, ἐν ἐσχέρῃ τῇ ἡμέρᾳ* . . . винит. падежомъ съ предлогомъ въ: въ ты дньи, въ тѣ днь, въ третій днь и пр.

У Вондрака мы находимъ: „Bei der ersten Art füllte die Handlung den Zeitbegriff aus: ꙗко бо бѣ іона въ чрѣвѣ китовѣ три дньи и три ношти *ὡσπερ γὰρ ἦν Ἰωνᾶς ἐν τῇ κοιλίᾳ τοῦ κήτους τρεῖς ἡμέρας καὶ τρεῖς νύκτας* Matth. 12. 40. Später wurde aber dadurch auch ein nicht näher bezeichneter Punkt innerhalb der Zeitgrenze angegeben: и оубиѣтъ и третій днь въстанетъ *καὶ ἀποκτενοῦσιν αὐτὸν καὶ τῇ τρίτῃ ἡμέρᾳ ἐγερθήσεται*. Matth. 17, 23“ (Gramm., 272).

Постоянное употребленіе предлога въ передъ винительнымъ падежомъ въ подобныхъ случаяхъ, опущеніе этого предлога въ большинствѣ случаевъ въ выраженіи: третій днь заставляетъ меня отрицательно отнестись къ предложенному Вондракомъ объясненію. Спрашивается, почему бы не проникнуть этому винительному падежу и въ такія выраженія: въскрѣснетъ въ послѣдній днь I. 24, въскрѣшѣ въ послѣдній днь I. 6^{40, 41, 44, 54} и пр. Нужно помнитъ, что пропускъ въ сильно могъ измѣнять въ данныхъ и приведенныхъ ранѣе выраженныхъ отгѣнокъ смысла. Что же могло вліять на пропускъ въ? Въ греческомъ текстѣ наряду съ *ἐν τῇ τρίτῃ ἡμέρᾳ* мы отмѣчаемъ *τῇ τρίτῃ ἡμέρᾳ*, на пропускъ могло оказывать также отмѣченное написаніе **ѣ** днь (изъ добавочн. части З. Ев.), т. е. можно предполагать о первоначальности написаній: въ **ѣ** днь. Могло, наконецъ, здѣсь обнаружиться нѣкоторое смѣшеніе. Во всякомъ же случаѣ для предложеннаго Вондракомъ перехода одного оборота въ другой слишкомъ мало данныхъ.

Кромѣ примѣровъ постановки въ передѣ днь, можно привести постановку эту безъ пропусковъ передъ другими словами въ случаѣ обозначенія такого же временнаго отѣнка, напр., возьмемъ многочисленныя примѣры, какъ въ тѣ часъ и пр. Особенно характеренъ въ данномъ случаѣ такой примѣръ:

придетъ ꙗко раба того въ днь въ нѣже не чаеть ꙗко въ часъ въ нѣже не вѣсть Мѡ. 24⁵⁰.

Наконецъ могли повліять на пропускъ въ подобные обороты: трети се днь имать дньсь . . . Л. 24²¹.

Мы видимъ въ слав. текстѣ вставку въ сравнительно съ текст. греческимъ:

ἐχθὲς ὥραν ἐβδόμην — вѣчера въ часъ седмы I. 4⁵².

Въ вечеръ же сѣботьныи свитаѣшти въ прѣ-
вѣж сѣботѣ Мѡ. 28¹

это предложеніе — очевидно непонятое переводчикомъ — представляетъ переводъ слѣдующаго мѣста: ὁψὲ σαββάτων τῇ ἐπιφωσκούσῃ εἰς μίαν σαββάτων. Какъ замѣчаетъ Блассъ, ὁψὲ σαββάτων здѣсь не „поздно въ субботу“, слѣдовательно не „въ вечеръ“, а „послѣ субботы“, и въ Мр. 16, въ текстѣ, одинаковомъ по содержанію, мы имѣемъ — „минѣвшѣи сѣботѣ“. Интересно, что переводчикъ, передавая форму τῇ ἐπιφωσκούσῃ, поставилъ также въ формѣ женскаго рода (въ греч. здѣсь подразумѣвать слѣдуетъ — ἡμέρα или ὥρα; въ слав. же днь, т. к. нуженъ былъ муж. р., какъ въ Остр. Ев.).

Вондракъ (272) говоритъ о винительномъ падежѣ *цѣли* или *направленія* послѣ глаголовъ движенія, при чемъ приводитъ 2 примѣра изъ Супрасльск. рук.: гради вѣнъ; приде христосъ небесьскымъ двѣри. Въ первомъ примѣрѣ вѣнъ уже нарѣчное слово, при чемъ его образованіе ясно указываетъ на предлогъ въ; во второмъ примѣрѣ несомнѣнно мы имѣемъ дѣло съ пропускомъ предлога въ.

Изъ примѣровъ:

испѣлни сѧ бракъ възлежащихъ Мѡ. 22¹⁰ —
ἐπλήσθη ὁ γ. ἀνακειμένων,

напѣльнь оцѣта Мѡ. 27⁴⁸, Мр. 15³⁶; Л. 12³, 6¹³
Испѣльни сѧ отъ — греч. ἐκ;

Л. 1¹⁵ дѣа сѣа испѣлнѣти сѧ и Л. 1⁴¹ испѣлни сѧ дѣомъ стѣѣмъ (то же Л. 1⁶⁷) мы видимъ, что вмѣсто греческаго родительнаго употребляется родительный и творительный; послѣдній подъ вліяніемъ, конечно, требованій слав. конструкции. Я бы обратилъ вниманіе на слѣдующее. Замѣченное отступленіе наблюдается въ томъ случаѣ, если дополненіе слѣдуетъ послѣ глагола; так. образомъ при стремленіи къ дословному переводу могло особенно сказаться отлічіе глагольнаго управленія, когда уже былъ переведенъ глаголь. Это отклоненіе мы замѣчаемъ также въ Л. 5²⁶ испѣлнѣши сѧ страхомъ (хотя въ другихъ случаяхъ остается и родит. пад. — ѣрости Л. 4²⁸, Л. 6¹¹). Эти наблюденія устраняютъ тѣ положенія относительно данныхъ родительнаго и творительнаго падежей, каковыя мы находимъ въ грамматикѣ др. ц. сл. яз. Вондрака. На стр. 276 Вондракъ говоритъ о родит. падежѣ послѣ глагола наполнити, какъ родительномъ вещества, массы, на стр. 300 о творительномъ, при чемъ это вещество является въ качествѣ орудія (276: „der Raum, den man füllt, steht im Acc., die Masse, von der man zum Füllen nimmt, im Gen.“; 300: Der Instr. bezeichnet hier die Masse, durch welche die Füllung vollzogen wird.“). Употребленіе родительнаго и творительнаго падежей въ славянскомъ текстѣ въ тождественныхъ примѣрахъ указываетъ, что нельзя здѣсь видѣть желанія дать различныя оттѣнки въ смыслѣ.

Въ примѣрахъ:

отъ кѣдоу можетъ кѣто симъ насытити хлѣба
Мр. 8⁴ — πόθεν τούτους δύνησεται τις ὡδε χορτίσαι ἄρτων.

Л. 15¹⁶ — насытити сѧ отъ рожьць — ἀπὸ τῶν κεράτων мы видимъ слѣдованіе греческому подлиннику.

Первый примѣръ приведенъ у Вондрака (276), и соответственно тому, что онъ говоритъ на 300 стр., можно было бы здѣсь ожидать творительнаго падежа.

§ 30. Употребленіе дательнаго падежа въ славянскомъ яз. въ смыслѣ дательнаго принадлежности зависитъ, конечно, оттого, что этотъ дательный еще относится къ глаголу, что не такъ тѣсно онъ сливается съ именемъ существительнымъ. Возьмемъ примѣры: бысть въ главѣ **ж**глж МѠ. 21⁴² (Мар. главѣ **ж**глж, гдѣ ж вм. оу; ср. Мр. 12¹⁰: свободно можно было бы сказать: бысть **ж**глоу въ главѣ);

въ въскрѣшеніе животоу... въ въскрѣшеніе сждоу I. 5²⁹ — *εἰς ἀνάστασιν ζωῆς*, — *κρίσεως*,

на пѣть **ж**зыкомъ не їдѣте МѠ. 10⁵ — *εἰς ὁδὸν ἐθνῶν*,

есмь двѣри овцамъ I. 10⁷ — *ἡ θύρα τῶν προβατῶν*.

Этотъ дательный вмѣсто греч. родительнаго (въ частности родит. принадлежности) выступаетъ такимъ образомъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы ожидали бы падежа съ предлогомъ.

Еще примѣры:

брата емоу МѠ. 4²¹,

плачь їскрьжѣть **ж**бомъ МѠ. 8¹²,

вмѣсто дат. падежа въ приведен. примѣрѣ: на пѣть **ж**зыкомъ не їдѣте МѠ. 10⁵ — въ Мар., Остром., Сав. кн. — **ж**зыкъ;

къ овцамъ погыбѣшимъ домоу їлева МѠ. 10⁶ — *οἰκοῦ Ἰσραήλ*,

ср. также МѠ. 10²⁴, 11¹⁸,

наряду съ їнѣ храма МѠ. 24⁴³ *οἰκοδομησέτης*, їнѣ храминѣ Л. 12³⁹, —

їна домоу МѠ. 10²⁵ — *τοῦ* Под. Мр. 14¹⁴, Л. 13²⁵, 14²¹ 22¹¹;

знаменіе їонѣ пророкоу МѠ. 26⁴.

Формы Мар. Ев. иона пророка являются, надо думать, остаткомъ болѣе первоначальнаго перевода.

Любопытнымъ соединеніемъ являются: въ своѣ си I. 19²⁷, въ своихъ ми Мѹ. 20¹⁵ (см. Vondr. Gr., 291; его же изд. Клоц. Сб. 38).

Въ греч. яз. мы имѣемъ такіе примѣры, въ сущности, какъ исключенія: *κατὰ τὸ εἰωθὸς αὐτῶ* (въ Мар. Ев. — по обычаю своему; въ Зогр. нѣтъ этого мѣста — Л. 4¹⁶); *τὸ ἐν πρεσβυτερίῳ τῷ κυρίῳ* (см. Winer Gramm., 7 изд. 867 г., 198). Винеръ отмѣчаетъ также: *ἡγόρασεν τὸν ἀγρόν . . . εἰς τὰς τρεῖς ξένοις* Мѹ. 27⁷.

Дательный принадлежности мы видимъ и въ греческомъ языкѣ въ зависимости отъ *εἶναι* или *ῥήγεσθαι*, въ славянскомъ то же дательный:

аште бждеть естероу · ѿ · овецъ Мѹ. 18¹²

ἐν ᾧ ῥένυται τινὲς ἀνθρώπων . . .

Вондракъ отмѣчаетъ, что „нерѣдко“ въ дательномъ пад. множ. и двойств. ч. при имени женскаго рода прилагательное ставится въ мужескомъ родѣ. Но немногочисленные примѣры, приводимые Вондракомъ главн. обр. изъ Супрасл. р. (266, 315), и правильное согласованіе въ еванг. текстахъ (у В. упоминается объ одномъ случаѣ въ Асс. Ев.) заставляютъ сказать скорѣе „рѣдко“, чѣмъ „нерѣдко“.

§ 31. Остановлюсь теперь на отдѣльныхъ случаяхъ конструкции и выдвину здѣсь главнымъ образомъ матеріалъ, имѣя въ виду лишь показать случаи несовпаденія и совпаденія съ греческимъ текстомъ:

бѣ бо лѣтома ї ѿ. Мр. 5⁴² — *ἦν ἐτῶν δώδεκα*;

ї тѣ бѣ їс · ѣко трѣми десяти лѣт. начинамъ Л. 3²³ — (*ἐτῶν τριάκοντα*);

дѣшти . . . бѣ . . . ѣко ї дѣвою на десяти лѣтоу Л. 8⁴² — (*ἐτῶν*);

ї егда бѣ ї лѣтѣ Л. 2⁴² — *ὅτε ἔγενετο ἐτῶν δώδεκα* соответственно греч. *ἀπὸ ἐτῶν δώδεκα* — жена . . . отъ дѣвою на десяти лѣтоу Л. 8⁴³;

соотвѣтственно греч. обороту съ глагол. ἔχω — бѣ же тоу етеръ чѣкъ ѣ і з лѣтъ имы I. 55.

Въ первыхъ двухъ примѣрахъ мы видимъ отступленіе отъ греческихъ выраженій. Можно было бы эти случаи, какъ и послѣдующій примѣръ, отнести къ предикативнымъ падежамъ (въ грамматикѣ Вондрака къ предикативному творительному отнесены только случаи позднѣйшаго развитія твор. изъ второго именительнаго; между тѣмъ и въ приведенныхъ примѣрахъ можно было бы строго грамматически видѣть предикативный падежъ, а не падежъ качества или свойства).

Коснѣ въ очи Мѹ. 9²⁹, тоже въ Мар., ἥψατο τῶν ὀφθαλμῶν αὐτοῦ,

[въ Савв.: коснѣ сѣ очию има,

въ Остр.: прикоснѣ сѣ очесоу има],

коснѣ и въ ꙗзыкъ Мр. 7³³,

коснѣ въ одръ Л. 7¹⁴ ἥψατο τῆς σφοῦ,

коснѣвъ оухо Л. 22⁵¹ (въ Мар.: въ —),

коснѣ сѣ въскрили Л. 8⁴⁴, да би сѣ ѿхъ коснѣлъ Л. 18¹⁵,

коснѣвы сѣ м'нѣ Л. 8^{45 bis},

прикоснѣ сѣ рѣцѣ еѣ Мѹ. 8¹⁵ ἥψατο τῆς χειρός αὐτῆς

„ ризѣ Мр. 5²⁸, мнѣ Мр. 5¹³¹, Л. 8⁴⁶,

прикасаеъ сѣ емъ Л. 7³⁹ ἅπτεται αὐτοῦ,

то же Л. 6¹⁹ Мр. 6⁵⁶, 3¹⁰, Л. 8⁴⁷,

прикасаеъ сѣ брѣменехъ Л. 11⁴⁶,

прикасаѣтъ бо сѣ ѿдеи самарѣнехъ I. 4⁹,

да тѣкмо прикоснѣтъ сѣ въскрили ризѣ его и елико сѣ прикоснѣшѣ емъ . . . Мѹ. 14³⁶,

прикоснѣ сѣ очию има Мѹ. 20³⁴,

„ ризѣ Мр. 5³⁰ (въ Маріин. ризахъ);

интересно чередованіе дат. и мѣстн. пад.: прикоснѣ сѣ мнѣ . . . прикоснѣ сѣ емъ Л. 8⁴⁷,

да не когда прѣтъкнеши камен. ногъ svoj
 Мѡ. 46, то же въ Сав., въ Остром: да непрѣтъкнеши...
 ногы твоѡ. Въ Дечан.: да не іегда прѣтъкнеши...
 ногы твоѡ. Въ Зогра. т. обр. мы видимъ дословную
 передачу греческой конструкціи, въ Дечанскомъ уже уклонъ
 къ конструкціи славянской; а чисто славянская конструк-
 ція находится въ Остр. Ев.

Прилежа емь Л. 10³⁴ — ἐπιεληθῆ αὐτοῦ Подобн-
 Л. 10³⁵,

ї о одежди чѣто сѧ печете Мѡ. 6²⁸ Под. Л. 10⁴¹,
 не п'цѣте сѧ оубо на оутрѣи Мѡ. 6³⁴ — εἰς τῇν
 αὐρίον,

чѣто въ прочихъ печете сѧ Л. 12²⁶ περὶ τῶν
 λογῶν; —

въ первомъ примѣрѣ прилежа, употребленное въ зна-
 ченіи „заботиться“, соединяется съ мѣстн. п. Въ данномъ
 случаѣ сохраняется такимъ образомъ конструкція, которая
 наблюдается и при гл. прилежати въ болѣе первоначаль-
 номъ его значеніи — „находиться рядомъ, подлѣ“. Такъ
 въ Жит. Сим. Ст. XIII в.: поусто мѣсто, іемь же
 прилежахоу вѡси многы (см. Матеріалы для слов. др.
 рус. яз. И. И. Срезневскаго, т. II в. IV, 1421). Кон-
 струкція этого глагола въ его разныхъ значеніяхъ различна
 (см. тамъ же).

Нападаахъ емь Мр. 3¹⁰ ἐπιπίπτειν αὐτῷ,

„ нань Л. 1¹² ἐπ' αὐτόν под. Л. 15²⁰,
 I. 13²⁵ (можетъ быть, первая конструкція объясняется
 ошибкою переписи: дальше идетъ прикоснѣти сѧ емь;
 общностью оригинала, гдѣ могла быть эта замѣна, объясня-
 лась бы и подобная форма въ Мар. Ев; впрочемъ, нужно
 обратить вниманіе и на разницу конструкцій въ прив. греч.
 текстахъ);

належашту емь народуу Л. 5, ἐπιχεῖσθαι αὐτῷ,
 належааше на неі I. 11³⁸ — ἐπ' αὐτῷ.

покааша сѧ проповѣдиѣ ѿниноѣ

Мѡ. 12⁴¹.

покааша сѧ въ проповѣдь ѿнинаѣ

Л. 11³².

μετενόησαν εἰς τὸ
κῆρυγμα.

единъ бѣ длѣжнѣ пѧтъѣ сотъ динарь · а другы
пѧтъѣ десѧтъ Л. 7⁴¹ — *ὁ εἰς ὥφειλε θηνάρια πενταχόσια;*

чѣкъ нечистомъ дѣомъ Мр. 1²³, 5² *ἄνθρωπος ἐν
πνεύματι ἀκοθάρτῳ;*

наѣмникъ оца моего ѿбываѣтъ хлѣби Л.
15¹⁷ — *περισσεύουσιν ἄρτων;*

не двѣ ли птици пѣназоу вѣните сѧ Мѡ. 10²⁹ —
ἀσσαρίου [Мар.: нассариин вѣнимѣ есте; Остр. ассариин
цѣнимѣ *πωλεῖται*],

не пѧтъ ли пѣтиць · вѣнить сѧ пѣназема дѣвѣма
Л. 12⁶ [Мар.: вѣнить сѧ пѣназема дѣвѣма; Остр.:
цѣнитьсѧ пѣназема дѣвѣма];

не родиши ни о комъже Мр. 12¹⁴ — *οὐ μέλει σοι
περὶ οὐδενός.* Подобн. Мѡ. 22¹⁶. Мр. 4³⁸;

и не брѣжетъ о овъцахъ I. 10¹³ — *οὐ μέλει αὐτῷ
περὶ τῶν προβάτων;*

нѣ ѣко о ништихъ печаше сѧ I. 12⁶ — *περὶ
τῶν πτωχῶν ἔμελεν αὐτῷ;*

блажнѣахъ сѧ о немъ Мѡ. 13⁵⁷. Под. Мѡ. 26^{31, 33}.
Мр. 6³, 14¹⁴ — *ἐσχανδαλίζοντο ἐν αὐτῷ;*

на нѣже благоѿзволи дѣша моѣ 12¹⁸ — *εἰς οὗ ἐνδύ-
κησεν ἡ ψυχὴ μου;*

власвимисаетъ на сѣтъѣ дѣхъ Мр. 3²⁹ въ греч. —
βλασφημεῖν въ дан. случ. съ *εἰς*;

дивлѣахъ сѧ народи о оучени его Мѡ. 7²⁸ —
ἐξεπλήσσοντο οἱ ὄχλοι ἐπὶ τῇ διδαχῇ αὐτοῦ. Ср. подобн. Л. 9⁴³.
Мѡ. 22³³. Мр. 11¹⁸. Л. 20²⁶;

несомнѣнно ошибочно отъ вѡ. о:

дивишѧ · отъ гланѣихъ отъ пастырѣ Л. 2¹⁸ —
ἑθαύμασαν περὶ τῶν λαληθέντων ὑπὸ ποιμένων;

не дивите сѣ сеѣмоу І. 5²⁸ — *μὴ θαυμάζετε τοῦτο*
(подоб. Л. 24¹²; — еѣмоу Мѣ 13⁵⁴);

диви сѣ за невѣръствие ихъ М. 6⁶;

милосръдова о нихъ Мѣ. 9³⁶. Под. Мѣ. 14¹⁴, 15³².

Мр. 9²² — *σπλαγχνισθεὶς ἐπ' αὐτοὺς...*

милосръдова ѿ Л. 7¹³ — *ἑσπλαγγνίσθη ἐπ' αὐτῇ,*

милосръдовавъ же ѿ раба того Мѣ. 18²⁷ —
σπλαγχνισθεὶς.... τοῦ δοῦλου ἑκεῖνου;

ѿтъ ѿ Мѣ. 14³¹ — *ἑπελάβετο αὐτοῦ;* Мѣ. 9²⁶ (въ
гр.: *κρατήσας*),

имъ за ржжж Мр. 8²² *ἑπιλαβόμενος τῆς χειρός;* —
Мѣ. 14³, *κρατήσας;* тоже Мр. 1³¹,

да ѿмжты въ словеси Л. 20²⁰ *ἑπιλάβονται αὐτοῦ*
λόγου,

ѿмъше симона Л. 23²⁶ — *Σίμωνος* (и — α);

въ другихъ новозавѣтныхъ текстахъ (въ Дѣянїяхъ)
мы имѣемъ: *ἑπιλαβόμενος αὐτὸν* и под. (см. *Bruder Con-*
cordantiae omnium vocum Novi Testamenti Graeci. Lipsiae 1842,
стр. 349);

ѿ плакаахж сѣ его... не плачите сѣ о мнѣ.
обае себе плачите сѣ ѿ чждъ вашихъ. Л. 23²⁸,

въ др. случ.: о съ твор, Л. 19⁴¹, съ род. п. Л. 9⁵²,
κλαίειν съ вин. или съ *ἐπὶ* и вин. п.

сждѣще обѣма на десѣте колѣнома Мѣ. 19²⁸,
Л. 22³⁰, под. І. 5²² — *κρίνοντες τὰς πόδας σου,*

что же ѿ о себѣ не сждите правды Л. 12⁵⁷,
осжждж тѣ Л. 19²²,

не сждите на лица. нѣ правдыны сждѣ сж-
дите І. 7²⁴,

милости хоштж. а не жрътвѣ Мѣ. 11⁷ — *ἐλεον*
θέλω καὶ οὐ θυσίαν,

ржгахж сѣ еѣмоу Мѣ. 9²⁴ — *κατεγέλων αὐτοῦ,* подобн.
Л. 8⁵³, 14²⁹, 22⁶³, Мѣ. 27²⁹, Мр. 5⁴⁰,

хвалѣ тебѣ въздаѣ Л. 18¹¹ *εὐχαριστῶ σοι*; то же I. 11⁴¹ (у Вондрака ошибочно отнесено употребленіе къ данному мѣсту благодарити, — Gramm. 270 — какового глагола здѣсь нѣтъ);

рече къ нему Мѡ. 3¹⁵ (то же М., Сав., Остр.) — *εἶπε πρὸς αὐτόν*,

речетъ братоу своему Мѡ. 5²²,

гл҃ѣ емоу Мѡ. 4⁶ (въ Сав. рече емоу, то же Остр. Ев., греч. — *λέγει αὐτῷ*);

то же Мѡ. 4^{9, 10};

гл҃ѣ има Мѡ. 4¹⁹ (то же въ Савв.);

его же рѣхъ I. 1¹⁵ — *ὃν εἶπον*,

о немъ же азъ рѣхъ I. 1³⁰ — *περὶ οὗ ἐγὼ εἶπον*,

въирашааше же часа отъ нихъ . въ которы соулѣ емоу бысть I. 4⁵² — *ἐπύθετο οὖν παρ' αὐτῶν τὴν ὥραν ἐν ᾗ κοιμήτερον ἔσχε* (въ Мар. вмѣстѣ часа — годинны; интересно: въ Остр. Ев. — въ кѣи часъ; въ Ассем.: въ кѣи годинѣ);

въпросити иі о гл҃ѣ семь Л. 9⁴⁵ (въ Мар. его) *ἔρωτῆσαι αὐτόν περὶ τοῦ ρήματος τούτου* — Под. I. 18¹⁹,

въпроси ѿ Мр. 8⁵ *ἐπηρώτα αὐτοῦς* — Под. Мр. 9¹⁹ и мног. др.

притѣчами гл҃ѣ Мѡ. 13^{3, 10, 13, 34}, Мр. 4^{33, 12 1},

въ притѣчахъ „ Мѡ. 22, Мр. 3, 23, 8¹⁰,

притѣчеѣ Л. 8⁴;

въ греч. глав. образомъ *ἐν παραβολαῖς*; Мр. 4, 33 *αὐταῖς παραβολαῖς*, Л. 8⁴ — *διὰ παραβολῆς*,

мѣняштеі сѣ власти ѿзыкы Мр. 10⁴² *δοχοῦντες ἄρχειν τῶν ἐθνῶν*,

владѣшту сѣриенѣ кѣринью Л. 2² — *ἡγεμονεύοντος τῆς Συρίας Κυρογίου*,

обладаѣште ими Л. 22²⁵ — *(κυριεύουσιν ἐθνῶν)*; —

въ древнихъ памятникахъ приведенный глаголѣ вообще

сочиняется съ творит. падежомъ (изрѣдка лишь и съ предлогомъ „надѣ“).

Съвлѣшѣ съ нѣго хламѣдѣ МѠ. 27³¹ — *ἔξέδουσιν αὐτὸν τὴν χλαμύδα;*

облѣшѣ і въ прапрѣдѣ Мр. 15¹⁷. Под. Л. 23¹¹ — *ἐνδύουσιν αὐτὸν πορφύραν;*

тѣ оударитѣ въ деснѣѣ ланитѣ МѠ. 5³⁹ — *ὅστις σε ραπίσει ἐπὶ...*

за ланитѣ оударишѣ МѠ. 26⁶⁸ — *οἱ δὲ ἐρράπισαν*

по мнѣ градѣ МѠ. 8²², 10, 9⁹ — *ἀχολούθει μοι.* Подоб. I. 1¹⁵, 27, 30⁴⁴, 10²⁷, 21²². Мр. 2⁴, 8³⁴. Л. 18²²,

градетѣ тебѣ МѠ. 21⁵ *ἔρχεται σοι* въ (Остр. Е. идеть къ тебѣ) градетѣ... въ слѣдѣ мене *ὀπίσω μου* МѠ. 4¹⁹, 10³⁴, 16²⁴. Л. 18⁴³,

аште кѣто градетѣ къ мнѣ Л. 14²⁶ — *ἔρχεται πρὸς αὐτόν...* Остром. идеть къ тебѣ. Подоб. I. 1⁴⁸, 6⁵ 27¹¹, 4³⁰. Л. 6⁴⁷, 12⁵⁸, 8⁴,

градетѣ въ їлмѣ I. 12¹²;

I. 6³⁵ градѣи по мнѣ, въ Мар., Остр. кѣ;

градѣшта нанѣ I. 18⁴. Л. 21²⁶.

§ 32. Изъ безсубъектныхъ оборотовъ отмѣчу слѣд.:

Онѣ же отѣвѣштавъ рече·пишетѣ·не о хлѣбѣ...

МѠ. 4⁴, въ Савв., Остр., Дечан. — писанѣ іестѣ — *ῥέγραπται;*

то же — МѠ. 4⁶, 7, 10;

отѣраднѣ бѣдетѣ МѠ. 10¹⁵, 11²², 24, довьлетѣ оученикоу МѠ. 10²⁵. I. 14⁸ (*ἀρχεῖ*);

добрѣ бо ти естѣ МѠ. 5³⁰;

сѣдѣтъ вамѣ, възмѣратѣ МѠ 7²; привѣсѣ къ нему о бѣсъны МѠ. 8¹⁶;

ни въжагаѣтъ свѣтильника и поставлѣѣтъ его МѠ. 5¹⁵ (то же въ О. Е.), въ Деч. Ев.: ни въжисѣ ѣи... поставлѣѣтъ;

еда объемлѣтъ отѣ трѣниѣ грозды МѠ. 7¹⁶;

всѣко дрѣво... посѣкаѣтъ Мѡ. 7¹⁹ — πάν δένδρον
ἐκχρόπτεται;

речено бысть Мѡ. 5^{21, 27, 31} и др.

Своеобразный безсубъектный оборотъ:

трети се днь ѿмать дньсь Л. 24²¹ — τρίτην
ταύτην ἡμέραν ἄρει.

Отмѣчу употребленіе въ■ въ качествѣ предлога:

благодѣтъ въз благодѣтъ І. 1¹⁶ — ἀντὶ χάριτος
(то же Мар., Остр. Ев.).

Отиди Мѡ. IV¹⁰. Ак. Ягичъ, отмѣчая данную ф.
въ З. и Асс. Ев. и паралл. оборотъ въ др. текстахъ иди
за ма, говорить, что отиди употреблено безъ добав. за
ма. Отсутствіе же такого дополненія естественно, т. к.
выраженіями отиди и иди за ма стремились выразить
близкія представленія.

§ 33. Мнѣ кажется, что въ др. ц. слав. текстахъ
можно подмѣтить, какъ греческіе болѣе, гипотактические
обороты передаются менѣе гипотактическими. Въ данномъ
случаѣ характерной является передача подобныхъ грече-
скихъ оборотовъ въ Свят. Изб. 1073 г. въ заголовкахъ, какъ:

Ιουστίνου φιλοσόφου καὶ μάρ- Иоустина философа о
τυρος ἐκ τοῦ περὶ τῆς ὀρθῆς томъ, іеже о правѣи
πίστεως вѣрѣ.

Въ другихъ случаяхъ почти постоянно подобныя вы-
раженія, какъ ἐκ τοῦ, τῶν... передаются отъ того,
іеже... или:

Μαξίμου, ἐκ τοῦ περὶ πῶς ὅτ' отъ того, како въселисм
ἐνώχησεν ὁ θεὸς λόγος... слово...

Стремленіе быть близкимъ къ подлиннику не давало
въ то же время возможности передать въ точности по
формѣ подобные обороты.

Признавая въ данныхъ оборотахъ рѣчь менѣе гипо-
тактичной, чѣмъ въ греческомъ языкѣ, я въ то же время
думаю, что правильнѣе было въ подобныхъ случаяхъ не

ставить запятой передъ іеже: для тогдашняго строя рѣчи это іеже не можетъ быть поставлено въ одинъ рядъ съ нашими „которое“, „чтобы“ начинающими придаточное предложеніе. Если мы возьмемъ такія фразы:

<i>Ὅτι δὲ ψυχῆς νόσημά ἐστι τὸ</i>	А	іако	же	дшѣнны	не-
<i>κακῶς καὶ περιέρχως ζητεῖν</i>		дѣгъ	ѣсть,	еже	зѣлѣ
<i>περὶ θεοῦ, καὶ μάλιστα μετὰ</i>		и	облишиемъ	пытати	
<i>ἀπιστίας, πᾶσι φανερόν.</i>		о	ѣзѣ,	паче	же
			безвѣ-		
			риемъ,	всѣмъ	е
			іавѣ,		

то въ данномъ случаѣ слова послѣ еже тѣснѣе примыкаютъ къ предыдущему, чѣмъ, напр., у насъ, если мы поставимъ: **чтобы** . . .

Въ то же время замѣчается и постепенный процессъ бѣльшаго отдѣленія фразы, начинающейся съ іеже, при передачѣ греческ. τὸ, τὰ и пр. Это можно наблюдать въ слѣдующемъ мѣстѣ:

<i>εἰ γὰρ αὐτῷ τῷ παναγίῳ θεῷ τὰ</i>	ели	бо	самому	томуу
<i>περὶ αὐτοῦ ἀπιστοῦσι, πῶς</i>		прѣсѣтоуоумоу	боу	еже
<i>τῶν προφητῶν αὐτοῦ ἢ ἀπο-</i>		о	немъ,	не
<i>στόλων ἀκούσωσι . . .</i>		то	како	хотѣ
			хотѣ	пророкъ
			или	аплѣ
				послоушати.

Что слав. оборотъ іеже съ неопр. наклоненіемъ при передачѣ греческ. τὸ съ неопр. наклон. не можетъ считаться выдѣлившимся придаточнымъ предложеніемъ, указываютъ такіе примѣры:

аште ли бечиньно іе о	<i>εἰ δὲ ἄποπον ἐπὶ θεοῦ τὸ</i>
ѣзѣ тако въпрашати,	<i>τοιούτου ἐπερωτᾶν, ἁποπώ-</i>
то бечиньнѣе бѣде,	<i>τερον ἂν εἴη τὸ μὴ πιστεῦειν</i>
іежене вѣровати прѣмь.	

Стоитъ сравнить первое и второе предложенія, чтобы увидѣть, что роль неопредѣленнаго наклоненія должна была бы быть одинаковой.

Оглавленіе.

I. Синтаксисъ славянскихъ языковъ въ трудахъ Миклошича, Ягича и Вондрака	3—79
II. Изученіе синтаксиса въ русской научной и педагогической литературѣ со времени появленія трудовъ А. А. Потебни	80—215
III. Итоги изслѣдованія	216—255
IV. Приложение	256—338

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

выходятъ съ 1893 г. въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученыя Записки распадаются на два отдѣла: офиціальный и научный.

Въ офиціальномъ отдѣлѣ помѣщается годовой отчетъ Университета, актовыя рѣчи, отзывы о диссертацияхъ, обзорѣ лекцій и т. п.

Въ научномъ отдѣлѣ помѣщаются работы преподавателей Университета; изъ студенческихъ же работъ печатаются (по возможности въ извлеченіи) лишь сочиненія, удостоенныя золотой медали.

Научныя статьи **Ученыхъ Записокъ** печатаются какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на одномъ изъ болѣе распространенныхъ западно-европейскихъ языковъ, а также на латинскомъ, по выбору автора.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Подписная цѣна 6 руб. въ годъ.

Редакторъ **Д. Кудрявскій.**

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА СОБРАНИЕ
НЕИЗДАННЫХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ**

Л. Н. ТОЛСТОГО.

**ИЗДАНИЕ
АЛЕКСАНДРЫ ЛЬВОВНЫ ТОЛСТОЙ.**

Слѣдующія указанія, даннымъ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ, дочь его, Александра Львовна, предприняла издание оставшихся послѣ него, еще не бывшихъ въ печати, его художественныхъ произведеній.

Чистый доходъ съ этого изданія
будетъ употребленъ издательницей
согласно воли Льва Николаевича.

Въ это изданіе войдутъ слѣдующіе повѣсти, рассказы, драмы, и неоконченныя произведенія:

Хаджи-Муратъ.

Отецъ Сергій.

Дьяволъ.

Фальшивый купонъ.

Послѣ бала.

Что я видѣлъ во снѣ?

Алеша Горшокъ.

Живой трупъ.

Ходынка.

Отъ ней всѣ качества.

Записки сумасшедшаго.

Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ.

Кто убійца?

Записки Ѳедора Кузьмича.

Вступленіе къ исторіи матери.

Дѣтская мудрость.

Отецъ Василій и нѣкоторыя другія произведенія.

Изданіе это выйдетъ въ свѣтъ по подпискѣ, въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, и будетъ состоять изъ трехъ изящныхъ томовъ большого формата, на лучшей бумагѣ, съ портретами и автографами **Л. Н. Толстого**. — I томъ выйдетъ 7 ноября 1911 г.;

II — 2 декабря 1911 г. и III — 5 января 1912 г.

Цѣна за три тома ШЕСТЬ руб. Съ пересылкой 6 р. 50 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 руб. и при полученіи I тома — остальные 3 руб. — **Подписка принимается:** Москва, Кузнецкій мостъ, д. кн. Гагарина, кв. 5, контора изданій А. Л. Толстой, — и во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ.